

Вера Ивановна Крыжановская.

ДВА СФИНКСА.

Часть I. ЛЮБОВЬ ПРИНЦЕССЫ.

Глава I.

В одном из кварталов Мемфиса, вдали от густонаселенного центра древней столицы, стоял красивый дом, окруженный большим садом. Дом этот был возведен на самом берегу Нила, на искусственном холме, откуда открывался чудный вид на противоположный берег и на пестревшую судами реку. С террасы, обнесенной балюстрадой, виднелась царившая над городом «Белая крепость», – храмы, дворцы и обелиски которой отливали золотом и пурпуром под лучами заходящего солнца.

За домом, примыкая к саду, тянулся большой, обсаженный пальмами и смоковницами двор, служивший, очевидно, мастерской скульптору, так как по нему разбросаны были глыбы гранита, глины, базальта, виднелись разбитые статуи, а под навесом, у стены, стояли уже законченные произведения. Посреди двора, на высоких пьедесталах из черного базальта, возлежали два сфинкса, а перед ними, на складном табурете, сидел творец их художник, очевидно, только что закончивший свою работу.

Это был молодой ещё человек, лет под тридцать, чисто египетского типа, высокий, худощавый, стройный. Бронзового цвета лицо его, с большими черными, бархатистыми глазами, тонкими правильными чертами и густыми, почти сросшимися бровями – дышало энергией; маленький, красиво очерченный рот, с едва опущенными уголками, придавал ему горделивое

выражение, а широкие подвижные ноздри слегка сгорбленного носа указывали на пылкие страсти.

В эту минуту он мечтал, и взор его терялся в пространстве. По застывшей позе его самого легко можно было принять за прекрасную статую молодого бога, вышедшую из-под его же резца.

Наконец, скульптор встал и с восхищением взглянул на стоявших перед ним сфинксов. Чудной работы, они поражали необыкновенным богатством отделки: главы их были покрыты белыми, эмалированными полосатыми клафтами – голубое с золотом у одного и зеленое с золотом у другого, а лбы украшали цветы лотоса – голубой и розовый. Лепестки были так нежны и так хорошо сработаны, а золотые пестики так тонки и гибки, что цветы можно было бы легко принять за живые.

Лицо одного из сфинксов изображало самого художника, лицо же другого – женщину, редкой красоты. Губы статуй были слегка окрашены, а вместо глаз вставлены у одного сапфиры, а у другого изумруды. Блеск камней и их прозрачность придавали каменным изваяниям необычайную жизненность, что-то демоническое. Каким образом гранит был эмалирован и как к полосатым клафтам были прикреплены цветы лотоса – все это составляло секрет художника, с улыбкой гордого самодовольства любовавшегося своим творением.

Но, несмотря на все совершенство, каким отличалась работа этих двух сфинксов, древний египтянин нашел бы многое, что сказать против них: несколько веков назад такое исполнение их, вместо похвалы, стоило бы художнику сурового наказания.

Искусство в Египте было подчинено неизменным, признанным священным правилам, от которых нельзя было отступать, не навлекая на себя обвинения в кощунстве. Поза, размеры членов и орнаментовка – все было точно предусмотрено и обусловлено.

Между тем, в обоих сфинксах все эти священные правила были значительно смягчены, и в грациозной непринужденности позы и в орнаментах чувствовалось что-то иное, словно пробивалась свежая струя нового, могучего и свободного искусства, далекого от устаревших, застывших в своей неподвижности «священных» образцов.

Но в то время, к которому относится наш рассказ, художник мог уже безбоязненно позволять себе подобные вольности. Яхмос II (Амасис Геродота) царствовал тогда в Египте; друг греков, ставший и сам греком, насколько, однако, это было возможным для фараона, он покровительствовал иноземцам и поощрял их искусство и промышленность, горячо желая, чтобы юный, полный жизни гений Эллады, через греческих поселенцев, воздействовал на величавую, но дряхлеющую цивилизацию Египта и влил в неё новую жизнь.

Сам фараон был женат на гречанке, по имени Ладикэ, и благосклонность, оказываемая им поселениям ионийцев и икарийцев, населивших при Псамметихе I Пелузийский рукав Нила, привлекала все новых и новых эмигрантов. Число их возросло до такой степени, что несколько лет тому назад Яхмос II переселил около двухсот тысяч их в Мемфис и его окрестности, несмотря на едва сдерживаемое неудовольствие своих египетских подданных. Понятно, почему при подобных условиях скульптор мог смело вдохновляться греческими образцами, не боясь, что поборники старины осмелятся его преследовать за это.

Было уже в обычае отдавать детей туземцев к колонистам для изучения греческого языка, искусств и ремесел. Благодаря этому, Рамери, – так звали молодого художника, – провел несколько лет в мастерской дорийского скульптора, где и проникся новым духом искусства, что, впрочем, не мешало ему и душой и телом оставаться египтянином-фанатиком, поклонником древней религии отцов и, в глубине сердца, питать даже ненависть к иноземцам, которых он считал врагами и язвой страны.

Но в данную минуту Рамери не думал ни о политике, ни об искусстве. Творением своим он был доволен вполне, и совсем иная забота занимала его. Он ловко вспрыгнул на высокий и широкий базальтовый цоколь, поддерживавший сфинкса с женской головой, и нажал чашечку лотоса. Послышался сухой звук пружины и, затем, сфинкс медленно сдвинулся со своего места, открыв широкое отверстие, выбитое в основании, оказавшееся совершенно пустым.

В этом ящике, имевшем форму саркофага, лежали толстая подстилка, вышитая подушка и кусок шелковой ткани, могущей служить покрывалом.

Посмотрев с минуту на это странное ложе, Рамери надавил затем пестик лотоса и сфинкс бесшумно повернулся на скрытых шарнирах и герметически закрыл собою саркофаг.

Рамери нервно провел рукой по своим густым, коротким кудрям, обрамлявшим его лоб и, подойдя к столу, залпом выпил кубок вина. Затем, прикрыв от пыли обоих сфинксов холстом, он ушел в дом.

Придя в свою комнату, художник металлическим молотком три раза ударил в бронзовый диск, висевший у его ложа, и

тотчас же в приотворенную дверь комнаты просунулась курчава́я голова эфиопа.

– Прикажи Тоту и Псару снарядить мою лодку, а затем приготовь мне одеться! – приказал Рамери.

Художник кончал умываться, когда вернулся эфиоп. Он подал ему тонкую, белоснежную полотняную одежду, ожерелье из амулетов и скарабеев из лазурита и карнеола и пояс, за который тот заткнул кинжал с чеканной золотой рукояткой.

Покончив с этим, Рамери надел на голову клафт, закутался в темный плащ и вышел из дома.

– Если кто будет меня спрашивать, ты скажешь, что я ушел, и ты не знаешь, когда я вернусь, – сказал он провожавшему его рабу, который скрестил руки на груди и поклонился в знак послушания.

С террасы, прямо к Нилу, вела каменная лестница, у подножия которой дожидалась лодка с двумя гребцами.

Рамери сел и лодка, широко размахивая веслами, как птица крыльями, понеслась по спокойной глади реки вдаль от города.

Последние лучи заходящего солнца заливали ещё пурпуром вершины Ливийских гор, но и этот свет уже гас; не знающая наших длинных, скучных сумерек южная ночь быстро надвигалась.

Стояла уже полная тьма, когда, по приказанию художника, лодка причалила. Выскочив на берег и приказав рабам ожидать, Рамери уверенно, очевидно хорошо знакомый с местностью, взбежал вверх по крутому берегу и дойдя до стены, пошел вдоль нее.

Внутри обширной, четырехугольной ограды, казалось, был сад, так как кроме деревьев ничего не было видно. Уединенность места и царившая глубокая тишина навевали грусть. Но Рамери, по-видимому, вовсе не испытывал этого чувства; он смело шагал, подбрасывая в руке ключ, который вынул из-за пояса.

Перед маленькой, закрытой кустарником калиткой Рамери остановился, отпер её и переступив порог, снова тщательно запер её за собой.

Под густыми смоковницами, куда он вступил, вовсе ничего не было видно, но он также уверенно продолжал свой путь, миновал вторую стену, разделявшую сад на две половины и, по усыпанным песком и обрамленным цветами аллеям, направился к видневшемуся вдали сквозь листву дому, нижний этаж которого был освещен.

Это было большое двухэтажное здание с высокой астрономической башней. Быстро взбежав на маленькую террасу, Рамери постучал в дверь.

– Войди! – отозвался звучный голос.

Рамери толкнул дверь, отбросил тяжелую, шерстяную завесу и очутился в длинной зале, ярко освещенной лампами с душистым маслом, свешивавшимися с потолка, или стоявшими на подставках.

Обстановка комнаты указывала, что здесь живет ученый: всюду виднелись таблички и свитки папируса; на столах стояли какие-то странные, неизвестные инструменты, а на полках, тянувшихся по стенам, была выстроена целая масса склянок и сосудов всевозможных видов и величин, лежали связки сушеных трав, мешки с разными порошками, да стояли кубки и раскрашенные ящички.

В глубине залы видна была витая лестница, которая вела на башню, а посредине, у большого рабочего стола, сидел сам хозяин дома, склонясь над древним свитком папируса, который он разбирал с видимым интересом.

То был высокий и худой человек. На вид ему так же легко можно было дать лет тридцать, как и пятьдесят, – до такой степени вся его фигура дышала смесью спокойствия зрелого возраста с подвижностью и пылкостью юности.

Его лицо с правильными чертами отливало желтизной старой слоновой кости; взгляд больших зеленоватых глаз горел твердой, непоколебимой волей. Орлиный нос и рот, с тонкими бледными губами, придавали ему суровое, почти жесткое выражение.

– Добро пожаловать, Рамери! – сказал он, протягивая руку художнику, который низко поклонился ему.

Затем, указав на стул, он прибавил:

– Садись и подожди минутку: мне нужно дочитать этот магический текст.

Рамери молча сел. С едва сдерживаемым нетерпением смотрел он на мага, одетого в длинную, полотняную, ослепительной белизны одежду; голову его покрывал белого же цвета клафт, украшенный блестящим изображением луны.

Аменхотеп славился в Мемфисе своими необычайными познаниями и могуществом. Ни прошедшее, ни будущее не имели от него тайн. Духи и силы природы повиновались ему, превращая, по его капризу, камни в слитки золота, а уголь – в драгоценные камни. Талисманы и любовные напитки его сгибали и покоряли самые строптивые натуры. Птицы разносили его веления всюду, куда только ему угодно было послать их.

Окончив чтение, Аменхотеп свернул папирус и положил его на полку. Затем, придвинув к себе шкатулку слоновой кости, сказал:

– Я сдержал свое обещание! Смотри! Здесь, в этой шкатулке, находятся эликсиры, которые помогут тебе и царевне осуществить ваши желания.

Аменхотеп открыл крышку и показал Рамери два флакона с золотыми пробками и тоненький свиток папируса, покрытый письменами.

– Видишь флакон? В нем словно жидкое золото; вещество это дает жизнь. В другом – эликсир, ниспосылающий сон, столь похожий на смерть, и о котором я уже говорил тебе.

– Необъятна область тайн природы, которых не постиг ещё ум человеческий, – пробормотал Рамери, жадно наклонившись над шкатулкой. – Но скажи, как надо употреблять эти вещества и как долго длится их действие?

– Вот два куска полотна. Достаточно смочить их сонным зельем и положить на лицо; по мере вдыхания, человек падает в сон, подобный смерти, и будет спать хоть целые века, пока не вольют ему в рот теплого вина с тремя каплями вот этой золотой жидкости. Тогда спящий или спящая пробуждаются, – повторяю, будь то хоть через тысячу лет, – такими же свежими, как после обыкновенного ночного сна. Итак, если царевне во время брачного пира удастся ускользнуть, вы спокойно можете ложиться в саркофаги сфинксов. Она избежит от ненавистного брака, и оба вы, в полной безопасности от всех поисков, можете спокойно ожидать минуты вашего пробуждения. Я сам буду охранять вас.

– Благодарю тебя, мудрый Аменхотеп, за доброту твою ко мне! Без малейшего колебания отдаю в твои руки, как свою жизнь, так и жизнь любимой женщины.

– Ты смело можешь положиться на меня! Как верный друг, я буду охранять ваших сфинксов. Через несколько лет, надеюсь, можно будет извлечь вас из саркофагов и устроить вам спокойную и счастливую жизнь, препятствия, ныне разделяющие вас – исчезнут! Надвигаются великие события, и большое несчастье обрушится на землю Кеми. Дерзкая нога чужеземца-завоевателя станет попирать нашу священную землю. Разграбленная, поработенная страна будет свидетельницей гибели лучших сынов своих. Яхмос почиет в Осирисе; Псамметих, исчадье Тифона, отмеченный самими богами, погибнет позорной смертью, а вместе с ним, в вихре событий, исчезнет и царевич – твой соперник. Когда все хоть несколько поуспокоится, ты и Нуита можете вернуться к жизни.

– Аменхотеп! Если тебе все это известно, отчего ты не предупредишь фараона? – перебил бледный и взволнованный Рамери. – Может быть, вовремя принятые меры предупредят беду.

– Где и когда видел ты, чтобы слава или воля человеческая смогли остановить события, предуготовленные бессмертными? – спокойно ответил Аменхотеп. – Верь мне, блюди свою собственную судьбу, а народам предоставь следовать по пути, начертанному им Незыблемою Волею. А теперь идем! Отужинай со мной и подкрепись кубком доброго вина. Тебе нужно беречь свои силы. Я раскрыл перед тобою завесу грядущего вовсе не для того, чтобы обескуражить или взволновать тебя.

– Я не могу быть слабым, раз ты мне покровительствуешь! Дозволь ещё один вопрос: можешь ты вместе со мной прийти в пирамиду?

– Царевич и меня позвал на свадьбу, следовательно, мне будет легко, в толпе, следить за тем, когда исчезнет царевна. Тогда я сумею ускользнуть и сделать все, что нужно.

Тут оба собеседника встали и вышли из рабочей палаты мага. Когда шум шагов затих, завеса в глубине залы тихо раздвинулась и появилась женская головка. Окинув быстрым взглядом комнату и убедившись, что она пуста, женщина, как тень, скользнула к рабочему столу Аменхотепа.

Удивительное создание была эта женщина, почти ещё ребенок. Стройная, нежная, воздушная, её можно было скорее принять за чудное видение, чем за живое существо воплоти. Туника из прозрачной ткани едва прикрывала совершенство её нежных форм. Распущенные, белокурые, с рыжеватым отливом волосы её спускались ниже колен, и эта львиная грива придавала чарующую прелесть её маленькому, матовой белизны личику, красивому и правильному, как камей. Большие синие, как сапфир, глаза, обрамленные длинными, черными ресницами, блестели, а маленький алый ротик выражал энергию.

В эту минуту нахмуренные брови и крепко сжатые губы указывали, что она была чем-то сильно озабочена. Окинув испытующим взглядом рабочий стол, она скользнула к сундуку, стоявшему у стены и наполненному разными пустыми пузырьками, и выбрала два самых маленьких флакона разной формы. Вернувшись к столу, она пододвинула шкатулку слоновой кости и отлила в принесенные пузырьки часть содержимого флаконов, которые маг дал Рамери. Затем, так же легко и быстро, как и пришла, она исчезла за завесою, скры-

вавшею глубокую нишу. Там стояли ложе, стол и табурет; маленькая узкая дверь в правой стороне ниши вела в смежную комнату.

Тщательно спрятав в пояс оба пузырька, молодая девушка бросилась на ложе и, зарывшись головой в подушки, отдалась своим думам.

Это странное и очаровательное создание носило имя Эриксо, и по происхождению была гречанка. Во время одной из схваток, столь частых между египтянами и ненавистными им чужеземцами-колонистами, был убит отец Эриксо, матери она лишилась уже давно. Убогая старушка-родственница, присматривавшая за ней, не осмелилась протестовать, когда один из победителей увел девочку и затем продал её в рабство. Эриксо было тогда шесть лет. Девочку купил Аменхотеп и убедившись скоро, что в этом маленьком, нежном существе таятся великие таинственные силы, стал производить над ней опыты, блестящие результаты которых превзошли все его ожидания.

Погруженная в «священный» сон, освобождающий душу человеческую из оков тела и возвращающий ей все её чудесные способности, Эриксо читала в прошедшем и будущем, как в раскрытой книге. Для мага она сделалась неоценимым орудием, а с течением времени, мало-помалу, покорила и сердце Аменхотепа.

Он любил ее, но это запоздалое чувство как-то странно двоилось. Как маг, он чтит в ней девственницу-прорицательницу, исключительное, по своим оккультическим способностям существо; как мужчина, он питал к ней пылкую, ревнивую страсть, которая была тем острее, что никогда не была удовлетворена.

Из посетителей никто и никогда не видел Эриксо, а немногочисленные служители, если и видели ее, то не смели о ней упоминать. Одинок, затворницей жила молодая девушка в обществе своего господина и старухи-служанки, занимаясь чтением, так как Аменхотепа забавляло посвящать её в таинство науки, забавляло наряжать её в роскошные ткани и украшать драгоценными камнями. Он позволял ей даже слушать свои разговоры с друзьями, но она должна была сидеть в нише, за толстой завесой скрывавшей её от любопытных глаз.

Таким-то образом Эриксо и видела Рамери, бывшего частым гостем мага, и страстно влюбилась в красивого скульптора, который не подозревал даже её существования. Со своего наблюдательного поста она узнала историю любви Рамери и царевны Нуиты и о смелом проекте мага соединить влюбленных.

Аменхотепа Эриксо никогда не любила, но боялась, сознавая его тайную власть над собой; но теперь она его ненавидела.

Ревность пробудила в ней новые чувства и неожиданную энергию.

Много пришлось ей перестрадать за последние месяцы, пока, почти на её же глазах, завязалась любовь молодых людей.

Здесь нам необходимо вернуться несколько назад, чтобы выяснить взаимные отношения действующих лиц.

Дружба Аменхотепа к Рамери шла издавна. Отец скульптора спас некогда мага, на жизнь которого покушался какой-то ревнивый муж, подозревая, что тот волшебным зельем отвратил от него сердце жены.

Аменхотеп приютил своего спасителя, дал образование его сыну, Рамери, и продолжал покровительствовать юноше, помогая ему сделать блестящую карьеру, так как знаменитый маг был крупной величиной в Мемфисе. Его состояние считалось колоссальным, а простая и скромная жизнь, какую он вел в своем уединенном доме, приписывалась исключительно его чудачеству.

Царевна Нуита была родственницей царя Уахибри (Априя), предшественника Амасиса. Желая соединить свою семью с древней династией, фараон обручил Нуиту с одним из своих двоюродных братьев, царевичем Пуармой, который страстно влюбился в свою прекрасную и знатную невесту. Хотя молодая девушка и была равнодушна к царевичу, но, тем не менее, дала свое согласие на брак.

Случай изменил всё.

Нуита серьезно заболела и жизнь её висела на волоске, когда Аменхотепу, призванному по приказанию фараона, удалось спасти ее.

Окончательно поправившись, царевна лично явилась благодарить мага в его жилище, где и встретила с Рамери. С первого же взгляда она полюбила его и искала случая видаться с ним. С этой целью молодого скульптора позвали во дворец и заказали сначала бюст Нуиты, а потом – одного из её умерших братьев. Затем влюбленные уже с большею свободой, стали видаться у Аменхотепа, где и обменялись клятвами.

Понятно, что с сердцем, полным другим, брак с Пуармой стал ненавистен царевне и на одном из свиданий она призналась, что предпочитает смерть этому браку. Рамери, заручившийся

уже обещанием Аменхотепа все устроить к их благополучию, успокоил царевну, но не посвятил ее, однако, в свою тайну.

В таком положении было дело в тот самый день, когда начинается наш рассказ и когда Эриксо узнала план, придуманный магом для своего любимца.

Погруженная в свои думы, молодая девушка даже не заметила, как кто-то проскользнул в нишу и присел в ногах ложа. Это был необыкновенно уродливый карлик, ростом с двухлетнего ребенка. В доме с ним обращались как с животным, и он вечно служил предметом издевательств. Несчастный нашел себе покровительницу в лице Эриксо, мало-помалу привязался и питал к ней чисто собачью преданность. Эриксо знала, что карлик слепо ей предан: Аменхотеп же вполне равнодушно относился к дружбе, существовавшей между очаровательной молодой девушкой и чудовищным уродом. И вот, в груди этого безобразного и несчастного существа забилося человеческое сердце и запылало, подобно Аменхотепу, пылкой страстью к его прекрасной покровительнице.

Прикосновение пылающих губ к маленькой, обнаженной ножке оторвало молодую девушку от её дум. Она вздрогнула и выпрямилась. При виде карлика глаза её вспыхнули удовольствием.

– Это ты, Бизу? Как ты, кстати, пришел! – сказала она.

Затем, наклонившись к нему, она что-то долго шептала на ухо, не замечая удивления, ревности, волнения и целого хаоса разнообразных чувств, которые последовательно отражались на худом и морщинистом лице уroda.

Приближающиеся шаги заставили Эриксо умолкнуть. Она боязливо прижала к себе Бизу.

Рамери, в сопровождении мага, пришел за шкатулкой.

Расспросив о некоторых подробностях, скульптор простился и ушел, а Эриксо и Бизу, как тени, выскользнули из ниши и разошлись по своим комнатам. Аменхотеп же сел и принялся за работу, продолжавшуюся обычно до рассвета.

На следующий день, едва взошло солнце, Рамери деятельно стал готовиться к перевозке сфинксов во дворец Пуармы. Страшно утомленный, обливаясь потом, он прилег отдохнуть только когда наконец два колосса, при громких криках рабочих, были установлены на барки, которые должны были доставить их во дворец царевича, сады которого так же примыкали к самому Нилу.

Отдохнув немного и надев свежие одежды, Рамери приказал запрячь колесницу и отправился во дворец царевича.

Пуарма, красивый молодой человек, на несколько лет моложе Рамери, любезно и сердечно принял скульптора. Оба они обучались в одной и той же греческой школе и, несмотря на разницу кастового положения, остались друзьями.

Молодой царевич сиял, поглощенный приготовлениями дворца к приему молодой жены. Считая, что любим взаимно, Пуарма терялся в изысканиях украшений для жилища обожаемой Нуиты.

Сияя радостью, он повел Рамери показывать новое убранство – вазы, ковры, драгоценные вещи, предназначенные для его будущей супруги. Узнав же о прибытии заказанных им сфинксов, он, вместе со скульптором, отправился на место выгрузки.

Когда колоссы были установлены на полозья, Рамери приказал снять с них покрывала. Солнечные лучи волшебным обра-

грали на золоте и эмалевых инкрустациях, а изумрудные и сапфировые глаза вспыхнули огнем.

Царевич, онемевший от восторга и удивления, наконец, вскрикнул:

– Рамери! Да какое же совершенство создал ты вместо обыкновенных сфинксов, какие я тебе заказывал! У меня не хватит средств достойно вознаградить тебя! Ведь ты даришь мне целое состояние.

– Только немного труда, который, при этом, я выполнил с радостью и который прошу принять на память ко дню твоей свадьбы, – с поклоном ответил Рамери. – Может быть, ты предпочтешь поставить сфинксов в саду у террасы, которая ведет из апартаментов твоей будущей супруги, а не в задуманном тобою месте, столь тяжелом по своим воспоминаниям.

– В уме ли ты, Рамери? Как можно подвергать влиянию воздуха такую драгоценность? Нет и нет! Я поставлю их, как было уже решено, в пирамиде. Я вижу, что ты придал лицам сфинксов черты Нуиты и свои. Значит, любовь и дружба будут на страже самых дорогих мне воспоминаний.

Пуарма благодарно пожал руку скульптору, не замечая странного выражения, которое, как тень, мелькнуло по лицу Рамери.

Скоро они достигли пирамиды. Высокая, солидно сложенная из обожженного кирпича, пирамида эта стояла на краю сада, близ Нила, и была окружена рощицей из пальм и смоковниц. Внутри ее, по нишам, стояли изображения предков царевича и диваны; в центре, на возвышении, стояли статуи его отца и матери, в натуральную величину, а между ними помещалась маленькая статуйка его любимой, недавно умершей сестры.

На жертвеннике было приготовлено все необходимое для возкурения и возлияния.

У подножия жертвенника и были поставлены оба сфинкса. При свете прикрепленной к стене лампы, их фосфоресцирующие глаза производили подавляющее впечатление, и по телу Рамери пробежала дрожь суеверного ужаса. На что он отваживается, да ещё в таком ужасном месте! Да, здесь он и Нуита могут мирно почивать, пока их не разбудит Аменхотеп.

Вечером того же дня, едва спустилась ночь, Рамери, как тень, пробрался в сад дворца, в котором жила царица Нуита со своей матерью и, спрятавшись в куще деревьев, четыре раза испустил крик ночной птицы.

Минут десять спустя, появилась маленькая негритянка и также проскользнула в кусты.

– Следуй за мной! Я проведу тебя к трем пальмам, куда она придет к тебе.

Там, между стволами деревьев, давших имя этому месту, стояла каменная скамья.

Рамери сел, но ждать ему пришлось недолго, так как скоро появилась женщина, закутанная в темный плащ. Рамери быстро вскочил, сжал её в своих объятиях и усадил рядом с собой.

– Ну, что, Рамери? Успокоишь ли ты меня, наконец, и расскажешь ли подробно обещанное тобой спасение? – спросила царица, сбрасывая с себя плащ. Нуита была очень красива: высокая и стройная, с большими черными глазами и с черными же, как вороново крыло, волосами; в эту минуту смуглые щеки её были бледны, а в глазах светились страх и беспокойство.

– Будь покойна, возлюбленная моя! Я приношу тебе полную уверенность в спасении. Все устроено и уговорено между мной и Аменхотепом, великим магом, который нам покровительствует. Тем не менее, из осторожности, здесь я не стану рассказывать тебе подробностей проекта. Только в самый день свадьбы, после церемонии, ты узнаешь все. Скажи: знаешь ты, где находится в саду Пуармы пирамида?

– Та, где стоят статуи его родителей и сестры? – с живостью перебила Нуита. – О, да! Я знаю ее. Несколько дней тому назад, когда мы с матерью были в гостях у царевича, он показывал мне эту пирамиду. Я там молилась и принесла жертву, а Пуарма сказал, что собирается украсить ещё это место двумя сфинксами, заказанными тебе.

– Отлично! Эту работу я сдал сегодня утром, и сфинксы уже стоят на месте. Итак, я прошу тебя бежать ко мне в пирамиду, как только заметишь, что я переложил мой кинжал с левой стороны на правую. Когда ты придешь, ты узнаешь остальное.

– Я надеюсь, что не заставлю тебя долго ждать. Как я буду счастлива, когда кончится эта неизвестность и эта необходимость скрывать и притворяться! Ты не можешь себе представить, как мне противно обманывать Пуарму. Если бы ты не внушил мне такую сильную и слепую любовь, я никогда не согласилась бы на это, – с волнением и со слезами на глазах заметила Нуита.

Рамери страстно привлек её к себе. Слова любви, которые он ей нашептывал, заставили смолкнуть страх и угрызения молодой девушки. С беззаботностью юности, оба забыли предстоящие им опасности: будущее принадлежало им, могущественный маг обещал им свое покровительство – чего им оставалось ещё желать?

Глава II.

Настал день, назначенный для бракосочетания Пуармы с царевной Нуитой. Но не только жених с нетерпением ждал этого дня: Эриксо тоже считала часы. Занятая своей думой, она даже не замечала мрачной сосредоточенности Бизу. Ужас охватил бы ее, если бы она могла прочесть бурные мысли, толпившиеся в возбужденном мозгу карлика. Но Эриксо ничего не замечала и ничего не подозревала. Злорадно вспыхнули её глаза, когда, после обеда, Аменхотеп приказал ей принести стакан вина к себе в спальню, так как, проработав всю ночь, он хотел заснуть часа на два, прежде чем отправиться на брачный пир.

Спальня мага была потайным местом, вход в которое был известен только Эриксо и Бизу, самым близким его служителям.

Как мы уже сказали, маг не имел лишней прислуги. Старая негритянка вела все хозяйство и готовила неприхотливый обед для Аменхотепа, который питался почти исключительно только молоком, фруктами и овощами; весь остальной штат прислуги состоял из старого привратника, да ещё четырех человек.

Несколько лет тому назад, когда копали подземелье, в котором маг хотел схоронить свои сокровища, а также производить опыты разных таинств, заклинаний и вызываний, случайно попали на подземный источник, распространявший острый, но необыкновенно живительный аромат; здесь-то Аменхотеп и решил устроить свою опочивальню. Богатство его и знания создали ему немало завистников и врагов. По-

этому было устроено несколько смежных подземных зал, и в первой из них Аменхотеп устроил себе роскошную спальню, гарантированную от жары и от духоты, свойственных египетским погребам. Источник, через оставшееся отверстие давал доступ свежему и живительному воздуху. В тот день, о котором идет речь, Аменхотеп спустился в опочивальню, слабо освещенную свешивавшейся с потолка лампадой, и лег на ложе, а Эриксо, которая как бабочка порхала перед ним, с кубком вина, укрыла его ноги шкурой пантеры. Затем ласковым тоном спросила:

– Дозволишь ли обвевать тебя и петь, пока ты не заснешь?

– Обвевать меня не стоит, а слушать тебя я буду охотно.

Возьми арфу и садись! – ответил Аменхотеп, указывая на табурет, стоявший у его изголовья.

Эриксо села; мягкие аккорды зазвучали из-под её нежных пальцев, и полилась томительная, унылая, сон навевающая мелодия.

Аменхотеп слушал её в восхищении, играя её роскошными, золотистыми волосами.

– Не забудь разбудить меня через два часа, – пробормотал он, чувствуя, что дремота начинает овладевать им.

Эриксо сделала утвердительный знак и продолжала петь все тише и тише. Когда же глубокое и правильное дыхание властелина указало ей, что он спит, молодая девушка окончательно смолкла.

С четверть часа ещё сидела она, задумчиво, испытующе смотря на мага. Затем вынула из-за пояса маленький пузырек и кусок полотна. Смочив полотно несколькими каплями снотворного зелья, она положила его на лицо своего господина.

Чувствуя сама головокружение, она откинулась назад, – в два прыжка очутилась у двери и прижалась к притолоке.

– Спи, спи! Пусть уж будущие века тебя разбудят! – зло и насмешливо пробормотала она, не сводя пристального взгляда со спящего Аменхотепа. – Ты отнял у меня мои человеческие права и видел во мне только бессловесное, слепое орудие твоей науки, так вот, это же самое обиженное тобою существо, которое, ты считал, держишь под своей железной пятой, перехитрило и победило тебя. Этого ты не предвидел; несмотря на все твое знание и могущество, ты бессилен против неизвестной тебе стихийной силы, которую ты открыл, и которая тебя же будет держать прикованным к этому ложу, доколе это будет угодно мне или кому-нибудь другому.

Молодая девушка встала и потянулась всем своим стройным телом.

– Я свободна! свободна! – кричала она, охваченная внезапным порывом восторга. – Будь благословенна ты, Хатор, вернувшая мне эту свободу! Я могу любить, любоваться солнцем, видеть людей, наслаждаться своей красотой... и твоим богатством! – прибавила она с тихим, насмешливым смехом.

Зажав нос и рот туникой, она бегом вернулась к Аменхотепу, торопливо стала шарить у него за поясом и вытащила оттуда маленький оригинальной формы ключ.

Когда она повернулась к двери, то увидела, что та открыта и у порога сидит Бизу, не сводя глаз с лежащего неподвижно тела мага; но в своем радостном возбуждении Эриксо не обратила внимания на мрачный, недобрый взгляд уродца.

– Идем, идем, Бизу, – пробормотала она, поднимая его, как ребенка.

Она заперла подземелье и вверху лестницы нажала пружину: рама, покрытая рядом кирпичей, закрыла дверь так плотно, что стена казалась целою.

– Ступай и жди в моей комнате, Бизу. Ты поможешь мне одеться, – приказала она.

Пока карлик удалялся с поникшей головой, Эриксо выбежала на маленький внутренний дворик, посреди которого был большой бассейн, наполнявшийся бившим из стены фонтаном.

Мигом сбросила она одежды и, подняв свою золотистую гриву, прыгнула в бассейн.

Освежившись ванной, Эриксо накинула тунику и прошла в свою комнату, выходящую в сад.

На скамейке, в мрачной задумчивости, сидел Бизу. Весело болтая и заставляя прислуживать карлика, Эриксо принялась за туалет. Она причесалась и надушилась, обула золоченые сандалии, одела вышитую золотом тунику и диадему, ожерелье и браслеты с изумрудами и бриллиантами. Затем она завернулась в большое покрывало из серебристой ткани, столь тонкой и прозрачной, что её справедливо можно было счесть сотканной из воздуха.

В этом роскошном наряде Эриксо была прекрасна, как видение; уничтоженный красотой ее, Бизу упал на колени, лобызал её ноги, взирая на нее, как на божество.

Взяв зеркало с чеканной, золоченой ручкой, Эриксо самодовольно осмотрела себя.

– Когда Рамери меня увидит, он меня полюбит, да, меня одну! – торжествующе пробормотала она.

Затем, повернувшись к карлику, лицо которого исказилось при имени Рамери, она подозвала его к себе.

– Слушай, Бизу! Я ещё раз повторяю тебе наставление; клянись, что ты в точности исполнишь все?

– Я буду охранять тебя, как верная собака, – ответил карлик.

– Благодарю, мой друг! Я знаю, что ты верен мне и предан; я безбоязненно тебе вверяю как мою жизнь, так и жизнь Рамери. Итак, запомни же хорошенько, что сфинкс сдвигается нажатием чашечки лотоса, и что эссенция, которая меня разбудит, заключается в этом пузырьке, с золотой с белым пробкой. Трёх капель в теплом вине будет совершенно достаточно. Живи здесь со старой Снефру. Никто вас не обидит и не выгонит из дома, так как никому неизвестно, что случилось с Аменхотепом. Подумают, что он или уехал по делам, или скрывается в уединении и занят высшей магией. Страх оградит жилище мага лучше всякой полицейской стражи. Там, в деревянном раскрашенном сундуке, где я храню мои одежды, и ключ от которого я вручаю тебе, ты найдешь два мешка: один с золотыми, другой – с серебряными кольцами. Я дарю их тебе. Таким образом, ты не будешь нуждаться и спокойно можешь ожидать времени моего пробуждения. Аменхотеп предрек важные события, которые изменят современный строй Египта. Тем не менее, я не хочу, чтобы ты будил меня раньше двадцати или, самое меньшее, пятнадцати лет, так как Нуита, если только она останется жива, будет тогда старой и некрасивой, а мы с Рамери оживем в расцвете красоты и молодости. Хорошо ли ты меня понял, Бизу?

– Да, госпожа.

– Тогда ступай и прикажи приготовить носилки!

Оставшись одна, Эриксо прибрала кое-какие вещи и привязала к поясу взятый у Аменхотепа ключ; снова жестокая усмешка мелькнула на её устах.

Наконец, прибежал запыхавшийся Бизу и доложил, что носилки поданы. Эриксо завернулась в свое покрывало и сошла вниз. У ворот сада ожидали носилки. Она села, а Бизу устроился у её ног.

В продолжение пути они оба молчали. Эриксо была погружена в радостные мечты о будущем; мысли же карлика были далеко. Он тоже думал о будущем, но с гневом и горечью. Мрачная буря бушевала в его душе. При мысли о счастье, которое ожидает Рамери, дикая ревность сжимала его сердце.

У иллюминированного входа во дворец Пуармы носилки остановились. Эриксо, в течение долгих лет не покидавшая ограды уединенного дома мага, с любопытством рассматривала большой, убранный флагами и гирляндами цветов дом, залитый красноватым цветом горевшей в громадных вазах смолы, и нарядную и веселую толпу, наполнявшую дворец.

Удивленные и любопытные взгляды провожали никому неизвестную, богато одетую, прекрасную как богиня, молодую девушку: поглощенная подавляющим впечатлением этой толпы, в которую впервые вступила, Эриксо не замечала ни восхищения мужчин, ни завистливых взглядов женщин; сопровождаемая Бизу, несшим шкатулку с флаконами, они через дом проскользнули в сад.

Там, по указаниям карлика, который ещё раньше предварительно ознакомился с местностью, Эриксо поспешила к пирамиде, боясь, как бы царица не опередила её и тем не разрушила бы все её планы. Злоба её к Аменхотепу росла с каждым шагом.

По какому праву смел он заточить ее, лишив всех радостей, всех развлечений юности? Но она, по крайней мере, отомстила за себя: заживо замурованный в подземелье, входа в которое никто не знал, он мог спать там до скончания века. Никогда больше не видать ему этого полного наслаждений мира, которого он так зло лишал ее.

Она до такой степени была поглощена своей злобой и погружена в свои планы, что только карлик, дотронувшись до её руки, призвал её к действительности.

– Госпожа! Вот пирамида.

Эриксо вздрогнула, точно пробудившись от сна, и, смущенная, бросила боязливый взгляд на усыпальницу, контуры которой мрачно чернели в глубокой тени смоковницы. В открытую дверь пробивался слабый луч света, что ещё более сгущало мрак спустившейся уже ночи.

Мгновенная слабость, охватившая Эриксо, миновала. Страсть, завладевшая всем существом ее, подкрепила собственные ей мужество и энергию. Как тень, легко и проворно скользнула она в пирамиду, осмотрелась и убедилась, что кругом все пусто. Спускавшаяся с потолка лампа мягким светом освещала вход в склеп; в глубине, утопая во мраке, виднелся жертвенник и оба сфинкса, блестящие глаза которых, казалось, пристально смотрели на Эриксо; по телу её пробежала дрожь. На больших треножниках горели уголья и курились, слабо потрескивая, ароматы и священные травы, – очевидно, только что подбавленные, – слабым, красноватым светом озаряя статуи родителей Пуармы и сфинксов, на поразительно жизненных лицах, которых застыла таинственная усмешка.

Подавив охватившее её волнение, Эриксо скользнула в самый темный угол, спрятала там Бизу за одну из колонн и осталась ждать. Прошло довольно много времени и сердце Эриксо усиленно билось от нервного ожидания; наконец песок закрипел под чьими-то торопливыми шагами, и у входа в пирамиду появилась высокая и статная фигура Рамери.

Остановившись у порога, он с беспокойством стал оглядывать внутренность пирамиды; тут Эриксо, откинув покрывало, быстро подошла к скульптору.

Завидев выделившуюся из мрака белую фигуру женщины, Рамери сделал шаг вперед и прошептал:

– Ты предупредила меня?

Но тотчас же смолк, в немом удивлении смотря на приближавшуюся к нему незнакомку. При свете лампы чудные волосы Эриксо имели вид золотого ореола, а драгоценные камни на ней переливались разноцветными огнями. Как очарованный, залюбовался он всей фигурой этой незнакомой ему женщины, позабыв и Нуиту, и даже цель своего прихода: ему казалось, что никогда ещё не видел он такого прекрасного создания, таких чудных, идеально-совершенных форм.

– Женщина или богиня – кто ты? Чего ты от меня хочешь? – пробормотал он.

– Я такая же смертная, как и ты, благородный Рамери, – с улыбкой ответила Эриксо. – Мой отец, Аменхотеп, послал меня к тебе.

– Как! У Аменхотепа есть дочь, а я никогда этого и не знал! – с удивлением вскричал он.

– Такова была воля отца моего, чтобы ничей посторонний глаз не видал меня, пока мне не исполнится пятнадцать

лет, – ответила молодая девушка. – Но дело не во мне. Я прислана на помощь тебе и той, которую ты любишь, – продолжала она. – Моему отцу помешали придти сюда, как он обещал тебе, и он поручил мне заменить его. Дабы ты не сомневался в правдивости моей миссии, отец рассказал мне в чем дело и послал со мной своего верного карлика, которого ты знаешь.

Эриксо тотчас же подозвала Бизу.

– Могу ли я не доверять дочери Аменхотепа? В чем же заключается послание твоего отца?

– Совет торопиться, так как опасность грозит твоему плану и может все испортить, если ты опоздаешь. Итак, благородный Рамери, спеши занять свое место в пьедестале сфинкса! Я же дождусь царевну, объясню ей все и помогу лечь во второй тайник.

– Но если Нуита усомнится и испугается, не видя меня? – заметил Рамери.

– Если она будет сомневаться и бояться, я покажу ей уже спящего её возлюбленного. Взгляни! Отец на всякий случай дал мне два флакона с таинственными эссенциями. Но торопись же, молю тебя! – с видимым нетерпением продолжала Эриксо.

Рамери хотел ответить, что драгоценная шкатулка, которую дал ему маг, спрятана в пьедестале сфинкса, но в волнении, вызванном таким неожиданным случаем, совершенно забыл про это. Повинуясь властному, сверкающему взгляду больших синих глаз, он нажал пружину и улегся, а Эриксо, смочив полотно принесенной эссенцией, склонилась к отверстию и поднесла ткань к носу Рамери.

Тотчас же красивое лицо скульптора побледнело и глаза закрылись. Наклонившись к нему, Эриксо поцеловала побелевшие губы Рамери и, покрыв затем полотном его лицо, сама закрыла отверстие.

Спрыгнув с пьедестала, она подбежала ко второму сфинксу и смело нажала чашечку лотоса. Тотчас же колосс бесшумно сдвинулся на скрытых шарнирах, открыв зияющий тайник.

– Живо, Бизу! Поддай мне полотно! Я боюсь, как бы не пришла царица, – пробормотала она, скользнув, как ящерица, в пьедестал.

Едва она легла и закрыла ноги шкурой пантеры, как Бизу подал ей четырехугольный кусок полотна, который смочил дрожащей рукой.

– Нет, дай мне прежде шкатулку! Здесь она будет в большей безопасности, и ты возьмешь ее, когда настанет время разбудить меня, – сказала Эриксо, ставя шкатулку рядом с собой.

Затем она схватила полотно и прижала его к своему лицу, и тотчас голова её безжизненно опустилась на вытканную золотом подушку.

Бизу все ещё продолжал сидеть на краю саркофага, смотря мрачным, пожирающим взглядом на молодую девушку.

– Почивай, прекрасная Эриксо! До самой смерти буду я охранять тебя, но ты уж не проснешься никогда! – пробормотал он отрывистым голосом. – Никто не найдет тебя, никто не любит тебя, и ненавистный Рамери никогда не насладится твоей любовью.

Карлик страстно поцеловал прядь золотистых волос молодой девушки, и похолодевшей от волнения рукой прикрыл влажным полотном её застывшее лицо.

С трудом взобравшись на спину сфинкса, он с усилием привел в действие пружину, поставившую колосса на прежнее место.

Задыхаясь, весь облитый потом, спустился Бизу на землю, как вдруг послышались быстрые шаги и он забился за жертвенник, с любопытством смотря на женщину, появившуюся у входа в пирамиду.

Богатая виссонная одежда и пурпурный, украшенный Уреем, клафт чудно шли к ней.

– Рамери! Где ты? Рамери! – с беспокойством прошептала она.

Не получая ответа, она села на пьедестал одного из сфинксов и прислонилась головой к граниту.

– Боги бессмертные! Где же он? – пробормотала она после продолжительного бесплодного ожидания и, вскочив с места, стала ходить по пирамиде.

Понятно, ожидание Нуиты оставалось тщетным, и Рамери не появлялся. Пожираемая тоской и беспокойством, царица никак не могла объяснить себе такого отсутствия скульптора. Она только что видела его на пиру, и он подал ей условный знак; а теперь его нет, а с ним нет и ключа к таинственному спасению. Не было и мага. Что все это значило?

Прошло около часа. Возбуждение и отчаяние Нуиты достигло своего апогея. Горькие слезы струились по её щекам, и в голове мелькнула мысль, что её муж открыл план Рамери и помешал ему. А вдруг Пуарма найдет её здесь, и этим она только бесполезно увеличит его гнев.

С тяжелым сердцем и с опущенной головой побрела Нуита во дворец и снова появилась среди гостей. Радостная улыбка

и страстный взгляд царевича-супруга убедили ее, что он ничего не подозревает; его же вопросы о её отсутствии только подтвердили это убеждение. Но в таком случае, что же случилось?

Мужественно подавив свое смущение и страх, Нуита уклонилась от прямого ответа. Она пыталась даже быть веселой, пробовала шутить с подругами, но её смертельная бледность сильно противоречила этой деланной веселости. В мрачном отчаянии склонила она голову, когда женщины окружили ее, чтобы отвести в брачную комнату.

О! Отчего Рамери не уступил её просьбам и не привел в исполнение проект мага до заключения этого ненавистного ей брака.

Как тяжелый, томительный сон потянулась для молодой женщины её семейная жизнь, как вдруг странные слухи, взбудоражившие весь Мемфис, вывели её из мрачной апатии.

Аменхотеп, могущественный, страшный маг, к помощи которого прибегал весь Египет, исчез и, притом, исчез так таинственно, что никто не мог даже предположить, что с ним случилось.

Никто не видел, как он выходил или укладывал что-либо; никто из слуг не получал никаких инструкций на время его отсутствия. Он пообедал, как всегда, удалился в свою рабочую комнату – и с тех пор никто больше не видел его.

Розыск, назначенный самим фараоном, не привел ни к каким результатам и только ещё больше запутал дело, так как тут в первый раз на сцену появилось имя Эриксо, о существовании которой никто и не подозревал.

Носильщики показали, что в паланкин их господина села какая-то женщина, которую сопровождал Бизу.

Допрошенный в свою очередь карлик подтвердил это показание и добавил, что женщина эта была молодая девушка, жившая в доме, но происхождение которой никто не знал и о которой запрещено было говорить.

Эта девушка сказала ему, что по приказанию господина она отправляется во дворец царевича Пуармы и приказала ему сопровождать себя; но, прибыв во дворец, она отослала его домой вместе с носилками, объявив, что вернется одна.

Он, Бизу, признался, что позамешкался немного, залюбовавшись на волшебную иллюминацию; вернувшись домой, лег спать и, с этого вечера, не видел более ни господина, ни Эриксо.

Старая негритянка не знала решительно ничего. Зато многочисленные гости царевича вспомнили при этом прекрасную незнакомку, которую видели во дворце, и не переставали с энтузиазмом описывать её красоту.

Непонятное исчезновение скульптора Рамери довершило общественное волнение. Молодого человека любили и знали в Мемфисе, и неизвестность, скрывавшая его конец, возбуждала искренние и горячие сожаления.

В течение нескольких недель столица только и говорила, что об этом; но ни одного нового факта, могущего пролить свет на это таинственное дело не являлось, никто из исчезнувших не показывался, и возбуждение общественного мнения стало мало-помалу остывать. Только одно лицо не могло забыть действующих лиц таинственной драмы, – это была царица Нуита. Когда она узнала, что вместе с Рамери исчезла также красавица Эриксо, та загадочная девушка, которой

покровительствовал Аменхотеп, ревность прокралась в её сердце. Кто знает, может быть, скульптор любил эту прекрасную незнакомку и притворялся только, что влюблен в нее, Нуиту, чтобы облегчить себе свидание с Эриксо во дворце Пуармы! Подозрение шептало ей, что великий план, подробности которого так тщательно скрывались от нее, без сомнения, был лишь вымыслом и откладывался, якобы, до её свадьбы, потому что тогда она будет навеки связана и не в состоянии мешать счастью влюбленных.

Но часы такого недоверия и ревнивой злобы были кратковременны. Когда она припоминала свое последнее свидание с Рамери, глубокую, звучащую в его голосе и горевшую в глазах истинную любовь, все её подозрения рассеивались, и вера в любимого человека вновь воскресала в её душе. Да, если бы он хотел от неё отделаться, ему стоило бы только молчать и не касаться разделившей их кастовой перегородки.

Вся эта внутренняя борьба истерзала Нуиту, делая её совершенно равнодушной ко всему и даже к мужу, который обожал её и был в отчаянии от её болезненного вида и мрачной грусти. Нуита признавала свою неблагодарность по отношению к мужу, всегда нежному и снисходительному; она старалась сообразоваться с его желанием и с благодарностью принимала выражение его любви и великолепные подарки, которыми он осыпал ее. Но в её унылом взгляде не вспыхивал никогда огонь любви или беззаботной веселости; душа её была больна, и всеми фибрами своего существа она была привязана к Рамери.

Нуиту как-то инстинктивно влекло к пирамиде, где покоился любимый человек. Часто, по целым часам, мечтала она и молилась там, смотря на сфинкса с лицом Рамери. Когда она

знала, что никто за ней не наблюдает, она влезала на пьедестал и, обвив руками шею колосса, прижималась своими нежными устами к гранитным губам.

Серьезно обеспокоенный состоянием своей жены, царевич советовался с врачами храма; после зрелого размышления, последние объявили, что в самый день бракосочетания на молодую женщину были наведены чары, с целью смутить и омрачить её супружескую жизнь. Но ни курения, ни священные амулеты, ни жертвоприношения не могли рассеять её апатичного состояния; молодая женщина видимо угасала.

Прошло около полутора лет со времени исчезновения Аменхотепа, никто уже больше не думал о нем; тем не менее, внушенного им сверхъестественного страха было ещё достаточно для охраны его дома. Все боялись прикоснуться к собственности великого чародея, – а вдруг он явится невзначай и тогда жестоко отомстит за разграбление своего имущества.

Бизу и старая Снефру продолжали жить в доме, – все остальные слуги разбежались. Но карлик и негрityнка блюли порядок и чистоту в комнатах и поддерживали фруктовый сад и огород, а золотые кольца, оставленные Эриксо, обеспечивали им полное довольство.

Но Бизу не был счастлив; он чувствовал, что одинок в большом и пустом доме. Иногда его терзали угрызения совести, что он оставил в подземелье своего господина, или овладевало непреодолимое желание видеть Эриксо. Тогда он пробирался во дворец Пуармы и сторожил случай пробраться в сад и попасть в пирамиду. Присев у подножия сфинкса, где была скрыта обожаемая им женщина, он мечтал по целым дням; но открыть тайник не осмеливался, боясь быть пойманным на месте преступления. Сколько раз, забившись в темную нишу, видел он Нуиту, приходившую в пирамиду по-

молиться и поплакать. Иногда ему приходила в голову мысль открыть царевне тайну о её возлюбленном и помочь разбудить его; что ему до счастья Нуиты и Рамери, лишь бы Эриксо не принадлежала никому!

Впрочем, этот проект никогда не был приведен в исполнение. Какой-то смутный, непобедимый страх смыкал уста карлика. И вот, однажды, он узнал, что царевна уехала на богомолье в Абидос.

Вот что вызвало эту поездку.

Старуха-кормилица Нуиты, которая осталась одна из всех лиц, прежде окружавших ее, и одна знала истинную причину её грусти, искренне горевала. Однажды она доверила под секретом царевне, что в небольшой кумирне, посвященной Сохмет и выстроенной на окраине города, находится замечательная прорицательница, для которой ни прошедшее, ни будущее не имело тайн. Может быть, если Нуита посоветуется с ней, она откроет ей, где находится Рамери, жив он или умер и изменил ли любви, в которой клялся.

Молодая женщина ухватила за эту неожиданную надежду и решила в тот же вечер отправиться в указанный храм. Муж её уехал в Саис для инспектирования войск и его ждали лишь через несколько дней. Итак, Нуита была совершенно свободна. С наступлением вечера, в сопровождении кормилицы, она села в носилки и приказала нести себя в храм Сохмет.

Храм этот был очень древнее святилище, обнесенное высокой оградой, бронзовые ворота которой были закрыты. Узнав имя и сан посетительницы, привратник тотчас же впустил носилки. Нуиту принял старик-жрец и проводил царевну в сад, прилегавший к храму.

Там находился священный пруд, который окружали семь гранитных статуй богини с львиной головой. Гигантские тени, отбрасываемые статуями этого странного божества, были особенно чудовищны при ярком свете луны, серебром отливавшей на гладкой поверхности воды.

Нуита простерлась и совершила возлияние вина и воскресение ладаном, умоляя богиню быть к ней благосклонной, дозволить ей спросить прорицательницу.

Узнав желание царевны, жрец охотно согласился исполнить её просьбу и провел Нуиту к храму. У одной из стен было нечто вроде искусственного грота, наполненного тяжелым сернистым запахом. При свете висячей лампы Нуита увидела, что с одной стороны стоял каменный жертвенник, а с другой чернело закрытое металлической решеткой отверстие. В глубине ниши виден был четырехугольник, сделанный из какого-то черного вещества, блестящий и полированный как зеркало.

Около жертвенника сидел старый жрец, которому проводник передал царевну, а сам удалился.

Нуита изложила свое желание видеть прорицательницу и принесла в дар богине мешок золотых колец. Тогда жрец вышел из грота через скрытую за жертвенником дверь, и через несколько минут вернулся в сопровождении стройной, бледной и страшно худой девушки. Длинные, черные волосы её были распущены; шею украшало бесчисленное число амулетов; лицо выражало покорность. Устало, тусклым и равнодушным взглядом, девушка эта поднялась на ступени и, вытянув руки, наклонилась вперед. Жрец взял небольшой треножник с горящими угольями и бросил на них какой-то порошок, который с треском сгорел. Затем, он мерно запел какой-то монотонный гимн.

Несколько минут спустя, желтоватые и синеватые огни брызнули из колодца; длинными языками пламя, казалось, лизало лицо прорицательницы. Затем клубы дыма окружили её таким густым покровом, что на минуту совершенно скрыли из глаз царевны.

Когда дым рассеялся, наполнив грот острым запахом серы, царевна увидела, что прорицательница все ещё стояла на прежнем месте, но только тело её как-то странно откинулось назад; лицо было страшно искажено, глаза выходили из орбит, и пена появилась на губах.

Тогда жрец вынул из-за пояса длинный жезл, поднял его над прорицательницей и трижды громко вскричал:

– Будь благосклонна к нам, могущественная богиня, и устами девы, твоей верной служительницы, дай ответ: что стало со скульптором Рамери? Жив он или умер? Изменил ли он женщине, которой клялся в верности, или полюбил другую?

С минуту царило гробовое молчание; затем, тело молодой девушки стало извиваться в ужасных конвульсиях, и хриплым, прерывающимся голосом она произнесла:

– Его нет в царстве теней; душа его не предстала перед Осирисом и сорока двумя судьями Аменти; сердце его не было взвешено на весах вечного правосудия. Он жив и остался верен любви к женщине, которая здесь присутствует. Он спит и его сон охраняет сфинкс. Время разбудит его. Чтобы узнать остальное, ступай в Абидос, принеси жертву у гроба великого бога, постись и молись у него в течение трех дней и ночей – и он ответит тебе. Так сказала богиня. Я же, слабое и слепое существо, ничего более не могу сказать тебе.

По мере того, как говорила прорицательница, те же самые слова огненными буквами вспыхивали на черном четырехугольнике, а жрец отмечал их на табличках, которые потом и передал царевне.

Прорицательница сразу смолкла, как-то опустилась и упала бы, если бы жрец не подхватил её на лету. Подняв на руки, он положил её на скамейку.

Натерев ароматической эссенцией руки и виски молодой девушки, жрец взял со стола кубок теплого вина и влил несколько капель ей в рот.

Нежное создание вздрогнуло и открыло глаза.

Когда девушка встала, расстроенная, дрожащая, с лихорадочно горевшими глазами, жрец положил ей на голову руку и, казалось, молился несколько минут. Видя, что девушка немного успокоилась, жрец приказал ей выпить вино и прибавил с добротой:

– Ступай, дочь моя! Прими освежающую ванну и отдохни.

Потрясенная Нуита подошла, поблагодарила молодую девушку и попросила её принять на память роскошную пряжку, которую отстегнула от своего плеча.

В глубоком волнении вернулась царевна во дворец. Она никак не могла объяснить себе странных слов прорицательницы, а между тем, безусловно, верила ей. Что Рамери был жив и по-прежнему оставался ей верен, наполняло её душу глубокой радостью. Только она тщетно ломала себе голову, где и как мог он так долго спать?

Наконец, после зрелого размышления, Нуита решила отправиться в Абидос. Когда вернулся Пуарма, царевна объявила

ему, что ей во сне явился Осирис и приказал ехать в Абидос, помолиться и совершить жертвоприношение у его гробницы.

Царевич, как всякий истинный египтянин, верил снам и находил вполне естественным, что бог избрал такой простой и удобный способ выразить свою волю.

Пуарма ни минуты не сомневался, что это паломничество вернет, наконец, здоровье его дорогой жене, и лично занялся деятельными приготовлениями к поездке.

Молодая женщина была глубоко тронута такой добротой. Стыд и угрызения совести терзали её душу.

Ложью и изменой платила она мужу за все его заботы.

Последние дни перед отъездом мрачная грусть и нервное беспокойство овладели царевной. Ей казалось, что она никогда больше не увидит этих любимых ею мест, дорогих и хорошо знакомых вещей, которые окружали ее. Когда она прощалась с мужем, волнение её разразилось рыданиями. Взволнованный Пуарма прижал её к своему сердцу.

– Успокойся, дорогая! Ты сама знаешь, как тебе вредно всякое волнение. Не время плакать, когда сам великий бог обещает тебе выздоровление! – с нежностью сказал царевич. – Но, дорогая моя, прежде чем расстаться, скажи мне, что ты хоть немного любишь меня! Хотя я не сомневаюсь в твоём расположении, но эти слова облегчат мне нашу разлуку.

Тронутая до глубины души, заливаясь слезами, Нуита обвила руками шею мужа и пробормотала:

– Да, Пуарма, я люблю тебя от всего сердца! Но ты любишь меня больше, чем я заслуживаю.

Прибыв в Абидос, Нуита обратилась к верховному жрецу храма с просьбой позволить ей провести три дня и три ночи в

усыпальнице Осириса, так как сам великий бог приказал ей это. Со стыдом, боязливо Нуита снова повторила эту ложь, так как Пуарма заручился письмом от фараона к верховному жрецу, в котором тот просил его исполнить просьбу родственницы, намекая на сон.

Первосвященник согласился, потребовав, чтобы Нуита очистилась и подождала, пока группа богомольцев окончит свои жертвоприношения. Утром в назначенный день Нуита приняла ванну, надела длинную белую полотняную тунику, обвила голову гирляндой цветов лотоса и босая, без всяких украшений присутствовала при богослужении в храме и жертвоприношениях. Покрыв голову большим покрывалом, она стояла на коленях между двумя жрецами, которые держали в руках зажженные восковые свечи. Верховный жрец окуривал и окроплял ее, что должно было сделать молящуюся достойной, услышать голос великого бога и получить его милость.

Когда все эти предварительные церемонии были кончены, верховный жрец взял Нуиту за руку и отвел её в склеп, где находилась гробница Осириса.

Статуя бога, имевшая вид мумии, покоилась на львах, а в головах и ногах её охраняли два кречета. Тут же стоял ещё стол, загроможденный различными приношениями, и были треножки, на которых курились благовония.

Суеверная дрожь охватила Нуиту, когда она простерлась и облобызала землю. Верховный жрец полил её голову священным маслом, вложил ей в руку зажженную восковую свечу, а около поставил небольшую амфору вина и положил жертвенный хлеб. Затем он благословил её и сказал:

– Да разгонит священный свет Осириса окружающую тебя тьму неведения и да отверзятся очи твои к восприятию ве-

ликих истин, которые воля бессмертных скрывает от глаз смертных. Молись, дочь моя, с верой и жаром, дабы ты достойна была бодрствовать у священной гробницы. Это вино и этот хлеб поддержат твое бренное тело, если ты почувствуешь, что слабеешь.

Оставшись одна, Нуита вторично простерлась. Потом, воздев руки, она в горячей молитве стала просить Осириса открыть ей судьбу любимого человека и указать путь, каким она должна была следовать в своей тяжелой жизни.

Три дня и две ночи провела Нуита в слезах и молитве, уделяя лишь самое короткое время сну, но бог безмолвствовал. Ни малейшее веяние не нарушало глубокой тишины подземелья и ни малейшего знака не исходило от божества. В конце третьей ночи отчаяние овладело Нуитой. Дрожа всем телом и обливаясь потом, молодая женщина подползла к гробнице Осириса и прижавшись пылающим лбом к холодным камням саркофага, с отчаянием вскричала:

– Великий и могущественный бог, милосердный ко всякому, приближающемуся к тебе! Отчего же ты глух к моим слезам и молитве? Неужели до такой степени я недостойна? Или ты разгневан на меня за то, что я солгала, сказав, что видела тебя во сне? Но ведь голос божества устами прорицательницы повелел мне предпринять это паломничество к твоей священной гробнице.

Рыдания заглушили её слова. Но почти в ту же минуту она вздрогнула и выпрямилась: порыв ледяного ветра пахнул ей в лицо, а все подземелье наполнилось свистом сильной бури.

Онемев от ужаса, Нуита продолжала стоять на коленях. Взгляд её точно прирос к светлому беловатому облаку в не-

скольких шагах от нее, испещренному молнией, облако кружилось, извергая целые снопы искр и потрескивая.

Вдруг свет облака померк и принял вид черной тучи, которая, в свою очередь, расплывалась, мерно колеблясь, а на её месте, в центре склепа, появился высокий и стройный человек, одетый в белые одежды, с клафтом на голове.

Каково было удивление Нуиты, когда в появившемся человеке она узнала Аменхотепа, исчезнувшего одновременно с Рамери.

Маг, по-видимому, был в страшном волнении. Лицо его было мертвенно бледно, губы дрожали, а глаза метали пламя.

– Недостойное насилие совершено надо мной, – сказал он хриплым и отрывистым голосом, доносившимся словно изда- лека. – Я жив и сплю в подzemелье своего собственного дома. Презренный Бизу знает это место. Рамери так же спит в пьедестале сфинкса. Открой...

Фигура мага побледнела и заколебалась в воздухе; он смолк. Но как бы под влиянием напряжения воли, видение снова приняло реальный вид, и снова раздался голос, но более слабый и глухой, и повторял:

– Открой! Ты его найдешь там, а у него в ногах стоит шкатулка со средством для его пробуждения. Ты найдешь возможность освободить и меня!

Видение снова поблекло и отодвинулось назад. Нуита вскочила на ноги и, трепеща вся, вскричала:

– Секрет! Как открыть сфинкса?!

Не получая ответа, она бросилась к Аменхотепу и, позабыв, что перед ней только лишь отражение мага, неосязаемое видение, схватила его за руку.

В ту же минуту послышался страшный треск; белая одежда мага покрылась огненными полосами, и вдали прокатился удар грома. Нуита, схватив видение, почувствовала ожог; казалось, что она коснулась рукой огня. Её с силой отбросило назад: огненное облако словно обволокло ее, причиняя ей страшную боль во всем теле, и сквозь этот густой туман она видела, как фигура Аменхотепа превратилась в сноп искр и со свистом и шумом исчезла. Потом страшный удар поразил её в голову, и она, как сноп, повалилась на каменные плиты.

Время, назначенное для уединения царевны в священном склепе, давно уже прошло, но Нуита не появлялась, несмотря на то, что дежурный жрец несколько раз объявлял, что верховный жрец ожидает ее.

Не получая никакого ответа, дежурный жрец решил войти. Видя, что все огни погасли, он испугался и поспешил зажечь факел, при свете которого и увидел, что царевна лежит без движения и что с неё точно сорваны одежды, жрец испугался и побежал доложить верховному жрецу.

Скоро главный жрец и несколько других жрецов собрались у гробницы Осириса, но они могли только констатировать, что Нуита умерла какой-то странной и необъяснимой смертью. Одежды её обуглились, а тело было покрыто синими пятнами. Можно было подумать, что её поразила молния, а между тем, никакой грозы не было, и никто не слышал громового удара.

Так никто и не узнал, что такое случилось. Сомкнутые уста умершей никому не выдали тайны её последнего часа.

Тело Нуиты было перенесено в город мертвых и отдано в руки бальзамировщикам. Царевичу же послали гонца, с известием о смерти его супруги.

Отчаяние Пуармы не поддается описанию. Он горько упрекал себя, что позволил жене ехать одной. Ему казалось, что если бы он был там, то этого несчастья не случилось бы.

Царевич лично прибыл в Абидос за мумией и с большим торжеством перевез её в Мемфис.

Жрецы пытались успокоить горе Пуармы, убеждая его, что смерть Нуиты в самой усыпальнице бога было необыкновенной милостью, и указывали, что Осирис сам принял чистую душу Нуиты и сам же проведет её через все ужасы Аменти, чтобы водворить её в стране вечного света.

Но горе Пуармы не было из числа таких, которое можно утешить. Его любовь к покойной была так велика, что он не мог решиться похоронить её вдали от себя в городе мертвых, но положил её в своей пирамиде между двух сфинксов.

Сон, виденный им в самый день его приезда в Абидос, ещё более укрепил принца в его намерении. Он видел, что Нуита, в свадебном наряде, встретила его у входа в пирамиду. Схватив его за руку, она увлекла его к сфинксу, лицо которого носило её собственные черты и, сложив умоляюще руки, повторила несколько раз:

– Рамери... Рамери...

Царевич объяснил себе этот сон, что покойная выражает желание быть погребенной близ него, между двумя сфинксами, из которых один напоминал ему исчезнувшего друга, а другой – любимую женщину. Поэтому он приготовил над жертвенным столом глубокую нишу, в которую и поставил мумию. Нишу прикрыли высокой каменной плитой, на которой были высечены имя и сан покоившейся там женщины.

Только после смерти царевича, мумия Нуиты, вместе с мумией его, Пуармы, должна была быть перенесена в их семейный склеп.

Каждый день приходил царевич в пирамиду молиться, приносить жертвы или возлагать цветы на жертвенный стол. Через несколько месяцев фараон, желая рассеять упорную грусть двоюродного брата и расположить его ко второму браку, намеченному им, послал царевича с разными поручениями.

Но прежде чем покинуть Мемфис, Пуарма приказал закрыть пирамиду и запечатал своей печатью вход, чтобы кто-нибудь, кроме него, не проник туда.

Это было страшным ударом для Бизу, который пролежал несколько месяцев вследствие перелома ноги. Когда он, наконец, выздоровел, он доплелся до пирамиды и нашел её запертой. Страшно пораженный, карлик решил открыть принцу всю истину, чтобы он разбудил Эриксо и Рамери. Но Пуарма уехал, а от слуг Бизу узнал, что время возвращения царевича неизвестно, и что поездка его, во всяком случае, будет продолжительна.

Карлик вернулся домой мрачный, в полном отчаянии. После зрелого размышления он решил было попытаться освободить своего господина, но и эта попытка оказалась невозможной. Волей-неволей Бизу должен был покориться и ждать возвращения царевича. Глубокая печаль, сменившаяся полной апатией, овладела им: ему не хватало паломничества к двум сфинксам, и боязнь, что Эриксо задохнется в запечатанной пирамиде, терзала его.

Слабый и болезненный, из-за своего уродства, карлик быстро угасал. Однажды утром Снефру нашла его мертвым на кро-

вати. Разрыв сердца положил конец жизни Бизу, и он унес с собой в могилу тайну двух сфинксов.

Когда Пуарма вернулся в Мемфис, темные тучи собрались над Египтом. Фараон Яхмос умер; против же его наследника, Псамметиха III, вооружался Камбиз, великий царь персидский, требовавший землю Кеми, как наследство своей жены Нитетис, дочери фараона Уахибри, лишённого трона Яхмосом.

Мрачные предчувствия наполнили сердца египтян. Было более чем сомнительно, чтобы Египет мог устоять против целой Азии, обрушившейся на него. Битва при Пелузе, в которой египтяне, несмотря на все их отчаянное мужество, были разбиты, доказала, насколько эти предчувствия были справедливы.

После этого разгрома Псамметих окончательно потерял голову. Вместо того, чтобы собрать остатки армии и оборонять каналы, он заперся в Мемфисе, который и был взят после нескольких дней осады.

Когда Пуарма, осуждённый победителем на смерть, вместе с сыновьями фараона и прочими именитыми египтянами увидел, как царевны и иные благородные женщины, одетые рабынями, черпали в Ниле воду, он мысленно возблагодарил Осириса за то, что бог отозвал к себе его дорогую Нуиту и тем избавил её от такого позора и горя. Да, жрецы говорили правду: смерть Нуиты была действительно особенной милостью великого божества, умолять которое она явилась в Абидос.

Движимый каким-то странным, но непобедимым предчувствием, Пуарма, прежде чем уехать в армию, приказал засыпать пирамиду землей. В рабочих руках недостатка не было, и меньше чем в три недели над курганом, скрывавшим пирами-

ду, была сделана терраса и построен павильон. Когда Мемфис был взят, персидский гарнизон занял цитадель Белых стен, а во дворце фараона поселился перс Арианд, в качестве правителя Египта. Дворец Пуармы достался персидскому вельможе, который отделал его по своему вкусу и любил отдыхать на импровизированной террасе, не подозревая, что под его ногами скрывается странная тайна.

Прорицательница храма Сохмет была права: время одно должно было пробудить трех спящих, если только судьбе будет угодно, чтобы они когда-нибудь проснулись.

Века прошли. Персидская монархия рушилась так же, как пало и могущество фараонов. Сипетр Египта наследовал великий македонянин, который основал Александрию, и этим самым нанес смертельный удар древней столице земли Кеми.

Александрия росла и стала одним из самых красивых и богатых городов мира. Птолемеи украсили ее, и когда римский орел ниспроверг империю лагидов, Александрия приобрела ещё больше величия и красоты. Между тем, Мемфис пустел все более и более, превращаясь в величественные развалины: кварталы его обезлюдели, храмы опустели, древние дворцы рушились... Его же могущественная наследница похищала у него самые лучшие украшения, чтобы самойрядиться в них.

Судьба Мемфиса свершилась. Мало-помалу он должен был стусеваться пред варварством людей и песком пустыни до той поры, когда жадное и любопытное новое поколение не придет рыться в его песчаном саване, отыскивая обломки истории его бывшего величия.

Часть II. ТАЙНА ЕГИПТА.

Глава I.

- Так решено, Валерий?
 - Вот моя рука в подкрепление слова. Моя дочь будет женой твоего сына. Признаться, этот союз всегда был моей мечтой, которую я долгие годы лелеял, не смея надеяться на её осуществление.
 - Будем же уверены, что дети наши, подобно нам, останутся довольны этим союзом.
 - Да, почему бы и не так? Валерия красива, моя единственная наследница. Она может понравиться твоему сыну, а ей трудно будет найти более красивого и более богато одаренного супруга, чем Галл.
 - Если так, то нам остается лишь назначить день свадьбы! Согласен будешь ты, друг Валерий, отпраздновать её месяца через два?
 - Прекрасно! За это время я управлюсь с приданым Валерии. Через три дня я еду устраивать дела, а недель через шесть привезу в Рим невесту.
- Этот разговор происходил на террасе большого, прекрасного, окруженного садом дома, расположенного на Целийском холме.
- За столом, на котором стояли корзина с фруктами, большая амфора старого фалернского вина и серебряные чеканные кубки, сидело двое мужчин, уже зрелых лет. Здесь, прихлебывая ароматное вино, они только что решили судьбу своих детей.

Сенатор Кай Марций Долабелла и его гость – бывший квестор Люций Валерий были друзьями с детства. Прихотливая судьба разлучила их на долгие годы. Но случайная встреча несколько недель тому назад оживила прежнюю дружбу, и добрые старые отношения возобновились и в конце концов возникла мысль соединить детей их брачными узами.

Оба приятеля представляли полнейший контраст.

Несмотря на свои пятьдесят два года, сенатор был ещё в полном цвете сил. Ни одного седого волоса не было видно в его густых, черных, как вороново крыло, волосах; свежее лицо, полны огня глаза, а его высокая фигура дышала величавым спокойствием. Несмотря на родовитость, которой веяло от него, любезность и веселость выдавали в нем человека, любившего пожить.

Люций Валерий был немного моложе, но на вид ему можно было дать лет шестьдесят. Что-то жестокое и суровое светилось в его зеленоватых, впалых глазах.

Осушив кубок за здоровье жениха и невесты, приятели продолжали беседовать. Сначала они обсудили вопрос об устройстве будущей четы на новом месте, так как Галл, назначенный легатом префекта Александрии Эмилиана, через два месяца должен был сопровождать своего начальника на место их службы.

С этой интимной темы незаметно перешли они к политике и заговорили о волновавших империю смутах и о частых переменах на троне. Тут, по поводу смерти Деция, вспомнили они и старого товарища, которого Валерий потерял из виду со времени своего отъезда в Азию, где занимал довольно высокий военный пост.

– А бедный Сульпиций скверно кончил, – со вздохом заметил сенатор. – Он был соращен в отвратительную секту христиан и, во время строгого гонения при покойном императоре Деции, на него донесли. Все усилия разубедить его в убеждениях оказались тщетны; безумие этих несчастных, как тебе известно, почти всегда неизлечимо. Так и Сульпиций остался непоколебим. Подробности я знаю от нашего общего приятеля, префекта Вифинии. Бессильный спасти безумца, он приказал обезглавить его.

При упоминании о христианах Валерия передернуло, и в глазах вспыхнул недобрый огонь. Хриплым голосом он объявил, что подобные потачки презренным сектантам, потрясающим основы империи и вносящим в семьи позор и бесчестье, столь же преступны в его глазах, как и смешны. Если божественными императорами Галлиеном и Валерианом объявлено будет новое преследование, то он снова поступит на службу, чтобы лично уничтожать проклятых и, разумеется, сентиментальностями увлекаться не станет.

В его голосе звучала такая ярость, такая беспощадная жестокость, что сенатор удивленно взглянул на него. Когда Валерий кончил свои проклятия и утомленный замолк, Кай Марций взял приятеля за руку и дружески спросил:

– Почему ты так ненавидишь христиан? Я уже замечал, что одно их имя: приводит тебя в трепет. Насколько мне известно, никто из твоих не был заражен новым лжеучением; значит, какая-нибудь иная причина внушает тебе такую ненависть к ним. Доверь эту тайну старому другу.

Валерий облокотился на стол, опустил голову на руки и задумался. Через минуту он выпрямился и сказал с горькой улыбкой:

– Ты угадал! Христианам я обязан тем, что посидел в одну ночь и преждевременно состарился; рана в душе моей доселе ещё не закрылась. Достаточная, стало быть, причина у меня их ненавидеть, не правда ли? Только слово «ненависть» чересчур слабо, чтобы выразить мои чувства к этим негодьям: я все тебе скажу.

Он собирался с мыслями, выпил кубок вина и начал:

– Прежде всего, я должен сказать несколько слов о моей женитьбе. Я познакомился с Фабией во время одной из моих поездок. Она была из знатной семьи, но бедна и сирота. Мне удалось как-то оказать ей услугу, и тут я безумно влюбился; Фабия была прекрасна, как Афродита. Я счел за великую милость богов её согласие стать моей женой, и окружил её вниманием, любовью и всевозможной роскошью.

Семь лет я наслаждался безоблачным счастьем, пока случай не разрушил все.

Пожар повредил мой дом, я жил тогда в Сполето, и я приступил к его исправлению. Для реставрации живописи в атриуме и триклиниуме мне рекомендовали одного талантливоего живописца.

А пока шли эти работы, служба вынудила меня уехать на несколько недель; по возвращении я нашел странную перемену в Фабии. Веселость её исчезла, она избегала меня и пренебрегала Валерией, которой в то время было пять лет. И вот, однажды я подметил, как жена и художник обменялись подозрительными взглядами. Я умолчу о том, что я перечувствовал и перестрадал тогда.

Ты понимаешь, что раз у меня зародилось подозрение, я захотел узнать правду. Поэтому я сделал вид, что отправляюсь в двухнедельную поездку, а сам на следующее же утро вер-

нулся и пробрался в триклиний, отделку которого заканчивал презренный.

Спрятанный в складках завесы, я стал свидетелем оживленного разговора Фабии с художником и подозрения мои подтвердились. В одном я ошибся: дело шло не о любви, но о гораздо худшем. Негодяй не только похитил у меня сердце жены, но он отвратил её душу от веры отцов и от обязанностей супруги и матери, заразив её фанатизмом и безумием своей секты, так как он был христианином.

Он страстно говорил ей о Добром Пастыре, к стаду которого она принадлежала, об очищении посредством крещения и, наконец, о блаженстве мученичества.

Фабия в волнении слушала его глупости и затем заплакала, жалуясь на трудность отдаться делам благочестия, какие налагала на неё новая вера, из-за нетерпимости и нечестивой гордости, омрачающих мою душу. И представь себе! Эта презренная собака осмелилась тогда предложить ей бежать! За время моего отсутствия она должна была уехать в Милан, к одному из их епископов. Он даст ей рекомендательное письмо, благодаря которому она будет принята в общину, тем более, что она уже крещена.

– Там, – продолжал он, – тебя спрячут, и ты будешь иметь возможность работать в винограднике Господа, ухаживая за больными, помогая бедным и благовествуя заблудившимся нашим братьям.

Я думал, что меня хватит апоплексический удар. Моя жена – христианка!.. Она уже крещена! Она готова бежать из-под супружеского, крова и бросить меня с Валерией!..

Но, несмотря на мою ярость и отчаяние, я мужественно смолчал и дождался, когда Фабия ушла в свою комнату. То-

гда я позвал двух рабов, приказал им связать этого негодяя и отослал его при записке к префекту, и тот преподнес проповеднику блаженный мученический венец, которого он так жаждал.

Но справедливое возмездие мерзавцу не избавляло меня от несчастья. Позор сторожил порог моего дома: Фабия ежеминутно могла выдать свое безумие и быть арестованной.

Я решил строго наблюдать за ней, не говоря, что мне известна её тайна. Но между рабами, вероятно, были христиане, сообщившие Фабии об аресте художника, так как, ещё до обеда, она прибежала в мою комнату с пылающим лицом, босая, и объявила мне, что после моего недостойного доноса на Евсевия, – так звали художника, – она считает себя свободной, тоже хочет пострадать за веру и что сама донесет на себя.

Несмотря на это, мой гнев и приказание молчать подействовали на нее; без сопротивления она дала увести себя в свою комнату, где я её и запер.

Я провел несколько адских часов, обдумывая, что делать. Образумить Фабию я ещё не отчаивался, но твердо решил, что лучше самому покончить с ней, чем отдать её на поругание черни.

Настала ночь; я засунул за пояс пузырек с ядом и пошел к жене. При свете лампы я увидел, что Фабия стоит на коленях перед нишей, которая, должно быть, задвигалась досками, так как я и не подозревал об её существовании. В нише был нарисован человек, несущий на плечах ягненка, а сама она прижимала к груди крест и с вдохновенным видом пела какой-то бессмысленный их гимн.

В белой тунике она была прекрасна, как мечта! Я, кажется, никогда не любил её так страстно, как в эту минуту.

Когда я окликнул, она встала и бесстрастно сказала мне:

– Оставь меня, Валерий! Я не принадлежу больше тебе, но Христу. Он зовет меня, и я решила следовать за Ним, чего бы это мне ни стоило, так как ни смерть, ни муки не пугают меня.

Она наговорила мне ещё целую кучу глупостей, в которых я ровно ничего не понял, да, признаться, даже и не слушал. Я пытался убедить ее, взывал к её рассудку, прося, наконец, отказаться от глупой веры, которая только погубит ее. Я плакал, ползал у её ног, умоляя сжалиться надо мной и над своим ребенком, которого она оставляет сиротой, но все было напрасно. Она была как камень. Когда же она сказала мне, что будет молить своего Бога просветить её дочь и сделать Валерию так же достойной мученичества, так как твердо решилась сама отдаться претору, безумный гнев овладел мной.

Схватив кубок, я вылил туда яд и сказал:

– Пей! Если ты уж решила непременно умереть, то умирай здесь, в этих стенах, а не на форуме. Или ты хочешь, бесстыдница, выставить тело свое на показ солдатам, служить посмешищем циничной, ревущей толпе? Ужели вместе с верой ты потеряла и женский стыд, бессердечное, негодное создание?

Темный румянец залил лицо Фабии; вырвав у меня кубок, она залпом опорожнила его; затем снова бросилась на колени и принялась молиться.

Валерий замолчал и вытер свой влажный лоб. Воспоминания давили его; только когда его друг наклонился к нему и сочув-

ственно пожал ему руку, он выпрямился и продолжал свой рассказ:

– Что я перестрадал тогда – неописуемо! Как безумный катался я по каменным плитам, терял рассудок от отчаяния. Но затем ярость снова овладела мной, когда я слышал, что она молится и призывает своего Бога; мне казалось, что она издевается над моим горем! Я кинулся к ней, чтобы задушить; но она упала у постели и голова её запрокинулась. Когда я чуть было не схватил её за шею, она как-то странно взглянула на меня и две крупные слезы скатились по её бледным щекам. Сожалела ли она в этот миг, что умирает молодой, красивой и любимой? Кто сможет дать ответ на это? Уста её сомкнулись. Тут охватила меня вся горечь понесенной утраты; не помня себя, я сжал её в своих объятиях, тряс её, звал – но голова её безжизненно поникла. Она была мертва.

О том, что было после, я не имею никакого представления. Только Евдор, мой вольноотпущенник, передавал, что я, как оказывается, пришел в триклиний, где был накрыт ужин, держа в объятиях труп жены, и что, пробормотав что-то непонятное, упал без чувств.

Три недели жизнь моя висела на волоске, а когда, наконец, я поднялся с постели, я стал таким, каким ты видишь меня – слабым, немощным старцем.

– Теперь, – краска гнева вновь залила бледное лицо Валерия, и кулаки его сжались, – ты понимаешь, конечно, почему я ненавижу христиан и почему желал бы от души, чтобы у этой секты была одна голова, дабы я мог разом отрубить ее.

Кай Марций встал, обнял своего друга и сказал в утешение:

– Я понимаю и разделяю твою горе, мой бедный друг! Благодарю за доверие, сожалею, что разбудил такие тяжелые для тебя воспоминания. Но прошлое непоправимо; подумаем лучше о будущем. Скажи, Валерия не унаследовала экзальтированный характер своей матери?

– Я не скажу этого! Она очень кротка, спокойна и ретива в исполнении своих религиозных обязанностей. А пробудится ли или нет в её душе наследственный яд отступничества – сказать трудно; Галл должен, во всяком случае, наблюдать за ней.

– Я предупрежу его об этом. Александрия кишит христианами. Он поступит благоразумно, если оградит свою жену от всякого соприкосновения с ними.

Вошедшие гости прервали задушевную беседу приятелей.

В назначенный срок Валерий уехал в свое имение близ Капуи.

Приехав домой ночью и не желая беспокоить дочь, он приказал передать Валерии, чтобы она завтра пришла к нему как только встанет.

На следующее утро Валерий работал в кабинете, приводя в порядок бумаги и документы, необходимые для реализации капиталов, предназначенных в приданое дочери, когда робкий голос около него сказал:

– Здравствуй, отец! Я пришла, как ты приказал.

Погруженный в расчеты, Валерий не заметил, как отворилась дверь, и не слышал легких приближающихся шагов; прошло несколько минут, прежде чем дочь решилась с ним заговорить.

Валерия была красивая девушка, высокая и стройная, с матовым цветом лица и с правильными чертами. Свежести и веселого задора молодости не хватало ей; от всей её фигуры веяло грустной задумчивостью.

– Здравствуй, дитя мое, – ответил Валерий. Поцеловав в лоб, он усадил ее.

– Я позвал тебя, чтобы объявить о большом счастье. Кай Марций Долабелла просил твоей руки для единственного сына своего Галла, и я дал согласие. Через шесть недель мы с тобой поедem в Рим, а месяца через два отпразднуем свадьбу.

Смертельная бледность разлилась по лицу Валерии и слезы брызнули из её глаз.

– Нет, нет, я не хочу выходить замуж! – прерывающимся голосом вскричала она, умоляюще протягивая руки к отцу. – Я хочу остаться с тобой!

Валерий вспыхнул и, нахмутив брови, спросил:

– Объясни, пожалуйста, почему это ты против такого блестящего союза?

– Я не хочу! Мне ненавистен брак! – повторяла Валерия, забыв в своем волнении страх, обыкновенно внушаемый ей отцом.

Валерий хрипло крикнул:

– Что смеешь ты говорить, несчастная! Тебе ненавистен брак, – самое священное и почтенное достояние женщины? Уж не стала ли и ты христианкой? Не вскружила ли и тебе голову проклятая секта, внушив отвращение к браку!

Валерия молчала; тогда отец с силой встряхнул её и повторил:

– Признавайся! Признавайся! Неужели ты осмелилась опозорить мое имя, вмешавшись в эту толпу нищих и сумасшедших? Да говори же! Признавайся! И у тебя что ли мания мученичества? Так знай же, что я собственными руками убью тебя, но не допущу, чтобы бич гулял по твоей спине на форуме, или чтобы гладиаторы волокли твое обезображенное и окровавленное тело по песку арены!

Он подбежал к стене, сорвал с неё сирийский, с кривым лезвием стилет и, грозно потрясая им, бросился к Валерии, которая, онемев от ужаса, упала на колени. В эту минуту он был действительно ужасен; лицо исказилось, глаза налились кровью, и клочья пены дрожали в углах рта.

– Признайся и умри, если ты христианка! – повторил он громовым голосом.

– Нет, я не христианка, – пробормотала полуживая Валерия. – Но я не знаю сына Долабеллы. Я не могу любить незнакомого мне человека и предпочитаю остаться с тобой.

Рука Валерия опустилась, и стилет упал на пол. Вздох невыразимого облегчения вырвался из его груди.

– Только-то? В таком случае брось свои глупости. Муж твой перестанет для тебя быть чужим, а Галл достаточно красив и воспитан, чтобы покорить сердце женщины. Твой брак решен бесповоротно.

Он поднял ее, и Валерия молча, с поникшей головой, шатаясь, вышла из кабинета отца. Придя к себе, она лишилась чувств. В тот же вечер у неё открылась горячка с бредом, и её жизнь долго была в опасности. Когда же, через несколько

недель, Валерия смогла встать с кровати, она казалась совершенно спокойной, и без всяких возражений занялась приготовлениями к отъезду в Рим. В душе она теперь жаждала уйти поскорее от отца. Подозрительные слухи, носившиеся между рабами о смерти её матери, дошли и до неё через кормилицу; а со времени последней сцены, она не сомневалась более, что Фабия убита мужем.

В таком настроении духа ехала она в Рим.

В день приезда Валерий немедленно отправился к своему старому приятелю, чтобы условиться о дне обручения, которое и назначили на послезавтра, так как Галл мог вернуться лишь накануне церемонии.

Спокойная, сосредоточенная появилась Валерия в базилике, переполненной уже родными, друзьями и избранными знакомыми; сенатор с сыном были уже там. По древнему обычаю, для церемонии был избран первый час дня, что, говорили, предвещает счастливый союз.

Галл был красивый двадцатисемилетний молодой человек; стройный, ловкий, умный и образованный, он пользовался большим успехом в Риме. К своему браку он относился равнодушно и ничего не возражал против. Молодая девушка, выбранная для него отцом, принадлежала к древнему роду патрициев, была богата и, как говорили, красива. Этого для него было совершенно достаточно, так как сердце это было свободно.

Тем не менее, когда он входил в базилику дома Валерия для заключения брачного договора с женщиной, которую должен был увидеть впервые, какое-то странное чувство любопытства и страха овладело им. С нервным нетерпением смотрел Галл на дверь, из которой должна была появиться невеста. И

когда она вошла, скромно опустив глаза, возглас восхищение чуть было не вырвался у него. Галл никак не думал, что Валерия так красива, и ему казалось, что он ещё никогда не видел ничего более очаровательного.

Валерий подвел дочь к жениху, сердце её болезненно билось, и голова упорно оставалась опущенной. Только тогда отважилась она посмотреть на человека, с которым соединялась на всю жизнь, когда чья-то рука пожала её ручку, а молодой, звучный голос спросил, настолько, впрочем, тихо, чтобы присутствующие не могли слышать:

– Ты не хочешь взглянуть на меня, Валерия, и сказать мне, не без отвращения ли идешь за меня замуж?

Молодая девушка подняла голову и, встретив ласковый взгляд больших карих глаз, с восхищением смотревших на нее, воспрянула духом; отчаянный ужас её рассеялся. Жених, которого она видела первый раз в жизни, казался ей необычайно знакомым; чувство доверия и покоя наполнило её душу.

– Я с охотой повинуюсь приказанию отца, – робко пробормотала она.

И она говорила правду! Галл был ей крайне симпатичен. Жить с ним казалось ей в тысячу раз предпочтительней, чем оставаться с отцом.

Час спустя, когда после подписания обручального договора, Галл подал ей гладкое железное кольцо, как символ заключенного обязательства, молодая девушка мило приняла его и с улыбкой надела на палец.

Три недели, оставшиеся до свадьбы, были полны празднествами и всевозможными развлечениями. Галл, все более и

более привязывавшийся к своей робкой и очаровательной невесте, хотел познакомить её с Римом, тем более, что тотчас после свадьбы молодые должны были ехать в Египет.

Наконец, настал день свадьбы. С самого утра молодые девушки, – частью знакомые жениха, другие – новые знакомые Валерии по Риму, – роем слетелись в дом Валерия одевать невесту. Выросшая и воспитанная в одиночестве, Валерия чувствовала себя счастливой среди своих сверстниц. Шумно и весело облачали они Валерию в белую, гладкую, спускавшуюся до земли тунику, обули в желтой кожи полусапожки, закутав её стан и голову, как подобало новобрачной, «паллой» красного цвета, напоминавшей головное убранство весталок и служившей символом чистоты и невинности. Брачный наряд был кончен и невеста, перецеловав подруг, пожелала им поскорей отпраздновать такой же счастливый день. Затем, в сопровождении благородной матроны, заменявшей ей покойную мать, молодая девушка направилась в базилику, где уже собрались все приглашенные.

В ожидании верховного жреца и Фламин-Диола, которые должны были благословить брак, не успели гости окружить невесту и осыпать поздравлениями и пожеланиями счастья, как раздался стук в дверь, возвещавший прибытие жрецов.

С почтительным вниманием Валерий и сенатор проводили обоих жрецов в саквариум дома; новобрачные, кое-кто из ближайших родственников и десять требуемых законом свидетелей последовали за ними; но Валерий приказал открыть перистиль, и остальные приглашенные собрались под портиками, откуда могли видеть всю церемонию.

Галл и Валерия сели на стул, покрытый шкурой овцы, принесенной в жертву, а Фламин-Диол стал перед ними, соединил

их правые руки и торжественно произнес священные слова, соединявшие брачующихся.

Затем Юноне – покровительнице брака – была принесена жертва, совершено было возлияние вина, молока и меда, и благословлен принесенный Валерией пшеничный хлеб, именуемый «фаром». Приношение хлеба давало иной характер церемонии, которая, в этом виде, носила название «конферреации», предоставляла жене самые широкие права и отличалась от практиковавшегося в Риме заключения брака посредством «купли». (Следует заметить, что римский брачный союз, заключаемый под видом «купли» (*coemptio*), лишал жену права почитать «пенат» своего мужа. Такая супруга не носила, подобно женщине, соединенной браком (*conferreatio*), титула «матроны», а именовалась лишь «матерью семьи» и положение её в доме, по закону, было близкое к положению рабыни.)

По окончании церемонии, всеми свидетелями подписан был брачный акт, который надлежало затем отослать в общественный «табулариум», а копию с него хранить в домашнем архиве. В тот же вечер, в час, когда на небе вспыхивает Веспер (Венера), Валерию с большой помпой отвели в дом её супруга. Когда шумный поезд новобрачной, при свете факелов, прибыл к дому Галла, убранному гирляндами зелени и цветов и освещенному плашками, молодой супруг стоял у входа и спросил, обращаясь к Валерии:

– Кто ты такая?

– Там, где ты – Кай, я буду – Кайя, – ответила молодая женщина.

Этот знаменательный для неё ответ, устанавливавший равенство между ней и мужем, и дававший ей право принимать

участие в религиозных отправлениях, присущих роду её супруга, был произнесен так скромно, так робко, что это вполне доказывало, что Валерия будет покорной женой. После этого заявления своих прав, Валерия приняла от одного из «патримов» (молодой мальчик из патрицианской семьи), сопровождавших ее, горящий факел и воду, в которой омочила руку, показывая этим, что очищается, и что с этой минуты будет делить с мужем огонь и воду, другими словами – жизнь. Затем она привязала к дверям белые шерстяные ленты, показывая этим, что будет рачительной хозяйкой и, для отвращения колдовства, обмазала их свиным и волчьим жиром. Потом, дабы новобрачная не коснулась порога ногой, подруги её подняли и внесли в дом.

Как только Валерия вошла, Галл появился на пороге и бросил сопровождавшим брачный поезд детям несколько горстей орехов, символически заявляя этим, что он отказывается от пустой, рассеянной жизни холостяка, чтобы отдаться великому долгу отца семейства.

В то время, в скептическом и развращенном Риме, заполненном чужеземцами, эти древние, некогда чтимые обряды большей частью были уже в забвении и практиковались очень редко; но ненависть Валерия к христианам побудила его окружить брак своей дочери всеми религиозными и гражданскими, установленными предками, церемониями.

В атриуме Валерии подали ключ – символ власти в хозяйстве, а муж подал на подносе несколько золотых монет, после чего все прошли в триклиний, где ожидал их великолепный ужин.

Глава II.

Переезд и прибытие в Александрию живо интересовали Валерию. Воспитанная отшельницей, в глухом имении отца, она не знала жизни, и теперь её все занимало и забавляло. Когда, стоя рядом с мужем на палубе триремы, она увидела древнюю землю Египта, непонятное, смутное чувство чего-то счастливого и тревожного охватило Валерию.

Устройство на новом месте послужило молодым супругам источником новых развлечений. Дом, который занимал легат, был великолепным зданием, построенным во времена Клеопатры, со всей утонченностью греческого искусства, и обставлен с восточной роскошью. Так как Галл с женой навезли из Рима множество дорогих вещей и многочисленный штат рабов, то порядок был восстановлен: муж и жена блаженствовали, и ни одно облачко не омрачало их супружеской жизни в роскошном жилище. Галл все более и более привязывался к кроткой и нежной подруге своей жизни. Валерия же, хотя и не питала страсти, но чувствовала к мужу глубокую, спокойную привязанность и была благодарна за постоянное внимание и доброту, которыми он окружал ее.

Так мирно протекло несколько месяцев. Галл уже составил себе круг знакомых и друзей, среди которых были: один философ, грек, по имени Филатос, да жрец храма Исиды, старый, бронзовый египтянин, считавшийся потомком древней царской династии; суровой внешностью он напоминал базальтовую статую.

Валерия любила беседовать с Филатосом и брала у него уроки греческого языка, который знала довольно плохо; старого же Пентаура она боялась и трепетала, когда черные глаза египтянина пристально глядели на нее. Галл же полю-

бил жреца и часто зазывал к себе, по целым часам беседуя о прошлом Египта; удивительная страсть к древней земле фараонов пробудилась в душе его, и он с необыкновенным вниманием и интересом посещал и исследовал развалины её прошлого величия.

Под влиянием этого чувства Галл решил посетить Мемфис или, вернее, уже его развалины, так как древняя столица, почти совершенно обезлюдевшая и заброшенная, давно служила для Александрии лишь источником, откуда эта последняя черпала для своего украшения произведения искусства, скульптуры и колонны.

Валерия, по нездоровью, не сопровождала мужа в этой поездке.

Отсутствие Галла, однако, затянулось; молодая женщина беспокоилась и подумывала даже ехать к нему, как вдруг легат явился, наконец, сам, здоровый, невредимый и в восторге от путешествия. Испросивши у жены прощения за причиненное ей беспокойство, он рассказал, что случайно сделал в Мемфисе очень интересную находку, и что эти-то именно раскопки да упаковка найденного и задержали его.

– А что же ты нашел? – с любопытством спросила Валерия.

– Я расскажу тебе все по порядку, – ответил Галл, усаживаясь рядом с женой. – Прежде всего, скажу тебе, что развалины Мемфиса произвели на меня очень странное впечатление. Все казалось мне необычайно знакомым; что-то смутное словно трепетало во мне при виде пустых храмов и покинутых дворцов. Если Пентаур прав и души неоднократно оживают в иных телах, то несомненно, что я некогда должен был жить в Мемфисе. Поглощенный этим странным чувством, я бродил по пустынным улицам, не будучи в состоянии рас-

статься с дорогими мне почему-то местами. Таким образом, вышел я на берег Нила.

Здесь когда-то, по-видимому, был сад, но пожар все уничтожил. От всех построек остались лишь груды почерневшего кирпича. На самом берегу реки высился громадный насыпанный курган и, сам не знаю почему, он заинтересовал меня, и я стал его осматривать. Тут я заметил, что с одной стороны земля осыпалась или, вернее, образовалась трещина, через которую виднелась кирпичная стенка.

Тотчас у меня явилось непреодолимое желание узнать, что таится под этой насыпью, и я решил произвести раскопки. Мое желание было исполнено Порцием, набравшим сотни две ютившихся в развалинах бедняков, которые рады были заработать хоть что-нибудь.

По мере того, как подвигалась работа, становилось ясно, что под этим курганом скрывалась небольшая пирамида. Высокая и узкая бронзовая дверь, запечатанная печатью, закрывала вход.

– Не могу передать тебе, Валерия, что я почувствовал, когда осторожно снял печать и мои люди, после долгих усилий, открыли дверь...

– И ты нашел сокровища? – перебила Валерия, с возрастающим интересом следившая за рассказом мужа.

Галл улыбнулся и покачал головой.

– Ты почти угадала! Пирамида скрывала сокровище... искусства: два сфинкса такой чудной работы, какой я ещё никогда и не видывал. Глаза из драгоценных камней кажутся живыми, клафты – эмалированы... да, впрочем, ты сама скоро их уви-

дишь! Но самое необычное и поразительное это то, что женская голова одного из колоссов удивительно похожа на тебя!

– Как? Голова сфинкса похожа на меня? – вскричала пораженная Валерия.

– Поразительно! Конечно, есть маленькая разница, но общий тип, профиль, выражение и, наконец, что-то неуловимое, но что невольно бросается в глаза, – делает сходство с тобой удивительным.

– Ну, а другой сфинкс?

– У другого – голова мужчины и, надо признаться, очень красивого. Но дай же мне кончить мой рассказ.

Когда мы проникли в пирамиду и осветили внутренность её факелами, я тотчас же понял, что мы в погребальном склепе. В боковых нишах виднелись статуи различной величины, а в глубине стоял жертвенный стол, на котором лежали ещё приношения. Над столом виднелась каменная плита, покрытая письменами, а по бокам стояли два сфинкса и несколько треножников. С потолка спускалась лампа, некогда освещавшая этот склеп.

Я приказал снять плиту с надписью, а за ней, в нише, оказалась мумия женщины, в великолепном, вызолоченном и покрытом инкрустацией саркофаге.

Я решил увезти с собой все, что нашел; упаковка и задержала меня, так как я хотел быть уверенным, что все придет в целости. Для верности я оставил там Порция с конвоем.

– А когда же прибудет твой транспорт?

– Да, думаю, дня через три или четыре. Надеюсь, что найденная надпись даст нам ключ к этой загадке.

– Но ведь ты не умеешь разбирать иероглифы!

– Я-то нет, но нам прочтет их Пентаур.

Несколько дней спустя прибыл Порций, благополучно доставивший все находки своего господина.

Тотчас же было приступлено к распаковке. Обоих сфинксов и мумию поставили в большой, полуоткрытой зале, выходящей в сад.

Удивление и какое-то болезненное чувство охватило Валерию, когда она взглянула и убедилась в сходстве, существовавшем между ней и одним из сфинксов. Зато лицо другого сфинкса показалось ей необыкновенно симпатичным. Впрочем, все эти чувства заслонило собой напряженное любопытство, когда прибыл Пентаур, за которым посылал легат.

Расспросив у Галла некоторые подробности, старый жрец долго рассматривал обоих сфинксов, а затем принялся разбирать надпись надгробного камня.

– Надпись эта указывает нам только на имя и общественное положение покойной, – сказал он, выпрямляясь. – Вот что написано на этом камне: «Здесь почивает в Осирисе царица Нуита, дочь Рахотепа и Тихоты, сестра фараона Уахибри и супруга царевича Пуармы, начальника телохранителей фараона Яхмоса».

Дальше следует довольно темный рассказ о том, что царица, пораженная какой-то таинственной болезнью, напущенной на неё колдовством, вследствие вещего сна, отправилась на богомолье в Абидос и скончалась там, у самой гробницы бога, пораженная небесным огнем.

– Относительно же сфинксов и причины, по которой пирамида была засыпана землей, здесь никаких указаний нет, – прибавил старец.

Вечером того же дня Галла потребовал к себе проконсул по какому-то спешному делу, и так как легат рассчитывал вернуться очень поздно, то Валерия поужинала одна и легла спать.

Но как ни старалась она заснуть, как ни ворочалась с боку на бок на шелковых подушках, все было тщетно: сон бежал с её глаз. Мысль о сфинксах, найденных мужем, её не покидала, и ей неудержимо захотелось снова увидеть их. Наконец, не будучи в силах противиться больше своему желанию, Валерия тихо встала с кровати и спустилась вниз.

Полная луна светила необыкновенно ярко. Через широкое окно виден был залитый светом сад и колоннады. В зале, где стояли сфинксы, было светло, как днем, и лишь в самой глубине царил таинственный полумрак, прорезанный тонкой струйкой света, которая золотила мозаику пола и украшения саркофага; глаза сфинксов горели, точно живые.

Охваченная ужасом, Валерия остановилась на пороге; но её по-прежнему влекло к статуям, и это влечение побороло испытываемый ею страх. Она перебежала залу, остановясь перед сфинксом с мужской головой, и с беспокойным любопытством стала его рассматривать. Где могла она видеть эти правильные черты, тонко обрисованный рот и орлиный нос? Тщетно рылась она в своих воспоминаниях – память её молчала. Вдруг у неё закружилась голова, ей почудилось, что сфинкс стал выделять из себя какой-то удивительный, удушливый аромат. Члены её отяжелели, и она, сама того не замечая, опустилась на колени, не спуская взора с изумрудных, пронизывающим взглядом смотревших на неё глаз сфинкса.

Валерии казалось теперь, что она витает в воздухе и что все вокруг неё приняло иной вид: своды залы сменились ветвями деревьев, а сфинкс зашевелился и мало-помалу принял облик человека, который склонился к ней, привлек её в свои объятия и страстно поцеловал. Незнакомое, никогда ещё неизведанное ею чувство наполнило сердце Валерии; невыразимое блаженство охватило ее. Но все это мелькнуло лишь на миг; глубокая ночь объяла все, и Валерии казалось, что она летит в мрачную бездну; последний проблеск сознания угас...

Было за полночь, когда Галл вышел из дворца проконсула. Такая теплая ароматная чудная ночь стояла вокруг, что ему захотелось пройтись пешком; отослав носилки, он медленно побрел домой. Ближе всего было пройти садом, и Галл давно уже приказал проделать в стене калитку, ключ от которой всегда носил с собой.

Этой-то дорогой он и возвращался домой, прошел через сад и поднимался уже по ступеням, ведущим в открытую залу, где стояли сфинксы, но остановился и прислонился к одной из колонн, задумчиво смотря на стоявшие перед ним памятники протекших веков. Вдруг ему почудилось, что мумия зашевелилась и что от саркофага отделилась фигура женщины, похожей на Валерию, но одетой по-египетски в тунику и клафт, украшенный уреем.

Галл удивленно протер глаза и, будучи скептичен, быстро подошел к мумии, желая себя проверить, и остановился, как вкопанный. Мумия неподвижно лежала на своем месте, улыбаясь ему своими эмалевыми глазами; но зато на спине одного из сфинксов сидела женщина такой обаятельной красоты, какой Галл ещё и не видывал. Прозрачная туника едва скрывала её чудные формы, притом столь легкие и стройные, что все тело казалось сотканным из воздуха.

Большие, сверкающие, голубые, как сапфир, глаза с любопытством смотрели на него. Маленькое, бледное личико отличалось классической правильностью камен; золотистые волосы точно блестящим покровом окутывали это воздушное видение.

Сколько времени простоял он так, не двигаясь, точно очарованный, Галл сам не мог сказать. Но вдруг фигура незнакомой женщины стала бледнеть, таять и, наконец, совсем исчезла в сфинксе. Точно пробудившись от сна, Галл вздрогнул и провел рукой по лбу. Что это с ним? Никогда ещё не испытывал он ничего подобного. Окинув вокруг себя рассеянным взглядом, он вдруг заметил женщину в белой одежде, лежавшую у цоколя второго сфинкса, и, к глубокому своему удивлению, узнал в ней жену.

Валерия лежала без чувств; тело её похолодело, широко-широко открытые глаза приняли стеклянный оттенок. Перепуганный Галл поднял её и перенес в соседнюю комнату, где положил на ложе. Валерия вздрогнула и открыла глаза.

– Что с тобой, дорогая? Как очутилась ты здесь? – с беспокойством спросил Галл.

Молодая женщина, краснея, призналась в своей фантазии пойти ещё раз посмотреть на сфинксов; но когда она пришла сюда, ею овладело какое-то необъяснимое состояние. Сначала её мучило видение, которое она тут же рассказала, а потом она ничего более не помнит.

Странное совпадение, что его жена была свидетельницей такого же, как и у него самого, фантастического видения, страшно поразило легата. Однако, он промолчал о своем собственном приключении, отвел Валерию в спальню, дал выпить успокоительных капель, и она заснула.

А Галл лежал с открытыми глазами, размышляя о случившемся. Вдруг легкий и гармоничный звук привлек его внимание. Онемев от удивления, он Увидел, как заколебалась и откинулась завеса, и на пороге появилась та же женщина с рыжими, золотистыми волосами. Легко, как тень, скользнула она на середину комнаты и принялась танцевать. Вся фигура её была закутана в какую-то прозрачную дымку, при свете которой блестели драгоценные украшения и вышивки платья, а рыжие волосы отливали золотом. Широко открытыми от удивления глазами любовался Галл на этот странный танец, отличавшийся от всего того, что он доселе видел. Медлительные и грациозные движения танцовщицы отличались невыразимой пластичностью; гибкое, нежное тело её запрокидывалось и сгибалось, как тростник от ветра; высоко поднятые руки давали возможность оценить все идеальное совершенство её форм. Движение становилось все быстрее и быстрее. Она вертелась на носках и летала как бабочка, золотистая грива её развеивалась по воздуху, а серебристый шарф, который она держала над головой, раздувался, как парус. С полузакрытыми глазами и приоткрытыми устами, она казалась воплощением страсти. Танцуя все быстрее и быстрее, она представляла уже из себя одно только серебристое облако, в котором все более и более исчезали её формы, как пар.

Галл с тяжелым вздохом приподнялся и снова, упал на подушки. Уж не сходит ли он с ума?

От волнения он всю ночь не мог сомкнуть глаз и лишь на рассвете забылся на несколько часов тяжелым сном.

Когда он проснулся, впечатление ночного видения побледнело, и ему было стыдно признаться в таких глупостях, вызванных, очевидно, переутомлением. Затем в течение недели

ничего сверхъестественного более не произошло, и жизнь шла своим чередом. Галл вполне успокоился, и совершенно забыл бы про этот эпизод, если бы не Валерия, которая жаловалась на головную боль всякий раз, когда они собирались в зал сфинксов. Она утверждала, что чувствует удушливый аромат, причиняющий ей головокружение; но так как никто больше этого аромата не ощущал, то над Валерий трунили, а Филатос, шутя, даже уверял ее, что вероятно царица Нуита, завидуя её живой красоте, на зло вызывает у неё головные боли, отравляя воздух ей одной приметным ароматом.

Как-то ночью легат вернулся домой крайне утомленным, и только что стал засыпать, как пахнувший ему в лицо порыв холодного ветра и дрожащий, гармоничный звук, уже раз слышанный им, разбудили его, и он увидел в нескольких шагах от кровати женщину, уже дважды являвшуюся ему. На этот раз она казалась печальной, и в больших синих глазах её стояли слезы. Скользнув к постели, она наклонилась к Галлу и прошептала слабым, как дыхание, голосом:

– Разбуди меня! Освободи от ужасного сна, сковывающего мое тело! О! Как ужасно спать так долго, быть осужденной на неподвижность, когда душа блуждает подобно летучей мыши, не живет жизнью человеческой и не пользуется свободой существ, населяющих пространство! О приди! Я укажу тебе секрет, и ты вернешь меня к жизни. Идем же!

Галл чувствовал прикосновение холодной, мягкой, воздушной руки. Он уже встал и машинально готов был последовать за своей таинственной гостьей, как вдруг раздался страшный крик – и Валерия, с искаженным от ужаса лицом и с широко открытыми глазами поднялась на своем ложе. В тот же момент видение исчезло, и когда Галл окончательно пришел в себя, он увидел, что стоит посреди комнаты и чувствует во

всем теле ледяную дрожь. Подавив с усилием овладевшую им слабость, он добрел до кровати и спросил Валерию, что так испугало ее?

– Ах! Какой ужасный сон я видела, – ответила она, прижимаясь к мужу. – Я видела, что сфинкс с головой женщины вошел в нашу комнату и поднял на нас с тобой свою тяжелую, каменную лапу.

– Клянусь Плутоном и всеми божествами ада, я более не сомневаюсь, что эти проклятые сфинксы заколдованы! – с гневом вскричал Галл. – С тех пор, как эти чудовища под моей кровлей, они ни днем, ни ночью не дают нам покоя.

И он рассказал жене свои видения, прибавив:

– Завтра же прикажу убрать их в павильон в конце сада. С меня довольно их соседства, и первый их хозяин, конечно, не без основания засыпал их землей.

Валерия поддержала мужа и, несмотря на симпатию, какую внушал ей сфинкс с мужской головой, несмотря на восхищение, возбуждаемое в Галле этими произведениями искусства, на завтра было решено их изгнание.

На следующий день, перед завтраком, явились Филатос и Пентаур. Первый – давать урок греческого языка Валерии, второй – с просьбой от своего храма. Галл оставил обоих у себя на трапезу, и тут, в беседе за кубком доброго вина, со смехом, предложил друзьям присутствовать при изгнании сфинксов, которых он выселял в конец сада за то, что они смущают их покой.

Видя удивление гостей, Галл рассказал вкратце свои и жены галлюцинации, затем прибавил смеясь:

– Хотите, так после завтрака мы пойдем все присмотреть за переноской сфинксов. Если я и изгоняю их из своего соседства, то нисколько не желаю, чтобы они были повреждены.

Когда хозяева и гости вошли в залу сфинксов, там уже работала целая толпа рабов. У самых ступенек стояли катки и несколько человек закручивали веревки. Сидя на спине статуи, один из рабов обматывал канатом шею сфинкса, как вдруг, благодаря неосторожному движению, он потерял равновесие, инстинктивно схватился за цветок лотоса и, сам того не подозревая, нажал пестик цветка.

Послышался треск, и сфинкс стал медленно сползать со своего места, открывая зияющую пустоту в цоколе.

Раб с криком свалился на землю, а присутствующие в ужасе попятились: где же это видано, чтобы сфинкс мог двигаться. Галл первый подбежал к сфинксу и с удивлением вскричал:

– Смотрите! В цоколе пустота, а в ней, если не ошибаюсь, лежит мумия.

Подошли и остальные, с любопытством заглядывая внутрь, где на пурпурных подушках, со шкурой пантеры на ногах, лежало тело женщины, судя по длинным, белокурым волосам. Лицо её было прикрыто пожелтевшим полотном.

Галл нетерпеливо сорвал это покрывало – и окаменел от удивления, не веря своим глазам: перед ним лежало тело женщины его ночных видений. словно восковая покоилась Эриксо в своем саркофаге, озаренная лучами солнца, тысячу искр переливавшегося в драгоценных камнях её ожерелья.

– Да это настоящая Афродита! Никогда не видал я более прекрасного человеческого создания! – с восторгом вскричал Филатос.

Затем, повернувшись к жрецу, он прибавил:

– Посмотри, Пентаур! Видел ли ты когда-нибудь так хорошо сохранившееся тело? Великая наука твоих предков только и могла создать такое произведение искусства.

Жрец наклонился и, после внимательного осмотра, заметил:

– Я никогда ещё не видывал мумии без повязок, притом так чудно сохранившейся. Да, вот там, рядом с телом, стоит шкатулка, в которой, может быть, содержатся объяснения этой тайны.

Галл быстро вытащил небольшую шкатулку слоновой кости и открыл ее. В ней лежали два маленьких флакона и тоненький свиток папируса, покрытый иератическими знаками.

– Это по твоей части, любезный Пентаур, прочти-ка нам папирус! – сказал легат, подавая египтянину свиток.

Жрец принялся читать, и глубокое удивление отразилось на его бронзовом лице.

– Написано здесь следующее: «в небольшой кубок теплого вина прибавь половину содержимого желтого флакона, а затем, капля за каплей, влей эту смесь мне в рот», – прочел Пентаур.

Все молча с недоумением переглянулись. Загадка осложнилась. Галл первый дал совет:

– Попробуем, друзья мои, последовать этому указанию! Остальное же в воле богов. Сначала давайте вынем этот таинственный труп из его вековой гробницы, да перенесем его

туда, на скамью. А ты, Филатос, прикажи принести кубок теплого вина.

Они осторожно подняли тело Эриксо и вынесли в сад. Тело было гибко и при дневном свете носило землистый оттенок; ногти и веки посинели.

– Она мертва! Какая роковая судьба погребла ее, такую молодую и дивно прекрасную, в подобном саркофаге? – с участием заметила Валерия.

В эту минуту вернулся Филатос с кубком теплого вина, и Пентаур влил, согласно указанию, половину жидкости из желтого флакона. Вино зашипело и приняло красный цвет крови. Лезвием стилета удалось с трудом раскрыть стиснутые зубы Эриксо и влить ей в рот вино.

Сначала все оставалось по-прежнему, и вливаемая жидкость мало-помалу уходила внутрь. Присутствующие окружили скамейку и не сводили глаз с лежащей; но вот тело стало видимо терять свой землистый вид, синева исчезать, а кожа белеть, пока не стала розовой. Прошедшие четверть часа показались им вечностью. Вдруг дрожь пробежала по неподвижному до того телу, маленькие ручки конвульсивно сжались и тяжелый вздох вырвался из её груди.

– Она жива! Клянусь бородой Юпитера, она жива! – вскричал Галл, жадно наклоняясь над незнакомкой.

Та теперь правильно дышала, ресницы её трепетали; очевидно, глаза её с минуты на минуту откроются.

Будут ли они такими же голубыми, как глаза моего видения? – как молния пронеслось в голове легата.

Решение вопроса не заставило себя долго ждать. Новая, более сильная дрожь потрясла нежное тело незнакомки, она

приподнялась и открыла свои большие, синие, как небо Египта, глаза, боязливо взглянувшие на окружающих, незнакомых людей. Те снова попятились в сверхъестественном ужасе перед этим необыкновенным существом.

Несколько минут прошли в томительном молчании. Незнакомка, между тем, встала со скамейки, но тут же прислонилась к стене – ноги дрожали и отказывались служить ей. Минуту спустя, она спросила по-египетски:

– Где я? Кто вы, неведомые мне люди? Один Пентаур понял её и, подойдя, мягко ответил:

– Ты находишься среди друзей. Но прежде всего, дитя мое, поведай нам, как тебя зовут и кто ты?

– Меня зовут Эриксо. Я ясновидящая великого Аменхотепа, которого боится и чтит весь Мемфис. Тебя, отец мой, я узнаю по твоим знакам: ты жрец великой башни Исиды. Прими привет мой! С этими словами она преклонила колени перед жрецом.

– Будь моим покровителем! – продолжала она. – Дай или попроси у этих незнакомых мне жрецов носилки, в которых я могла бы вернуться к себе домой. Или ещё лучше, пошли кого-нибудь за моим карликом Бизу и нашими носильщиками.

Сожаление и участие мелькнули на бронзовом лице египтянина. Он уже готовился отвечать, как Филатос нетерпеливо перебил его:

– Что она такое говорит? Передай нам разговор, Пентаур. Разве ты не видишь, что мы умираем от любопытства?

– Клянусь, он прав! – со смехом прибавил Галл.

Оба говорили по-гречески. Можно представить себе их восхищение и удивление, когда Эриксо, обернувшись к ним, радостно спросила:

– Вы – греки? Без сомнения, вы жрецы, прибывшие из страны моих предков? О, как я рада! Скажите мне, у кого я нахожусь? Я хотела бы вернуться домой, я так устала и проголодалась.

Она на минуту задумалась, а потом прибавила нерешительно:

– Мне надо видеть Бизу! Не понимаю, почему он не исполнил в точности моих приказаний?

Теперь все её понимали, так как она говорила по-гречески, и слова её вызвали общее участие; однако никто не решился, не подготовив ее, открыть ей ужасную истину, что целые века прошли с тех пор, как неизвестные причины побудили её улечься в цоколе сфинкса.

Галл первый собрался с духом. Взяв за руку Валерию, он подошел к Эриксо и дружески сказал:

– Здесь ты у меня! Это моя жена Валерия и она будет тебе сестрой. Как и я, она приветствует тебя под нашей кровлей. Ты сказала сейчас, что ты голодна. Позволь же мне предложить тебе подкрепить твои силы, а переговорить об остальном мы ещё успеем.

Она поблагодарила, пошла за ними в триклиний, где уже был накрыт стол. Но Эриксо видимо была обеспокоена и с недоверием осматривала окружающее. Выпив кубок вина и съев несколько медовых пирожков, она снова начала просить, чтобы её доставили домой.

– А кто же этот Аменхотеп, к которому ты хочешь вернуться? – спросил Галл.

– Как, ты не знаешь Аменхотепа? Ты не знаешь великого мага, повелевающего силами природы? Духи пространства служат ему, он может подниматься на воздух и одним мановением руки создать дворец! – вскричала Эриксо.

Затем она недоверчиво прибавила:

– Ты, кажется, просто хочешь посмеяться надо мной! В Мемфисе все, начиная с фараона и кончая последним паракситом и водоносом, знают Аменхотепа и его жилище на берегу Нила.

– А как имя фараона, удостоивающего своим доверием мага – твоего господина? – в свою очередь спросил Пентаур.

Эриксо вдруг страшно побледнела; очевидно, подозрение чего-то неизвестного и ужасного зародилось в её душе, так как она ответила тихо, слегка дрожащим голосом:

– Славный фараон Яхмос II – жизнь, сила и здоровье – носил двойную корону земли Кеми, когда я заснула. Да говорите же, – вскричала она, видя удивленные, испуганные взгляды присутствующих, – где я? Кто вы? Может быть, вы – те самые враги, о которых говорил Аменхотеп? Сколько же времени я спала? Где нашли вы меня? – засыпала она тревожными вопросами.

Такая тоска и отчаяние слышались в её словах, что все жалели её от души. Подойдя к Эриксо, Галл пожал ей руку и сказал:

– Успокойся и с мужеством терпи все случившееся! Ты спала очень долго, и время безжалостно уничтожило кругом тебя все, тебе близкое! Но не отчаивайся, милосердные боги при-

вели тебя к друзьям, которые будут любить тебя и постараются заменить тебе утраченное.

Осторожно, слово за словом, начал он излагать молодой девушке, где и как её нашел, и какие перемены произошли в мире за семьсот восемьдесят лет, истекших со времени царствования Амасиса.

Эриксо слушала его, бледная, как полотно, с широко открытыми глазами, сжав на груди руки. Когда она осознала вполне, что от всего, что некогда окружало ее, остались лишь одни развалины, что она одинока в этом новом и чужом ей мире, ужас объял ее; она схватилась руками за голову и в безумном отчаянии заметалась по триклинию, ударяя себя в грудь и вырывая волосы. Наконец, в изнеможении, она повалилась на пол и разразилась рыданиями. Присутствующие хранили глубокое молчание, понимая, что несчастной надо дать, прежде всего, выплакаться. Только когда слезы Эриксо иссякли, Валерия опустилась около неё на колени, обняла и стала утешать, говоря, что в ней и её муже она найдет новую семью, а в Пентауре и Филатосе преданных друзей. Затем Валерия тихо подняла ее, а Галл убедил выпить кубок вина.

Эриксо машинально повиновалась. Она, казалось, была совершенно подавлена. Однако вино, видимо, оживило её силы. Она выпрямилась и сказала усталым тоном:

– Дайте мне взглянуть на мумию и сфинкса, в котором вы нашли меня. Когда я заснула в пирамиде, там никакой мумии не было. Не понимаю, кому может она принадлежать!

– Пойдем. Я покажу тебе все наши находки, – ответил Галл. В зале сфинксов все осталось нетронутым. Вербки валялись на плитах, катки стояли у ступней, а мумия лежала на земле.

При виде обоих сфинксов глухое восклицание сорвалось с уст Эриксо:

– Оба здесь! – торопливо, с волнением пробормотала она. – Рамери, значит, должен спать во втором сфинксе. Или цоколь уже пуст?

– Не зная секрета, признаться, мы не искали во втором цоколе, – ответил не менее взволнованный Галл, узнав, что ещё одно человеческое существо спит в другом сфинксе.

А Филатос поднял при этом руки, да так и застыл в своей позе немного удивления. Приключение усложнялось, принимало неожиданные размеры, и он жаждал узнать подробности этой необычайной драмы, о которой Эриксо не обмолвилась ещё ни словом. В эту минуту молодая девушка увидела мумию и, опустившись на колени, стала жадно рассматривать ее.

– Это Нуита... Ах, что скажет Рамери, который так любил ее?.. – взволнованно пробормотала она.

Сознание неслыханных последствий всего того, что она надела, все более и более подавляло ее. Что случилось с Аменхотепом? Погиб ли он?..

Она страстно желала и надеялась на последнее, так как одна мысль о гневе мага приводила её в содрогание.

– Слушай, Эриксо! Расскажи же нам, что вызвало твой необычайный сон? Мы имеем право на твое доверие, – сказал Галл, молча наблюдавший до сих пор за выражением лица молодой девушки.

Сдерживать далее свое любопытство он был не в силах. Эриксо понимала, что должна дать объяснение людям, от которых зависела; но надо было собраться с мыслями и соста-

вить себе план действий прежде, чем будить Рамери, как ни желала она поскорей увидеть его.

– Правда! Ты имеешь право знать мое прошлое. Древнюю тайну поведаю я вам, – с горькой саркастической улыбкой ответила она, гордо выпрямившись.

Сев рядом с Валерией на скамью, она кратко, с некоторыми благоразумными сокращениями, рассказала историю своей жизни у мага, свою любовь к Рамери и страсть последнего к Нуите, невесте царевича Пуармы; передала затем план, придуманный магом для счастья влюбленных, и хитрость, при помощи которой воспользовалась этим планом сама.

Когда она кончила свой рассказ, воцарилось продолжительное молчание. Все были под тяжестью впечатления, вызванного этой драмой далекого прошлого.

– Надо же, однако, разбудить несчастного скульптора, – заметил, наконец, Пентаур. – Ты должна это сделать; ты, которая неразумно играла с огнем и осмелилась коснуться сил, могущество которых тебе не было известно.

– Да, Эриксо, разбуди бедного Рамери! Вот ларец с флаконами, – прибавил Галл. – А мы уйдем, чтобы, когда он проснется, он увидел только тебя, как лицо, ему уже знакомое. Я пришлю сейчас вино.

Эриксо рассеянно взяла шкатулку и осталась сидеть, погруженная в свои думы, и только лишь когда Галл сам принес ей кубок с теплым вином, она встала и молча, жестом, поблагодарила его. Валерия и Галл с друзьями удалились в соседнюю залу, наблюдая сквозь щель завесы, что произойдет.

С минуту ещё сидела Эриксо задумавшись. Затем, встряхнув головой, подбежала к сфинксу, ловко вскочила на пьедестал

и нажала цветок лотоса. Статуя тотчас же сдвинулась и открыла зиявшую внутри пустоту, над которой Эриксо жадно склонилась.

Видно было, как она сняла пожелтевшее полотно и швырнула его на пол и затем подбежала к столу, на котором стояли кубок и шкатулка. Приготовив питье, она снова вернулась к сфинксу, села на край отверстия и время от времени наклонялась, поднося, вероятно, кубок к устам спящего.

Прошло с четверть часа. Вдруг Эриксо быстро выпрямилась и соскочила на землю. Послышался легкий шум и затем, из углубления появилась голова мужчины в клафте. С минуту он сидел, сжимая голову руками; потом вышел из саркофага, где пролежал столько веков.

Это был высокий, худощавый молодой человек, с бронзовым цветом кожи. Большие черные глаза его с удивлением и беспокойством блуждали по незнакомым предметам. Наконец, он увидел Эриксо, которая прижалась ко второму сфинксу, смертельно бледная, держа ещё в руках кубок с остатком вина. Радостная улыбка осветила лицо Рамери, открыв ряд белоснежных зубов. Быстро подойдя к молодой девушке, он сказал:

– Опять ты, благородная дочь Аменхотепа! Ты пришла разбудить меня? Благодарю тебя! Но доверши свои благодеяния и позволь выпить этот остаток вина.

Продолжая весело улыбаться, он взял у неё из рук кубок и осушил его. Затем, расправляя затекшие члены, вскричал:

– Долго, должно быть, я спал: руки и ноги точно онемели! Скажи мне, почему отец твой не пришел сам, как обещал? После того как блестяще сдержал свое обе...

Он смолк, когда увидел мумию. Смертельно побледнев, он наклонился и стал торопливо разбирать надпись.

– Нуита! – вскричал он вдруг, отступая. – Нуита! Она умерла через год после своей свадьбы. О! Зачем же Аменхотеп будил меня?!

Безысходное горе и отчаяние звучали в этом возгласе; опустившись около мумии, он горько зарыдал.

Эта сцена произвела глубокое впечатление на присутствующих. Им странно было видеть, конечно, человека, оплакивающего смерть женщины, умершей семь веков тому назад; но под впечатлением всего пережитого ими за этот день, они забывали, что для воскресшего смерть эта относится ко вчерашнему дню, что в сердце человеческом для любви времени не существует и что божественный огонь этого чувства вечен, как сама вечность!

Наконец, Рамери поднялся и снова бессильно опустился на мраморную скамью, сжав голову руками. Вдруг затуманенный слезами взгляд его снова упал на Эриксо.

– Дочь Аменхотепа! Объясни мне все. Я ничего не понимаю! Я вижу моих сфинксов... Зачем взяли их из пирамиды? Как очутились они вместе с мумией Нуиты в этом незнакомом месте? Почему она не спала, как и я? Сколько времени я спал? И зачем только мой могущественный покровитель разбудил меня, когда моя возлюбленная погибла от какого-то неизвестного, таинственного недуга, как гласит эта надпись!

Эриксо медленно подошла к нему, смертельно бледная, с лихорадочно блестящими глазами.

– Во втором сфинксе спала я! – упавшим голосом тихо сказала она. – Мы долго спали, так долго, что царство фараонов

пало, а Мемфис обратился в развалины. Нас нашли случайно чужеземцы. Они-то и разбудили меня сегодня утром в этом незнакомом городе, которого и не существовало в наше время...

– Да ты с ума сошла или смеешься надо мной? – гневно перебил её Рамери, вскакивая. – Говори! Признавайся, что ты солгала! Отвечай, почему ты, а не моя возлюбленная Нуита легла в тайник, приготовленный твоим отцом?

– Рамери! – сказала Эриксо, опускаясь на колени и умоляюще протягивая к нему руки. – Выслушай и прости меня, если можешь, а нет, так убей! Ты узнаешь всю истину. Любовь, внушенная тобой, толкнула меня на преступление.

Прерывающимся от волнения голосом она в нескольких словах, опуская свою жизнь у мага, рассказала ему свою любовь к нему и свою хитрость, которой воспользовалась, чтобы заменить собой Нуиту, надеясь проснуться молодой и прекрасной, когда царица уже состарится. Что помешало осуществлению этого плана – она не знает и может лишь удостовериться, что только благодаря этому неизвестному обстоятельству, они проспали целые века, и проснулись в этом новом, чуждом для них мире.

Жадно наклонившись вперед, тяжело переводя дыхание и сжав кулаки, слушал её Рамери.

– О! – вскричал он вне себя, с силой отталкивая Эриксо. – Тварь презренная! Что ты наделала? На какие муки Аменти ты обрекла меня?

Обезумев от ярости, он искал за поясом рукоятку кинжала.

Галл нашел, что настала минута вмешаться в это дело; Пентаур вполне был с ним согласен. Оба в два прыжка очутились

около Эриксо, которая продолжала стоять на коленях и не сделала ни малейшего движения для своей защиты. При виде жреца и незнакомого человека в чужеземной одежде, Рамери опустил руку. Искраженное гневом лицо его прояснилось, когда старый жрец положил ему на плечо руку и сказал по-египетски:

– Приди в себя, сын мой, с твердостью, как подобает мужчине, неси то, что ниспослали тебе боги. Эта несчастная согрешила из любви к тебе. Как ни велико твое горе, ты не должен быть жесток к ней. Наказание заслуживает не Эриксо, а тот неосторожный маг, допустивший проникнуть в эту тайну и давший ей в руки ужасное и таинственное зелье.

– Уважаемый отец! Итак, все, что я слышал, правда? Возможно ли? – пробормотал Рамери.

– Увы! Сын мой, все – правда и возможно, раз ты живешь. Тебя зовут Рамери, да? Итак, Рамери, в поразившем тебя несчастье боги были милосердны к тебе. В хозяине этого дома, благородном Галле, они дают тебе друга и покровителя, который поможет тебе устроить новую жизнь. Если ты, как и Эриксо, говоришь по-гречески, то вы можете объясниться с ним.

– Я говорю по-гречески, – тихо ответил египтянин.

– Я очень рад услышать это, – сказал Галл, пожимая ему руку. – Не отчаивайся! Как ни велико и понятно твое горе, мы постараемся облегчить тебе его. Ты потерял любимую женщину. Но время излечивает все раны, а здесь ты найдешь друзей. Ты великий художник! – продолжал Галл, указывая на сфинксов. – В искусстве найдешь ты утешение и забвение. Как мой друг и брат, живи у меня в доме; он достаточно ве-

лик, и ты можешь в нем устроить себе мастерскую по своему вкусу. А теперь идем и подкрепись.

Рамери крепко пожал руку молодого патриция.

– Благодарю тебя за твое великодушие и доброе слово; заранее прошу простить мне, если я погрешу против ваших обычаев.

– Ты увидишь своих новых современников и, может статься, найдешь, что они не хуже прежних, – весело ответил Галл, сердечно обнимая молодого человека.

В это время Пентаур поднял Эриксо. Обернувшись к ней, скульптор сказал печально, но без гнева:

– Не плачь, безумная! Ты единственный уцелевший обломок моего прошлого. Итак, будем же друзьями.

Голубые глаза Эриксо радостно вспыхнули. Схватив руку Рамери, она поднесла её к своим губам.

Галл провел своего нового друга в ванную. Он хотел, чтобы тот освежился и избавился от острого и удушливого аромата, которым он был пропитан.

Калдариум легата был обставлен с чисто римской утонченной роскошью. Ванна была из порфира; статуи украшали стены, покрытые живописью, изображавшей морские виды с наядами, тритонами, сиренами и другими водяными божествами; задрапированные пурпурной тканью лежа манили к отдыху.

С наивным любопытством рассматривал Рамери окружающую его роскошь; но статуя Венеры, выходящей из волн, привлекала все его внимание.

– Как это прекрасно! Какой прогресс сделало ваше искусство! – с восхищением вскричал он, любясь статуей. – Я вижу, что раньше, чем приняться снова за свое ремесло, мне придется поучиться у кого-нибудь из ваших скульпторов, так как я не хочу отставать. Как ты думаешь, Галл, возможно это?

– Конечно, возможно! Я знаю здесь отличного скульптора, который с радостью с тобой займется. Впрочем, немного придется ему учить такого великого художника, как ты. Твои сфинксы – это верх совершенства!

– Благодарю тебя за похвалу и обещание меня устроить.

– Смело рассчитывай на это! Повторяю, ты скоро нагонишь то, в чем наше искусство превзошло ваше. Пока отдыхай и привыкай к нашим нравам и обычаям, твое искусство поможет тебе затем вернуть душевный покой. Искусство, видишь ли, это – великий божественный огонь, и тот, кого оно согревает и освещает, никогда не может быть сиротой и одиноким. Этот дар бессмертных всегда исполняет его новых сил, руководит вдохновенной рукой мастера и позволяет ему черпать из вечного источника образы неувядаемой красоты.

Взгляд Рамери сиял радостью и гордостью.

– Разве ты тоже художник, что так хорошо понимаешь величие искусства?

– Нет, – улыбаясь, ответил Галл, – я не художник, а философ! Я читал труды ученых об искусстве и понял его красоту и блаженство того, кто может воплощать свою мысль.

Рабы вымыли Рамери, надушили его короткие вьющиеся волосы, черные, как вороново крыло, и надели на него римский костюм. Затем Рамери вышел в комнату, где Галл и Филатос с

несколькими друзьями и клиентами обсуждали неслыханное и взволновавшее всех происшествие сегодняшнего дня.

Все с любопытством рассматривали молодого египтянина, с такой свободой носившего тогу, какой трудно было от него и ожидать; тем не менее, на всей фигуре Рамери лежал какой-то особенный отпечаток.

Когда окончились взаимные представления, все прошли в атриум, куда скоро пришла Валерия с Эриксо, одетой в римский костюм, наскоро сделанный из платья Валерии.

Эриксо привлекла к себе общее внимание. Трудно верилось, что очаровательный полуребенок носил на своих нежных плечах столько веков.

Все перешли в триклиний, где ужин прошел с обычным оживлением, и только Рамери с Эриксо были задумчивы и молчаливы. Новая обстановка, незнакомые блюда и латинский говор, которого они не понимали, – все стесняло их. Даже, когда из уважения к гостям присутствующие говорили по-гречески, Рамери не мог вникнуть в интересующие их дела. Для него были непонятны их рассуждения о римском императоре, о приказах проконсула, о декретах против христиан и победах легионов. Словом, в этом потоке бурлившей вокруг него новой жизни он не мог сориентироваться, сердце его болезненно сжалось, исполненное горьким чувством одиночества.

Валерия тоже была молчалива. Она глаз не могла отвести от Рамери, погруженного в свои горькие думы: в нем узнала она того полусфинкса, получеловека, который являлся ей в день прибытия к ним колоссов, и к которому она почувствовала странное влечение.

Теперь, когда видение обратилось в действительность, молодая женщина чувствовала глубокую симпатию и участие к несчастному Рамери, который казался ей почему-то удивительно знакомым. Она дала себе слово приложить все усилия, чтобы облегчить ему тяжелое положение.

После ужина Рамери обратился к Пентауру и попросил его рассказать ему все события, происшедшие со времени его усыпления. Жрец охотно согласился, и, усевшись под аркадой перистилия, оба египтянина в несколько часов пережили все превратности истории их отечества со времени последних дней славы Амасиса до окончательного покорения страны римским орлом. Когда жрец закончил Рамери встал и поблагодарил его. Рамери как-то вдруг осунулся, словно постарел; необходимость покоя так ясно читалась на его утомленном лице, что Галл поспешил проводить его в назначенную ему комнату. Поручив его двум рабам, отданным в полное его распоряжение, легат пожелал ему покойной ночи и удалился.

Несмотря на нравственное и физическое утомление, Рамери не мог заснуть. Он ворочался с боку на бок и прислушивался к шумному дыханию раба, спавшего у дверей. Он пытался ни о чем не думать, но все было тщетно: как вышедший из берегов поток, мысли захватили и мучили его. С глухим стоном вскочил он с кровати и стал ходить по комнате, но через минуту бессильно опустился на стул и закрыл лицо руками. Сошел ли уже, или же только сходит он с ума?

Вчера ещё присутствовал он на свадьбе Нуиты, и каждая подробность торжества так ещё жива в его памяти: улыбка ли, мелькнувшая на её устах, когда он сделал условленный знак, или разговор их последней встречи ночью. Казалось, самый поцелуй, которым они обменялись, горел ещё на его

губах. А сегодня он видел уже её мумию, которой насчитывают сотни лет.

Куда бы не обращалась его мысль, всюду наталкивалась она на ту же ужасную и непроницаемую тайну, и никак не удалось ему заполнить той бездны, которая отделяла его от этого прошлого, которое, однако, было для него «вчера». – Нет! Это невозможно! Не более трех дней тому назад видел он фараона с сыном Псамметихом и со всей семьей, когда они торжественно отправлялись в храм Пта для жертвоприношения богу, – а сегодня он проснулся в городе, которого тогда даже и не существовало. С вечера до утра исчез целый мир, поглотив фараонов с их царством и превратив в развалины Мемфис.

Рамери глухо застонал. Безумное отчаяние охватило его, и сердце сжалось чувством полного одиночества среди этого нового для него мира, с которым уже ничто его не связывало.

Умер его брат Гор, живший в Гелиополе, которого тоже может быть, уже больше не существует; умерла и его молодая жена Нита, и добрая мать его, жившая с ними; родные, друзья, товарищи – все, стало прахом. Ничья рука не протянется к нему, не приласкает? Ничье любящее сердце не будет молиться за него! Приютившие его люди, бесспорно, добрые люди, но... они для него чужие!

Молиться! Да, если бы он мог ещё молиться! Рамери был набожен, как и все египтяне, но страшное крушение его внутреннего и внешнего мира пошатнуло и его веру. Разве не говорил ему с горечью Пентаур, что Осирис развенчан и заменен Юпитером; и что в последнее время явился новый Бог – Бог распятый – грозивший победить всех остальных богов, так как на Его алтаре течет кровь человеческих жертв – жертв добровольных, радостно умирающих во славу Его.

Голова Рамери горела; в висках стучало. Он чувствовал, что задыхается в этой просторной, роскошной палате. Вдруг взгляд его нечаянно упал на стоявший недалеко стол, на котором лежали драгоценности, снятые им перед ванной. Вот лежит ожерелье, украшенное амулетами, среди которых есть статуэтка Осириса, вырезанная из куска лазурита. Эту драгоценную статуэтку подарила ему Нуита; он никогда не расставался с ней и сколько раз молился, держа её в руках... вот в чем его спасение.

С криком радости он бросился к столу, отцепил статуэтку и прижал её к губам. Затем, упав на колени, сжал её в воздетых к небу руках. Свет лампы озарял фигурку, окружая её словно ореолом.

– Осирис, отец всего сущего, всемогущий владыка мира подземного; Ра – бог-солнце, лучами своими согревающий человечество! Зачем покинул ты народ свой? – благоговейно бормотал он. – Ты жестоко наказал меня за то, что я легкомысленно играл силами природы. Прости меня! Сжался надомной, великий бог! Я верую в тебя, Осирис, и преклоняюсь перед твоим могуществом! Какой же другой бог может заменить тебя? Кто более тебя достоин жертв? Посрами заблуждающихся, не познавших тебя! О, вдохнови мою руку, дай мне воссоздать образ твой во всей неувядаемой славе и во всем безграничном его величии, дабы все признали и преклонились перед тобой!

Экстаз горел в глазах Рамери, и страстное воззвание вознеслось из глубины его измученной души к божеству, которое он обожал всеми фибрами своего существа. Вдруг ему показалось, что статуэтка бога стала расти, и что из неё блеснул свет, который оживлял его и наполнял гигантской силой. А образ бога все рос да рос, окруженный снопами лучей; на

груди теперь пылало громадное пламя, изливая ослепительные потоки света в пространство. Божественные черты дышали величием, и жизнью веяло от него, и он без слов сказал смущенному сердцу смертного:

– Не отчаивайся, сын мой, дыхание мое! Я не умираю, никто не может устранить меня, я вечен! Венец времен на мне, и лишь время, на крыльях своих несущее поколения за поколениями, придает мне их черты. Тот, кто верит в меня, всегда узнает. Огонь любви, пылающий в сердце верующего, просветит его и откроет ему истинные черты мои, ибо я обитаю в сердце каждого, созданного мною, творения моего. Порывом молитвы ты всюду найдешь меня, вечно неизменного, в тени ли святилища, на троне ли Юпитера, или кресте – символе вечной жизни. Под всеми формами я един и проявляюсь всюду, где дыхание хоть одного из творений моих именует меня «Бог»!

Видение поблекло, лучи померкли, оставив по себе лишь одну блестящую точку; а затем исчезла и она. С таинственных высот, где витает истина и куда увлек его порыв экстаза, Рамери спустился на землю. Он с удивлением рассматривал теперь фигурку, которую держал в руке; какой ничтожной показалась она ему после величия, которое он созерцал. Зато в душе его царил радостный покой; теперь он уже не один, как перед тем: он нашел своего бога. Он обладает магической формулой, чтобы познавать его во всех видах. Как прежде, он может слагать к стопам его свое сердце и искусство.

В порыве признательности и любви, он прижал статуэтку к своим губам, а затем лег спать. Сна ещё не было, но мысли были спокойны и радостны. Завтра же пойдет он поклониться богу, хотя и под новой формой; в деятельном уме его тотчас же родилась мысль создать образ божества таким, каким

оно явилось ему. В эту минуту он чувствовал в груди желание жить, и долго жить, чтобы быть в состоянии закончить задуманное творение.

Среди этих новых планов и проектов им овладел сон; но ум работал и во сне. Теперь он вознесся в бесконечный эфир на страшную высоту. Вокруг него носились тучи, и блестело солнце. Из этой смеси света и тени он силился вылепить форму, изображающую тайну Божества. Но это ему не удавалось; свет и тени таяли в его руках, но с каждым усилием он поднимался все выше и выше. Вдруг очутился он в чудно голубом, безграничном пространстве и перед ним восстала гигантская закрытая фигура, излучавшая столь сильный свет, что Рамери не мог его выносить.

– О! Отчего я не могу проникнуть за покрывало света, скрывающее тебя, о, всемогущее, милосердное божество! Дозволь мне взглянуть на черты твои, чтобы передать их людям во всей их истинной красоте и величии.

Тогда раздался гармоничный, могучий голос:

– На крыльях своей души вознесся ты к трону Всемогущего, но истинные черты его ты должен создавать согласно пониманию твоего сердца; всего света ты объять не в силах! Спустишься на землю и твори все, в чем красота, добро и гармония; вот истинные черты Бога!

Глава III.

Дни текли незаметно. Рамери осмотрел в сопровождении Филатоса и Пентаура храмы и главнейшие памятники Алек-

сандрии; восхищался сокровищами искусств и науки, собранными лагидами, но любопытство, какое он возбуждал своей особой, стесняло его и производило на него такое тяжелое впечатление, что он предпочел, наконец, не выходить из дома легата, где его окружали доброта и великодушные его покровителей.

Эриксо, напротив, акклиматизировалась с поразительной быстротой. Любопытство, столь ненавистное Рамери, очень нравилось Эриксо, забавляло её и наполняло самодовольством. Необыкновенная новость, что в сфинксах, отрытых Галлом, были найдены два живых существа времен фараона Амасиса, облетела всю Александрию и привлекала в гостеприимный дом легата массу посетителей, которых дивная красота Эриксо приводила в восхищение. Число обожателей росло вокруг нее; к ним, тайно, конечно, принадлежал и хозяин дома, в пылком сердце которого золотистые волосы гречанки зажгли пожар, который он называл восхищением артиста.

Несмотря на искреннюю привязанность Галла к Валерии, строгая красота её бледнела рядом с этой блестящей бабочкой. Тем не менее, молодая женщина, чуждая ревности, как и кокетства, выказывала Эриксо постоянную дружбу, обращалась с ней как с равной и осыпала её подарками и драгоценностями.

Бывшая рабыня Аменхотепа, как цветок на солнце, распускалась в этой атмосфере свободы, роскоши и лести. В веселой красавице трудно было узнать мрачную и робкую девушку, как тень, скользившую по пустынным комнатам мага, вечно прячась в алькове лаборатории и не смея никому показываться; вечную пленницу, которая лишь по большим религиозным праздникам выходила из дома, да и то тщательно за-

крытая и под бдительным надзором старой Туа. С ужасом и отвращением вспоминала она это тоскливое время рабства, когда единственными ценителями её красоты были Бизу да Туа, а сама она дрожала под суровым взглядом своего господина. Без сомнения, женский инстинкт подсказал ей, что она нравится Аменхотепу; она замечала даже не раз, как огонек страсти вспыхивал украдкой в опущенных глазах мага, когда она танцевала или пела, сидя у его ног; но убедившись в этом, она ещё сильнее стала ненавидеть Аменхотепа, лишившего её всех радостей юности. С затаенной радостью думала она о том, как ужасно отомстила ему.

Иногда Рамери, глядя на её смех и болтовню с Галлом или посторонними, спрашивал себя, как можно было до такой степени забыть все прошлое, искать развлечений и чувствовать себя так хорошо в обществе чуждых ей людей. Задумчивый, сосредоточенный, он даже не замечал, как золотокудрая красавица бросала на него мрачные, пылкие взгляды, предательски выдававшие, что он не забыт.

Видя мрачное настроение духа Рамери, Валерия, со всей свойственной ей деликатностью, старалась его развлечь, пробудить в нем энергию и создать ему цель, которая привязала бы его к новой жизни. В этих видах она получила позволение Галла устроить ему мастерскую. Будучи неистощимо щедрым к Эриксо, он и не думал стеснять жену, да к тому же, он был слишком уверен в её строгой добродетели, чтобы ревновать.

Рамери был донельзя обрадован, когда однажды утром Валерия привела его в большую залу, превращенную теперь в мастерскую, и где приготовлены были все инструменты, глина, куски мрамора и модели произведений лучших скульпторов Греции. Этот поистине царский подарок, исходя от нее,

был Рамери вдвойне драгоценным, и он от души, горячо благодарил ее. Глубокая симпатия влекла скульптора к кроткой, серьезной молодой женщине, так странно напоминавшей ему Нуиту. Большие бархатные глаза были такие же мечтательные и спокойные; даже в гармоническом грудном голосе слышались иногда хорошо знакомые ноты.

Рамери лучше всего чувствовал себя в обществе Валерии; она обладала секретом его успокаивать, когда чье-нибудь нескромное и даже грубое любопытство раздражало гордого египтянина. Её слова или улыбки было достаточно, чтобы рассеять приступы грусти и упадка духа, часто овладевавшие им. Довольная его радостью, Валерия дала совет предпринять что-нибудь серьезное, чтобы не только создать себе имя, но заслужить уважение и благосклонность новых сограждан, высечь, например, статую какого-нибудь бога или богини для украшения храма.

– Если тебе нужна модель для деталей, костюма и позы, то наш друг, скульптор Анаксагор, доставит тебе, – прибавила она.

– Я последую твоему мудрому совету, благородная женщина. Но доверши свои благодеяния и дозвожь мне вылепить твой бюст. Пусть это будет первой работой в моей новой жизни. Мне будет невыразимо приятно воспроизвести черты моей благодетельницы, которые, в то же время, удивительно напоминают мне лицо моей бедной Нуиты.

– Да разве я, действительно, похожа на царевну Нуиту? Как это странно! – краснея, в смущении, заметила Валерия. – Во всяком случае, я охотно разрешаю тебе лепить мой бюст.

С этого же дня, с согласия Галла, нередко в присутствии его и Эриксо, Рамери принялся за бюст Валерии. Но часто моло-

дые люди оставались почти одни, так как старая служанка не шла в счет. Часы эти были самые приятные для них; они говорили о прошлом, и рассказы скульптора возбуждали в его собеседнице все больший и больший интерес к Нуите и Аменхотепу. Все сильнее росло в ней желание убедиться, действительно ли она похожа на египетскую царевну, а судьба мага внушала ей жалость и участие.

– Знаешь ли, Рамери? По моему мнению, долг предписывает тебе искать и найти склеп, где заживо погребен твой несчастный друг. Ради тебя ведь составил он чудесное зелье, из-за тебя же стал он и жертвой этой сумасшедшей Эриксо: ослепленная страстью к тебе, она не рассчитала последствий своего поступка.

– Ну, великая любовь её ко мне что-то быстро улеглась, – насмешливо заметил Рамери. – Она до такой степени занята ухаживаниями легата Туллия, богатого Телемака и других, так поглощена празднествами и нарядами, что больше и не думает об этих глупостях.

– Ты этому не доверяй! Я подметила взгляды, которые, напротив, убеждают меня, что она остается неизменно верна тебе, – с улыбкой ответила Валерия.

– Чему она по-прежнему верна, так это своей злобе к Аменхотепу. Мысль освободить его не покидает меня ни днем, ни ночью, но для этого мне необходима помощь Эриксо; а всякий раз, как я намекаю ей на это, она или уклоняется от ответа или в глазах её вспыхивает такая ненависть, что я не решаюсь настаивать. Впрочем, при случае, я употреблю все мое влияние и добьюсь, чтобы она ехала со мной в Мемфис, помочь мне в моих поисках.

Несколько дней спустя разговор снова зашел о Нуите и о тайне, окружавшей её смерть. Рамери предполагал, что горе, причиненное его исчезновением, подточило здоровье царевны, но каким образом молния могла убить её у самой гробницы Осириса – это оставалось необъясненным. Тут Валерия заметила, что на теле царевны должны были сохраниться следы этого таинственного происшествия, стоит лишь развернуть мумию.

Тайное желание убедиться в сходстве своем с покойной Нуитой руководило этим советом; она давно бы и осмотрела мумию, если бы не боязнь огорчить скульптора, оскорбив его религиозные верования.

В первую минуту Рамери испугался даже мысли коснуться тела, приготовленного уже для вечности религиозными церемониями. Как истинный египтянин, он боялся, кроме того, повредить ка (астральное тело) Нуиты, сняв повязки и предоставив тело разложению.

Но в глубине души он и сам страстно жаждал снова увидеть черты дорогого для него лица и разгадать причину таинственной смерти Нуиты, а потому дал легко убедить себя; тем более, что Валерия указала ему на имеющихся в Александрии бальзамировщиков, которые снова приведут в порядок повязки, а Пентаур или какой-нибудь другой жрец не откажется, конечно, повторить погребальные церемонии. К тому же, по мнению Валерии, телу подобает быть погребенным на городском кладбище, а не валяться, как ненужная вещь.

Побежденный этими доводами, отвечавшими и его затаенному желанию, Рамери, наконец, согласился, и было решено на следующее же утро приступить к вскрытию саркофага мумии.

День выпал удачный. Галл отозван был на пир проконсула. Эриксо, в сопровождении одной дамы, с которой подружилась, должна была отправиться на праздник в цирк, а Валерия, не любившая гладиаторских боев, решила остаться дома. Таким образом, они могли быть уверены, что никто им мешать не будет.

Итак, когда Галл и Эриксо уехали, Валерия и скульптор отправились в отдаленное помещение, куда легат изгнал мумию из открытой залы, после того, как узнал, какие отношения существовали между покойной и скульптором. Что же касается обоих сфинксов, они торжественно были водворены на свое прежнее место.

Не без суеверного страха взял Рамери инструменты и приступил к вскрытию ящика. Инкрустированная крышка без труда подалась и открыла тело, завернутое в повязки и издававшее сильный смолистый запах. Потрясенный, Рамери беспомощно прислонился к стене и закрыл глаза рукой; в это мгновение протекшие века снова исчезли, и вся горечь утраты горячо любимой женщины с новой силой охватила его.

Быстро подавив свою слабость, он выпрямился и лихорадочно-нетерпеливой рукой стал разворачивать повязки, в чем ему помогала и Валерия. Она тоже страшно была взволнована; дрожь пробегала по телу, а сердце тоскливо сжималось.

Скоро бюст был освобожден, и показалась красивая голова женщины, обрамленная длинными прядями черных волос. Весь труп прекрасно сохранился. Только кожа чуть-чуть почернела от времени. Благодаря искусству бальзамировщиков, умевших сохранить трупу выражение последних минут, на лице Нуиты застыло выражение невыразимых страданий и ужаса. Полуоткрытые губы её открывали крепко сжатые зубы; на щеке, плече и руке виднелись странные длинные и глубо-

кие ожоги; а когда Рамери освободил правую руку трупа, то оказалось, что ладонь и пальцы были даже обуглены.

Горестный крик вырвался из груди его. Возможно, ли чтобы молния так страшно обезобразила Нуиту? Не пала ли она жертвой какого-нибудь неслыханного преступления?

Заливаясь слезами, он прижал к губам эту маленькую ручку, горячее и любящее пожатие которой он казалось, ещё чувствовал. В эту минуту он забыл и Валерию, и свою новую жизнь – одно лишь прошлое стояло перед ним, как живое.

Валерия тихо вышла, оставив его одного.

– Счастливая Нуита! Как тебя любят! – прошептала она, и чувство ревности и грусти сжало ей сердце.

Наплакавшись, Рамери сел около мумии и, не спуская глаз с обожжаемого лица, весь ушел в горькие думы.

Он решил остаться до зари при трупе, а потом, утром, пойти в храм Исиды за бальзамировщиками. Но открытие странных ожогов дало новый оборот его мыслям и пробудило в нем к Эриксо чувство, близкое к ненависти.

Она одна была причиной таинственной смерти Нуиты и его личного несчастья! Если бы даже план Аменхотепа и не осуществился почему-либо, то все-таки проснулись бы он и царица; будь они вместе, какое им дело до протекших веков? Можно наслаждаться жизнью и быть счастливыми так же хорошо под скипетром Гапиена и Валериана, как и Яхмоса II. И вдруг эта чужеземка, которую он никогда и не видел прежде, осмелилась вмешаться в его судьбу и дать ей другое направление! Неблагодарная раба, сковавшая гиганта, его покровителя!

Сквозь этот гнев и злобу настойчиво пробивалось, однако, желание проникнуть в тайну смерти Нуиты.

Вдруг у него блеснула счастливая мысль. Разве нет человека, для которого ни прошлое, ни будущее не имеет тайн? Разве предсказание судеб Египта не исполнилось в точности? Если, по несчастной случайности, Аменхотеп не погиб, то он продолжает спать в своем подземелье. Надо лишь найти его и разбудить, а он уж скажет, что произошло у гробницы Осириса. Он отправится в Мемфис, как только похоронит Нуиту, или даже раньше, чтобы маг мог видеть её тело. Это Рамери решил бесповоротно; в своем нетерпении он решил даже ехать завтра.

Возвратясь из цирка, Эриксо пообедала вдвоем с Валерией; сильно удивленная отсутствием Рамери, она не решилась, однако, её расспрашивать, настолько патрицианка казалась задумчивой, озабоченной и малообщительной. После обеда они разошлись по своим комнатам.

Комната Эриксо была роскошно отделана и в изобилии представлена изящными безделушками, которые так любили римлянки. Галл с женой осыпали её подарками и наряжали как куколку это очаровательное создание – полуженщину, полуребенка, наивная радость и шумная благодарность которой их очень забавляла.

В эту минуту, однако, Эриксо даже не взглянула ни на изящную обстановку, ни на великолепный шелковый шарф, расшитый золотом, который лежал на столе, и на который маленькая негритянка указала, как на подарок патриция. Она молчаливо кивнула головой, продолжая ходить по комнате. В глубине души Эриксо ревновала Рамери к Валерии, и ей очень не нравились их беседы и то, что скульптор лепит бюст хозяйки дома; ей хотелось бы постоянно наблюдать за

ними, и лишь наслаждение свободой и весельем, которых она так долго была лишена, превозмогали ревность и увлекали на празднества и зрелища.

Сегодня молчаливость и озабоченность Валерии показались ей подозрительными. Они весь день были дома одни; что такое произошло между ними, что Рамери не пришел обедать? После зрелого размышления, она позвала негритянку и спросила, где скульптор? Та тотчас же исчезла и скоро вернулась с известием, что благородный Рамери с самого утра в комнате, где стоит найденная мумия, и что его раб не знает, когда он вернется.

Ревность Эриксо быстро перешла на другой предмет. Итак, он оплакивает Нуиту! Ей тотчас же захотелось узнать, что он делает у этого старого трупа.

Поспешно оправив свой туалет, она надела на шею скарабея на золотой цепочке. Эту драгоценность она похитила у Аменхотепа, думая, что она возбуждает любовь. Она надела её теперь на шею, несмотря на сильный и очень неприятный запах, который она издавала.

Самодовольно взглянув в зеркало, она на цыпочках прошла в указанную комнату и сквозь щелку портьеры увидела Рамери, сидящего у открытого саркофага мумии, в ногах которого лежали развернутые повязки. Бронзовая лампа на высокой подставке освещала мрачное и суровое лицо скульптора. Эриксо, как тень, скользнула за его спину и через его плечо взглянула на труп. Она тотчас же узнала Нуиту, и дикая ревность овладела ею.

В эту минуту Рамери быстро обернулся: как ни легки были её шаги, тонкий слух скульптора уловил их. Увидев Эриксо, он нахмурил брови и, схватив её за руку, сурово сказал:

– Смотри! – он указал на мумию. – Это дело твоих рук. Если бы ты не вмешалась в мою жизнь, то теперь Нуита была бы жива, и я не был бы так одинок!

Эриксо вырвала свою руку и, страшно побледнев, отступила назад.

– Да! – упавшим голосом прошептала она, опуская глаза. – Не будь меня, жива бы была она, и ты это оплакиваешь! Раба Аменхотепа могла занять лишь место Нуиты в сфинксе, но не смогла заменить её в сердце твоём! Я сознаю свое безумие, но не в моей уже власти что-либо изменить.

Эриксо стояла вполоборота и эта поза ещё рельефнее вырисовывала идеальное совершенство её гибких форм. Художник проснулся в Рамери. Он невольно сравнивал эту воздушную красоту с грубой женщиной, которую прислал ему Анаксагор в качестве натурщицы. Нет, это Эриксо представляет идеальную натуру для Гебы, Авроры или Психеи! Восхищение смирило его гнев, и он почти жалел этого ребенка, который если и согрешил, то из любви к нему, и который, в конце концов, один остался ему от всего его прошлого.

– Прости меня, Эриксо! Жестокие слова навеяны мне горечью только что пережитых мною часов, – печально и без гнева сказал он. – Я не должен был бы забывать, что ты поступила так по детскому безрассудству, не взвесив всех последствий своего поступка. Я постараюсь позабыть рану, которую ты нанесла мне; не можем мы быть врагами, – потерпевшие крушение – одинокие, на пустынной скале.

Яркий румянец залил бледное лицо Эриксо и слезы ручьем брызнули из её глаз. Она упала на колени и прижалась головой к руке скульптора.

– О, Рамери! Не осуждай меня за мою ошибку! Как все это случилось – я и сама не знаю. Ты был первым мужчиной, внушившим мне любовь – мне, бедной рабе, вечной затворнице в стенах этой тюрьмы какой для меня был дом Аменхотепа! Спрятанная в нише лаборатории, я подстерегала каждое твое слово! Дни твоего прихода были праздником для меня: я упи- валась твоим голосом, а между тем ты говорил о любви к другой! Я же вообразила, что когда ты увидишь, ты полю- бишь меня. Мною овладела, к тому же, такая жажда свободы, желание видеть людей и свет, избавиться от тяжелого, гне- тущего взгляда Аменхотепа, что я ухватилась за единствен- ный представившийся мне случай порвать мои оковы и, в то же время, завоевать счастье. Теперь, когда прошлое, увы, не- поправимо, когда ты сам говоришь, что мы два потерпевших крушение, полюби меня хоть немного, Рамери! Что мне все эти богатые римляне, твердящие о своей любви и просящие меня в супружество! Позволь мне жить близ тебя, служить тебе – и я буду счастлива!

– Бедное дитя, – пробормотал Рамери, с участием слушав- ший ее. – Она права, что была узницей, если даже он, близкий друг Аменхотепа, не подозревал о её существовании. Но ка- кие причины руководили магом? Любил ли он Эриксо? Был её любовником? Даже мага могла восхитить подобная красота.

– Эриксо! – спросил он, наклоняясь к ней и пытливо засмат- ривая в её голубые глаза. – Скажи мне правду. Аменхотеп любил тебя? Почему он так тщательно прятал тебя от всяко- го постороннего взгляда? Ты принадлежала ему?

Эриксо гордо откинула голову, и в глазах её вспыхнуло пре- зрение и ненависть.

– Никогда я не принадлежала ему! Я была для него ясновид- дящей. Он погружал меня в священный сон, от которого я

просыпалась разбитой и истощенной. Я знаю, что нравилась ему, но он никогда не говорил мне о любви. Да разве он может любить! Нет, он умеет только повелевать стихиями, вызывать духов из вечернего сумрака или из пруда своего сада да готовить снадобья. И хвала богам, что он не любил меня, так как я ненавижу и боюсь его! Когда он смотрел на меня своим пронизывающим, острым, как кинжал, взглядом, я вся дрожала и слепо повиновалась ему.

– Я понимаю, что ты много выстрадала в тяготившем тебя одиночестве, но зато ты так жестоко отомстила Аменхотепу, что могла бы простить его. К тому же теперь он не имеет на тебя ни малейшего права, даже если бы и проснулся. Твои покровители – Галл и Валерия! По закону ты принадлежишь им. Убедившись в своей неотъемлемой свободе, не поможешь ли ты мне отыскать Аменхотепа или хотя бы место, где ты заживо погребла его? Я должен, наверное, знать его судьбу. Если ты согласишься помочь мне, ты доставишь мне большое удовольствие, и я буду глубоко признателен тебе.

Последние слова он произнес ласковым тоном, привлек её к себе и поцеловал.

Яркий румянец зажег лицо Эриксо.

– Понимаешь ли ты, чего ты у меня просишь, Рамери? – вскричала она, дрожа всем телом. – Если бы ты спросил у меня жизнь мою – я с радостью бы отдала её за твой поцелуй и за доброе слово! Но помочь тебе найти этого ужасного человека – это безумие! Не ищи его, Рамери! Не буди скованного льва! Страшись его, ибо и дружба его опасна. Это я говорю тебе, я, которая знает его лучше тебя! Ты говоришь, что Аменхотеп не имеет больше прав на меня, что закон делает меня свободной в этом доме, где нашли меня. Да разве существуют человеческие законы для него, который обладает

ужасными законами магии? Что может остановить человека, которому стоит лишь поднять руку, чтобы вызвать источник из скалы, который может взглядом высушить куст, а из-под земли вызвать огонь, все убивающий, пожирающий? Нет, нет, Рамери, требуй от меня чего хочешь, только не этого! Я ненавижу его, боюсь – и никогда не стану искать его.

Голос её дышал такой ненавистью и отвращением, глаза горели такой ужасной злобой, что Рамери в раздумье покачал головой. Кроме того, несмотря на свое восхищение мудростью Аменхотепа, он вовсе не считал его таким могущественным, как говорила Эриксо, но ей было лучше знать, и она, видимо, следила за ним.

– Я, разумеется, не стану принуждать тебя искать Аменхотепа, раз это до такой степени тебе противно, – сказал он. – Но сам я попытаюсь, так как считаю своим долгом, если возможно, освободить друга, который ради меня открыл секрет таинственного зелья, не подозревая, что в самой его лаборатории таится измена. Я исполню все, что в пределах моих сил, что налагает на меня дружба и справедливость. Но ты неблагодарна, Эриксо, к человеку, который, несмотря на все, был твоим благодетелем. Подумай, какая участь ожидала тебя, если бы такую красавицу, как ты, купил другой? Он же, несмотря на свои права господина, уважал тебя, избавил от всякой работы и дал тебе необыкновенное для женщины образование. Этот дом, который ты называешь темницей, был тебе отцовским кровом, и если он держал тебя взаперти, то, конечно, для того только, чтобы твой ум и твое тело созрели прежде, чем выдать тебя замуж за достойного человека. Что бы он дальше стал с тобой делать? Что особенного мог представлять из себя ребенок для человека, облеченного таким необычайным могуществом? Ты поступаешь дурно, Эриксо, не желая помочь вернуть к жизни человека такого полезного,

хранителя великой науки, которого ты не понимаешь и не ценишь, а судишь по-детски!

То краснея, то бледнея слушала его Эриксо. Рассудок подсказывал ей, что Рамери говорит правду, инстинкт шептал, что Аменхотеп опасен и что вернуть ему свободу – значит снова очутиться в положении мышонка в лапах тигра. Если он не желал её для себя, то в то же время не делал намека на то, что намерен выдать её замуж, совершенно забывая, что она – существо живое и молодое, что жилах её течет бурная кровь, а сердце полно порывов и жаждет счастья.

– Нет! Пусть он остается там, где находится теперь! – воскликнула она.

Быстро повернувшись, она бросилась вон из комнаты; ей не хватало воздуха, она задыхалась. Прижав руки к груди, она промчалась по залам и галерее, направляясь в сад.

Поглощенная своими думами, она ничего не видела и не слышала; стремительно спускаясь с лестницы, она споткнулась и упала бы, если бы две сильные руки не подхватили её на лету. Это был Галл, возвращавшийся от проконсула. Он был разгорячен вином, так как пир был грандиозен. Когда он почувствовал в своих объятиях нежное и гибкое тело Эриксо, его обычное артистическое восхищение превратилось в страсть.

– Что с тобой, прекрасная из прекрасных? От кого бежишь ты как газель, преследуемая охотником? – спросил он, поднимая её как перышко.

Он порывисто прижал её к своей груди и покрыл страстными поцелуями.

В первую минуту смущения и удивления Эриксо онемела и не сопротивлялась, но затем с силой, какой от неё нельзя было ожидать, она высвободилась из объятий легата, в два прыжка очутилась на террасе и скрылась.

Прибежав к себе, задыхаясь, она упала на стул у окна и обеими руками откинула влажные локоны, в беспорядке прилипшие ко лбу. При воспоминании о страстных объятиях патриция, о его пылающем взоре и поцелуях, она вздрагивала от отвращения.

– О! Если бы это Рамери так привлек меня в свои объятия – как это было бы сладко. Хорошо быть любимой, но только тем, кого любишь взаимно, – пробормотала она. – А этот, муж Валерии... Нет, нет, его любви я не хочу и приму меры, чтобы это более не повторялось, – прибавила она, направляясь к своей постели.

Галл тоже был очень взволнован. Он прошел к себе и лег, но голова его была полна Эриксо. Ему казалось, что он никогда ещё не видал такого очаровательного создания. В упоении вспоминал он ту минуту, когда прижимал её к своей груди и когда её душистые волосы ласкали его щеку и шею. Фантазия увлекала его все более и более, когда он, наконец, уснул... утомление и винные пары заявили свои права.

Видя, что муж вернулся с разгоряченным лицом и сверкающим взором, Валерия притворилась спящей. Она вовсе не была расположена к разговору; новые чувства боролись в ней. Её преследовал образ Рамери. Он казался ей таким знакомым, близким симпатичным, со своим серьезным и мечтательным характером, чудным талантом и трогательной верностью к любимой женщине. Сцена у мумии Нуиты, свидетельницей которой она была сегодня, дразнила её воображение и будила в её сердце новый, опасный интерес к молодому

му египтянину. То была смесь ревности и смутной любви, но чувство гораздо более сильное, чем то спокойное уважение, которое она питала к Галлу, который, правда, был к ней добр, снисходителен, нежен и иногда даже очень страстен, но который любил и пиры, да при случае и красивых женщин и, конечно, не стал бы и оплакивать её так, как Рамери оплакивает Нуиту.

Рамери тоже в странном волнении провел ночь.

Когда Эриксо убежала, ему пришло в голову, что, находясь в таком возбуждении, она могла решиться на какое-нибудь безумство, а потому он последовал за ней, хотя и не мог догнать. При входе в открытую залу он был свидетелем сцены между ней и патрицием.

Вся кровь бросилась ему в голову, и он, конечно, вмешался бы, если бы не увидел, что Эриксо вырвалась из объятий Галла и, как стрела, пронеслась мимо него. Страшно взволнованный, он вернулся к себе и стал размышлять, стараясь овладеть собой.

К стыду своему, он убедился, что в его сердце теснятся и преследуют его воображение образы трех женщин. Одна из них – нежная, навсегда угасшее видение, воспоминание о котором таит неувядаемые чары; другая, Валерия, со своей строгой, аристократической красотой, с бархатными глазами и взглядом Нуиты, своей сдержанностью и достоинством очаровывает и влечет его к себе; наконец, третья, Эриксо, необыкновенной красотой и тою страстностью, которой дышит все существо ее, опьяняет и покоряет воображение.

Он знал, что любим этим очаровательным созданием; читал её чувства во взглядах, которые она бросала на него, и привык смотреть на нее, как на свою исключительную собствен-

ность, – вдвойне его собственность, так как вместе с ним она восстала из развалин далекого прошлого. Не раз уже ловил Рамери выразительные взгляды, какие Галл бросал на прекрасную девушку, и глубоко оскорблялся этим. По странным противоречиям, таящимся в сердце человеческом, Рамери, не любя Эриксо, не терпел, чтобы кто-либо другой к ней прикасался. Мысли эти не дали ему заснуть до самой зари. Не будучи в состоянии разобраться в хаосе своих собственных чувств, он снова вернулся к желанию найти и разбудить Аменхотепа, своего мудрого и могущественного друга, который будет лучшим руководителем и советником в этом душевном лабиринте, в котором он окончательно запутался.

Наутро он чувствовал себя спокойнее, но желание найти Аменхотепа было все так же сильно. Как только Галл встал, Рамери тотчас же отправился к нему, изложил ему свой план и просил помощи привести его в исполнение.

Патриций с обычной благосклонностью отозвался на его просьбу.

– Прекрасная мысль, Рамери. Очень любопытно было бы найти мага, ставшего жертвой своего собственного снадобья. Я прикажу управляющему снабдить тебя людьми и материалом, а ты уж сам переговори с ним обо всем. Будь спокоен, я сохраню твою тайну, так как ты желаешь этого.

Покончив с этим делом, Рамери отправился к Пентауру попросить его повторить погребальные церемонии над мумией.

Старый жрец сурово выбранил его за то, что из-за пустого любопытства он потревожил тело, освященное уже для вечного покоя, но тем не менее обещал исполнить его просьбу.

Когда, не выдавая истинной цели своей поездки, Рамери упомянул, что он едет в Мемфис, Пентаур глубоко вздохнул:

– Грустно будет тебе видеть в развалинах этого соперника Фив и Вавилона, которого ты видел в полном расцвете его блеска.

– Возможно ли, чтобы Мемфис был совершенно разрушен и необитаем? Храмы, по крайней мере, устояли против натиска времени?

– Камни-то стоят, да душа далеко. Все, что было богатого и деятельного, мало-помалу выселилось в Александрию. Жрецы последовали за верующими в новые храмы, но в новых кварталах ещё прозябает кое-какая голытьба. Говорят, что там свили себе гнездо христиане, которые скрываются в покинутых дворцах. Но с тех пор, как Окхос его разрушил, Мемфис не поднимался уже больше. Можно смело сказать, что это мертвый город. Да ты, впрочем, и сам увидишь.

Глава IV.

Рамери деятельно занялся приготовлениями к своей экскурсии. Эриксо неожиданно объявила, что едет с ним, и скульптор вообразил, что это его слова так на неё подействовали, что она, устыдившись своей неблагодарности, решила помочь ему найти Аменхотепа.

Эриксо молча выслушала его хвалебную речь по этому поводу; но, к счастью, Рамери не видел насмешливой улыбки и не слышал, как раскаявшаяся пробормотала за его спиной:

– Глупец! Не догадываешься ты, что я еду только для того, чтобы помешать тебе найти его!

Отъезд Эриксо очень не понравился Галлу, но он не рискнул раздражать ее, ничем не мотивированным отказом в дозво-

лении сопровождать Рамери. Три дня спустя скульптор со своей спутницей отправились в дорогу.

По мере того, как они приближались к Мемфису, сердце Рамери все болезненнее сжималось. Эти места, некогда цветущие, чудно возделанные и кипевшие жизнью, по большей части превратились в дикую пустыню. Песок мало-помалу засыпал все.

Еще более тяжелое впечатление произвел на них самый город, пустынные улицы которого тянулись подобно громадному скелету. Как сказал Пентаур, в более новых кварталах ещё видны были кое-где жилые дома; большие храмы ещё стояли, но были покинуты и лишены своих лучших украшений.

Но что касается старого Мемфиса, то он представлял только разрушенные дома и груды почерневших от пожара развалин. Только несколько храмов, том числе и храм Пта, указывали ещё место, где была когда-то «Белая крепость», древние укрепления которой были скрыты Окхосом.

Прежнее жилище Рамери и дом Аменхотепа находились в одном из самых старых кварталов на берегу Нила, и скульптор направил свой караван к реке. Но, тем не менее, он не знал, как ему разобраться среди этих развалин, обломков и обрушившихся стен.

На сердце у него было тяжело; вид запустевших святилищ, разрушенных дворцов, поваленных колонн, – все это вызывало у него горькие слезы.

После долгих тщетных поисков Рамери вспомнил, что с террасы дома Аменхотепа, сквозь просеку видны были пилоны храма Тума. Пилоны эти стояли на месте; значит, следовало найти точку, с которой эти пилоны были бы видны в той же перспективе, и тогда можно было быть уверенным, что нахо-

дишься на месте жилища Аменхотепа, или, по крайней мере, около.

Определив этот район, Рамери принялся за более тщательные поиски.

Эриксо, как тень, следовала за ним и, стараясь не выдавать себя, внимательно осматривала стены, лепные двери и колонны. Ориентируясь гораздо скорее и лучше Рамери, она, кроме того, искала не развалины дома, похожие на сотни других, но нечто гораздо более заметное, чтобы узнать тотчас же. Это «нечто» к тому же было настолько прочно, что смело могло устоять при крушении всего окружающего.

В самом конце сада мага, скрытая от глаз изгородью из колючего кустарника, стояла громадная глыба гранита, обтесанная с одной стороны, как плита, и на этой поверхности высечены были две змеи, из которых одна стояла на хвосте, а другая на голове. Над ними была краткая иероглифическая надпись.

Эриксо с детства знала о существовании этого камня, но только дня за два до свадьбы Нуиты открыла, что эта глыба закрывает вход в подземелье, где находилась опочивальня Аменхотепа.

В вышеупомянутый день к магу пришел незнакомец, которого он принял с особенным почтением; они долго говорили на каком-то непонятном ей языке, потом спустились в подземелье и больше не появлялись.

Так как Аменхотеп не появился и на следующий день, то Эриксо, сгорая от любопытства, всюду стала подсматривать. После обеда она с большим удивлением увидела Аменхотепа в саду, он имел очень озабоченный вид. Вместо того, чтобы

войти в главную дверь дома, маг направился в противоположную сторону сада.

Эриксо последовала за ним, как тень, прячась за кустами. К крайнему своему удивлению, она увидела, что Аменхотеп остановился перед гранитной массой, нажал глаз стоящей на хвосте змеи и исчез за маленькой дверью, открывшейся в камне.

Это открытие до такой степени заинтересовало Эриксо и возбудило в ней такое любопытство, что, позабыв всякий страх, она решила узнать, куда вела эта дверь.

На следующий же день, пользуясь отсутствием Аменхотепа, который по-прежнему был чем-то занят и озабочен, она пробралась к камню и нажала глаз змеи, и перед ней открылось узкое отверстие, сквозь которое виднелись ступени лестницы.

Эриксо спустилась вниз и прошла через темный коридор, который освещала захваченным ею из предосторожности факелом; в конце этого коридора находилась дверь.

Последняя уступила легкому нажатию и открылась, но захлопнулась, когда та сошла, и в ту же минуту все вокруг неё осветилось таким ярким светом, что пораженная Эриксо на минуту закрыла глаза.

Когда она снова открыла их и осмотрелась, то увидела, что находится в длинной зале или галерее, поддерживаемой прозрачными, словно из хрусталя, колоннами. Из стен и потолка исходило голубоватое пламя, распространявшее свет, похожий на дневной, и переливавший всеми цветами призмы на хрустальных колоннах. По обеим сторонам галереи виднелись глубокие ниши, в которых стояли символические статуи,

а в центре бил фонтан, журчащие струи которого издавали сильный, живительный аромат.

В промежутках между нишами, на широких и низких подставках стояли большие вазы из лазурита с совершенно неизвестными ей цветами.

Лепестки этих цветов, одни большие, другие маленькие, все были одинаково белы и прозрачны и так сильно фосфоресцировали, что, казалось, были окутаны голубоватой дымкой. Чашечки горели разнообразными цветами, словно сделаны были из рубина, сапфира, изумруда и аметиста, а листья, разнообразные по форме и величине, точно осыпанные снегом, подернуты были белым, блестящим пухом.

Никогда ещё Эриксо не видала ничего подобного. С восхищением смотрела она на все окружающее, а затем прошла в соседнюю залу, круглую, меньших размеров, залитую также светом. Тут мебель и украшения были из золота, а на столах стояли какие-то удивительные инструменты. Третья комната дополняла подземелье и была погружена в мягкий полусвет; в ней было устроено нечто вроде жертвенника. Отсюда лестница, покрытая мягкими циновками, вела к завешенной толстой завесой двери, за которой, к крайнему удивлению своему, Эриксо очутилась в спальне мага.

Она думала всегда, что за этой комнатой находится только смежный подвал, ключ от которого Аменхотеп всегда носил с собой и где, по её мнению, хранились его сокровища; существование же двери, через которую теперь вошла, она даже и не подозревала, так искусно она была замаскирована.

Теперь ей были известны и вход, и выход; она вышла из подземелья и вернулась в свою комнату. Аменхотепа она увидела только на следующий день; он, видимо, не знал о её

проделке или же думал о другом, а после обеда он заснул тем самым сном, который длился до сих пор.

Эту-то глыбу, служившую потайным входом в подземелье, и искала Эриксо; её громада не боялась разрушения. Если что-нибудь и уцелело от жилища Аменхотепа, то именно эта скала, бывшая устойчивее пилонов храма.

Не обращая больше внимания на своего спутника, который продолжал свои поиски, боясь выпустить из вида пилоны храма Тума, Эриксо легко скользила между обломками, пылливо вглядываясь во всякую встречную развалину. И она, по-видимому, приблизилась к цели, так как заметила уже каменную арку, служившую входом в дом. Эта арка, высеченная из целого камня и украшенная в центре головой Аписа, устояла благодаря своей массивности и принадлежала дому одного старого жреца храма Пта, изредка наезжавшего в Мемфис.

Эриксо быстро спустилась по улице, перепрыгивая через груды преграждавших ей путь обломков, и скоро очутилась перед остатками строения, которое, несомненно, стояло на месте дома мага, но было иной конструкции.

За этими развалинами шел пустырь, покрытый кустарником и кое-где разбросанными деревьями; там должен был быть сад. Эриксо остановилась и вздрогнула, она увидела громадную смоковницу, а неподалеку от неё и гранитную глыбу, которую искала.

Тяжело переводя дыхание, она подошла и стала её рассматривать. Камень был цел, и обе змеи отчетливо сохранились. Если пружины ещё действуют, то она может проникнуть в самое подземелье, где спит Аменхотеп, и уничтожить его. Таково было намерение мстительной Эриксо.

Голос Рамери вывел её из раздумья.

– Что там за памятник нашла ты? – спросил он, вытирая мокрое от пота лицо, так как стояла палящая жара.

Заметив страшную бледность Эриксо и нервное дрожание её рук, он прибавил:

– Ты устала! Слишком много бегала ты по этой жаре, да и я тоже разбит. На сегодня довольно! Завтра с восходом солнца мы снова примемся за поиски. Я нашел указания, которые вывели меня на верный путь и мы скоро будем у цели. А теперь пойдем, подкрепимся и отдохнем как следует.

– Да, я очень утомлена, – ответила, отвернувшись, Эриксо.

– Сядем же под этой смоковницей, она, наверное, наша современница, – смеясь, заметил Рамери. – Взгляни на этот громадный ствол и на гигантские ветви. Больше половины ветвей мертвые, а между тем, оставшаяся листва образует ещё зеленый купол, непроницаемый для солнечных лучей.

По приказанию скульптора, один из рабов побежал звать остальную прислугу. Скоро были приведены мулы и распакована провизия.

После ужина Рамери с Эриксо принялись за поиски удобного места для ночлега, но решили временно поместиться в доме старого жреца Пта, так как дом этот сохранился лучше, чем можно было предполагать снаружи. Крыша была цела, а в одном из зал сохранились даже дверь и пол из эмалированных кирпичей.

Валерия так щедро снабдила друзей коврами, подушками, покрывалами и всем необходимым, что в зале мигом были устроены два мягких ложа для скульптора и Эриксо. Около двери устроились рабы. Все падали от усталости, и едва солнце исчезло за горизонт, весь караван уже спал.

Воцарилось глубокое молчание, изредка нарушаемое шумным дыханием кого-нибудь из спящих. Эриксо, однако, не спала и деятельно обдумывала, как проникнуть в подземелье. Она предполагала сначала пробраться в потайную комнату, ключ от которой у неё с собой, где, по её мнению, должны были храниться сокровища Аменхотепа, и захватить драгоценностей сколько будет в силах, чтобы создать себе независимое положение. Затем она или заколет мага или подожжет драпировки, чтобы он сгорел, и таким образом навсегда от него освободится. А потом, пусть Рамери находит кости и хоронит их хоть с божескими почестями, если это ему доставит удовольствие.

Прошло с час времени, пока она обдумывала свой план. Наконец, настало время действовать. Только бы ей знать наверняка, что Рамери спит; она прислушалась, и ей показалось, что она слышит глубокое и ровное дыхание товарища. Уставший днем, он, разумеется, спит, как мертвый. Эриксо тихонько встала, зажгла маленький фонарь, припрятанный для этой цели, и, завернувшись в темный плащ, как тень, скользнула вон из комнаты.

Но она ошиблась: Рамери не спал, он тоже был занят своими думами, как вдруг увидел, что молодая девушка с необыкновенной предосторожностью, зажгла фонарь и стала боязливо прислушиваться, спит ли он.

Крайне заинтересованный, он притворился спящим, а когда Эриксо вышла из комнаты, он тоже встал и издали, чтобы не быть замеченным, стал следить за ней. Его крайне интересовало, куда это она собралась так таинственно, да ещё ночью? К крайнему его удивлению, Эриксо прямо направилась к гранитной глыбе, у которой он днем нашел ее. Не доходя до нее, она поставила фонарь на землю и подняла такой большой

камень, что Рамери осторожно подкрался и онемел от удивления, увидев, что в камне образовалась щель настолько широкая, что в неё мог пройти человек. В глубине белели ступеньки лестницы. Камнем, принесенным Эриксо, была заложена дверь, чтобы не дать ей закрыться. Не колеблясь ни минуты, скульптор стал спускаться по лестнице. Едва мерцавший слабый луч света указывал ему, что Эриксо идет впереди.

Спустившись с лестницы, он увидел сводчатый коридор, в конце которого Эриксо исчезла за другой дверью. Несмотря на наступившую темноту, он почти бегом миновал коридор и попробовал отворить дверь; она так легко подалась под его рукой, что он чуть не потерял равновесия и споткнулся о порог. Но тотчас же остановился пораженный и едва сдержал крик восхищения: перед ним была подземная галерея, с хрустальными колоннами, освещенная, как днем. Всюду виднелось много странного и любопытного. Но времени рассмотреть все это как бы хотелось у него не было, так как Эриксо продолжала бежать не оглядываясь. Теперь он уже не сомневался, что цель её – склеп, в котором спал Аменхотеп. Рамери догадывался, что злоба Эриксо, да ещё то обстоятельство, что она утаила от него сделанное ею открытие, не предвещают ничего хорошего для мага. Не глядя больше на окружавшее его великолепие, Рамери продолжал преследовать Эриксо, тщательно стараясь не быть замеченным ею. Эриксо, впрочем, даже и не подозревала, что кто-нибудь мог следовать за ней. Погруженная в свои мысли, она пробежала и второй зал, затем святилище, поднялась по лестнице и остановилась только перед тяжелой занавесью, закрывавшей вход в опочивальню Аменхотепа.

После минутного колебания, она исчезла за занавесью; Рамери поспешно последовал за ней. Он очутился в богато меб-

лированной комнате, слабо освещенной двумя бронзовыми лампами на высоких подставках. В глубине, на ложе, стоявшем около стола, лежало тело человека, лицо которого было закрыто белым полотном.

С трепещущим сердцем Рамери спрятался и внимательно наблюдал за каждым движением Эриксо. Та поставила фонарь на пол и медленно приблизилась к ложу.

Снова, с минуту, она стояла в нерешительности; затем смело сорвала полотно и открыла лицо Аменхотепа. Он был как мертвый. Глаза его были закрыты. Покуда Эриксо в раздумье стояла перед телом, Рамери заметил, что на столе лежит кинжал с чеканной рукояткой, лезвие которого сверкало при свете ламп, словно вчера только вышло из рук оружейника.

Наклонившись к спящему, Эриксо смотрела на него с неумолимой ненавистью.

– Никогда не проснешься ты, исчадие Аменти! Умри, прежде чем тебя найдут! Погибай с твоей проклятой наукой! – отрывисто вскричала она.

Схватив со стола кинжал, она замахнулась, но Рамери с быстротой молнии очутился около нее, вырвал из рук оружие и, оттолкнув, прислонился к кровати, готовый телом своим защитить своего покровителя.

– А, негодная! Ты, как ящерица, пробралась сюда, чтобы убить своего благодетеля. Так вот почему ты скрывала от меня, что нашла вход в подземелье! – вскричал он вне себя.

Эриксо отступила назад, страшно побледнела и схватилась обеими руками за голову. Холодный пот выступил у нее; она поняла, что все погибло.

– Рамери! Безумный! Зачем мешаешь ты мне уничтожить эту опасную для нас с тобой тварь? – с отчаянием в голосе вскричала она. Затем, упав на колени, умоляюще протянула к нему руки.

– Не удерживай меня! Горе нам, если человек этот откроет глаза во всеоружии своего знания! Неподкупный инстинкт пророчит мне нашу гибель.

– Ты глупа и неблагодарна! Для меня Аменхотеп всегда был другом, и, конечно, не твои слова поселят во мне недоверие к нему, – с гневом возразил скульптор. – Берегись, злое создание, прикоснуться к нему, пока он не проснулся, иначе этот самый кинжал положит конец твоему существованию, – прибавил он угрожающе.

Эриксо вскочила на ноги; глаза её сверкали как уголья.

– Да будет проклят час, в который ты безумно искушаешь судьбу, – в исступлении вскричала она. – Сам теперь неси последствия и жизнью плати за верность этому шакалу.

Не ожидая ответа, Эриксо повернулась и бросилась вон из комнаты. Как ураган пронеслась она через подземный зал и коридор, и вынула камень, придерживавший дверь, которая тотчас же захлопнулась.

– Оставайся с ним, дурак! – проворчала она.

Рамери несколько не был встревожен уходом Эриксо; он спокойно вынул из кармана пакет с флаконом, содержащим таинственное снадобье, возвращающее к жизни, и положил его на стол. Вдруг обе лампы мгновенно погасли, и он остался в полной тьме.

На минуту Рамери словно онемел от ужаса. Он не мог даже разбудить Аменхотепа! Но что могло погасить свет?

И страшное отчаяние овладело Рамери. Но когда глаза его немного привыкли к темноте, он заметил в углу слабый колеблющийся свет. Подойдя к этой светящейся точке, он с невыразимой радостью увидел фонарь, принесенный Эриксо, который она, в ярости, забыла здесь.

Не теряя ни минуты, он стал искать все необходимое для пробуждения. Только тогда может он считать себя вне всякой опасности, когда проснется Аменхотеп.

Он вернулся к столу и осмотрел корзинку. Там некогда были фрукты, теперь почерневшие и высохшие. В амфоре же должно было быть вино; не испортилось ли оно в течение стольких веков? Дрожащей рукой Рамери поднял амфору, наклонил её над кубком и... о, счастье! – из амфоры потянулась темная и густая жидкость, наполнившая четверть кубка. Этого было за глаза достаточно. Теперь вопрос был в том, как согреть вино?

При помощи фонаря он обыскал всю комнату, но не нашел того, что ему было нужно. Тогда он прошел в соседние залы, где все было погружено в глубокий мрак. Тем не менее, в святилище он нашел на жертвеннике тяжелый, семисвечный подсвечник с восковыми свечами и большую вазу, покрытую шелковым полосатым платком. Здесь же лежали нож с блестящим лезвием и ещё разные вещи, рассматривать, которые у него не было времени.

Рамери понимал, что все это были магические предметы. Тем не менее, он взял подсвечник и зажег одну из свечей.

Тут он припомнил еще, что в галерее видел фонтан, и, взяв небольшой сосуд, прошел туда. Серебристая струя фонтана перестала бить, но в бассейне была ещё вода, издававшая приятный и живительный аромат. Рамери наполнил сосуд,

быстро вернулся к спящему и поспешно приступил к последним приготовлениям. Он разбавил вино водой, согрел его на свечке и затем вылил туда содержимое флакона. Оставшейся водой он вымыл лицо, руки и ноги Аменхотепа. Тело мага было точно восковое, но члены оставались гибкими. Потом, кинжалом он разжал зубы и, капля за каплей, влил в рот спящему приготовленное им питье.

Прошло с четверть часа, показавшиеся ему целой вечностью. Боязливо наклонившись над магом, он наблюдал, как черты лица Аменхотепа постепенно теряли свою мертвенность: кожа принимала жизненный вид и кровь начала циркулировать. Наконец, нервная дрожь пробежала по телу, из груди его вырвался тяжелый вздох, и глаза мага открылись.

Усталым взглядом окинул он Рамери, нервно потянулся и, казалось, хотел снова заснуть.

– Учитель! – в испуге вскричал скульптор.

При этом возгласе Аменхотеп вздрогнул и выпрямился. Взгляд его с удивлением остановился на испуганном лице Рамери и на магическом подсвечнике, стоявшем на столе. Сжав голову руками, он спросил, стараясь собраться с мыслями:

– Что значит твое присутствие здесь, Рамери? Уж не случилось ли чего-нибудь, что помешало нашим планам? Или я слишком долго проспал?

– Добрый учитель мой! Случилось очень многое в течение веков, которые мы спали! – дрожащими губами ответил Рамери.

В нескольких словах он рассказал, как Эриксо проникла в тайну и воспользовалась ею для своих целей.

Аменхотеп слушал его с пылающим взглядом. Память, очевидно, к нему вернулась.

– Хорошо, друг мой! Теперь я знаю все, – перебил он скульптора. – Презренное создание хотело меня убить, и я тебе обязан, друг мой, что проснулся от этого ужасного сна.

Аменхотеп встал и обнял Рамери. Затем он погасил восковую свечу; тотчас же вспыхнули обе лампы. Потом Аменхотеп с улыбкой сказал:

– Теперь мне необходимо немного подкрепиться, а потом надо разобраться в прошлом и будущем.

– Учитель! Позволь мне выйти! Здесь, в развалинах дома старого Шузу, у меня есть провизия. Я принесу тебе вина, фруктов, мяса – всего, чего хочешь.

– Не беспокойся! Я и здесь найду, чем насытиться. Пойдем!

Он взял подсвечник и спустился в святилище. Поставив его обратно на жертвенник, маг подошел к стене и нажал пружину; тотчас же открылся маленький, скрытый в стене шкаф, откуда Аменхотеп достал амфору, кубок и шкатулку, отделанную золотом и драгоценными камнями.

Захватив все это с собой, он прошел вместе с Рамери в смежную залу. Как та, так и другая были теперь залиты светом. Сев у маленького, великолепного золоченого стола, маг пригласил Рамери сесть рядом и весело сказал:

– Пока я буду обедать, расскажи мне, что ты делаешь, где живешь ты и хитрая девчонка, сыгравшая с нами такую злую шутку. Пойми, друг мой как ужасны непоколебимые законы пространства: они ни для кого не допускают ни малейшего исключения. Вещество, которое я составил и дал тебе, точно

так же подействовало и на меня, несмотря на мои знания и уверенность в том, что я буду в состоянии противостоять.

Говоря это, Аменхотеп открыл шкатулку, внутренние стенки которой были сделаны из хрусталя, наполненную до половины каким-то клейким веществом, темно-красного цвета. Маленькой ложечкой, прикрепленной к крышке шкатулки, Аменхотеп взял кусочек этой массы, величиной с орех, и проглотил ее; затем он откупорил амфору и наполнил кубок странной на вид жидкостью, не похожей ни на молоко, ни на вино, но издававшей очень сильный и приятный аромат.

Спокойно устроившись в кресле и прихлебывая маленькими глотками, Аменхотеп слушал рассказ о находке Галлом сфинксов и мумии Нуиты.

Упомянув про это обстоятельство, Рамери рассказал также про странную тайну, окружавшую смерть царевны, и про раны и ожоги, покрывавшие её тело.

– Это я могу объяснить тебе, – заметил Аменхотеп. – После твоего исчезновения, Нуита была неутешна и отправилась в Абидос, чтобы испросить совета богов. В это время я делал невероятные усилия, чтобы стряхнуть с себя оцепенение, приковавшее меня к этому подземелью, и душа моя, вырвавшись из тела, всюду искала средств для освобождения. Поездка Нуиты показалась мне весьма удобным случаем, и я явился ей в склепе бога, чтобы открыть, что ты спишь в сфинксе. Я не помню теперь, по какой причине безумная бросилась ко мне и схватила мою руку. Это и было её гибелью. Огонь пространства, которым я был залит, убил ее, как ударом молнии, и причинил ей страшные ожоги, которые ты видел. Смотри!

Аменхотеп откинул широкий рукав и вытянул руку. На коже виден был почерневший отпечаток маленькой женской руки.

– Возвратный удар был так силен, что оглушил меня, отбросил обратно в мое тело и до такой степени ослабил меня, что я впал в какое-то забытие, из которого ты пробудил меня.

Когда успокоилось волнение, Рамери продолжал описание их жизни с Эриксо в доме легата.

– Пусть она и остается у своих новых друзей! Своих прав на неё я не стану предъявлять и не хочу иметь в своем доме женщину, которая до такой степени ненавидит меня, что готова убить, – заметил Аменхотеп. – Ты же – ты, может быть, станешь жить со мной, когда я устроюсь. Мы с тобой ближе друг к другу, чем чужеземцы, приютившие тебя. А пока ты, вероятно, завтра же пожелаешь вернуться в Александрию.

– Нет, учитель! Я хочу найти место, где стоял мой дом. Там, прежде чем заснуть долгим сном, я зарыл мои драгоценности, дорогую посуду и две меры золотых колец. Мне хотелось бы, если возможно, найти все это; ведь так тяжело жить, не имея ничего своего.

– Справедливо! Но только копаться в обломках из-за таких пустяков не стоит; тем более, что все это могло быть уже давно и украдено кем-нибудь. На мне лежит обязанность возместить тебе то, что ты потерял по моей вине. Пойдем и выбери сам!

Сконфуженный и в то же время счастливый, Рамери последовал за своим покровителем. В небольшой комнате оказалось множество баснословной цены драгоценностей. Среди других вещей, здесь стояла также миниатюрная модель одного из сфинксов, которые служили саркофагами Рамери и Эриксо.

– Я не хочу выбирать среди таких сокровищ! Никто не поверит, чтобы бедный скульптор мог владеть ими, – пробормотал Рамери.

– Никто, я полагаю, не может проконтролировать, чем владел Рамери, современник Амасиса, – с улыбкой ответил Аменхотеп. – Итак, я сам выберу для тебя. Ты же завтра произведи раскопки в смежном доме на том месте, где увидишь красный кирпич. Там ты найдешь все, что я назначаю тебе, и никто тебе не помешает сказать, что ты нашел все это под развалинами своего бывшего дома.

– Как мне благодарить тебя, Аменхотеп, за твое истинно царское великодушие, – сказал Рамери. – Если ты не сочтешь мою просьбу дерзкой, то доверши свои благодеяния и дай мне этого маленького сфинкса с чертами дорогой Нуиты – модель которую я сделал по твоему указанию из чудного неизвестного вещества, мягкого как воск по сравнению с камнем.

– Твоя просьба так скромна, что я с удовольствием исполню ее. Завтра ты найдешь сфинкса вместе с другими вещами. А теперь прощай, Рамери! Иди отдыхать! Через несколько времени ты получишь обо мне известие.

Аменхотеп проводил скульптора до самого выхода и, прощаясь с ним, Рамери сказал, смеясь:

– Я устрою великолепную сцену негодной Эриксо за её преступные намерения. Ты застанешь её спящей. Напротив, прошу тебя ни словом не упоминать обо мне. Я хочу, чтобы она ничего не знала о том, что произошло между нами.

Кипя гневом, в отчаянии вернулась Эриксо и тотчас же бросилась на постель; на рассвете она решила вернуться в Александрию. В эту минуту ей было совершенно безразлично, что

случится с Рамери. Одна мысль, что он хочет вернуть к жизни Аменхотепа, как ушат холодной воды подействовала на её любовь к нему. Она горячо желала, чтобы он, не разбудив мудреца, навеки остался бы с его телом.

Вдруг у неё мелькнула мысль, что Галл и Валерия будут удивлены исчезновением её спутника, будут, может быть, искать его – и она стала придумывать какое-нибудь оправдание. Она решила, сверх того, снова вернуться сюда через некоторое время, посетить подземелье, узнать, что случилось с Рамери, и если он не разбудил Аменхотепа, уничтожить мага во что бы то ни стало. Взволнованная этими мыслями, она в беспокойстве ворочалась на своей постели; вдруг какая-то усталость и оцепенение овладели ею, глаза закрылись, и она заснула крепким, тяжелым сном.

Такою застал её Рамери, когда вернулся из подземелья. Он тоже лег и скоро заснул.

Когда Эриксо открыла глаза, был уже день. Она боязливо стала искать глазами пустое ложе Рамери, и окаменела от удивления, когда увидела, что тот мирно спит крепким сном.

Она перебирала в уме все возможные появления скульптора, когда тот открыл глаза. Рамери встал и, не говоря ни слова с Эриксо, позвал раба, приказав подавать завтрак, а затем всем быть готовыми следовать за ним туда, где он предполагал произвести раскопки.

– Рамери! Каким образом вышел ты из подземелья? Тебе Аменхотеп открыл дверь? – неуверенно спросила Эриксо.

Рамери смерил её презрительным взглядом.

– Каким образом я вышел – это тебя не касается! Достаточно того, что я не умер с голода в подземелье, как ты этого

желала, убийца! Что же касается мага, то я запрещаю тебе когда-либо произносить его имя при мне!

Он отвернулся от неё и стал завтракать. Затем он увел с собой рабов, за исключением двоих, которым приказал все уложить и приготовить к отъезду.

Эриксо понимала, что он сердит на нее, но ещё больше, чем гнев Рамери, мучили её беспокойство и неизвестность о судьбе Аменхотепа. Жив он или умер? Желание её узнать истину было так велико, что она побежала к гранитному камню и нажала глаз змеи, но камень не двигался. Поникнув головой, она шла обратно и, проходя мимо одного дома, услышала голос Рамери, отдававший приказания рабам, которые, очевидно, производили раскопки.

Часа два спустя рабы принесли три больших ящика и плетеную корзину древней формы; привели повозку, запряженную мулами, все уложили, а после полудня караван тронулся в обратный путь, в Александрию.

В очень натянутых и недружелюбных отношениях вернулись наши путешественники в дом легата. Галл и Валерия с любопытством стали расспрашивать их о результате их экспедиции.

Эриксо с нетерпением ждала этой минуты, надеясь, что Рамери что-нибудь да расскажет; но надежды ее, однако, не осуществились. Скульптор объявил, что, к крайнему своему сожалению, он не нашел ни малейшего следа мага и что раскопки, произведенные на месте, где некогда стоял его дом вернули ему значительную часть его состояния.

По желанию Галла принесены были и распакованы ящики, содержавшие несколько мер золотых колец и массу драгоценностей. Валерия и её муж были в восхищении. Но больше

всего патрицианке понравился сфинкс; она восхищалась им и забавлялась, открывая и закрывая его.

Рамери предложил в подарок своим покровителям несколько особенно драгоценных произведений искусства, а Валерии, кроме того, поднес сфинкса для хранения драгоценностей. Эриксо он не дал ничего, и она вернулась в свою комнату вне себя от ревности и бешенства. Её терзало, кроме того, и беспокойство, так как молчание Рамери об Аменхотепе вселяло в неё инстинктивный страх.

Глава V.

Прошло несколько недель, а об Аменхотепе не было ни слуху, ни духу, и мало-помалу, интересы дня и разнообразные политические события заглушили в Рамери нетерпение узнать о судьбе мага.

Настало смутное время, так как волею императоров христианская секта жестоко, беспощадно преследовалась. Последователи новой веры были многочисленны в Александрии, а благодаря декретам из Рима, открывалось обширное поле для личной ненависти: доносы сыпались градом, тюрьмы и префектуры были набиты битком. Допросы, пытки и смертные приговоры наполняли город кровью, горем и ужасом. Одни только христиане оставались спокойными. Во всех слоях общества находили их одинаково смиренными, молчаливыми и, по-видимому, покорными, на самом же деле упорными, недоступными ни для каких убеждений, презиравших смерть и муки, а на мученичество смотревших как на блаженство. Экстатическая вера их была заразительна и создавала им много

последователей, и перед судьями являлось все больше и больше жертв.

Рамери – горячий поклонник Осириса, как египтянин, выросший в религиозном мире своего времени, – был удивлен и подавлен всем, что слышал и видел. С глубоким интересом, подчас и с ужасом, посещал он арены и префектуру, присутствовал при казнях, и за обедом передавал свои впечатления легату, который иногда жестоко издевался над овладевавшим им энтузиазмом. Для Галла христиане были опасные сектанты, враги государства и установленного порядка, шайка бродяг, воров, сумасбродов, искусно завлекавших в свои сети богатых, ради приобретения их состояния в пользу своей общины; а стойкость их в мучениях он приписывал влиянию магии, так как считал христиан злейшими колдунами.

Убеждения мужа, его ненависть и глубокое презрение к угнетаемым всегда вызывали в душе Валерии болезненное чувство и внушали ей к христианам жалость и глубокую симпатию. Христианская вера была та самая, которую исповедовала и дорогая мать ее, о которой она сохранила необыкновенно светлое и отчетливое воспоминание, и смерть которой нанесла такой глубокий удар её детскому сердцу.

То, чему поклонялась её мать, и что создавало этих героев, презиравших смерть и страдания, а на муки смотревших как на блаженство, не могло быть таким недостойным и заслуживать насмешек и презрения.

Валерия горячо желала узнать тайны христианской веры и познакомиться с подробностями их культа; но с подобным вопросом обратиться к мужу она не смела, а все христиане были строго изгнаны из дома легата; рассказы Рамери о том, что он видел и слышал во время христианских процессов, ещё более возбуждали её интерес и любопытство. Да, кроме

того, она жадно искала всего, что могло отвлечь её от мыслей, все чаще и чаще мучивших ее.

Предательски, как вор, прокралась в её сердце любовь к Рамери. Его красота, талант и, наконец, окружавший его фантастический ореол, все это действовало на воображение Валерии, и её юное сердце, не удовлетворяемое теплой привязанностью Галла и часто оскорбляемое его неверностями, начинало настойчиво заявлять свои права.

Чувства эти были ещё пока смутны и хаотичны, облекались больше в страстное стремление к чему-то неизвестному; не хватало только, чтобы открыть ей глаза и дать понять, что счастье, которого она жаждала, есть любовь.

Патрицианке удалось, наконец, удовлетворить свое любопытство в отношении христиан, и случай этот изменил её судьбу.

Однажды вечером легат вернулся от проконсула, имел очень озабоченный вид, и сообщил жене, что благодаря просьбе проконсула, очутился в очень неприятном положении: отказывать было неловко, а между тем просьба, сама по себе, в высшей степени не нравится ему.

На расспросы жены Галл рассказал, что принадлежавшие к высшему обществу Александрии Сабина и муж её Диомед были обвинены и объявлены христианами. Несмотря на интерес к ним проконсула, которому они приходились родственниками по жене, оба преступника осуждены на обезглавливание, так как против их упорства и фанатизма судьи ничего не могли поделать.

У них осталась их единственная дочь Лелия; ребенку едва исполнилось тринадцать лет, и проконсул страстно желал спасти ее. Хотя она и признает себя открыто христианкой, её

не взяли в преторий, а в настоящую минуту она содержится под арестом в своем собственном доме, и Эмилиан желает пристроить её в какую-нибудь римскую семью, которая могла бы повлиять на девочку и образумить ее.

– Все это было бы очень хорошо, если бы только выбор спасительницы Лелии не пал на тебя, – с неудовольствием прибавил Галл.

– На меня? – удивленно спросила Валерия. – Почему проконсул полагает, что я лучше других могу совершить это чудо, так как упрямство христиан достаточно, ведь всем известно?

– Да он надеется, что доброта твоя, твой ум и строгие убеждения воздействуют на Лелию. Она ещё молода, и на неё тем более можно повлиять, что, потеряв родителей, она будет жаждать привязанности. По этому поводу Эмилиан наговорил мне массу лестного, а мне неловко было отказать ему, хотя я не могу даже выразить, до какой степени мне противно пускать под свой кров одну из этих одержимых; так и кажется, что вместе с ней наш порог перешагнет несчастье. Сколько было примеров, что эти сектанты платили позором, горем и смертью за оказываемое им гостеприимство.

– Зачем предполагать дурное в этом несчастном ребенке? Я не боюсь её влияния и буду счастлива спасти Лелию. Скажи Эмилиану, что я принимаю сироту, как родную. Сейчас же прикажу подать носилки и...

– Нет, отправляйся завтра! Я должен предупредить проконсула о твоем согласии.

На следующий день, как только был кончен завтрак, Валерия собралась за Лелией. Она живо представляла себе одиночество и отчаяние бедного ребенка, внезапно потерявшего отца и мать.

Диомед и Сабина, известные своим богатством, жили на окраине города, в великолепной вилле, в роскошных залах которой некогда собиралось все лучшее общество Александрии. Зброшенный вид дома порашил Валерию, когда она проходила по окружавшим виллу обширным садам, в изобилии наполненным редкими цветами. Всюду видны были пустые цоколи; там и сям ещё валялись обломки разбитых статуй, а в перистиле два солдата играли в кости. Один из них почтительно предложил проводить супругу легата.

Большие залы, видимо, лишённые некогда украшавших их произведений искусства, были пустынные; весь дом словно подвергся грабежу.

– Разве здесь нет слуг? – спросила Валерия, удивлённая окружавшим её молчанием и пустотой.

– Почти все они были христианами, и их арестовали, – ответил солдат.

Откуда-то доносились смех и громкие голоса. Солдат привёл Валерию в залу, где два других солдата с двумя женщинами сидели за столом, уставленным кушаньями и амфорами, и весело пировали.

При виде патрицианки все вскочили, и когда Валерия спросила, где находится Лелия, одна из женщин ответила, пожимая плечами:

– Она тут рядом в своей комнате! Не выходит никуда и по целым дням молится своему распятому Богу. Нам приказано не тревожить её, а лишь смотреть за тем, чтобы к ней не проник ни один христианин, вот мы и стережем её. Дозволь, благородная женщина, я доложу ей о твоём приезде.

– Это лишнее: я пройду сама. Укажи мне дверь её комнаты.

Жалость и участие охватили Валерию, когда она вошла в бедно обставленную комнату. Темные завесы были полуспущены, и все было погружено в полумрак. В глубине, перед нишей стояла на коленях молодая девушка, почти ребенок и, сложив руки, горячо молилась; глаза её с верой были устремлены на висевший в глубине ниши крест из черного дерева, на котором был изображен распятый человек.

Рисунок был великолепен, не столько по отделке, сколько благодаря вложенному вдохновению. Черты лица Христова божественной красоты дышали необычайной кротостью и терпением, а угасающий взгляд исполнен был такого милосердия и любви, что он должен был поддержать и утешить всякого, кто с верою взирал на него.

К глубокому удивлению Валерии, вместо слез и отчаяния, которые она рассчитывала встретить в Лелии, лицо её и глаза дышали спокойной радостью. Это был прелестный ребенок, стройный и нежный, с правильными чертами лица и густыми темными, обрамлявшими его, локонами. Простое белое шерстяное платье вырисовывало её изящные формы.

Переждав несколько минут, чтобы не смутить молитвы молодой христианки, Валерия наклонилась и слегка дотронулась до её плеча.

Лелия вздрогнула и обернулась. Очевидно, доброе и красивое лицо патрицианки внушило ей доверие и симпатию, так как она встала, протянула ей руку и с улыбкой сказала:

– Ты – Валерия, супруга легата Галла, в доме которого проконсул приказал мне жить?

– Да, и я приехала за тобой, Лелия. Скажи мне, ты без отращения последуешь за мной?

– О! Я охотно пойду за тобой. Хотя ты и язычница, благородная женщина, но я читаю в твоих глазах все христианские добродетели, – с жаром ответила Лелия.

Поселяя Лелию в своем доме, Валерия надеялась, что ей удастся овладеть её доверием и мало-помалу отвратить её от роковой веры. Желанием проконсула было выдать замуж Лелию в том расчете, что новые обязанности заставят её позабыть опасные утопии; но с молодой христианкой сладить было трудно. С первых же дней её переезда она замкнулась в себе, и её манера держать себя исключала всякую интимность. Молчаливая, сдержанная и вежливая по отношению ко всем, она тщательно избегала Эриксо, пылающий взгляд которой, избыток жизни и жажда наслаждений пугали ее.

Зато с Валерией она охотно разговаривала. И если патрицианке не удавалось разубедить свою приемную дочь и вернуть её к вере предков, то сама Валерия узнала многое о христианской вере, так как в этом вопросе Лелия была красноречива. Глаза её загорались, когда она рассказывала своей внимательной слушательнице о земной жизни Христа, о Его божественном учении, Его милосердии и смерти на кресте ради искупления грехов мира. С энтузиазмом прославляла она радости самоотречения, проповедовала презрение к земным наслаждениям и к смерти – правда, тяжелому переходу, но который был ничто в сравнении с небесным блаженством, приобретаемым мученичеством.

Подобные разговоры производили глубокое и опасное впечатление на большую душу Валерии, которая начинала уже понимать, что чувство её к Рамери больше, чем обыкновенная дружба, почему и боролась против этой преступной слабости со всей присущей ей энергией.

Однажды Валерия с Лелией, по обыкновению, беседовали, когда к ним пришел Рамери, и Лелия недоверчиво смолкла, но патрицианка успокоила ее. Теплый интерес, с каким отнесся к ней Рамери, и несколько слов почтительного восхищения её верой, которая способна наполнять своих последователей таким необыкновенным героизмом, быстро приобрели ему доверие и симпатию молодой христианки, и они дружески продолжали беседовать. Когда Рамери высказал свои сожаления о тяжелых потерях, понесенных ею, Лелия покачала головой и ответила со сверкающим взглядом:

– Я не оплакиваю смерти моих родителей! Не оплакиваю, во-первых, потому, что знаю, что они живут высшей жизнью, а во-вторых, потому, что вижу их каждый день. Как только я углублюсь в молитву, они являются мне, залитые светом. Лица их сияют радостью и покоем и они говорят мне о величии и благодати Господа и о райском блаженстве, каким они наслаждаются, убеждая меня, что час смерти есть час освобождения от земных оков.

– То, что ты говоришь, Лелия, прекрасно и высоко, но вовсе не подходит к твоим годам, – заметил Рамери, с участием смотря на бледную девушку, словно озаренную исходящим из неё ореолом. – Мне кажется невозможным, чтобы ты никогда не пожалела о всех прелестях, которые разворачивает перед тобой жизнь. Ты молода, красива, богата! Любовь и почести увенчают твоё существование. Как можешь ты презирать все блага земные, предпочитая им нищету, людское презрение и позорную, ужасную смерть!

Лелия подняла на него свой вдохновенный взгляд.

– Все перечисленные тобой блага имеют цену лишь для бедных слепцов, не знающих истины, которые стремятся к стяжанию и плотским наслаждениям, и только в них видят

высшее блаженство. Поэтому-то, когда приходит смерть, они борются с нею, как со злейшим врагом. Плоть протестует, а душа трепещет перед темной, неизвестной стезей, по которой они неизменно должны идти к вечному правосудию и дать отчет в своих деяниях. Для нас, – христиан, вечно стоящих на пороге могилы, мир не имеет цены, и наше богатство – вера и молитва, которых уже никто не в силах у нас отнять. Нас называют сумасбродами, потому что мы ищем счастья за гробом, ну, а вы, мнящие себя мудрыми, что находите вы в этом мире? Время все пожирает и ничего не оставляет вам, ибо все предназначено к разрушению: красота увядает, здоровье расшатывается, а способность наслаждаться притупляется. Настает, наконец, минута, когда приходится бросить дворцы и богатство, славу, словом, все до бренного тела включительно, тела, которое надо было ублажать и украшать! Все исчезает и обращается в прах; возносится одна лишь бессмертная искра, сбросившая земное отрепье, чтобы затем либо пресмыкаться во тьме, либо торжествуяще и радостно улететь в бесконечное пространство Царства Божия.

В эту минуту Лелия действительно сияла неземной красотой: все существо её дышало такою чистотой, проникнуто было таким могучим убеждением, что оно, как сильный наркотик, опьяняло слушателей, заставляя их позабыть все сомнения, желания, надежды, и подчиняло седой мудрости этого ребенка, добровольно отказавшегося от всего земного, готового смело перешагнуть страшный порог смерти, и для которого неизвестная вечность полна была света.

Под тягостью этого впечатления будущее казалось им темным, пустым, а счастье, которого они так жаждали и за которое цеплялись – иллюзией, призрачным сном. Взволнованные до глубины души, все в задумчивости разошлись по своим комнатам.

В эту ночь горячие слезы смочили подушку Валерии, и мысль её постоянно возвращалась к словам молодой христианки. Так вот какова была вера, за которую умерла её мать! В первый раз явилось у неё желание разделить эту веру и впредь ничего не требовать от жизни.

Пока в душе Валерии совершался этот опасный переворот, по городу разнеслась интересная новость, до такой степени возбуждавшая всеобщее внимание и любопытство, что на время было забыто даже гонение на христиан, продолжавшееся однако со все возрастающей суровостью.

Предметом этого любопытства был неизвестный, недавно купивший громадный дворец, некогда принадлежавший Клеопатре и отделывавшийся с неслыханной даже для богатых александрийцев роскошью.

Передавали совершенно невероятные вещи про богатства этого незнакомца, про чудеса и сокровища, которыми он наполнял свой дом, и про число его рабов. Но все это было лишь «говорят», так как никто и ничего не видел воочию. Дворец был окружен высокой стеной, а про владельца, которого также никто не видел, знали только, что он индийский царевич и зовут его Асгарта.

Приехал он в Александрию как-то ночью на корабле, отличавшемся отделкой и привлекавшем массу любопытных, ездивших в лодках нарочно осматривать инкрустации из золота и слоновой кости, резные украшения, пурпурные паруса и золоченые мачты его триремы.

Асгарта проехал по городу в закрытых носилках, окруженный многочисленной свитой и факелоносцами. С той поры, как бронзовые ворота за ним закрылись, его никто не видел.

Рамери слышал у магната рассказы про таинственного чужеземца и фантастические слухи, носившиеся на его счет, и смутное подозрение шевельнулось у него, что этот незнакомец должен иметь какое-нибудь отношение к Аменхотепу. Одно, что смущало его, это – имя Асгарта, да ещё индийское происхождение неизвестного.

И вот однажды роскошные носилки с восемью носильщиками-нубийцами остановились перед домом легата, и слуга вручил Рамери дощечки, в которых царевич Асгарта приглашал скульптора-египтянина Рамери приехать к нему по делу.

Это приглашение в первую минуту крайне удивило Рамери. Но тут ему вспомнились подозрения насчет Аменхотепа; он радостно поспешно оделся и сел в носилки, которые доставили его в дом индуса. Однако Рамери все-таки не мог избавиться от тягостного предчувствия, когда тяжелые ворота ограды таинственного жилища захлопнулись за ним. Очутился он на большом, вымощенном белым мрамором дворе, в центре которого в бассейне из красного порфира бил фонтан. Портик дворца украшали чудные статуи и вазы с цветами, а в глубине виднелись вершины пальм, смоковниц и других деревьев сада.

Слуга, одетый в полосатую шелковую одежду, повел его по широкой лестнице, через бесконечный ряд зал, убранных с волшебной роскошью. Десять глаз, по крайней мере, хотелось бы Рамери иметь в эту минуту, чтобы сразу охватить все чудеса и всю роскошь, которые окружали его; всюду в изобилии виднелись цветы, а воздух был насыщен сильным, но приятным ароматом. Перед тяжелой завесой, с золотой бахромой, слуга остановился и жестом показал ему продолжать одному свой путь. Смущенный Рамери вошел в следующую комнату – и пораженный остановился на пороге. Он очутился

в небольшой полукруглой зале, стены которой были обложены перламутром. С темно-голубого, куполообразного потолка свешивались и сбегали по стенам гирлянды цветов из жемчуга и бирюзы, с золотой листвой. Завесы из какой-то голубой, шелковой, блестящей, как атлас, ткани были вышиты серебром и оторочены жемчугом. Изящная мебель была отделана драгоценными камнями и обтянута такой же, как и занавеси, материей. Голубоватый невыразимо нежный свет наполнял всю комнату. Вазы, странной формы, полны были белых цветов, похожих на лилии, но совершенно неизвестных. Как очарованный стоял Рамери у дверей. Вдруг с одного из диванов поднялся высокий и стройный мужчина в белых одеждах, которого скульптор в своем волнении не заметил.

– Что с тобой, Рамери? Ты, кажется, обратился в статую? – спросил звучный, хорошо знакомый голос, сразу отрезвивший его.

– Аменхотеп! Это ты! – вскричал он, бросаясь в объятия мага.

– Я сам! Разве я не говорил тебе, что ты получишь от меня известие, когда я устроюсь?

– Твое устройство великолепно: это настоящее царство грез! Признаюсь, я не думал, что ты так богат.

– Богатство – понятие относительное, – с улыбкой заметил маг. – Надо же было позаботиться об этих украшениях, чтобы немного позабавить добрых александрийцев, которым я хочу задать праздник в моем доме. А теперь идем в мои личные комнаты; там я чувствую себя гораздо лучше.

И они прошли ещё несколько зал, таких же роскошных и оригинальных; наконец, маг остановился перед стеной, в центре которой была вырезана колоссальная голова египтя-

нина. Он надавил уреус клафта, и тотчас же открылась скрытая дверь, которую они и вошли. В обширной зале, освещаемой лишь несколькими лампами на высоких подножках, царил полумрак.

Рамери догадался, что это была лаборатория мага. В широкой и глубокой нише стоял жертвенник для вызываний. На столах и подставках виднелись странные инструменты, а на полках лежали свитки папируса и стояли склянки и ящики всевозможных форм и размеров. На зажженных треножниках курились какие-то удивительные, так хорошо знакомые Рамери ароматы.

– Здесь я действительно у себя, в том мире и в той обстановке, которую люблю, – сказал Аменхотеп, с удовольствием опускаясь в простое, но удобное кресло у стола, заваленного свитками и дощечками. – По-моему, здесь гораздо лучше, чем там, в тех залах, которые кажутся тебе такими прекрасными, с их резким светом, яркой живописью и раздражающим шумом, когда в них гости.

– Я не согласен с подобной суровой критикой твоего волшебного дворца. Как бы ни была полна знания тайн эта зала, ей я предпочитаю перламутровую комнату, – смеясь, ответил Рамери. – А кстати, Аменхотеп, отчего ты переменял имя и называешь себя индийским царевичем – Асгартой?

– У меня есть поместья в Индии, где я часто живу по целым годам. У меня есть там ученики, и там я известен под именем Асгарты, вот почему я имею право так именоваться. Но пока довольно обо мне! Расскажи лучше, что ты поделываешь? Успокоилась ли Эриксо, видя, что я не появляюсь?

– Я думаю, что в глубине души она не спокойна и страшится снова увидеть тебя. Она, разумеется, чувствует себя винов-

ной, но я никак не могу понять, почему она так боится тебя, лучшего, мудрейшего и великодушнейшего из людей, могущественного мага, покровительством которого она должна была бы гордиться?

– Сам видишь, как мало она ценит все эти качества и предпочитает им твою молодость и жгучие черные глаза.

– Потому что она дура! – вскричал, краснея, Рамери.

– Потому что она женщина! Да я нисколько не осуждаю её вкуса. Я предполагаю устроить несколько празднеств, на которых, без сомнения, и она будет, узнает меня, и тогда-то я выскажу ей, что не ею ни малейшего желания вернуть её к себе и предоставляю ей наслаждаться своей свободой.

Мало-помалу разговор переменился, и они заговорили про искусство и политику. Рамери с горечью упомянул о падении своей родины, о ниспровержении культа Осириса, всюду сменного новыми божествами, а кстати, завел речь и о христианах и коснулся жгучего вопроса дня – гонения, воздвигнутого на них. С участием, какое всегда внушала ему эта новая вера, рассказал Рамери несколько ужасных сцен, свидетелем которых был в префектуре, на форуме и на сцене.

– Аменхотеп! – вскричал он, хватая мага за руку. – Ты, мудрый, «посвященный», скажи, что означает весь этот хаос верований, который мы переживаем! Осирис, в течение веков могущественный покровитель земли Кеми, уже более не бог египтян, храм его затерялся среди великолепных сооружений, воздвигнутых в честь Юпитера, Венеры, Аполлона, Сераписа и других божеств, которые ничего не говорят мне. Дальше! Этих же самых, великолепных богов христиане презирают и отвергают, а поклоняются бедному, распятому на кресте ремесленнику, которого почитают воплощением бо-

жества на земле, Спасителем мира, и за веру свою умирают в ужаснейших муках, с улыбкой на устах! Скажи, ужели возможно, чтобы Бог снизошел на землю и сделался простым смертным? Ужели для славы Его Ему необходима ужасная смерть Его верных? Молю тебя, выясни мне, где же истина? Кто прав? Чей же бог – истинный?

Аменхотеп облокотился на стол и задумчиво его слушал. Когда же Рамери умолк, маг устремил на него свой пронизательный, мудрый взгляд, выпрямился и сказал:

– Все правы! Все поклоняются единому Богу, только под разными именами, так как Бог – везде. Бог – это великое, первичное дыхание жизни, напоминающее и оживляющее собою все.

На углу рабочего стола стояла большая деревянная кадка, в которой рос кустарник, покрытый синими цветами, издававшими сильный, но приятный запах.

Рамери уже видел подобное растение в рабочем кабинете мага в Мемфисе и считал его магическим.

Аменхотеп наклонился, отломил ветку с цветами и, протянув её скульптору, сказал:

– Смотри! Бог всюду проявляется в своих творениях. Цветок этот оживлен божественным теплом, заключает в себе великий закон совершенствования, украшен неувядаемой красотой, и благоуханный аромат его – дуновение Божества.

Аменхотеп пододвинул к себе лист папируса и встряхнул над ним ветку. На папирус упало насекомое, зеленое, как изумруд, и как бы осыпанное пылью.

– Взгляни теперь на второго представителя бесконечно совершенного искусства Великого Творца. Он уже стоит ступенью выше, и ты сейчас убедишься в этом.

Положив ветку на край папируса, Аменхотеп продолжал:

– Я возьму травинку и остановлю движение насекомого. Видишь, оно упало и лежит неподвижно, как мертвое; теперь поднимается, ползет по стеблю и направляется прямо к чашечке, откуда я сбросил его. Понимаешь ты, что это маленькое существо одарено уже великой, таинственной силой души: волей, которая и направляет его к желаемой цели. Это – прообраз человека, который падает перед испытаниями, поднимается, облачается в другое тело и снова ползет по стеблю своих страстей. Преодолевая препятствия, он идет к совершенству, которое есть его цель – сияющая чашечка, где обитает Творец мироздания. Бог всюду является тебе! Он говорит в лазури неба, в реве волн, в пении птиц, в шуме бури, в сокрушающем блеске молнии и в живительных лучах солнца, согревающих нас. Всюду, повторяю, проявляется Великий Творец мироздания. Бесчисленные миры, которые ты созерцаешь во мраке ночи, – творение его воли. Он заставляет их обращаться в таком совершенном порядке, что никогда они не сталкиваются, никогда не нарушается гармония их движения и можно на целые века вперед вычислить их путь. Ты не знаешь и не можешь ещё постичь, что земля, которая носит тебя и кажется тебе такой прозрачной, вращается в неизмеримой пустоте, поддерживаемая на своем пути лишь волей Создателя. А знаешь ли ты, что такое воля, которая теплится в каждом создании Божьем? Ослепленные страстями и плотью люди не отдают себе отчета, какой ужасный двигатель, какой гигант дремлет и прозябает в них. Воля, Рамери, – это частица самого Божества, чистая от всего материального. Когда она распускает могучие крылья свои, то нет предела

её полету, и все покорно её велению. Воля – это ключ всех тайн, открывающий все двери «избранному», который «имеет хотеть»! Она раскрывает ему тайны, подчиняет космические законы и учит управлять в великой лаборатории Творца, Который не ревнив и не скуп и дает в безграничных владениях своих место всем истинным ученикам своим. Величайшее знание есть ничто, если не управляет и не направляет его воля! Я поясню тебе примером мою мысль. Возьми вон ту чашку, которая стоит справа на столике, и наполни её землей из того ящика, на полу.

Когда Рамери исполнил приказание, Аменхотеп выдвинул ящик, вынул коробку с семенами и, взяв несколько зерен, бросил их в землю.

– Я знаю, что в каждом из этих зерен таится астральная сила, которая, сообразно с могуществом воли, управляющей ею, может ускорить работу природы и заставить вырасти растение в несколько часов или в несколько минут. Я могу сделать это, так как моя воля – «сознательна», а твоя – нет! Хотя бы ты сидел здесь месяцами, источая кровавый пот и пытаясь сконцентрировать свою несчастную волю, ты ничего не достигнешь; воля твоя – как утлый – челн без руля, – носится по бурным волнам недисциплинированной мысли, которые подхватывают челн и увлекают его в сторону от намеченной цели. А теперь – молчи и наблюдай!

Аменхотеп пододвинул небольшой столик, поставил на него чашку и поднял над ней руку. Брови его сдвинулись в глубокую складку и на лбу вздулась синяя жила.. Властный взгляд его, казалось, испускал лучи и, мало-помалу, из всей фигуры мага стал выделяться фосфорический свет, окрасивший его белые одежды в разные цвета и окутавший его голову широким голубоватым ореолом. Из тонких пальцев его также на-

чали выходить лучи, и, словно притягиваемые чашей, быстро поглощались землей.

Пораженный Рамери с волнением наблюдал это невиданное им доселе зрелище. Дрожь суеверного страха, охватывающая невежду, когда перед ним приподнимают уголок завесы, скрывающей невидимый мир, пробежала по его телу.

Сколько времени пробыл он в таком состоянии, когда вся жизнь сосредоточилась в одних глазах, он сам не мог бы сказать. Вдруг он увидел, что из земли стал выходить зеленоватый пар. Пар этот поднимался спиралью и потом снова падал и словно поглощался землею.

Тут земля рассеялась и из неё медленно начал выходить тоненький стебелек, тотчас же распустивший свои маленькие, изумрудно-зеленые листики. Растение стало быстро расти и становилось толще, появился бутон – и перед пораженным взором скульптора распустился розовый цветок, покрытый блестящими каплями росы. Свет, заливавший мага, угас, но пальцы его, казалось, излучали ещё живительное веяние, колебавшее грациозное растение.

Улыбка появилась на губах Аменхотепа, когда он отнял руку и сказал, смотря на бледное и расстроенное лицо гостя:

– Видишь, Рамери, это растеньице есть видимая форма дисциплинированной воли, воли сознательной, умеющей, соответственно законам природы, пользоваться частицами материи, рассеянными в эфире, которым ты даешь, но которого твои грубые глаза не воспринимают. Кто «умеет» хотеть, может управлять силами стихий, соединять или разлагать по своему желанию космические вещества и даже подчинить себе низшие и невежественные существа, которые блуждают в пространстве и поучаются в школе мага альфе и омеге всякого

знания – «воле». Подобно тому, как в слабом разумении человеческого Высшее Существо носит разные имена и облекается во всевозможные формы, сообразно умственному развитию того, кто поклоняется ему, так как это высшее знание достигается различными способами. Один постигает его в отречении, другой – в терпении; тот в чистой любви, этот – в ненависти или упрямстве. Безразлично, как тот, кто умеет молиться любить и исцелять, так и тот, который может лишь ненавидеть и разрушать, удовлетворяя свое тщеславие, – оба работают над развитием в себе великого двигателя, который поведет их по лестнице нравственного и умственного совершенствования. Религия христиан – это одна из великих школ развития воли; своим самоотречением, смирением, добровольной нищетой и чистотой они научаются побеждать бурные страсти души. Их презрение к мукам и смерти дает им господство над телом, научает их умерщвлять плоть и накапливать астральную силу, необходимую для восхождения. Великому Существо, которому они поклоняются, конечно, не нужны их физические страдания, как выражение их веры, не нужна и смерть их, ради его возвеличения. Он велик всюду, где бы могущественное дыхание его ни проявлялось в пространстве. Но этот Великий и Божественный дух радуется, что служит целью благороднейшим стремлениям духа человеческого. Подобно сверкающей звезде, некогда приведшей магов к его колыбели, он указывает этим душам путь, и ободрает их покорять и умерщвлять плоть, преграждающую им путь к совершенствованию.

– И они достигают этой высшей цели? – пробормотал Рамери.

– Они стремятся к ней, глядя на нее, как на сверкающую на небе звезду; для невежд она кажется близкой, они не сознают громадности отделяющего их от неё пространства. Осоз-

най, они это, они пали бы обескураженные; но, к счастью, они видят ее, эту блестящую награду свободных душ – и все поднимаются к ней, не замечая расстояния. А эту цель христианин воплощает в сияющем кресте, «посвященный» – в звезде мага, язычник – в величественном образе Юпитера, а ты – во славе Осириса, с которым надеешься слиться.

Голос Аменхотепа мало-помалу стихал, и неподвижный взгляд его ушел куда-то далеко-далеко... Казалось, он забыл про бедного Рамери, с волнением смотревшего на него.

– О, путь к звездам по тропинке воли! Где же предел твой? – сказал он, выпрямляясь и протягивая в пространство руки. – Не существует числа чтобы выразить расстояние, отделяющее нас от цели!

Он умолк, тяжело дыша, затем откинулся назад и сжал голову руками.

– Сомнение! Ужасное чудовище Аменти! Прочь, прочь!.. – вскричал он отрывисто, жестом устранив что-то невидимое; мрачный взор его был снова устремлен в пространство.

Дрожа от ужаса, Рамери попятился и без голоса, без сил опустился на стул. Ему казалось, что он чувствует присутствие чего-то невидимого, но ужасного, что видит маг – и он закрыл глаза.

– Я напугал тебя, мой бедный друг, – несколько минут спустя раздался над ним голос Аменхотепа.

Когда Рамери решился открыть глаза, перед ним стоял маг, правда, немного бледный, но спокойный, как всегда, и, улыбаясь, протягивал ему руку.

– Ты видел чудовище Аменти? – пробормотал он.

Облако грусти мелькнуло на лице мага.

– Я видел чудовище, которое осаждает человека, когда он дерзнет смело заглянуть в неизмеримые неведомые сферы. К счастью для тебя, ты ещё не имеешь понятия о бездне, на краю которой отчаянно бьется подчас душа человеческая, подавленная своим бессилием и ничтожностью перед бесконечностью. Вот, выпей, это подкрепит тебя. А затем – прощай! Мне надо ещё работать.

Рамери взял у него кубок и осушил его. Поблагодарив Аменхотепа, он собирался уж проститься с ним, когда тот протянул ему руку и сказал:

– Прошу тебя никому не говорить, что ты меня знаешь; а чтобы объяснить твое посещение дворца Асгарты, скажи, что я заказал тебе статую богини Гебы, наполняющей нектаром кубок Юпитера. Я действительно заказываю её тебе: моделью может служить тебе Эриксо.

Рамери вернулся домой в подавленном настроении. Он всегда благоговел перед знанием Аменхотепа, теперь же это благоговение граничило со страхом, и тут только он понял Эриксо. Не довелось ли ей почувствовать на себе гнев этого необычайного человека, если она так его возненавидела, одинаково страшась как его дружбы, так и злобы?

Глава VI.

Прошло недели две или больше с тех пор, Рамери видел своего покровителя. Он работал теперь над статуей Гебы, и Эриксо была очень довольна служить ему натурщицей.

Зато скульптор ежедневно слышал разговоры об Асгарте. Последний посетил проконсула и некоторых других знатных

особ и не раз приглашал их к себе. В городе только и говорили о празднествах Асгарты, о его волшебной роскоши, чудной красоте танцовщиц и певиц, развлекавших гостей, и, наконец, о странностях царевича, который ежедневно совершал прогулки на белом слоне, шея которого была украшена ожерельем, а хобот браслетами громадной цены. Сам же он был по-прежнему невидим, сидя в небольшом белом павильоне на спине животного.

Галл сгорал от любопытства, желая тоже попасть в число приглашенных, но обстоятельства складывались неблагоприятно и мешали ему встретиться с индусом.

Но вот как-то он вернулся очень довольный и рассказал, что встретился с Асгартой у проконсула, был представлен и что царевич необыкновенно внимательно отнесся к нему.

На следующий день носилки Асгарты остановились перед дворцом Галла. Легат со всей семьей отправился на ристания, и царевич уехал обратно, оставив легату дощечки, в которых писал, что приезжал пригласить его и благородную патрицианку на большой вечерний праздник, который он дает через несколько дней.

Взбешенный такой неудачей, легат на следующий же день был у Асгарты и привез от него приглашение Лелии, Эриксо и Рамери, о странной истории, которых царевич уже слышал.

Дамы деятельно занялись своими туалетами, за исключением Лелии, категорически отказавшейся присутствовать на празднике.

С обычным своим великодушием Валерия предоставила Эриксо дорогие ткани и своих портних, как вдруг накануне праздника, какой-то незнакомец принес в дом легату боль-

шую плетеную корзину, убрannую цветами и лентами и предназначавшуюся Эриксо.

У молодой девушки было столько обожателей среди богатой молодежи Александрии, что узнать, кто был таинственный даритель, было довольно трудно. Рамери заподозрил сначала самого Галла, но искреннее удивление патриция быстро разубедило его, а необычное богатство содержимого корзины подсказало ему другое имя.

Радостная, со сверкающим взглядом, Эриксо вынула из корзины роскошное платье из расшитой серебром ткани, усыпанное жемчугом покрывало, легкое и прозрачное, как паутина, затем ожерелье, пояс, диадему и несколько аграфов и браслетов. Все это было осыпано бриллиантами, жемчугом и изумрудами такой цены, что присутствующие обменялись удивленными взглядами. В небольшой корзинке, на шелковой подушечке, лежал венок из белых цветов, похожих на лилии, но только с синеватыми фосфоресцирующими чашечками. Эта гирлянда окончательно рассеяла подозрения Рамери.

Такие цветы он видел у Аменхотепа в перламутровой комнате: так это он прислал Эриксо такой царский подарок. Неужели маг питал к ней более глубокое чувство, чем то, в котором признавался.

Сама избранница, по-видимому, ничего не подозревала. Она восторгалась вкусом и богатством полученных вещей и несколько не скрывала своей радости. Её заботило только, как бы чудные цветы не завяли до завтрашнего вечера.

На следующий день Рамери первый был готов к празднику. На нем была надета тога. В этом новом костюме ничто не выдавало в нем современника Амасиса, исключая разве, может быть, его чисто египетской внешности. Он был грустен; чув-

ство пустоты и одиночества, по временам овладевавшее им, давило его и теперь. Оставалось более получаса до назначенного времени, и Рамери, сев у окна, задумчиво смотрел на сад, уже тонувший в сумраке ночи.

Легкий шум и прикосновение маленькой ручки заставило его быстро обернуться. Перед ним стояла Эриксо в своем волшебном костюме. В полумраке комнаты, освещенной только одной лампой, она казалась волшебным видением. Все на ней сверкало и горело; золотистые волосы, казалось, фосфоресцировали под белыми лилиями, такими свежими и бархатистыми, словно они только что были сорваны. Никогда ещё не блистала она такой чарующей сотой, как в эту минуту. Глаза её горели, а полная неги, страстная улыбка блуждала на её полуоткрытых губах.

– Эриксо! Клянусь Ра и Осирисом, ты так прекрасна, что способна соблазнить самого бога! – вскричал пораженный Рамери.

Эриксо положила ему руки на плечи и полушутливо, полусерьезно сказала:

– Соблазнять бога желания не имею; с меня довольно одного твоего сердца. Разве я не спала терпеливо целые века, чтобы победить Нуиту?

Говоря, она склонилась к нему, радостная, как само воплощение искушения. Золотистые локоны её ласкали его щеку, одуряющий аромат лилий кружил ему голову, он все забыл в эту минуту. Быстро привлек он к себе Эриксо и страстно поцеловал её в губы. Но повторить своего поцелуя он уже не мог, Эриксо, как ящерица, ловко выскользнула из его рук и исчезла.

Сконфуженный и раздосадованный Рамери вымыл холодной водой свое разгоряченное лицо и оправил тогу. В это время появился раб и позвал его.

Когда он вошел в атриум – все уже были в сборе. Первый же взгляд, брошенный на Валерию, быстро уничтожил чувственное увлечение, внушенное ему Эриксо.

На патрицианке был розовый, вышитый серебром пеплум, а украшения из рубинов и венки из роз чудно шли к её бледному цвету лица и к её черным, как вороново крыло, волосам. Её спокойная, величавая осанка, строгий и кроткий взгляд больших, темных глаз и высокая и стройная фигура – все это составляло полный контраст с Эриксо, маленькой, нежной, прозрачной и подвижной, как пестрая бабочка. И эта строгая и сдержанная красота Валерии производила могущественное влияние на Рамери. Когда он чувствовал на себе глубокий и чистый взгляд патрицианки, он был неуязвим и недоступен какому другому влиянию. Поэтому он оставался равнодушен и холоден, видя, что Галл, в присутствии жены, расточал Эриксо комплименты.

Дворец Асгарты был уже полон народа, когда прибыл легат с семьей. Все было залито светом, как днем, и великолепие комнат, чудеса сада, статуи и драгоценные камни, фонтаны, все производило впечатление волшебного сна.

Хозяин дома лично принимал гостей у входа в большую залу. В минуту прибытия легата вокруг Асгарты теснилась такая толпа, что Галлу с женой пришлось ждать довольно долго, прежде чем им удалось подойти поздороваться с ним.

Нетерпеливая Эриксо скоро соскучилась таким ожиданием и из любопытства развлекалась экскурсиями в соседние комнаты. Когда она вернулась, Асгарты уже не было у входа в

большую залу, и Галл, искавший ее, побранил за неумение держать себя; но глаза его говорили совсем другое: красота ее, видимо, возбуждала его притуплённые чувства. Эриксо не обратила на него никакого внимания. Она искала Рамери, но тот разговаривал, окруженный толпою молодых людей. Валерия, между тем, присоединилась к жене проконсула и нескольким матронам, её окружавшим; с легатом заговорил один из его товарищей, Эриксо очутилась совершенно одна.

Горя желанием найти перламутровую комнату, которую описывал ей Рамери, она с присущей ей смелостью проходила залы и галереи, любуясь статуями, драгоценными вазами, золотыми тканями и цветными коврами. Таким образом, добралась она до самой столовой, где толпа рабов, под руководством управителя, убирала столы золотой и серебряной посудой и уставляла дымящимися блюдами, фруктами и сладостями. Наконец, она неожиданно очутилась в комнате с перламутровыми стенами, которую так искала. Залитая светом, комната эта вечером имела ещё более волшебный вид, чем днем. Поднятая портьера открывала вход в грот, стены которого, казалось, были сделаны из синих кристаллов сапфира. Большие пальмы и кусты роз украшали его, а в глубине тихо журчал фонтан и изливался в бассейн, высеченный, словно из гигантского рубина. В тени деревьев мраморные скамьи манили к отдыху; а посредине, на небольшой колонне, стояла статуя Эроса, державшего в руке сердце, пронзенное стрелой.

Эриксо остановилась и залюбовалась окружавшим её великолепием, с наслаждением вдыхая чудный, наполнявший грот аромат, как вдруг чья-то тень проскользнула у входа в грот, и на пороге появилась высокая фигура Асгарты.

– Эриксо! – произнес маг.

Звук этого хорошо знакомого, металлического голоса заставил её вздрогнуть и обернуться. Шатаясь, отступила она назад, точно зачарованная взглядом Аменхотепа, хотя и властным по-прежнему, но не отражавшим, однако, ни гнева, ни суровости.

Эриксо опустилась на колени и прошептала покорно:

– Господин! Прости меня!

Аменхотеп быстро подошел к ней.

– Встань! Тебя могут увидеть! Отчего ты дрожишь? За что ненавидишь ты меня до такой степени, что хотела убить? Что я сделал тебе?

Стыд, страх, – целый хаос чувств, в которых Эриксо сама себе не могла дать отчета, бушевали в душе её и горячие слезы брызнули из глаз. Схватив руку мага, она прижала её к губам и с тоской пробормотала:

– Я и сама не знаю, за что я ненавижу тебя!

Загадочная улыбка мелькнула на лице Аменхотепа; подняв Эриксо, он отвел её к скамейке и посадил рядом с собой.

– Успокойся! Что подумают мои гости, если увидят тебя здесь плачущей? – с добротой прибавил он. – Успокойся же! Я вовсе не имею намерения принуждать тебя вернуться ко мне, если иная жизнь нравится тебе больше. Оставайся у благородной Валерии, будь счастлива среди себе подобных, наслаждайся и развлекайся, пока это тебя забавляет. Но помни одно: если когда-нибудь тебе понадобится убежище и покровитель – ты всегда найдешь здесь отцовский кров и дружеский, ласковый прием.

Эриксо боязливо и недоверчиво глянула на него, но встретив взгляд мага, дышавший снисхождением и добротой, она покраснела и, опустив в смущении головку, пробормотала:

– Ты добр и великодушен, господин, а я сумасшедшая и неблагодарная. Но ты пойми только, как ужасно быть осужденной на одиночество, когда жаждешь жить, любить и вдыхать полной грудью чистый воздух свободы!

– Ты права! Я должен был понять, что мой дом должен был казаться темницей такому молодому существу, кипящему жизнью, как ты. Но ты казалась мне ещё ребенком, и я боялся показывать тебя, такую молодую и прекрасную, всякому встречному. Теперь же будь счастлива по-своему!

– Я счастлива, господин! Я люблю и любима.

Обрамленные длинными ресницами веки мага дрогнули и опустились, скрывая его взгляд. Голос его был глух, когда он отвечал:

– Бедное дитя! Ты веришь тому, чего желаешь сама. Но разочаруйся: ты производишь на Рамери такое же действие, как кубок возбуждающего вина. Он слишком артист, чтобы не упиваться твоей красотой, но сердце его молчит, так как он любит другую.

– Он любил Нуиту, но ведь она умерла.

– Нуита живет. По непреложному закону, управляющему душами, дух её теперь в теле Валерии. Они инстинктивно узнали друг друга – и любовь их воскресла вновь.

Эриксо побледнела. Так Валерия – Нуита. Как она не узнала её раньше; и к тому же обе так похожи друг на друга. Несколько мелких случаев, на которые она раньше не обращала внимания, озарились для неё теперь новым светом.

Аменхотеп наблюдал за её лицом, на котором отражались взволновавшие её чувства.

– Мне пора, однако, вернуться к гостям, – сказал он, вставая. – Вот тебе мое последнее слово: если твои надежды оправдаются – я обеспечу тебя приданым; если же, напротив, мои предположения окажутся справедливыми, и настанет час, когда ты придешь сюда с разбитым сердцем, то знай, что здесь ты будешь принята, как дорогая дочь, и найдешь во мне отца и друга.

Аменхотеп вышел, а Эриксо неподвижно сидела несколько минут; затем, машинально, тихо направилась в залы, наполненные гостями. Но теперь: ни царившие повсюду шум и веселье, ни поклонение толпы, тотчас её окружившей, более не трогали Эриксо, она оставалась ко всему холодна и равнодушна. Аменхотеп ранил её в сердце, да ещё отравленным оружием; она страдала. Особенно больно было ей видеть, что Рамери разговаривает с Валерией. Оба они были веселы, улыбались. Маг сказал правду. Взор скульптора с нескрываемым восхищением покоился на высокой, стройной фигуре патрицианки. А ее, Эриксо, он совсем забыл, несмотря на всю красоту ее, превосходящую красоту Валерии, и на любовь, которую она к нему питала. Это горькое убеждение уничтожило в её глазах всякий интерес, который имел до того волшебный праздник Асгарты.

Первые дни после праздника у Аменхотепа прошли очень тяжело для всех обитателей дома легата, начиная с самого хозяина. Чувственный и избалованный женщинами, Галл уже давно был влюблен в Эриксо и страстно жаждал обладать ею.

Необыкновенная красота ее, полным блеском заблиставшая на празднике, возбуждала его страсть и навевала ему мысли, одна другой опаснее.

А Эриксо, вся ушедшая в свою любовь и ревность, не замечала ни его страстных взглядов, ни стараний остаться наедине с ней. Подозрительная и капризная, она следила за Рамери и зорко сторожила его, пуская в ход все свое кокетство, чтобы могучей властью красоты своей покорить его и отбить у соперницы.

И нельзя сказать, чтобы усилия Эриксо были совершенно бесплодны. У Рамери была пылкая натура, в его жилах недавно текла горячая африканская кровь. Если его сердце и принадлежало Валерии, зато охватившая его пожаром страсть влекла к Эриксо, которая и сама открыто выказывала ему свою любовь, тогда как Валерия всегда замыкалась в горделивую сдержанность, исключавшую всякую надежду на успех.

Эта вечная смена противоречивых влечений вконец истомила ее.

Две женщины оспаривали его сердце: одна – необузданная, страстная и жгучая, как ветер пустыни; другая – спокойная, нежная и благотворная, как живительный источник, воды которого создают оазис среди бесплодных песков.

Но более всех страдала Валерия.

Сознание, что она не любит мужа, что сердце её стремится к скульптору, наполняло душу молодой женщины стыдом, ужасом и презрением к самой себе. Честная, добродетельная и чистая до глубины души, она упрекала себя за это преступное чувство как упрекала бы за совершенный адюльтер. Всеми силами старалась она побороть любовь к Рамери и из-

гнать её из своего сердца. Молодая женщина избегала скульптора и относилась к нему с высокомерной холодностью, что должно было оттолкнуть молодого человека от нее. Вся поглощенная этой внутренней борьбой, которую всячески старалась скрыть от мужа, Валерия не обращала никакого внимания на то, что происходило вокруг нее, и не замечала ни почти открытой страсти Галла к Эриксо, ни кокетничанья последней с Рамери.

Однажды вечером Галла не было дома. Валерия рано удалилась в свои комнаты, ища уединения, но любовь и угрызения совести не оставляли ее. Горькие думы, вызванные этими чувствами, лишали молодую женщину сна и покоя. Она с тоской спрашивала себя, что выйдет из всего этого хаоса. От Рамери её отделяла целая пропасть, а жизнь с Галлом казалась ей пустой и полной отчаяния и отвращения.

Не будучи в состоянии лежать, вследствие сильного нервного возбуждения, Валерия встала, оделась, никого не беспокоя, и вышла из комнаты. Сначала она ходила по террасе, а потом углубилась под аркады длинной и широкой галереи, тянувшейся вдоль стороны дома, выходившей в сад.

Она прошла по галерее гораздо дальше обыкновенного. Вдруг звук лиры привлек её внимание. Валерия вздрогнула, остановилась и покраснела, заметив, что очутилась в нескольких шагах от окна комнаты Рамери. Первым движением молодой женщины было вернуться, но в эту минуту раздалось пение, под аккомпанемент лиры. Это Рамери пел вполголоса старую египетскую арию, полную меланхолии. Охваченная каким-то непередаваемым чувством, Валерия опустилась на скамейку. Эта странно знакомая ей мелодия действительно очаровывала ее.

Послышались легкие шаги и скрип песка в аллее. Патрицианка с удивлением увидела, как Эриксо остановилась у окна скульптора и с восхищением слушала пение.

При слабом свете луны Валерия могла разглядеть, что на молодой девушке была надета легкая белая туника, по которой, подобно волнующемуся плащу, ниже колен рассыпались её рыжие волосы.

Минуту спустя Эриксо схватила камешек и бросила его в комнату. Пение тотчас же смолкло, и в проеме окна появилась голова скульптора.

– Эриксо! Сумасшедшая! Что ты делаешь здесь? Ну что, если кто-нибудь увидит тебя? – полусмеясь, полусердясь спросил молодой человек.

– Я хочу поговорить с тобой без свидетелей. Днем я этого никак не могу сделать, так как всегда кто-нибудь да помещает. Особенно же мне надоедает Галл, следя за мной как тень.

Рамери ловко вскочил на подоконник и выпрыгнул в сад.

– Что же такое ты хочешь сказать мне? – спросил он, обнимая тонкую талию девушки и целуя её в бархатистую щеку.

Эриксо легко высвободилась из его объятий и, снова остановившись перед ним, с раздражением вскричала:

– Дело не в поцелуях! Я хочу, чтобы ты категорически сказал мне, любишь ли ты меня? Я предпочитаю лучше умереть, чем переносить дальше эту смесь любви и равнодушия.

– Конечно, я люблю тебя. Почему ты сомневаешься в этом? Пойдем! Сядем на скамейку у террасы и потолкуем.

Валерия слышала, как они сели в тени кустов. Затем Рамери продолжал:

– ещё раз повторяю: я люблю тебя! Только я не так экспансивен, как ты.

– Если ты любишь меня, то женись на мне! Я хочу, чтобы ты принадлежал только мне одной.

– Я сам не желаю ничего лучшего, как жениться на тебе, но такой важный шаг должен быть зрело обдуман. Надо устроиться и найти обеспеченные средства к жизни, так как не можем же мы жить у Галла с детьми и нашими людьми, – с видимым колебанием ответил Рамери.

– Аменхотеп обещал дать мне приданое, если я выйду за тебя замуж, так что с этой стороны не может быть никаких затруднений. Но поклянись мне, – она обвила его шею руками, – поклянись именем Осириса, что ты не любишь Валерию!

Рамери вздрогнул.

– Как осмелюсь я полюбить благородную и гордую Валерию, – ответил он глухим голосом. – Я смотрю на нее, как на гения-покровителя. Она будет счастлива нашим союзом и, конечно, всеми силами будет содействовать ему.

Если бы Эриксо была не так ослеплена страстью, она обратила бы внимание на его нерешительный тон и на уклончивость ответов. Он не смеет любить Валерию, а если бы смел, то, может быть, полюбил!.. Пылкое увлечение мешало ей углубиться в смысл его слов: она поняла только, что он ничего не ждет от Валерии и смотрит на нее, как на покровительницу.

В страстном порыве молодая девушка бросилась на шею Рамери. Валерия слышала горячие поцелуи и страстные сло-

ва, которых не поняла, благодаря страшному волнению, охватившему ее. Затем молодые люди удалились.

Все, что видела и слышала молодая женщина, произвело на неё подавляющее впечатление. Страшная ревность пробудилась в ней, превратив всегда подавляемое и отталкиваемое чувство в такую страсть, могущество которой она и не подозревала. Валерии казалось, что она стоит на краю пропасти, в которую её толкают яростная ненависть к Эриксо и какое-то незнакомое чувство, терзавшее ей сердце. Как разбитая сидела она на скамейке, тяжело переводя дыхание. Затем, прижавшись лбом к холодному мрамору балюстрады, разразилась конвульсивными рыданиями, позабыв все, позабыв, где она находится.

Рамери проводил Эриксо и задумчиво возвращался назад, когда до его слуха донеслись сдержанные рыдания. Он вздрогнул и остановился, стараясь угадать, где это плачут. Молодой человек был раздражен и недоволен. Полуобязательство, которым он связал себя с Эриксо, давило его. Он боялся, как бы молодая девушка не стала эксплуатировать его. Рамери обдумывал, нельзя ли заручиться помощью Аменхотепа в таких щекотливых обстоятельствах, когда слышал рыдания.

– Вероятно, какая-нибудь служанка патрицианки, – недовольным тоном проворчал он. – погоди! Я покажу ей, как приходить реветь в двух шагах от меня!

Наконец, ему удалось сориентироваться. Подойдя к террасе, он осторожно раздвинул кусты, но, узнав Валерию, все ещё продолжавшую плакать, прижавшись головой к балюстраде, остановился, как вкопанный. В одно мгновение ока Рамери сообразил, что произошло здесь, и понял, что патрицианка

была свидетельницей их свидания с Эриксо и что её слезы вызваны ревностью.

Опьяняющее чувство счастья, любви и гордости наполнило сердце молодого человека, заставив его позабыть даже о существовании прекрасной гречанки. Наконец-то он получил уверенность, что его любят! Правда, он и раньше иногда улавливал взгляды, заставлявшие усиленно биться его сердце, но вспышки эти были так беглы, а теплая благосклонность молодой женщины так хорошо скрывала её настоящие чувства, что он всегда находился в сомнении.

Сердце Рамери наполнилось опьяняющим чувством счастья, какого он не испытывал с того времени, когда Нуита отдала ему свою руку и призналась в любви; но в то же время им овладело чувство глубокой жалости и неудержимое желание утешить Валерию, осушить её слезы. Она казалась ему невыразимо прекрасной в этой позе отчаяния.

Не отдавая себе отчета в том, что он делает, Рамери взбежал по ступенькам террасы, упал на колени перед молодой женщиной и, отняв её руки, закрывавшие смоченное слезами лицо, пробормотал:

– Валерия!

Молодая женщина быстро выпрямилась. Когда она встретила полный любви взгляд Рамери, выражение непередаваемого счастья, удивления и любви отразилось на её лице. Если у молодого человека и было ещё сомнение, то эта минута вполне подтвердила его надежды.

В эту минуту слабость молодой женщины быстро сменилась гневом и негодованием. Валерия встала и оттолкнув молодого египтянина, сурово спросила его:

– Что тебе нужно от меня, скульптор? Как смеешь ты беспокоить меня?

Рамери понял, почему молодая женщина вместо того, чтобы дружески и фамильярно назвать его по имени, назвала «скульптором». Это его нисколько не обидело, так как он понимал раздражение, вызванное женской ревностью и досадой, что она выдала себя. Этот тон и эти слова должны были разочаровать и оттолкнуть его.

– О чем ты плачешь, Валерия? – повторил он, вставая.

– Это тебя не касается! Мне нет надобности отдавать тебе отчет в моих радостях и огорчениях.

– Ты не хочешь поверить их даже другу?

– У меня нет друзей, да я и не желаю иметь их, как бы моя жизнь ни была лишена любви, – с горечью ответила молодая женщина. – А теперь ступай прочь! Я хочу идти, – с повелительным жестом прибавила она, причем бархатные глаза её вспыхнули мрачным огнем.

Рамери молча прислонился к стене, давая проход молодой женщине. Когда стройная фигура исчезла во мраке галереи, он вернулся в свою комнату тем же путем, каким и вышел, самодовольно пробормотав:

– Я терпелив, Валерия! Теперь я знаю, что настанет час, когда ты признаешься, что любишь меня.

Валерия провела мучительную, бессонную ночь. На следующий день она объявила себя больной и не выходила из комнаты. Самые противоречивые чувства боролись в ней. Она чувствовала себя невыразимо несчастной и была страшно недовольна сама собой.

Когда наступил вечер, болезненное состояние Валерии достигло своего апогея. Уединение и глубокая тишина в комнате казались ей невыносимыми. Галл обедал у проконсула и, по всей вероятности, вернется не рано; Эриксо же и Рамери, без сомнения, где-нибудь по-вчерашнему нежно беседуют. Одна мысль видеть их была ей противна, а потому она и решила пройти к Лелии. В последнее время отношения патрицианки к девушке сделались очень близкими. Ясное спокойствие молодой христианки благотворно действовало на взволнованную душу Валерии. Валерия знала, что Лелия долго бодрствовала и молилась; тем не менее, опасаясь, как бы та не легла спать, она поспешно вышла из комнаты и направилась к молодой девушке. Проходя мимо небольшой комнаты, смежной с триклинием и служившей библиотекой, Валерия слышала, как Эриксо кричала раздраженным голосом:

– Оставь меня, Галл. Я уже говорила тебе, что люблю Рамери и взаимно любима им.

– Ты позабудешь ничтожного скульптора! Полюби меня, Эриксо, и я клянусь тебе...

Валерия подошла к двери. Нервно дрожащей рукой она немного откинула портьеру и заглянула внутрь комнаты.

Эриксо стояла около этажерки, заваленной свитками и табличками; перед ней, с покрасневшимся лицом, стоял на коленях Галл и пытался обнять ее. Молодая девушка сурово отталкивала его.

– Ах! Брось свои обещания! – нетерпеливо перебила Галла Эриксо в ту минуту, когда патрицианка раздвинула портьеру. – Я заснула рабыней мага; теперь же я свободна. Что же можешь ты дать мне – ты, женатый патриций? Чем могу я

быть для тебя? Оставь же меня в покое и люби – как это и должно – свою благородную и прекрасную супругу.

– Ты, Эриксо, будешь моей женой! Я разведусь с Валерией, которую нисколько не люблю. Я не могу любить эту женщину, всегда мягкую, надоедливую, без малейшего огня и страсти, которая подобно мраморной статуе, председательствует в моем доме. Я сделаю из тебя патрицианку! Я сложу к твоим ногам все наслаждения богатства! Не найдется такого праздника, банкета, драгоценности, которых я не предложил бы тебе, чтобы развлечь тебя.

Эриксо громко рассмеялась.

– Нашел чем соблазнять меня! Если бы я захотела, я могла бы жить, в доме Асгарты и располагать всеми сокровищами мага. Но я оттолкнула бы все, если бы должна была ради этого пожертвовать любовью Рамери. Пойми, Галл: я не люблю и не желаю тебя!

Не слушая дальше, Валерия вышла, как тень. Грудь её была стеснена, и какое-то странное, болезненное чувство давило её сердце. Что Галл не любил её – это было для неё совершенно безразлично: она тоже не любила мужа; но она никак не думала, что муж к ней так равнодушен; и что она до такой степени лишняя для него, что он хочет избавиться от нее. Молодой женщине казалось, что перед ней раскинулась безграничная пустота. И к чему она боролась сама с собой? Тот, кто внушил ей преступное чувство, тоже не любит ее. Что будет с ней в этой пустыне, без всякой цели в жизни, без любви и даже без дружбы, которая могла бы поддержать ее?

Валерия машинально продолжала идти вперед, так же машинально открыла дверь и вошла в комнату Лелии. Молодая девушка читала при свете лампы, сидя у маленького столика.

Увидя расстроенную и бледную, как смерть, Валерию, остановившуюся с неподвижным взглядом, Лелия быстро подбежала к ней, обняла и отвела к ложу.

– Что с тобой, Валерия? – спросила она, садясь рядом с ней. – Я вижу, что тебя что-то очень огорчило. Не расскажешь ли ты мне, в чем дело? Может быть, Господь вразумит меня, как утешить тебя.

– О! Я так несчастна! – пробормотала Валерия, обвивая руками шею Лелии и заливаясь слезами.

Молодая девушка вздохнула.

– Это мучения света, в котором ты живешь, подобно змее, давят тебя и вонзают в твою душу свой отравленный клинок. Бедная моя! Ты тщетно ищешь того, чего нельзя найти среди людей: земного счастья. Если бы ты искала небесных радостей – они даровали бы тебе душевное спокойствие; мир же дает только разочарования, страдания, разбитые надежды и жажду наслаждений. Он, подобно мрачному часовому, заграждает путь к небу. Видишь ли, Валерия, люди, жаждущие только богатства и удовлетворения своего тщеславия и своих животных инстинктов, блуждают во тьме. Они, как слепые, проходят мимо настоящей жизни – жизни духа. Но будь откровенна! Открой мне, не краснея, свое сердце и свои раны, так как я люблю тебя всей душой и жажду облегчить твою горе.

– Будешь ли ты в состоянии понять меня, Лелия? Ты так молода и так чиста! Ты никогда не любила земной любовью, воспламеняющей сердце и чувства – тихо сказала Валерия. – Поймешь ли ты такую любовь, которую ты, при твоей невинности, должна считать нечистой? Я же вдвойне нечиста, так как испытываю такое страстное чувство не к мужу моему, но

к постороннему человеку, любящему, к тому же, другую женщину. И вот, несмотря на все это, я продолжаю любить его, ревность терзает мое сердце, и я чувствую, что земля расступается под моими ногами.

Лелия задумчиво слушала молодую женщину.

– Ты ошибаешься, Валерия, думая, что я не пойму твоих чувств, – сказала она после непродолжительного молчания. – Я любила такую же любовью, как и ты, одного юношу, с которым была обручена с детства и за которого должна была выйти замуж, как только он облечется в тогу мужа. Но Господь в своей мудрости судил иначе! Я должна сказать тебе, что, несмотря на то, что мои родители были христиане, они не наставляли меня в христианской вере, а дожидались, чтобы я достаточно развилась, чтобы понять все величие исповедуемой ими веры. Но Анастасий – так звали моего жениха – был горячим последователем Господа Нашего Иисуса Христа. Сердце его было чисто, как сердце девственницы, и он не способен был полюбить женщину земной любовью. Он-то и преподавал мне учение нашей святой веры и сплел венок, который я надела при крещении. Когда, после этой церемонии, мы в первый раз остались одни, Анастасий поцеловал меня и сказал: «Возлюбленная моя невеста! Для нашей святой церкви настает тяжелое время – время борьбы и жертв. Против нас будут изданы кровавые эдикты. Предчувствие говорит мне, что я тоже буду призван пострадать за веру. Итак, наш союз совершится не здесь, на земле, а на небе, у подножия престола Спасителя, Который соединит наши души на вечные времена». Когда я разрыдалась, так как любила его всеми силами души, он сказал мне: «Не плачь, Лелия! Скоропреходящее земное счастье всегда бывает несовершенно и смущается ревностью, болезнями и огорчениями, неизбежными в жизни. Нашу же любовь ничто не будет в состоянии

смутить и ничто не разлучит нас, так как наш вечный союз будет процветать в светлых сферах вечного покоя». Его предчувствие скоро сбылось. Шесть недель спустя на него донесли, как на христианина, и он умер в цирке со стоицизмом героя. Это было тяжелое время для меня. Когда же вечером, в день его смерти, его мать принесла мне наполненный пузырек и губку, смоченную в его драгоценной крови, пролитой за веру, все мое существо наполнилось каким-то странным спокойствием. Я плакала, но без всякой горечи. Я имела даже силы благодарить Господа за освобождение его души и за дарованную ему милость принять мученический венец. Ночью мне явился Анастасий. На нем была надета белоснежная туника, а на белокурых локонах его пылало ослепительное пламя. В руках он держал пальмовую ветвь. Он улыбнулся и сказал: «Ты последуешь за мной, Лелия, но твое испытание ещё не кончено». С тех пор я часто видела его. Смерть перестала страшить меня, и я поняла также все счастье, заключающееся в нематериальной любви. А теперь, если ты желаешь, я покажу тебе мои сокровища.

– Прошу тебя об этом, – ответила успокоившаяся немного Валерия.

Лелия закрыла дверь на задвижку. Затем она вынула из шкафа довольно большую шкатулку и отомкнула её небольшим ключиком, висевшим у неё на шее. В шкатулке находились хрустальный флакон, наполненный красной жидкостью, губка, лежавшая на маленьком блюдечке, засохший венок и небольшой крестик из слоновой кости.

– Смотри! Эта губка висела на шее Анастасия, когда он боролся в цирке, а маленький крест слоновой кости он держал в руках. Венок же этот он сплел к моему крещению.

Лелия взяла флакон, наполненный кровью, и поцеловала его.

Взволнованная Валерия с удивлением смотрела на нее.

– Ты счастлива, Лелия, у тебя есть то, что руководит тобою на жизненном пути, – сказала она. Твои родители и твой жених являются тебе, утешают и дают советы. Я же предоставлена своим собственным силам и колеблюсь во мраке, не находя двери спасения.

Лелия, погруженная в молчаливую задумчивость, подняла голову.

– Может быть, ты не искала помощи там, где её можно найти. Не хочешь ли ты помолиться со мной? Господь по бесконечному своему милосердию внушит тебе, что нужно делать, чтобы обрести душевный покой, и, может быть, пошлет одного из своих вестников, который укажет твой путь.

Лелия вынула из шкатулки крест из слоновой кости и вложила его в руки патрицианки; затем, обняв её за талию, молодая девушка опустилась на колени. Нерешительно, но, не будучи в состоянии противиться, Валерия последовала её примеру, прислушиваясь к словам молитвы, которую шептала Лелия.

Патрицианка никогда ещё не видела, чтобы кто-нибудь так молился. Все существо молодой девушки, казалось, оторвалось от материи и устремилось к тому месту покоя, блаженства и любви, в котором она видела спасение. Экстатический порыв Лелии и её могучий полет души благотворно действовали на наболевшую душу Валерии. Ей казалось, что она колеблется на фосфоресцирующих волнах, поднимающих её в пространство. Она ощущала чувство невыразимого покоя,

воздух наполнился приятным ароматом, а крест в её руке испускал золотистые лучи.

Охваченная совершенно новым чувством, Валерия тоже начала молиться. Молчаливая, но горячая мольба вознеслась из её сердца к тому неизвестному ей Богу, которому поклонялась её мать. Вдруг она увидела, что на кресте, который Лелія вынула из шкафа и повесила на стене, появился сияющий диск. Диск этот стал быстро увеличиваться, распространяя ослепительный свет. На этом сверкающем как каскад из бриллиантов, фоне вырисовывались две воздушные фигуры, одетые в синеvато-белые туники.

Один из небесных послов был юноша чудной красоты; в руке он держал пальмовую ветвь. Другая – была не менее прекрасная женщина, приятные черты лица которой сияли блаженством; на черных, как вороново крыло, волосах её сверкал венок из лилий. С трепещущим сердцем Валерия узнала свою мать, образ которой, как живой, с детства сохранился в её сердце.

Светлое видение с нежной улыбкой наклонилось к ней и прикоснулось своей сияющей рукой к её лбу. Молодой женщине показалось, что вся её ревность, ненависть, горечь – одним словом, вся желчь, наполнявшая её душу, исчезла и уступила место глубокому покою. Затем гармоничный, но глухой голос произнес с выражением бесконечной любви:

– Возлюбленное дитя мое! Я молюсь, чтобы Господь просветил тебя и направил по Своему пути, который один ведет к цели и открывает человеку смысл жизни. Земные желания тяжелее гранита, и пока человек борется с материей, он никогда не будет покоен и истинно счастлив. Вечно раздраженный, он будет выпивать все новый кубок страстей, нико-

гда не насыщаясь и находя всегда на дне кубка одну только горечь.

Видение взяло из рук юноши пальмовую ветвь и подало её Валерии.

– Возьми – и будь достойна её! Эта пальма есть лестница, которая приведет тебя к вратам Неба, освобожденную от материи, отягчающей крылья твоей души. Ты соединишься к нам вместе со своей подругой. Будь тверда. Что значат скоропреходящие огорчения в сравнении с вечными небесными радостями.

Видение побледнело и расплылось в воздухе. Быстро упав с высоты экстаза, где она парила, Валерия зашаталась и упала бы на пол, если бы её не поддержала Лелия.

Вдруг молодая женщина быстро выпрямилась. Бледная, как смерть, с широко открытыми глазами, она указала рукой на свежую пальмовую ветвь, прислоненную к столу. Ветвь эта издавала сильный аромат и на ней сверкали ещё капли росы.

– Что это значит? – вскричала она, трепеща всем телом.

На лице Лелии появилось выражение невыразимого счастья.

– Валерия! Ты никогда не говорила, что твоя мать была христианка. Теперь я знаю это. Она явилась вместе с Анастасием указать тебе путь, по которому ты должна следовать. Пальма эта, оставленная небесными вестниками – видимый знак их покровительства. Она служит также извещением, что ты предназначена к славной мученической смерти. О, Валерия! Будь тверда, будь мужественна! Смерть за веру – это конец земных страданий, вечный покой, бесконечное блаженство, абсолютное знание освобожденной души – сегодня рабы материи, а завтра царицы бесконечного пространства.

Валерия ничего не ответила. Стоя на коленях около пальмы, она с трепетом ощупывала ее, а потом, прислонившись к ложу, закрыла глаза. Волнения последних дней, борьба между страстью, долгом, ревностью и разочарованием – все это потрясло молодую женщину и нарушило её душевное равновесие. Лишенная сил, она отдалась новому течению, охватившему её при соприкосновении экстаза.

Видение, которое она имела, слышанные ею слова, чудесный дар пространства и, наконец, радостное спокойствие, сменившее душевную бурю – все это содействовало окончательной экзальтации молодой женщины.

В эту минуту свет не имел для неё никакой цены, жизнь казалась бременем, а любовь к Рамери освободилась от той горечи, какую находят на дне кубка наслаждений. Вопреки своей рассудительной и робкой натуре, Валерия была способна теперь на самые крайние решения.

Когда Валерия поднялась, лицо её выражало необычайную энергию.

– Благодарю тебя, Лелия, что ты открыла мне глаза. Теперь, когда я видела мою мать, я не сомневаюсь больше, где истинная вера. Ты поймешь, что я хочу немедленно же познать учение вашего Бога и приобрести тот небесный мир, который Он вливает в души. Но ты сама понимаешь, что здесь это невозможно сделать. Мои обязанности супруги и хозяйки дома, праздники и приемы, на которых я должна присутствовать и, наконец, постоянное наблюдение за мной клиентов, гостей и слуг – все это мешает мне отдаться, как я жажду этого, исключительно молитве и размышлению. Посоветуй, что мне делать?

Лелия горячо поцеловала свою новую сестру по вере и поздравила её с тем, что Господь так просветил её и внушил ей только что сказанные слова. Затем молодая девушка погрузилась в глубокую задумчивость.

– Я могла бы дать тебе совет; только боюсь, что мой план покажется тебе слишком смелым, – нерешительно сказала она.

– Все равно, говори! Потом мы можем обсудить и изменить твоё предложение.

– Итак, слушай: если ты хочешь вполне отдаться Спасителю, тебе необходимо оставить этот дом, где искушение и зло стерегут тебя на каждом шагу. Я тоже жажду вернуться к своим, так как, несмотря на твою доброту ко мне, меня тяготит жизнь среди наших палачей и среди отрицающих Христа. Если ты согласна, то ничто не мешает нам тотчас же уйти, так как никогда не следует откладывать добрых решений.

Валерия находилась в таком душевном состоянии, что предложение оставить дом мужа несколько не испугало её. В ней шевельнулось только что-то вроде угрызения, и она пробормотала нерешительным голосом:

– Меня станут искать и с теми средствами, какими располагает Галл, скоро найдут.

– Этого не бойся! Надо только уйти раньше, чем вернется твой муж. Ночь ещё велика, и я успею отвести тебя в одно из предместий. Там живет в своем уединенном домике чудная женщина, уже не раз дававшая убежище неопитам. Марфа и её сын торгуют овощами, и никто не подозревает их. Там ты без страха можешь оставаться, пока тебя не представят нашему епископу. Тот же скроет тебя в одном из самых безо-

пасных наших убежищ, пока ты не укрепишься в новой вере и крещением не возродишься к новой жизни.

– Хорошо! Я согласна сейчас же уйти, – ответила Валерия после минутного размышления и ушла к себе.

Лелия едва успела уложить немного белья и шкатулку со своим сокровищем, как пришла закутанная в темный плащ Валерия с двумя пакетами в руках. В одном были уложены туника и несколько мелких вещей, в другом, более тяжелом, – драгоценности.

Тихо, со всевозможными предосторожностями, обе женщины прошли галерею и, спустившись в сад, пересекли его во всю длину. Затем через маленькую калитку, служившую садовнику и закрытую только изнутри на задвижку, они вышли на улицу... Непривычная тяжесть утомляла Валерию, и она, задыхаясь, остановилась на углу переулка.

– ещё немного терпения! – пробормотала Лелия. – Скоро мы придем к лавочке, где продаются цветы. Там есть знакомый мне молодой христианин.

Как молодая девушка и сказала, на повороте в первую же улицу, они очутились у лавочки, в глубине которой виднелись горшки цветов и были навалены корзинки.

– Клит! – вполголоса позвала Лелия.

– Иду! – ответил звучный голос.

Минуту спустя появился мальчик лет пятнадцати, и тотчас же взял пакеты.

После часовой ходьбы они остановились на самой окраине предместья, перед высокой и толстой стеной. Клит взял висевший молоток и четыре раза ударил в небольшую запертую дверь.

– Таким образом, христиане условились извещать друг друга, – пояснила Лелия. – Три раза ударяют во имя Св. Духа.

После довольно долгого ожидания дверь со скрипом открылась, и на пороге появилась уже пожилая женщина, видимо из простонародья, которая впустила пришедших.

Лелия поцеловалась с этой женщиной. Затем она сказала, указывая на Валерию:

– Я привожу неофитку, сестра Елизавета. Она нуждается в покое. Нельзя ли дать ей комнату?

– Конечно, можно! Да благословит Господь твой приход, дорогая сестра, – ответила женщина, поворачиваясь к Валерии.

Но та была даже не в состоянии ответить. Привыкшая выходить только на небольшую прогулку или пользоваться носилками, молодая женщина первый раз в жизни прошла так много пешком. Усталость её была так велика, что у неё подкашивались ноги, и кружилась голова. Она упала бы, если бы её не поддержали Лелия и Елизавета.

Они усадили патрицианку на скамейку. Когда та немного отдохнула, её отвели через густой сад в дом и поместили в небольшой, выбеленной известью комнате, где стояла простая, но чистая и удобная постель. Пока сестра Елизавета помогала Валерии раздеваться, пришла Марфа, хозяйка дома, добрая женщина с обыкновенным лицом. Она принесла новой гостье стакан теплого вина и кусочек дичи, который заставила съесть. После этого молодая женщина почти тотчас же заснула тяжелым и глубоким сном.

Когда Валерия проснулась, было уже довольно поздно и лучи солнца пробивались сквозь простые оконные занавески. Молодая женщина с удивлением осмотрела обнаженные сте-

ны, простой деревянный стол, такие же стулья и грубое шерстяное покрывало, которым она была накрыта. Вдруг к ней вернулась память, и ею овладело такое чувство страха, что она со сдавленным криком зарылась головой в подушки. Экстаз угас, и она видела теперь во всей наготе, что она надела. Что скажет Галл, когда убедится в её бегстве? Заслужил ли он тот позор и несчастье, которые она обрушила на него и на его дом? Без сомнения, он говорил о любви Эриксо, и его равнодушие к ней оскорбило ее. Но ведь она знала, что он человек увлекающийся; к ней же, своей жене, он всегда был добр, внимателен и снисходителен. Имела ли она право судить его, когда сама питала преступное чувство к египтянину? Молодой женщиной овладело такое чувство стыда и раскаяния, что она решила вернуться к мужу и вымолить его прощение за свою безумную выходку.

Успокоенная таким решением, Валерия встала и собиралась уже одеваться, когда взгляд её неожиданно упал на пальмовую ветвь, лежавшую на столе. Молодая женщина вздрогнула, взор её затуманился, и ею снова овладело вчерашнее состояние души. Этот небесный дар принесен ей её матерью! Кто лучше неё знает, где добро и что ведет к покою и вечному блаженству?

Ею снова овладело отвращение к жизни, к внутренней борьбе и к светской пустоте. Снова она горячо жаждала того состояния ясного спокойствия, какое светилось на лицах мучеников. Да, её мать права! Что значат земные страдания и отречение от благ мира сего в сравнении с вечным блаженством! Спасение души стоит выше всего остального.

Успокоенная и укрепленная, она встала и начала поспешно одеваться. Она кончала уже причесываться, – что более всего затруднило ее, когда прибежала Лелия.

– Ты уже готова? И без всякой посторонней помощи? Видишь, как скоро новая жизнь сделала тебя практичной! – весело сказала она. – А теперь пойдем скорей! Само провидение привело сюда сегодня утром дьякона Рустика, друга нашего епископа. Я уже говорила ему о тебе, и он примет необходимые меры, чтобы скрыть тебя от поисков твоего мужа.

Валерия взяла за руку свою подругу и обе прошли в большую комнату, где уже собралось около двадцати мужчин, женщин и даже детей. Большинство присутствующих были из простого народа. Все собрание пело гимн, и на всех лицах сияла экстатическая вера.

Когда пение окончилось, Лелия подвела Валерию к старцу с благородным и вдохновенным лицом и представила ему молодую женщину, как вновь обращенную, о которой она уже говорила.

Рустик – так как это был он – посмотрел на неё долгим и пытливым взглядом; затем благословил её и сказал:

– Добро пожаловать, дочь моя! Да исцелит милосердный Господь все раны твоей души! Но чтобы получить эту милость, ты должна, прежде всего, молиться. Молитва, дочь моя, – это свет слепых, оплот слабых и непобедимое оружие воинов Христа. Ты бежишь мрака, чтобы приобрести вечный свет? Поздравляю тебя! Но мой долг сказать тебе, что ты приходишь к нам в опасное время. Мы преследуемы и ненавидимы; каждый из нас ежеминутно рискует своей жизнью, и ты должна быть готова переменить свои тленные одежды на беспорочную тунику мученицы. Чувствуешь ли ты себя достаточно сильной, чтобы побороть свою плоть, и, в случае нужды, со славою постоять за свою веру? Без сомнения, тебя никто никогда не заставит умереть за Христа, но отречение

от Него отравило бы всю остальную твою жизнь. Нельзя служить двум господам.

– Отец мой! Я хочу быть христианкой и молю тебя позволить мне креститься.

– Прежде чем креститься, ты должна постигнуть учение нашей веры.

Старец возложил руки на склоненную голову Валерии и с благоговением прибавил:

– Да направит Господь твои шаги и да решит Он Сам твою судьбу! В Его воле избирать себе орудия и употреблять их согласно со своей мудростью.

Глава VII.

После бурной сцены, когда Эриксо насмешливо оттолкнула его любовь, Галл был так раздражен, что долго бродил по саду. Наконец он вернулся домой, чтобы выпить кубок вина и успокоиться, прежде чем идти в комнату Валерии. Но в эту ночь ему не суждено было отдохнуть. Едва раб подал требуемое питье, как ему вручили письмо от префекта, в котором тот сообщал, что неожиданно был арестован по обвинению в христианстве один высокопоставленный чиновник, их общий друг. Префект умолял Галла немедленно же приехать и помочь разубедить несчастного, прежде чем распространится весть о его безумии.

Галл тотчас же отправился, не подозревая, что его собственный дом поражен таким же несчастьем.

Галл ещё не возвращался домой, когда одна из рабынь принесла весть, что патрицианка исчезла со всеми своими со-

кровищами, и что дочь казненных христиан тоже покинула дом.

Философ Филатос, сделавшийся клиентом и живший в доме Галла, первый узнал эту новость и понял всю важность такого двойного исчезновения. Он тотчас же сообщил об этом Рамери и предложил ему помочь в первых поисках до прибытия легата. Пораженный молодой человек тотчас же согласился. Как и следовало ожидать, все их поиски оказались бесплодными. Расстроенные и усталые, они возвращались домой, когда приехал завтракать Галл.

Смущенный вид и бледность присутствующих поразили его. Убедившись в отсутствии Валерии, он с беспокойством спросил, что случилось.

Когда же философ, с тысячью предосторожностей, открыл ему печальную истину, молодой человек зашатался, точно получив удар молотом, и упал бы на пол, если бы его не поддерживали Филатос и Рамери. С их помощью легат добрался до своей комнаты. Поразившее его несчастье было так неожиданно, что окончательно подавляло его. Прошло более часа, прежде чем легат обрел способность осмыслить свое положение.

Ярость и отчаяние попеременно овладевали им. В конце концов, он решил, во что бы то ни стало найти Валерию и заставить её отречься, а если нет – то исчезнуть, но, во всяком случае, спасти честь своего семейства. Мертвую – он мог оплакивать ее, устроить ей торжественные похороны, чествовать её память; будучи же жива, она рисковала погибнуть от руки палача, а этого позора и бесчестья он решил избежать какою бы то ни было ценой.

Как только он немного успокоился, он тотчас же отправился: к проконсулу и рассказал ему обо всем случившемся. Эмилиан был очень расстроен и смотрел на себя, как на первую причину несчастья Галла.

– Я сделаю все зависящее от меня, чтобы помочь тебе и избавить от позора осуждения, – сказал он, пожимая холодную и влажную руку легата. – Стараюсь как можно скорее найти патрицианку. Если же тебе не удастся образумить ее, то удали её из Александрии так, чтобы никто не узнал, что с ней случилось. Что же касается змеи, которую я так неблагоприятно поместил в твоём доме, то я заставлю её дорого заплатить за её презренную неблагодарность.

– Если бы я только знал, в какой яме она скрылась, – сказал Галл, дрожа от гнева и горя.

– Мы будем искать этот христианский притон, как никогда ещё ничего не искали, – суровым тоном ответил проконсул.

Несмотря на молчание, которое все хранили из уважения к Галлу, весть о бегстве его жены облетела всю Александрию, и мнения расходились только относительно мотивов этого бегства. Подробности же события оставались почти совсем неизвестными.

Дворец легата, некогда такой гостеприимный и веселый, закрылся для всех. Пустота и молчание наполнили это обширное жилище, а над обитателями его, казалось, нависло свинцовое облако. Мрачный и нервный, Галл деятельно руководил поисками, которые, однако, оставались без всякого результата. Даже страсть его к Эриксо, казалось, заглохла под тяжестью его тягостных забот. Он послал гонца к Люцию Валерию и ждал его прибытия в Александрию, так как решил

поручить Валерию своему тестю, если она будет настаивать на своей новой вере.

Рамери был окончательно убит и находился в страшном отчаянии.

Под влиянием горя и раскаяния молодой человек почувствовал почти ненависть к Эриксо, всячески избегал её и относился к той, которая уже смотрела на себя, как на его невесту, с ледяной холодностью и равнодушием.

Удивленная и оскорбленная Эриксо стала искать причины такой перемены. Молодая девушка была слишком умна, чтобы не угадать истины.

Эриксо сообразила, что такую печальную перемену в чувствах Рамери вызвало исчезновение Валерии, и в её сердце вспыхнула бешеная ненависть и дикая ревность к предпочтенной сопернице.

Прошло более двух недель со дня исчезновения патрицианки, а ещё не было найдено ни малейшего следа ее. Несмотря на свой гнев и нетерпение, Галл был теперь гораздо спокойней. Позор, который жена обрушила на его голову, сделал её почти ненавистной для него, и в нем с новой силой вспыхнула страсть к Эриксо, тем более, что он считал себя разведенным с Валерией.

Рамери случайно подметил, какого рода чувства питал легат к Эриксо, и это открытие зародило в его уме план, который мог спасти их всех. Скульптор стал внимательнее наблюдать за Галлом. Убедившись в справедливости своих предположений, он однажды вечером отправился в комнату легата и попросил у него разговора наедине.

Когда они остались одни, египтянин сказал после минутного колебания:

– Я обязан тебе, Галл, бесконечной благодарностью за все добро, которым ты осыпал меня, и за твою дружбу, которой ты удостоил меня. Эта дружба и внушила мне желание поговорить с тобой откровенно об одной вещи, важной для нас обоих. Могу я надеяться, что ты не оскорбишься моей нескромной откровенностью?

– Говори смело, Рамери.

– В таком случае скажи мне, правда ли, что ты любишь Эриксо одним из тех могущественных чувств, которые поглощают все силы души?

Темный румянец покрыл щеки легата. С минуту он колебался, а затем, быстро решившись, сказал:

– Это правда! Женщина эта околдовала меня, воспламенила мою кровь и взволновала мой ум. Рыжие волосы Эриксо, как змеи, обвивают меня, давят, душат, а я не могу избавиться от них.

– Женился бы ты на ней, если бы был свободен?

– Без всякого сомнения. Но зачем ты спрашиваешь меня об этом, Рамери? Ведь ты сам любишь её и любим ею! – с горечью прибавил легат.

– Потому что и я в свою очередь хочу сделать тебе признание. И я, как и ты, испытывал странное очарование, производимое блестящей красотой Эриксо, но я не люблю ее. В моем сердце живет более чистая и более глубокая любовь к... – на минуту он умолк, – Валерии. Прости меня, но в глазах патрицианки я вижу взгляд Нуиты. Её улыбка и её голос те же, что и у моей покойной невесты. По странному стечению обстоя-

тельств, Валерия тоже меня любит, и я горько упрекаю себя, что был причиной её гибели и твоего несчастья.

Рассказав про свое ночное свидание, а также сцену с Валерией, он прибавил:

– Если ты решишься отказаться от своей супруги, так печально скомпрометированной, стану искать её я, и пользуясь всеми преимуществами, которые дает мне наша взаимная любовь, я вырву её из роковой среды. Мы обвенчаемся и покинем Египет, так что никто не будет знать, что с ней случилось. Все предположат, что патрицианка погибла, и ты, сделавшись свободным, женишься на Эриксо.

Галл с пылающим лицом вскочил на ноги.

– Сами боги внушили тебе этот план! Конечно, я с радостью уступлю женщину, которую всегда любил только как сестру. Будьте оба счастливы и живите без забот, так как я возвращу два миллиона сестерциев приданого, выплаченного мне Валерием, и отдам в ваше распоряжение корабль, который доставит вас, куда вы пожелаете. Я же буду освобожден от публичного позора. Ты прав! Никто не будет знать, что с ней, а её перестанут искать. Но как ты найдешь ее?

– Мой план уже составлен. Я человек ничтожный, и никто не заподозрит меня, если я притворюсь, что присоединяюсь к христианам и уверю последних, что принимаю их нелепую веру. Сделавшись же членом их общины, я буду иметь доступ во все их притоны, в одном из которых, несомненно, найду Валерию. Тогда я постараюсь убедить ее: если же это мне не удастся, я обращусь к твоей помощи, чтобы силой отнять её у этих безумцев. Когда она будет освобождена от их влияния, моя любовь довершит остальное.

– Можешь быть уверен в моей помощи. Твой план великолепен и имеет все шансы на успех. Но ещё один вопрос. Меня очень беспокоит Эриксо, захочет ли она отказаться от тебя?

– Эриксо должна отказаться от меня. Для бывшей рабыни мага очень соблазнительно сделаться женой легата, патриция и пользоваться всеми почестями и уважением, связанными с таким высоким положением.

Мужчины расстались, дружески пожав друг другу руки. По зрелом размышлении Рамери решил на следующее же утро объясниться с Эриксо.

Протекшее время было очень тяжело для молодой гречанки. В первую минуту она очень равнодушно отнеслась к исчезновению Валерии, и предположение, что она находится среди христиан, внушало ей даже смесь жалости и презрения. Это равнодушие скоро перешло в боязливую подозрительность, а затем в безумную ревность, когда она увидела, какое впечатление произвело на Рамери бегство патрицианки. Молодая девушка стала обдумывать, комбинировать, шпионить и со своей женской проницательностью, обостренной ещё и ревностью, почти угадала истину.

В первые минуты гнева у неё явилась мысль просить помощи у Аменхотепа, и она бросилась во дворец мага, но там ей сказали, что Асгарта уехал на неопределенное время. Молодая девушка вернулась домой взбешенная и обескураженная. Мрачная и задумчивая сидела она в своей комнате, когда к ней вошел Рамери. При первом же взгляде на бледное и взволнованное лицо молодого человека Эриксо поняла, что настала минута решительного объяснения. Не отвечая на поклон и не протягивая ему руки, молодая девушка облокотилась на пурпурные подушки и смерила Рамери сверкающим взглядом. Молодой человек ещё больше смутился. Идеальная

красота Эриксо всегда производила впечатление на его чувство, но сердце оставалось холодно. После минутного колебания Рамери сказал решительным тоном:

– Прости меня, Эриксо, за то горе, которое я причиню тебе, но мой долг объясниться с тобой.

– Это предисловие означает, конечно, что ты меня нелюбишь и желаешь вернуть свободу? – ледяным тоном заметила молодая девушка. – Если дело только в этом, то не беспокойся: я охотно отказываюсь от твоей лживой любви и от твоих лживых обещаний. Конечно, уж я не помешаю тебе бежать за грязной христианкой, которая предпочтет тебе своего распятого Бога. Впрочем, это твое дело. Я не хочу только, чтобы ты воображал, что я буду ползать в пыли, выпрашивая твою любовь.

– Это гнев внушает тебе такие злые слова. Прости меня, Эриксо! Я глубоко виноват перед тобой, но ты сама знаешь, что сердцу нельзя приказывать.

Эриксо скрестила руки и умолкла, но в глазах её горело пламя смертельной ненависти.

– Будь рассудительна и спокойно оцени положение, какое может дать тебе судьба. Тебе может предстоять более блестящая и счастливая жизнь, чем та, какую мог предложить тебе я, – умоляющим и убедительным тоном продолжал Рамери. Галл любит тебя. Патриций молод, красив и занимает высокий пост, открывающий ему путь к высшим должностям в государстве. К ногам любимой жены он сложит свои богатства, положение и всевозможные земные наслаждения.

– Не утомляй себя перечислением всех преимуществ любви Галла, – хриплым голосом перебила Эриксо. – Я их знаю и ценю по достоинству. Благодарю тебя за добрые советы, кото-

рыми я не премину воспользоваться, чтобы не стеснять тебя. Если же ты сделаешься в угоду Валерии христианином, и оба вы будете иметь удовольствие служить завтраком для диких зверей, я не упущу случая присутствовать на таком интересном зрелище, – насмешливо прибавила она.

Рамери нахмурил брови.

– Валерия никогда не будет христианкой! Но если бы она даже и была ею, она ради меня откажется от своей нелепой веры.

– А! Ты считаешь себя неотразимей их Бога? В таком случае желаю тебе успеха – и прощай!

Молодая девушка сделала энергичный жест рукой. С опущенной головой и тяжелым сердцем Рамери повернулся и вышел из комнаты. Тяжелое предчувствие приближающегося несчастья сдавило ему сердце.

Оставшись одна, Эриксо вскочила с дивана и как тигр в клетке стала бегать по комнате. Затем, упав на ковер, она разразилась конвульсивными рыданиями. Когда первый приступ горя, ярости и ревности прошел, молодая девушка легла на софу и отдалась глубоким размышлениям...

Оставалось темным только следующее: с согласия Галла или нет он предлагал ей в мужа легата и так открыто говорил о своей любви к Валерии?

Молодая девушка позвала свою рабыню Горго и приказала одеть себя. Когда настало время, в которое Галл обыкновенно выходил к завтраку, Эриксо вышла в залу, где стояли сфинксы, села на скамейку и погрузилась в такую глубокую задумчивость, что не слышала даже шагов легата, который при виде её остановился как очарованный. И действительно,

Эриксо была очаровательна в этой грустной позе, полной мрачной меланхолии. Костюм её отличался рассчитанной простотой.

– Отчего ты задумчива и печальна, Эриксо? – спросил, наконец, Галл, подходя к ней.

– Потому что красота не всегда дает счастье и что можно служить предметом восхищения и, в то же время, быть покинутой и одинокой, – с горечью ответила молодая девушка.

Легат тотчас же сообразил, что между ней и Рамери произошло объяснение. Быстро наклонившись к ней, он сказал:

– Может быть, ты ищешь счастья там, где не можешь найти его?

– Ты прав! Я искала его в сердце неблагодарного. Тем тяжелее для меня сознание, что я одинока на свете.

– От тебя самой зависит, Эриксо, быть или не быть одинокой! Ты слишком женщина, чтобы не чувствовать, что я люблю тебя больше жизни и что я не знаю большего счастья, как украсить твою жизнь.

Горькая и насмешливая улыбка скользнула по губам молодой девушки.

– Ты вечно забываешь, патриций, что ты женат! Куда ты денешь свою жену, чтобы дать мне то счастье, какое обещаешь? Если ты думаешь, что я соглашусь быть твоей игрушкой, что я приму плату за свою красоту – ты ошибаешься! Я никогда не войду в дом мужчины иначе, как в качестве его законной жены.

– Клянусь тебе всем, что для меня свято, я никогда не имел такой низкой мысли! Я хочу иметь тебя женой и надеюсь, что своей любовью, постоянными заботами и всеми наслажде-

ниями, которыми усыплю тебя, я заставлю позабыть тебя тяжелые воспоминания детского сна.

Эриксо, казалось, была тронута и взволнована.

– Но как ты расстанешься с Валерией?

– Благодаря её бегству, я уже расстался с ней. Закон дает мне право прогнать её – а развод не более, как простая формальность.

– Тебе известно, что Валерия любит Рамери?

– Да – и пусть любит на здоровье. Наш брак был семейным делом, в котором наши сердца не принимали никакого участия. Но раз ты коснулась этого вопроса и, притом с таким спокойствием, я доверяю тебе, что мы условились с Рамери и что он поможет мне избежать публичного скандала. Когда же я выполню все формальности, – мы обвенчаемся с тобой.

– В таком случае желаю, чтобы он как можно скорей нашел свою прекрасную христианку, – сказала с кокетливой улыбкой Эриксо. – Только я боюсь, что её будет очень трудно найти. Эти сектанты, говорят, очень хитры.

– Чтобы лучше их обмануть, Рамери притворится, что принимает их веру, – сказал со смехом Галл.

Затем, обняв Эриксо за талию, он прибавил:

– Теперь, прекрасная моя невеста, – подари же мне поцелуй.

Молодая девушка не оказала никакого сопротивления, когда легат страстно поцеловал её в губы. После непродолжительной дружеской беседы они расстались, решив хранить пока все в тайне. Получив, таким образом, все нужные ей сведения, Эриксо начала обдумывать план действий. Она решила, во что бы то ни стало помешать встрече Рамери с Валерией.

Валерия должна умереть. Только тогда она будет спокойна и может завоевать снова сердце Рамери. Необходимо было проникнуть в лагерь христиан, а это-то и было самое трудное.

Но Эриксо не принадлежала к числу тех женщин, которые останавливаются перед затруднениями. После долгого размышления, она позвала свою служанку Горго и имела с ней длинный, конфиденциальный разговор, результатом которого было то, что последней было разрешено уйти на целый день.

Горго была молодая и красивая нубианка, хитрая, как лиса, и развращенная до мозга костей. Она тотчас же поняла, чего добивалась её госпожа, и рассказала ей, что она уже два раза встречала Лелию и патрицианку, переодетыми простыми женщинами, но так как она ничего не выигрывала, донося на них, и никто не расспрашивал её об этом, то она и молчала до сих пор.

Эриксо была наэлектризована этим известием и обещала Горго богатые подарки и свободу, если она будет деятельно помогать ей. В счет же будущего молодая девушка подарила ей платье и золотые кольца для ушей.

Вернувшись вечером домой, Горго сделала Эриксо удовлетворительный доклад о своей экспедиции.

– Я надеюсь, госпожа, что все пойдет по твоему желанию, – сказала она, смеясь и показывая свои белые зубы. – У меня есть друг, служащий в цирке и имеющий сношения с христианами. Я рассказала ему в чем дело и просила помочь мне, обещая от твоего имени, что ты вознаградишь его...

– В этом отношении он может быть спокоен: я озолочу его, – перебила Эриксо.

Горго поцеловала край платья Эриксо и продолжала сияющим видом:

– Он сказал мне, что он, кажется, располагает тем, что нам нужно. Он знает одного молодого христианина, по имени Дамас, которому опротивела эта новая вера, но который не смеет высказать это. Дамас любит пожить. За самые пустяки, за любовную интрижку с танцовщицей цирка, христиане подняли страшный шум и наложили на него позорную, публичную эпитимию. Он не может забыть этого и говорил моему другу, что ждет только удобного случая, чтобы отомстить и выдать всех тех, кто так унизил его. Этому-то юноше Инго и поручит найти патрицианку и наблюдать за благородным Рамери.

Восемь дней спустя Эриксо узнала, что Валерия, вместе с Лелией, скрываются в доме, стоящем за городом и принадлежащем торговцу фруктами, Рустiku, который в то же время состоит дьяконом общины. Там же, в приспособленном с этой целью гроте, устроена церковь, куда два раза в месяц собираются верные. Дамас донес также, что Рамери вступил в сношения с общиной и с жаром изучает новое учение.

Из этого второго доклада молодая женщина узнала, что крещение Валерии состоялось и что Рамери очень уважают за его рвение. Скульптор уже раз присутствовал на божественной службе в доме Рустика, но не видел Валерии, так как, во-первых, женщины молятся отдельно от мужчин, а во-вторых – патрицианку скрывают особенно тщательно, да и она сама избегает всяких встреч с незнакомыми.

Несмотря на это, Эриксо очень беспокоилась. Раз Рамери достиг такого результата, простой случай мог ежеминутно столкнуть его с Валерией, и тогда весь план её рухнет. Надо было, как можно скорей удалить Рамери и выдать префек-

ту тайну дома Рустика. Суд был краток. Христиан, арестованных и уличенных, тотчас же осуждали и немедленно казнили.

Однако удалить Рамери было нелегко, ввиду его соглашения с Галлом.

После бессонной ночи Эриксо придумала хитрость.

Благодаря щедрым наградам, розданным молодой девушкой Горго, Инго и даже, через их посредство, Дамасу, усердие сообщников Эриксо достигло своего апогея. Поэтому, когда она пожелала лично увидаться с отпавшим христианином, это было быстро устроено и притом с такими предосторожностями, что ни у кого не зародилось ни малейшего подозрения.

Во время этого свидания с помощью Дамаса, знакомого с обычаями и фразеологией христиан, было составлено следующее письмо к Рамери, якобы от Валерии:

«Мой возлюбленный брат в Иисусе Христе! От Рустика я узнала о чуде твоего обращения и не нахожу слов выразить счастье, наполнившее мою душу. На земле мы братья по вере, и наши души могут вместе вознестись в небесные сферы. Я надеялась видеться с тобой в ближайшее наше собрание, – мне обещали это, – но вчера вечером один из наших братьев известил нас о неминуемой опасности, грозящей нашей общине. Епископ приказал нам рассеяться. Особенно же он не желает подвергать испытанию вновь обращенных, пока они не достаточно окрепнут для великой борьбы. Я нахожусь в числе тех, которые покидают Александрию. Меня отправляют в Фивы. Там, в древних гробницах и скалах живут братья, посвятившие себя уединению, которого ищем и мы. Я не знаю, удалят ли также и тебя. Но я хотела бы видеть тебя в Фивах, куда я прибуду через десять дней, и первой поздравить тебя с принятием св. крещения.

Брат Дамас передаст тебе эти таблички и адрес брата, живущего в Фивах. Он передаст тебе также все дальнейшие указания, полученные от гонца епископа.

Твоя сестра во Иисусе Христе Валерия».

На следующий же день это послание, через посредство Дамаса, попало в руки Рамери. Молодой человек, счастливый таким быстрым результатом, ни на минуту не усомнился в подлинности письма и поспешил сообщить Галлу его содержание.

Было решено, что Рамери уедет на следующий же день. Галл дал ему приказ ко всем римским чиновникам провинции, предписывая оказывать, если это понадобится, всякое содействие для увоза Валерии.

Со времени их тягостного объяснения Эриксо относилась к Рамери с равнодушием, граничащим с ненавистью, тогда как Галла окончательно свела с ума своими любезностями. Тем не менее, она исподтишка наблюдала за египтянином, горько смеясь над его радостью и надеждами. Когда же она увидела, что он уехал, не имея ни малейшего подозрения о ловушке, расставленной ему, чувство жестокого самодовольства наполнило душу молодой девушки.

Два дня спустя после отъезда скульптора Инго явился к префекту и указал ему на дом Рустика, как на место собрания христиан. В эту ночь у них должно было совершаться богослужение, и можно было захватить всех наиболее влиятельных членов общины.

Ночью, когда в пещере, слабо освещенной висячими лампами, старик-священник совершал божественную службу, отряд солдат оцепил дом. Центурион во главе другого отряда,

проник в маленькую подземную церковь и арестовал человек двадцать мужчин и женщин, молившихся стоя на коленях.

Среди арестованных, отведенных в Александрию и временно заключенных в темницу при префектуре, находились также Валерия с Лелией.

Утром все арестованные явились перед префектом. Узнав среди них жену легата, префект вскричал с выражением жалости и упрека:

– Неужели это ты, благородная патрицианка? Неужели это тебя привели из этого позорного притона в сообществе с воорами, преступниками и людьми самого низкого происхождения? Опомнись! Не навлекай позора на дом твоего супруга, которого я сейчас же извещу о твоём аресте.

– Благодарю тебя за доброе намерение! – отвечала Валерия. – Но исполняй свой долг! Мои христианские убеждения непоколебимы, и я жажду умереть за них.

Префект не настаивал, но тотчас же послал за Галлом. Пораженный легат, считавший Валерию вне всякой опасности, немедленно явился в префектуру.

По его желанию, ему тотчас же дали свидание с Валерией. Вид Валерии бледной, похудевшей, с болезненным выражением на лице, произвел такое тяжелое впечатление на легата, что слезы брызнули из его глаз.

– Прости меня, Галл, что я причинила тебе такое горе, но спасение души выше всех других соображений, – пробормотала взволнованно молодая женщина.

Легат пытался убедить ее, выставя ей на вид, сколько позора и несчастья навлечет она своей позорной смертью на него и на своего отца, которого он ждет с минуты на минуту.

– Ты знаешь, как Валерий ненавидит христиан, из-за которых уже потерял обожаемую жену. Твое обращение окончательно убьет его. Неужели ты потеряла всякое чувство дочерней любви и дружбы, если не любви, ко мне, свое женское достоинство, что остаешься глуха к нашим просьбам, голосу рассудка и инстинкту стыдливости и очертя голову стремишься к гибели, – с отчаянием закончил Галл.

– Твои убеждения напрасны, так как я не принадлежу больше к этому миру предрассудков, ослепления и тщеславия. То, на что ты смотришь, как на позор, я считаю неувядаемой славой. Мученичество – это дверь на небо, и я не изменю из-за ложного стыда своему Богу, – спокойно ответила Валерия.

Вдруг Галл быстро наклонился к ней и прошептал:

– Рамери уехал, думая, что ты в Фивах с другими христианами. Он надеется спасти тебя и дать тебе счастье, сделавшись твоим мужем. Я согласился на развод и уступаю тебя ему. Я дам тебе целое состояние и помогу безнаказанно бежать. Живи и будь счастлива с любимым человеком. Только избавь меня от позора казни через палача.

Яркий румянец разлился по бледному лицу Валерии. Шатаясь, прислонилась она к стене и закрыла глаза, но эта слабость была непродолжительна.

Молодая женщина выпрямилась и покачала головой.

– Нет, я отказываюсь от земной любви и хочу принадлежать одному Христу. Если Рамери любит меня, я буду молиться Господу, чтобы он просветил его душу светом истинной веры, чтобы наши души могли соединиться в блаженных небесных жилищах.

Лицо Валерии дышало такой энергией и таким экстазом, что Галл понял, что все убеждения и мольбы будут напрасны. Со смертью на сердце он повернулся и вышел.

Последняя смутная надежда побудила его пойти к проконсулу. Тот был в отчаянии и страшно взбешен.

– Я ничего не могу поделать, Галл! Я не могу отважиться спасти твою жену, раз её арест произошел так публично, – сказал он, гневно шагая по комнате. – Она должна умереть. Но чтобы избавить тебя от позора казни на форуме, я прикажу сегодня же ночью отвести её в твой дом, где её и задушат в её собственном калдариуме, что даст тебе возможность похоронить её с честью. Само собой разумеется, что все будет забыто, если она образумится, хотя бы даже в последнюю минуту.

Галл вернулся домой, как безумный. Страшная буря бушевала в нем. В эту минуту он понимал чувства квестора и его решимость убить Валерию. Сделав необходимые распоряжения, легат заперся в своем кабинете. В данное время он не способен был видеть даже Эриксо.

Когда ночь опустилась над Александрией, звон оружия на дворе возвестил прибытие мрачного кортежа.

Печальные и молчаливые слуги, клиенты и рабы толпились в портиках и галереях. Взгляды всех с жалостью и ужасом были устремлены на красивую молодую женщину, пленницей возвращавшуюся под супружескую кровлю, чтобы умереть. Валерия была спокойна. К ней жалась бледная, но улыбающаяся Лелия. Уступая просьбам и слезам жены, проконсул позволил Лелии разделить смерть своей подруги.

Предупрежденный о прибытии центуриона с арестованными, расстроенный и бледный, как смерть, Галл вышел в атри-

ум в сопровождении Филатоса и нескольких клиентов. Он подошел к офицеру, чтобы покончить последние формальности, как вдруг взгляд его упал на Лелию. При виде той, которую он, как дочь, принял в свой дом и на которую смотрел, как на виновницу поразившего его несчастья, безумная ярость овладела легатом.

– Презренная змея! Ты заплатила за мое расположение и гостеприимство самым позорным предательством, – хриплым голосом вскричал он. – Умри же, презренное создание! Не грязни своим присутствием обещанный тобой дом!

Прежде чем кто-нибудь мог догадаться о его намерении, легат выхватил из-за пояса одного солдата длинный нож и по самую рукоять вонзил его в грудь Лелии.

Филатос и центурион бросились к Галлу и оттащили его, боясь, чтобы с ним не случился апоплексический удар, так как лицо его посинело, а налившиеся кровью глаза выступили из орбит.

Лелия, даже не вскрикнув, опустилась на каменные плиты. Валерия с криком ужаса откинулась назад, но, увидев, что молодая девушка сделала движение, опустилась на колени и приподняла умирающую, стараясь придать ей более удобную позу. Кровь ручьем лила из раны, заливая руки и платье патрицианки.

– Я умираю... До скорого свидания... – прошептала Лелия, открыв глаза. Вдруг молодая девушка с силой выпрямилась, и бледное лицо её осветилось нечеловеческой радостью.

– Они идут за мной... О, сколько света, тепла и небесной гармонии!

Дрожь пробежала по телу молодой девушки, голова её бес- сильно опустилась. Лелия была мертва.

Валерия, как парализованная, продолжала держать труп, не сводя глаз с лица Лелии. Вдруг ей показалось, что кровь, все ещё сочившаяся из раны и смачивавшая её руки, изменила окраску и из красной стала прозрачной, белой, серебристой, между тем как из тела поднялось светящееся облако, скоро принявшее вид покойной. Прозрачная фигура эта была окружена снопом ослепительных лучей. Вся атмосфера, казалось, звучала могучей и приятной гармонией. Какой-то странный, удушливый аромат отнимал дыхание. У молодой женщины закружилась голова, и она без чувств упала на каменные плиты.

Когда Валерия очнулась, она лежала на ложе в калдариуме. Воздух был тяжел, но не удушлив. Валерия села и усталым взором обвела хорошо знакомую обстановку. Там стоит мраморный туалетный столик, как и всегда заставленный эссенциями, ароматическими маслами и духами. Висячая лампа слабо освещала скульптурные и мозаичные украшения. Вдруг молодая женщина увидела в ногах ложа маленький столик, на котором стоял кубок вина, пирожное, фрукты и холодная дичь.

Валерия была страшно утомлена. Со вчерашнего дня она ничего не ела, и вид пищи сразу пробудил в ней аппетит.

– Мне необходимо подкрепиться немного, чтобы быть в состоянии молиться в приближающуюся тяжелую минуту, – пробормотала она, вставая. Рядом с кубком она нашла табличку, на которой было написано рукой Галла: «Если тыобразишься и откажешься от безумной и бесполезной смерти, чтобы жить счастливо с Рамери – позвони в колокол, висящий у двери, и ты будешь спасена».

Молодая женщина равнодушно пробежала эти строки. Она непоколебимо решила умереть. Положив таблички на стол, она сделала несколько глотков вина и съела кусочек хлеба и несколько ягодок винограда.

Затем Валерия расчесала свои чудные волосы и надела свежую тунику, которую приготовила её верная служанка, боязливо ожидавшая в соседней комнате призыва своей дорогой госпожи и заливавшаяся горькими слезами.

Но Валерия и не думала звать кого бы то ни было. Покончив с туалетом, она собиралась помолиться, как вдруг раздались три глухие удара. Этот сигнал казалось, доносился из-за спущенной кожаной занавески. Молодая женщина подняла занавесь и увидела за нею маленькую низкую дверь, которой раньше не замечала. К крайнему её удивлению, дверь эта не была заперта и вела в узкий коридор, в конце которого находилось окно с железной решеткой, выходившее в пустынный переулок. Стучали именно в это окно. Валерия поспешно подошла и увидела знакомого ей старика-священника.

– Я пришел благословить тебя и принес небесную пищу для твоего последнего земного путешествия, – сказал старец, подавая ей через решетку платок, богато вышитый золотом и жемчугом. Молодая женщина, дрожа от счастья, преклонила колени и с благоговением приняла св. Причастие.

– Благодарю тебя, отец Калист, за доставленную мне высшую радость и за небесную поддержку. Когда я, таким образом, соединилась с Господом, земля ничего уж больше не будет в состоянии дать мне, – сказала Валерия, возвращая священнику платок.

– Знай, дорогая дочь моя, что мы все собрались и будем молиться за тебя в наступающие для тебя тяжелые минуты. Я

тоже сейчас иду к нашим братьям. Успокойся также относительно тела Лелии: рабы выдали его нам, и оно будет похоронено по-христиански.

– Поблагодари братьев и сестер за их преданность и за их молитвы, которые дадут мне силы с честью принять мученический венец.

Они в последний раз пожали друг другу руки. Затем Валерия вернулась в калдариум и тщательно заперла за собой дверь. Очевидно, между рабами нашелся христианин, отодвинувший засов, не надо, чтобы он подвергся за это ответственности.

Достав спрятанный на груди деревянный крестик, молодая женщина опустилась на колени и погрузилась в горячую молитву.

Мало-помалу, воздух вокруг неё становился все жарче и тяжелей. Затем появился белый пар и, как покрывалом, закрыл все предметы. Воздух стал горяч и удушлив. С Валерией, которая отдалась экстазу и сначала не замечала ничего, что происходило вокруг, сделалось головокружение и удушье.

Не будучи в состоянии дышать, она, тем не менее, продолжала молиться, прося небесной помощи. Вдруг она почувствовала страшную боль. Мозг ее, казалось, сжимался, череп готов был лопнуть, и она дышала настоящим огнем. Все вокруг неё погрузилось во мрак, и, как последний проблеск сознания, в её измученном мозгу пронеслась мысль:

– Иисусе Христе! Руководители мои! Неужели вы покинули меня?

В ту же минуту освежающее, холодное веяние, насыщенное чудным ароматом лилий и роз, ударило ей в лицо и освежило задыхающуюся грудь. Валерия почувствовала громадное об-

легчение; в то же время мрак рассеялся и открыл её пораженному взору радостный пейзаж. Перед ней расстился зеленый оазис. Густолиственные гигантские деревья образовывали группу на изумрудно-зеленой лужайке, усеянной цветами, с пробегавшим по ней хрустальным ручейком.

В глубине этого пейзажа высилась странная, воздушная лестница, золоченые и сверкающие ступени которой терялись в бесконечности, исчезая в светлом тумане. По этим ступеням, которым, казалось, не было конца, поднимались мужчины, женщины и дети всех возрастов. Все были одеты в более или менее белоснежные туники, имели на головах венки из лилий и держали в руках лампы, горевшие ослепительным пламенем. Их величественное пение, казалось, наполняло пространство могучими вибрациями.

– Валерия! – произнес чей-то гармоничный голос и перед ней появились три светлые фигуры.

То были её мать, Лелия и жених последней Анастасий. Они с радостью и любовью смотрели на молодую женщину.

– Что все это значит? Где я? Что это за лестница и куда она ведет? – вскричала Валерия.

– Это путь восхождения к бесконечности, – с улыбкой ответили её друзья.

– И ты, и мы – мы все находимся ещё у подножия этой гигантской лестницы, составленной из света и вибраций. Воздушные ступени этой лестницы выдерживают только легкие тела, освободившиеся от грубой материи и низменных страстей. Ты слышишь сейчас музыку сфер и вдыхаешь аромат очищенного пространства. Несогласия и дисгармония, раздражающие землю, – есть дело людей, плод и результат нечистых эманации их несовершенных душ. Следуй за нами и не

сожалей о земле с её эфемерными радостями и скоропреходящими удовольствиями!

– Я нисколько не жалею о земле! Я жажду вознестись к свету, горящему в бесконечности! – вскричала Валерия.

Она хотела броситься вперед, но ее, казалось, приковали к земле раскаленные бронзовые доспехи. Невыносимая боль терзала её тело.

– Милосердный Господь! Разбей цепи, приковывающие меня к земле! Дай мне вознестись к Тебе! – прошептала она со страстным порывом веры и любви.

В ту же минуту дрожь пробежала по всему её существу. Она очутилась в каком-то огненном море, где её потрясало точно порывами бури. Затем, тяжелая как скала, масса отделилась от нее, и она, легкая, как хлопок, и окутанная в воздушные сверкающие одежды, подобно стреле, поднялась в пространство, полное ослепительного света. Оглушенная, ослепленная и дрожащая, она на минуту потеряла сознание; когда же она очнулась – повязка уже спала с её глаз. Она видела окружающих её друзей пространства и чувствовала благотворное влияние теплых токов, исходявших от них. В руке она держала лампу, которая должна была освещать ей путь, а к губам её был поднесен кубок с эссенцией из очага вечного света. Она с наслаждением выпила его и почувствовала, как все её существо наполнилось новой энергией и неудержимым желанием знания. Тогда в каскаде ослепительного света она увидела своего Бога – того Бога, которому она поклонялась с такою непобедимой верой и ради которого пожертвовала своим тленным телом.

Она почувствовала такое невыразимое счастье и такой порыв любви, что ей казалось легким облететь всю бесконечную вселенную. Тогда она пробормотала с удивлением:

– Что означает эта громадная сила, наполнившая меня?

Из глубины пространства ей ответил гармоничный и могучий голос:

– Это результаты победы, одержанной твоей волей, восторжествовавшей над материей. Ты держишь теперь ключ к тайнам. Итак, иди же вперед по тропинке знания и труда к полному блаженству и знанию.

Валерия чувствовала, как у неё вырастают крылья, а душа наполняется необыкновенным покоем. Тем не менее, она вспомнила о земле и о тех, кого там оставила. Тогда она тотчас же увидела калдариум, наполненный синеватым паром, и человеческий труп, лежащий на влажных плитах. На труп она взглянула совершенно равнодушно. Синеватый свет окружал эти человеческие останки, пламя блуждало по ним и несколько светлых духов окружали их, радостно провозглашая освобождение мученицы.

Увлеченная своими друзьями, Валерия поднялась в прозрачный эфир – и все они исчезли в море ослепительного света.

Валерия уже скончалась, когда открылась маленькая дверь, ведущая в коридор, и на пороге появился Аменхотеп с небольшим сосудом в руках. Содержимое сосуда он вылил в калдариуме. Пар тотчас же, точно по мановению волшебного жезла, исчез и воздух очистился. В ту же минуту не ослепленный взор мага увидел духов пространства, бодрствующих у тела. Он услышал пение сфер и простерся в глубокой молитве.

Шум шагов, громкие голоса и звон оружия оторвали мага от молитвы. Он встал и скрылся за кожаной занавесью.

Прошло некоторое время. Снаружи были открыты вентиляторы, через которые со свистом вырвался тяжелый и густой воздух. Затем большая дверь калдариума с шумом открылась, и на пороге появился Галл в сопровождении квестора, Люция Валерия и центуриона. За ними толпились солдаты и рабы.

Несчастный отец, казалось, ещё более постарел. Землистое лицо его было испещрено красными пятнами и искажено непередаваемым выражением отчаяния и ярости.

Люций Валерий приехал всего только два часа тому назад. Когда он узнал, что именно в эту минуту умирает его единственная дочь и умирает такой ужасной смертью, осужденная за ненавистную ему веру, лишившую его всего, с ним сделался обморок, близкий к смерти.

При виде же безжизненного тела Валерии, он зашатался и у него вырвался хриплый стон. Галл же закрыл лицо. Но вдруг с квестором сделался приступ безумной ярости.

– Христианская собака! Будь проклята и в этой жизни, и в царстве теней! – вскричал он, отталкивая ногой неподвижное тело дочери.

Без сомнения, он ещё раз бешено ударил бы покойницу, но центурион удержал его.

– Приди в себя, благородный Люций Валерий! Безумие, сгубившее твою дочь – несчастье, а не позор для тебя.

Затем, обернувшись к Галлу, он прибавил:

– Какие будут приказания, легат, относительно тела? Позволишь ты мне взять его, чтобы поступить с ним по закону?

Квестор вскочил, как нагальванизированный, и, схватив зятя за руку, вскричал, дрожа всем телом:

– Галл! Неужели ты позволишь бросить ее?

Молодой человек грустно покачал головой.

– Тело осужденной оставь здесь, центурион! Закон удовлетворен, а о погребении я позабочусь сам.

Когда центурион с солдатами удалился, Галл обратился к своему управляющему.

– Прикажи приготовить на третьем дворе костер! Чтобы к вечеру все было готово! – приказал он и вышел, поддерживая квестора, который шатался, как пьяный.

Когда дверь калдариума закрылась, Аменхотеп вышел из своего тайника и подойдя к покойной, долго смотрел на нее. Белая и нежная, в своей грациозной позе она напоминала лилию, сломанную бурей. Ни малейшее выражение страдания не обезображивало её лица. На её полуоткрытых губах, казалось, замерла экстатическая улыбка. Тяжелый вздох вырвался из груди мага. Затем он достал из-за пояса нож с тонким и острым лезвием и одним движением отрезал у трупа руку. Потом он взял с туалета флакон, вылил из него духи и наполнил кровью.

Покончив с этим, он завернул обе вещи в полотняный платок и вышел в дверь, ведущую в апартаменты покойной. Комнаты были пусты, и только издали доносились плач и причитания служанок. На рабочем столе Валерии стоял сфинкс, которого он подарил Рамери. Маг взял его и положил в тайник руку и флакон. Затем, спрятав все под плащом, он, через сад ушел из дому, не будучи никем замечен.

С тех пор, как арест Валерии погрузил дом Галла в траур и печаль, Эриксо с каждым днем чувствовала себя все хуже. Она так добивалась этого, но теперь, когда дело рук её свершилось, угрызения и ужас давили ей сердце.

Разочарование, таящееся в глубине всякой вспышки человеческой страсти, овладело ею, отравляя радость торжества и удовлетворение видеть уничтоженной свою соперницу.

Молодая девушка была свидетельницей убийства Лелии и обморока, поразившего квестора. Пока Валерия умирала в калдариуме, она, дрожа всем телом, заперлась в своей комнате. Возбужденное воображение заставляло её с болезненной ясностью переживать все перипетии мучения. Вместо ожидаемого удовлетворения, Эриксо провела отвратительные часы, пока усталость не погрузила её в тяжелый и беспокойный сон.

День прошел в мрачном молчании. Горе и позор господина угнетали весь дом. Эриксо не видела никого, но от Горго узнала, что состоятся похороны Валерии и что костер уже готов; у неё появилось внезапное желание присутствовать при последнем акте трагедии, чуть не главным автором которой была она сама.

Со смешанным чувством отвращения и сильного любопытства, Эриксо пробралась в галерею, откуда виден был третий двор, на котором уже высился костер из смолистого дерева.

Обширный двор был ещё пуст, и только несколько рабов заканчивали последние приготовления, разговаривая о неожиданном увечье покойной. Общее мнение сводилось к тому, что какой-нибудь проклятый христианин пробрался в калдариум, чтобы унести руку жертвы, которая, без всякого сомнения, послужит для нового колдовства.

Патрицианку все поголовно жалели, так как она делала всем одно только добро.

Бескорыстные похвалы и искренние слезы, проливаемые в память Валерии, наполнили сердце Эриксо острым чувством стыда и ревности.

– Позабудет ли Рамери эту христианку? Трагическая смерть её не сделает ли её ещё дороже для скульптора? Если же когда-нибудь он узнает, какое участие принимала она в этой мрачной драме, не возненавидит ли он её за это?

При этой мысли гнев и ненависть снова закипали в душе Эриксо, и она сухими глазами смотрела на носилки, на которых принесли тело Валерии. В ту минуту, как её клали на костер, пришли Галл, квестор, Филатос и ещё несколько старых клиентов. Все были бледны, расстроены и печальны.

Скоро костер пылал со всех сторон. Люций Валерий смотрел мрачным, полным отчаяния взглядом на море огня, пожиравшее его дочь. Нервная дрожь потрясла его, когда в последний раз показалось нежное лицо Валерии, как пурпурным ореолом освещенное пламенем. Вдруг он смертельно побледнел и отступил назад; зрачки его расширились и он вытянул вперед обе руки. Под костром, в черных спиралях дыма, он увидел витающую фигуру женщины в ослепительно белой тунике. Фигура эта держала в руках пальмовую ветвь, а сияющие глаза её с нежным упреком смотрели на квестора.

– Фабия! – вскричал Валерий хриплым голосом.

Затем, сделав несколько колеблющихся шагов, он упал, как пораженный молнией. Когда его подняли, чтобы отнести в дом и оказать необходимую помощь, оставалось только констатировать смерть от апоплексического удара.

Взволнованная и дрожащая Эриксо оставила галерею. Её начало пугать пребывание в доме, где в уплату за гостеприимство она посеяла смерть и бесчестье. Когда она вернулась в свою комнату, Горго вручила ей таблички, принесенные каким-то неизвестным слугой. Эриксо открыла их, и луч радости вспыхнул в её глазах, когда она прочла следующие строчки:

«Если тебе тяжело пребывание в доме Галла, возвращайся ко мне. Рамери тоже, без сомнения, приедет ко мне.

Асгарта».

Эриксо спрятала на груди таблички, приказала Горго подать темный плащ и густое покрывало и объявила, что уходит по делу, но скоро вернется. Круглым путем, разными глухими переулками она дошла до дворца Асгарты, и её немедленно же провели к магу. Аменхотеп принял её с важной благосклонностью.

– Добро пожаловать в мой дом! – сказал он, ласково проводя рукой по белокурым локонам Эриксо, когда та стала на колени и поцеловала ему руку.

– О, учитель! Если бы ты знал, что я сделала, и как скоро сбылись твои слова, – сквозь слезы пробормотала молодая девушка.

– Я знаю! Ты действовала под влиянием нечистых чувств, и зло отомстило тебе же самой, – ответил маг, устремляя пылающий взор на голубые, затуманенные слезами глаза Эриксо.

– Учитель! Неужели Рамери никогда не полюбит меня?

– Будущее покажет это, но лучшая часть его сердца, как я уже говорил тебе, принадлежит Валерии. Ты его послала в Фивы?

– Да, учитель!

– Я отправлю к нему гонца и укажу место, где он соединится с нами через некоторое время. А теперь ступай отдыхать: отдых тебе необходим!

Оставшись один, мудрец облокотился и задумался. Затем он прошел в соседнюю комнату. Там на большом столе стояли сфинкс и стеклянный сосуд, в глубине которого, в бесцветной жидкости, лежал рука Валерии, кусок белого полотна и инструменты.

Аменхотеп начал с того, что начертил на полотне довольно сложный план, который снабдил объяснением. Затем он достал руку, имевшую вид совершенно живой, и надел на кисть что-то вроде браслета закрывавшего отрез. Завернув руку в нарисованный план, он положил пакет вместе с флаконом крови в тайник сфинкса. На цоколе сфинкса он также сделал краткую надпись. После короткого размышления, он написал на табличках короткий рассказ о последних событиях и о смерти патрицианки и приглашал Рамери через восемь месяцев присоединиться к нему в известном месте, которое указывал и где он найдет также Эриксо.

Упаковав сфинкса в ящик и запечатав его своей печатью, Аменхотеп позвал слугу и вручил ему пакет и таблички с приказанием ехать в Фивы.

Рамери благополучно прибыл по назначению и отечески был принят христианином, к которому его направили, хотя последний и не получал никакого известия от епископа.

Принявший его христианин предполагал, что гонца задержали или арестовали. Страшась за Рамери, он поместил его в одной древней гробнице, где уже жил один анахорет-христианин. Молодой человек не протестовал, боясь возбудить подозрения, но когда прошло десять или двенадцать дней, а Валерия все не приезжала, им овладело смертельное беспокойство. Он уже собирался вернуться в Александрию, когда прибыл гонец от Аменхотепа.

Известие об ужасной смерти любимой женщины и виде печальных останков этого чистого и чудного создания так потрясли Рамери, что он серьезно заболел. Спасенный заботами доброго отшельника, он стал понемногу поправляться. Только выздоровев, он серьезно ознакомился с инструкциями Аменхотепа и решил сообразоваться с ними.

Время же до возвращения мага, который писал, отправляется в Индию, Рамери решил провести в убежище отшельника, с которым очень подружился. Молодой человек чувствовал себя разбитым и душой, и телом. Ему противны были шум Александрии и продолжавшиеся ещё кровавые гонения на христиан. Кроме того, он узнал от христианина, прибывшего из столицы, что Галл смертельно заболел вследствие непонятного исчезновения Эриксо, и теперь, получив полное отращение к Египту, вернулся в Рим.

Рамери чувствовал себя страшно одиноким. Тишина и уединение пустыни благотворно действовали на него, а разговоры с анахоретом, молодость которого была полна волнений, очень интересовали его.

В это-то время он и устроил тайник, куда спрятал сфинкса – свое самое драгоценное сокровище.

Месяца за два до срока, назначенного Аменхотепом, отшельник умер, и Рамери остался один жить в древней гробнице, служившей им убежищем.

Он не подозревал, что вид нескольких золотых монет возбудил жадность человека, называвшего себя также христианином и приносившего раз в неделю провизию отшельнику. Он же продолжал исполнять эту обязанность и для Рамери, который держался менее строгого режима. Под влиянием алчности, человек этот вообразил, что в двух кожаных мешках, привезенных Рамери, находятся сокровища и решил убить скульптора, чтобы завладеть ими.

Однажды он доставил провизию не утром, как делал обыкновенно, а вечером, причем объявил, что хочет переночевать в гроте. Рамери согласился, ничего не подозревая. Когда же молодой человек крепко заснул, презренный убил его. В мешках же он нашел, кроме золота, документы, предписывающие римским властям оказывать всякое содействие подателю их.

Убийца перепугался и вообразил, что он убил важного сановника, проживавшего здесь по тайным причинам. Опасаясь следствия, он решил оставить с добычей страну, подняв предварительно тревогу в христианской колонии, чтобы отклонить поиски Рамери. Труп он решил бросить в погребальную яму. Когда же он вошел в темное помещение, где лежала его жертва, он был перепуган фосфорическим светом, исходящим из стены, и в ужасе бежал.

Вторично он ни за что не решился бы войти в это проклятое место. Для того же, чтобы скрыть труп он так искусно завалял вход, что непосвященный даже и не заподозрил бы существования второго помещения.

Усталая Эриксо, ничего не подозревая, заснула в комнате дворца Асгарты, куда провела её одна из служанок. Сколько спала она, она сама не могла сказать, но когда проснулась, то лежала на низком диване, в большой подземной зале с зелеными колоннами.

Эриксо встала и с любопытством начала осматриваться. Рядом с залой находилась другая, полукруглая комната поменьше, с мебелью из сандалового дерева и с красными драпировками. Около стола с фруктами, вином и пирожными стояло кресло.

Молодая девушка была голодна и отведала всего. Затем она прошла на террасу, выходящую в сад, который и обегала по всем направлениям.

После обеда её позвали к Аменхотепу. Маг объявил ей, что неотложное дело удерживает его здесь на несколько недель, но что потом они встретятся с Рамери в другом месте. Девушка покорилась. Она жила, окруженная царской роскошью, и Аменхотеп был очень добр к ней. Он учил ее, стараясь возвысить до себя её мало развитый ум. Иногда она танцевала при свете луны на лужайке, раскинувшейся перед террасой, а мудрец, прислонясь к колонне и скрестя на груди руки, следил за ней суровым и глубоким взглядом.

Но скоро такая уединенная и монотонная жизнь надоела Эриксо и сделалась ей невыносима. Отвлеченные занятия были ей противны, и она сожалела о живой, полной развлечений жизни, какую вела в Александрии. Рамери не являлся, а Аменхотепа, казавшегося очень занятым, она видела все реже и реже. Наконец, пылким созданием овладело настоящее отчаяние. И вот однажды она, дрожа от гнева, ворвалась в кабинет мудреца и стала осыпать его упреками, что он обманул ее, обещая приезд Рамери, и предательски завлек её в

этот отвратительный дом, где скука убивает ее. Сцена эта закончилась ручьями слез, вызванными отчасти страхом за свой поступок. Аменхотеп, однако, не выказал ни малейшего гнева и спокойно выслушал все упреки. Когда дело дошло до слез, он приготовил питье и, подавая кубок Эриксо, продолжавшей плакать на ковре, приказал ей выпить его, прибавив:

– Завтра я дам тебе возможность увидеть Рамери.

Эриксо вскочила, улыбаясь сквозь слезы, и признательно поцеловала руку мудреца. Вернувшись к себе, она тотчас же заснула. Когда же проснулась, она очутилась в подземной зале, освещенной нежным, голубоватым светом. Около каменного стола, заваленного свитками папируса, сидел Аменхотеп.

– Где Рамери? – был первый вопрос молодой девушки.

– Ты его увидишь, – ответил мудрец, зажигая на треножнике уголья и бросая на них горсть белого порошка. – Ложись на ложе и жди, – прибавил Аменхотеп, давая ей полложки зеленоватой, клейкой массы, малоприятной на вкус.

Эриксо послушно проглотила ее, так как надежда видеть Рамери заставила её позабыть все остальное.

С трепещущим сердцем ждала она, смотря на густой дым, наполнивший залу острым и удушливым ароматом. У Эриксо закружилась голова. Вдруг дым рассеялся, и она увидела себя в зале сфинксов, в доме Галла. Сам легат, свежая и живая Валерия и Рамери – все собрались там и весело болтали. Скульптор открыто выражал ей свою любовь. Обняв её за талию, он прогуливался с ней по тенистым аллеям. Она чувствовала на своих губах страстные поцелуи Рамери, слышала его слова любви и знала, что их союз близок.

Затем настал день её свадьбы. Валерия без всякой ревности одевала её к церемонии, которая затем и была совершена. Но в ту минуту, когда она входила с Рамери в брачную комнату, все исчезло, и она снова очутилась в подземной зале. Тем не менее, видение было так живо, что молодая девушка осталась почти убежденной в его реальности.

Когда же эта иллюзия рассеивалась от соприкосновения с печальной действительностью, маг снова возобновлял её и успокаивал Эриксо на известное время, но делал это все реже и реже, так как ученая работа до такой степени поглотила Аменхотепа, что он позабыл все, не исключая и Эриксо.

Однажды такой перерыв продолжался слишком долго, и взбешенная и приведенная в отчаяние Эриксо стала метаться по своей темнице, высматривая, что делается и ища способа бежать из нее.

Направив к этой цели всю свою врожденную энергию, она проникла не в одну тайну и задумала план отомстить за себя, уничтожив эту ненавистную темницу со всем, что в ней заключается. Обрывки знаний, которыми она обладала, благодаря урокам мага, делали её вдвойне опасной, и, может быть, план её и удался бы, если бы один из учеников Аменхотепа не открыл её намерений и не предупредил о них мага. Маг был очень недоволен, что его побеспокоили. Однако, хорошо понимая, какую опасность представляет в его таинственном убежище это строптивное и предприимчивое создание, Аменхотеп снова зажег треножник и погрузил Эриксо в мир иллюзий, где она была счастлива.

На этот раз призрак Рамери поднес молодой девушке кубок, полный наслаждений. Не просыпаясь от своего сна, Эриксо впала в летаргическое состояние. Аменхотеп закрыл ей лицо

полотном, смоченным таинственной жидкостью, благодаря действию которой она уже спала целые века.

Страстная и непокорная душа Эриксо опять оказалась скованной в ожидании неизвестного и далекого времени пробуждения. Аменхотеп же снова погрузился в свою работу, живя только ею в таком странном мире, что он даже не замечал, как мимо него величественно катился поток жизни и времени.

Часть III. КЛЯТВА МАГА.

Глава I.

На самом берегу Нила, на том месте, где возвышались некогда Фивы, колоссальные развалины которых далеко протянулись по обоим берегам реки, стояли два дома, окруженных пальмами. Один из этих домов, современной постройки, несмотря на свои претензии на арабский стиль, – был гостиницей для путешественников; в другом, стоявшем ближе к реке, помещался ресторан и столовая. Последнее строение ясно свидетельствовало об археологических вкусах хозяина и представляло, хотя и фантастическое, но некоторое подобие древнего египетского дома.

Раскрашенные деревянные колонны, изображавшие стебли лотоса, поддерживали веранду, на которой стояли деревянные столы и скамейки, окрашенные в яркие цвета.

Над входом, на громадном щите, был изображен, с двойной короной на голове, древний египетский царь, готовый осу-

шить кубок, подаваемый ему стоящим на коленях человеком, одетым в белую тунику, с клафтом на голове. Надпись «Отдых Рамсеса», сделанная большими черными и желтыми буквами на лазурном фоне этой картины, ясно указывала, что под этой гостеприимной кровлей усталый путник найдет, чем утолить голод и жажду. Большая открытая зала с верандой была очень привлекательна своей изысканной чистотой и оригинальным убранством. Стены были украшены живописью; посредине залы был устроен бассейн, обсаженный растениями в цвету, и из которого бил фонтан, поддерживавший приятную свежесть. В глубине стоял огромный буфет, на котором теснились мшистые бутылки, бокалы для пива, стаканы с лимонадом, большие амфоры, фрукты и всевозможная снедь. Все это было так аппетитно, так чисто и изящно уставлено, что могло соблазнить кого угодно.

Час был ранний, и зала гостиницы была ещё пуста. Только служанка и трактирный слуга накрывали свежими скатертями столики и расставляли стаканы и посуду на двух длинных столах, стоявших вдоль стен.

У буфета сидел лысый, невысокого роста человек, одетый в нанковый костюм. Под большим передником, у пояса, висел большой кухонный нож. Это был сам хозяин, Готлиб Майдель, бравый немец, экономный и деятельный, несмотря на скопленное им солидное состояние, всюду поспевавший и работавший больше своих слуг.

В эту минуту толстое и приветливое лицо доброго Майделя было чем-то озабочено. Маленькие, голубые глазки его, всегда веселые и добрые, с беспокойством смотрели на стоявшую перед ним женщину, которая что-то оживленно ему рассказывала.

Круглая и свежая, она так поразительно была похожа на хозяина, что в них не трудно было угадать брата и сестру. Густые, седые, как снег, волосы обрамляли её загорелое лицо. В эту минуту она тоже была чем-то озабочена и с нетерпением сказала брату:

– Повторяю, Готлиб, что необходимо посоветоваться с доктором. Опухоль в колене внушает серьезные опасения; малейшее же движение причиняет невыносимую боль. Я знаю, что ты не любишь показывать Альмерис чужим, но здесь случай исключительный. Нельзя же заставлять страдать бедного ребенка, ведь она может навеки остаться калекой, и осторожность вовсе не лишняя. Доктор находится в двух шагах!

Майдель недовольным жестом сдвинул сначала на лоб, а потом на затылок свою черную шелковую ермолку.

– Знаю, знаю! Ну, коли это необходимо, я пойду, попрошу доктора Леербаха осмотреть у ребенка ногу; но, признаюсь, мне это очень неприятно. Я всегда говорил, что эти вечные шатания по развалинам к добру не приведут; а ты всегда была слаба, Туснельда, и вместо того, чтобы запрещать, ты позволяешь Альмерис делать, что ей угодно.

– Попробуй-ка сам ей запретить! – возразила рассерженная Туснельда. – Поскользнуться можно везде, даже на полу.

Она повернулась и вышла из комнаты, а брат её облокотился на стол и задумался.

Лет тридцать тому назад Готлиб Майдель прибыл в Египет в качестве камердинера и повара какого-то немецкого барона, страстного археолога, специально интересовавшегося раскопками Фив.

Преданный своему барину, умный и любознательный, Готлиб мало-помалу и сам заинтересовался его работами. Большая витрина со статуэтками, скарабеями, амулетами, кольцами и другими вещами ещё до сих пор свидетельствовала об археологических вкусах бывшего камердинера.

Несколько лет спустя археолог-любитель умер и, согласно с его желанием, был погребен в пустой гробнице в древнем некрополе Фив; а в завещании своем он не забыл верного слугу, и Майдель унаследовал солидную сумму. Не имея никого кроме сестры, и уже обжившийся в Египте, Готлиб решил окончательно здесь поселиться; купил у одного феллаха кусок земли на самом берегу Нила и решил открыть гостиницу, а в помощь себе выписал из Германии свою сестру, Туснельду Шнейдер. Все шло отлично. Готлиб вложил всю свою душу в это предприятие, развел роскошный сад. Умеренные цены и отличная кухня привлекали массу туристов, и с годами скромный трактир превратился в прекрасный отель, в котором любили останавливаться археологи, приезжавшие на целые месяцы работать в развалинах. Рядом с гостиницей вырос ресторан, «Отдых Рамсеса» – любимое детище и предмет неисчерпаемой гордости Готлиба. Кроме того, для себя лично, он выстроил небольшой, но уютный домик, окруженный садом, и обнес его высокой стеной. Там Майдель прятал от нескромных глаз свою приемную дочь Альмерис, там же Туснельда разводила на заднем дворе своих гусей, уток, кур и индеек.

Предприятие процветало. Уже давно Майдель мог считать себя богатым и, казалось, должен был бы быть счастлив; а между тем в его прошлом было что-то, тяготившее его. У маленького, жизнерадостного человечка был роман, но любовь его быстро и трагически рушилась.

Тот старый феллах, у которого Майдель купил землю, при продаже выговорил себе право жить до самой смерти в полуразвалившейся лачуге со своей четырехлетней дочкой.

Майдель с сестрой жили в добром согласии с мрачным и молчаливым стариком и, три года спустя, Ибрагим, умирая, упросил трактирщика не покидать его несчастного ребенка, который остается полным сиротой, так как Ибрагим был вдов.

Туснельда, обожавшая детей и потерявшая свою единственную дочь, охотно взяла на себя заботу о девочке, на что Майдель дал свое согласие.

Маленькая Фатма поселилась у них в доме, как родная дочь. Когда ей исполнилось пятнадцать лет, Майдель страстно влюбился в неё и женился на ней.

С год все шло хорошо; Фатма, казалось, была довольна и предана своему мужу, но на самом же деле, она чувствовала к Готлибу чисто дочернюю любовь. Тут встретилась она с одним молодым арабом, наезжавшим иногда по делам, страстно влюбилась и бежала с ним.

Ее бегство было ужасным ударом бедному Майделю. Он серьезно заболел, а когда поправился, то сделался молчаливым, неразговорчивым и с первого же дня наотрез отказался разыскивать бежавшую жену.

Больше года о Фатме не было ни слуху, ни духу; но вот однажды Туснельда встретила её бродившей вокруг их дома. Фатма выглядела почти угасшей и так изменилась за это время, что в ней трудно было узнать ту красавицу, которая полтора года назад бросила их.

Узнав Туснельду, она призналась, заливаясь слезами, что уже несколько дней как блуждает в окрестностях, не смея войти в дом.

Беременная, больная, лишенная всяких средств и питаюсь милостыней, Фатма еле добрела до супружеского дома; переступить его порог у неё не хватило мужества, и она решила уже броситься в Нил, когда встретила Туснельду. В тот же вечер Туснельда сообщила обо всем брату; ей не стоило большого труда склонить его принять снова к себе в дом беглянку. Когда же Фатма явилась, бросилась перед ним на колени и, заливаясь слезами, умоляла его о прощении – последний гнев Майделя исчез. Он нежно поднял ее, обещал забыть прошлое и спасти от позора, признав будущего её ребенка своим.

Судьба не судила, однако, бедной Фатме долго насладиться великодушным прощением мужа. Перенесенные лишения и нравственные муки окончательно разбили её нежный организм; а потрясения и страх последних дней нанесли ей последний удар. Фатма слегла и прежде времени произвела на свет девочку, но такую слабую и болезненную, что случайно бывший в то время в отеле доктор объявил, что нет никакой надежды, что она останется жива.

Через несколько часов Фатма умерла; перед смертью она призвала к себе Готлиба и умоляла перенести на ребенка его великодушное прощение, дарованное ей и никогда не отдавать его настоящему отцу, если бы тому пришло в голову требовать девочку.

Готлиб поклялся признать ребенка своим и, с радостной улыбкой на устах, бормоча слова благодарности и благословения, Фатма отошла в вечность.

Против всякого ожидания, девочка осталась жива и стала сокровищем и предметом обожания и слепой любви как для брата, так и для сестры.

Добрая Туснельда, романтичная, как истая немка, дала ребенку имя Альмерис – героини романа, который в то время очаровал ее. Девочка невольно привязала к себе своих приемных родителей прекрасным характером, кротким и послушным, своей красотой и замечательным умом.

Во время рождения Альмерис семья пополнилась ещё одним членом, а именно молодой англичанкой. Англичанка эта была женой секретаря одного лорда, который ради удовольствия путешествовал по Египту, таская с собой одного из сыновей. Миссис Джонсон была в то же время гувернанткой мальчика.

Заинтересовавшись раскопками, производившимися в то время в Дэир-эль-Бахри, знаменитой террасами усыпальниц царицы Хатшепсут и её отца Тутмоса I, лорд остановился в Фивах и поселился в отеле Майделя; во время этого-то пребывания в Фивах миссис Джонсон и подружилась с Туснельдой. Дружба эта была такова, что по смерти мужа, умершего от солнечного удара и оставившего её беременной, она отказалась следовать за лордом, снова отправившимся в путешествие, и осталась у Майделя.

Дня через три после рождения Альмерис, Дора Джонсон произвела на свет ребенка, который умер на следующий же день. Молодая мать была в отчаянии; тем не менее, она согласилась кормить грудью Альмерис, и скоро так привязалась к своей питомице, что окончательно осталась жить у своих новых друзей.

В обществе этих двух женщин, безумно обожавших ее, росла Альмерис. Станный это был ребенок, – мечтательный, под-

верженный видениям и странным снам. Ей нужны были совсем другие воспитательницы, чем её тетка и кормилица, обе прекрасные, но недостаточно образованные и в высшей степени романтические женщины.

Туснельда, совершенно поглощенная заботами по хозяйству, не имела времени заниматься воспитанием племянницы. Обязанность эту приняла на себя Дора. Она научила девочку всему, что знала сама, то есть читать и писать по-английски, по-немецки и немного по-французски, истории, географии и начаткам математики. Наконец, она научила её играть на гитаре и петь немецкие и французские песни.

Своим живым умом Альмерис быстро усваивала все, чему её учили, но особенно она пристрастилась к романам, которые читала ей Дора и которые ещё больше возбуждали её восточное воображение.

Главной поверенной девочки была Дора. У неё всегда хватало времени выслушать с восхищением рассказы о страшных снах и видениях девочки.

Альмерис, подрастая, становилась все мечтательней и менее общительной; в ней развилась истинная страсть к развалинам, среди которых она выросла. Целыми днями бродила она по древней столице, мечтая в каком-нибудь полуразрушившемся храме или около пустой гробницы древнего некрополя.

Все рабочие на раскопках её знали, любили и часто дарили ей кое-какие мелкие вещи, находимые в развалинах. Во время одной из таких бесконечных прогулок с Альмерис и случилось несчастье, о котором шла речь в начале этого рассказа.

После долгого размышления, выругавшись, Майдель со вздохом поднялся и пошел за доктором. Он терпеть не мог, чтобы дочь его видели иностранцы, особенно молодые. В данный же момент весь отель был занят археологической экспедицией, к которой присоединился и один молодой врач.

Так как экспедиция работала далеко и чаще всего к обеду не возвращалась, предпочитая брать провизию с собой, Майдель не препятствовал дочери продолжать её обычные прогулки, требуя лишь одного, чтобы она была дома раньше археологов. Молчаливый трактирщик пошел к большому дому, где и узнал от привратника, что ученые уже уехали, но что дома остались доктор, секретарь и ещё один господин, которые находятся в своих комнатах.

Майдель постучался в дверь.

Звучный голос ответил:

– Войдите!

Майдель вошел и с поклоном остановился в нескольких шагах от стола, заваленного мелкими древностями. Около этого стола сидел доктор Леербак и рассматривал в лупу надпись на одном из амулетов.

Это был высокий молодой человек, худощавый и хорошо развитой, с бронзовым оттенком, с большими черными, бархатистыми глазами, с черными же, слегка вьющимися волосами, с правильными и приятными чертами лица.

Видя, что трактирщик в замешательстве вертит в руках свою шапку, доктор обратился к нему с улыбкой, открывшей ряд белоснежных зубов:

– Что скажете, Майдель? Что привело вас так рано ко мне? Чем могу служить вам?

Выслушав трактирщика, доктор встал, взял шляпу и весело ответил:

– Только-то? Конечно, я с удовольствием навещу вашу дочь и посмотрю, что с ней такое? Хитрец! Как ловко вы скрывали, что в вашем семействе живет взрослая барышня, о существовании которой мы и не подозревали!

Доктор приказал подать свою походную аптечку и последовал за трактирщиком. Через двор и небольшую калитку они вошли в уединенный сад, окружавший дом Майделя, и тот прямо повел доктора к большой террасе, крыша и колонны которой были покрыты вьющимися растениями. Зелень была так густа, что благодаря ей внутренность веранды тонула в зеленоватом сумраке.

В этой полутьме доктор разобрал только турецкий диван, на подушках которого лежала какая-то женщина в белом. Глаза Леербаха скоро привыкли. В нескольких шагах от дивана доктор остановился, как очарованный: никогда еще, казалось, не видал он такого очаровательного создания, как эта лежавшая перед ним девушка. Белый кисейный капот вырисовывал её стройные формы; в руках она держала опахало из павлиньих перьев с ручкой из слоновой кости. Большие глаза газели, влажные и нежные, смотрели на него с неописуемым страхом и удивлением. Но тут она глухо вскрикнула, закрыла глаза и откинулась назад.

Майдель и Леербах бросились к ней. Доктор пощупал пульс Альмерис и успокоил испуганного Готлиба.

– Это пустяки, Майдель! Ваша дочь сделала резкое движение, и от боли в поврежденной ноге ей сделалось дурно, – сказал он, вынимая из кармана флакон с солью.

Наклонившись к больной, он поднял её голову и поднес к носу флакон.

Подавая помощь, Леербак снова с восхищением смотрел на правильные, тонкие черты девушки и на прозрачный, матовый цвет её лица. Маленькое, неподвижное её личико как-то странно было ему знакомо; но он не мог вспомнить, где раньше видел тонкий профиль, эти веки, обрамленные длинными, изогнутыми ресницами, этот маленький ротик и лоб, окруженный массой шелковистых и черных, как вороново крыло, волос.

Через минуту Альмерис открыла глаза. Несмотря на видимое расстройство, она хотя тихо, но отчетливо отвечала на вопросы доктора и не оказала ни малейшего сопротивления, когда последний обнажил и осмотрел её распухшую ногу.

Бледная, со сжатыми губами, она мужественно, без малейшего стоны, перенесла очень болезненное вправление вывихнутой ноги.

Восхищаясь её мужеством, Леербак наложил повязку, дал успокоительное питье и предписал полный покой, обещая завтра снова навестить больную.

– Если же вы почувствуете себя дурно, то во всякое время дня и ночи я к вашим услугам, так как сегодня я весь день проведу в отеле, – прибавил он.

– Благодарю! Теперь я чувствую себя вполне хорошо, – ответила Альмерис.

Заметив Леербака, каким энтузиазмом горел взор Альмерис, когда она протянула ему руку, он был бы крайне удивлен и восхищен, так как и она все больше и больше нравилась ему.

Оставшись одна, молодая девушка погрузилась в глубокую задумчивость, из которой её вывел приход миссис Джонсон.

Альмерис привлекла к себе свою добрую кормилицу и, прижавшись к её плечу внезапно вспыхнувшим личиком, про-
бормотала:

– Тетя Дора! Если бы ты знала, кого я только что видела! Я от волнения лишилась чувств.

– Кого же ты могла видеть? Насколько я знаю, кроме доктора, никого не было, – с недоумением спросила Дора.

– Это правда. Но он-то именно и есть человек-сфинкс, сам Рамери! Как он красив, как добр и симпатичен его взгляд! Он тоже как-то странно смотрел на меня, точно ища чего-то знакомого в моем лице. Может быть, он тоже узнает меня! – продолжала Альмерис с пылающими щеками и сверкающим взором.

– Успокойся, дорогая моя! Волнение может повредить тебе. Раз ты узнала человека-сфинкса, и вы нашли друг друга, то ясно, что судьба исполнится, и вы, наконец, будете соединены, – с убеждением заметила Дора. – Да, теперь, когда я сравниваю доктора с твоим описанием Рамери, я удивляюсь, что раньше не узнала его. Это он, как две капли воды.

– Нет, разница-то есть! Но, несмотря на это, я все-таки узнала его с первого же взгляда.

– Тем лучше, дорогая! А теперь засни, чтобы скорее быть здоровой и наслаждаться счастьем, которое, несомненно, ожидает тебя, так как доктор не женат.

Выздоровление Альмерис стало быстро подвигаться вперед. Доктор каждый день навещал ее, и эти визиты становились все продолжительней. Когда большие глаза газели устрем-

лялись на него со странным выражением лукавства и нежности, сердце его начинало усиленно биться. Чувство, становившееся все сильнее и сильнее, влекло его к этому странному, загадочному ребенку, который рассказывал ему иногда такие вещи, что он подчас начинал сомневаться в её рассудке. Кроме того, он убедился, что здоровье Альмерис было более чем неровно, а вся нервная система отличалась крайне болезненной впечатлительностью.

Через неделю Альмерис могла уже вставать и ходить по дому.

Теперь с каким-то новым для себя нетерпением спешил доктор домой, бросая раскопки; он знал, что в комнате его ждет сюрприз: прелестный букет из лотосов, какой-нибудь редкий фрукт или иной знак внимания в этом же роде. Он знал, что Альмерис украшает его комнату и даже как-то раз застал ее, когда она ставила цветы в вазу у него на окне. Чувство молодой девушки так ясно читались в её глазах, что, тронутый и увлеченный, доктор хотел бы привлечь её в свои объятия и поцелуем признаться в своей любви. Однако, он этого не сделал, так как в его сердце происходила странная борьба.

В эту ночь Ричард Леербах не сомкнул глаз.

Чтобы читатель мог понять все сомнения и терзания, лишившие молодого человека сна, мы должны вкратце рассказать о его прошлом. Леербах происходил из благородной, но бедной семьи, отец его, – младший сын в семье, – был предназначен к военной карьере. Брак его с молодой итальянкой помешал исполнению этого плана и, заключенный против желания всех родных, поссорил его со всеми.

Однако духом он не упал, а устроился кассиром в одном из банкирских домов и зажил с семьей скромно, но счастливо, довольствуясь малым. Вскоре он умер.

Ричард, единственный сын Леербахов, получил прекрасное воспитание, и избрал карьеру врача, как наиболее практичную и лучше вознаграждаемую. Он всей душой отдался делу, и быстро создал себе известность и блестящую практику.

Радость первых успехов была омрачена смертью матери, за которой скоро последовала и его сестра. Оставшись одиноким, Ричард окончательно отдался науке.

Утомленный работой, он взял двух- или трехнедельный отпуск и поехал гостить к своему университетскому товарищу. Там он случайно был приглашен к одному из соседних помещиков, графу Кронбургу, дочь которого получила очень опасное воспаление легких. Благодаря искусству Ричарда, Теа Кронбург была спасена и молодые люди влюбились друг в друга.

Еще во время выздоровления Теа, между ними произошло объяснение, и они поклялись друг другу в вечной любви.

Когда граф узнал об этом, он наотрез отказал, объявив, что не желает иметь зятем бедного доктора. Три месяца спустя граф Кронбург заставил свою дочь обручиться с одним из родственников, человеком средних лет, очень богатым камергером и их близким соседом.

Теа подчинилась приказанию отца, но потребовала, чтобы свадьба была отложена на год.

Она не принадлежала к числу тех женщин, которые молча отказываются от страстно любимого человека, и хотела

только выиграть время, твердо решив скорей отважиться на все, чем соединиться с ненавистным человеком.

Случай, по-видимому, благоприятствовал влюбленным, так как Ричарду Леербаху неожиданно досталось большое состояние и блестящее положение. Его двоюродный брат – глава старшей линии – служивший офицером в гвардии, был убит на дуэли; а так как Ричард был последним в их роде, то ему и достались майорат и титул барона. Подавив чувство оскорбленной гордости, новый барон Леербах написал графу письмо и возобновил свое предложение. Обстоятельства, послужившего причиной отказа, уже не существовало. Но граф Кронбург был угрюм и настойчив. Он ответил, что, вполне признавая Ричарда партией, достойной его дочери, он, тем не менее, не может нарушить данного слова своему племяннику, а потому просит Леербаха отказаться раз и навсегда от неосуществимой надежды и оставить в покое его дочь.

Этот новый отказ глубоко оскорбил Ричарда. Несмотря на тайные письма Теа, в которых та клялась ему в любви и умоляла терпеливо ждать, Леербах решил уехать и, в ожидании дальнейших событий, заняться серьезным трудом. В качестве рядового врача он присоединился к ученой экспедиции, отправлявшейся в Египет и Нубию на раскопки. Таким-то образом он попал в Фивы, где случай и свел его с Альмерис.

С этого времени его любовь к Теа сразу поблекла. Новое, более могучее, чувство влекло его к дочери Майделя, и он уже не раз ловил себя на мысли, что помолвка графини Кронбург служит для него освобождением. Он решил даже написать Теа, что окончательно отказывается от нее, не желая входить в семью, которая относилась к нему с таким недоброжелательством.

Однако Ричард со дня на день откладывал исполнение своего намерения. Он знал, что Теа страстно его любит, да и сам он клялся ей в вечной любви. Врожденная честность нашептывала ему, что он придумал плохое извинение, и что если уж он отказывается от нее, его долг – открыть всю правду. Но всякий раз, когда он брался за перо, чтобы написать: «Я не люблю тебя! Все мое сердце принадлежит другой», – мужество покидало его.

Однажды вечером, когда Ричард вернулся с раскопок, слуга подал ему письмо, доставленное утром с пароходом.

С минуту он держал письмо в нерешительности. Адрес был написан рукой Теа. Невыразимо неприятное чувство сжало сердце Ричарда. Наконец, он вскрыл пакет, и первое, что из него выпало, был фотографический портрет молодой графини.

Ричард вздрогнул. Мрачно смотрел он на очаровательное личико, которое, как живое, улыбалось ему. Да, Теа была красива, даже, может быть, красивей Альмерис! Классически правильное лицо её могло сравниться с греческой статуей; белокурые волосы её резко выделялись на черном фоне карточки и словно каким-то ореолом обрамляли её лицо. Каждая черта этой чудной головки дышала страстью и энергией. Пылкая душа чувствовалась в этом образе. Ноздри прямого носика, казалось, трепетали, а маленький, полуоткрытый рот манил к поцелую.

Очевидно, снимаясь, Теа сосредоточила все свои мысли на любимом человеке, и каждый фибр её существа дышал страстью к нему. Ричард нервно схватил фотографическую карточку Альмерис и стал сравнивать обеих женщин. И снова он пришел к убеждению, что чарующая красота Теа бледнеет перед чистым образом Альмерис, маленькое и прозрачное

личико которой дышало гармонией, а в кротком и грустном взгляде больших глаз и в меланхоличной улыбке маленького рта чувствовалось что-то «не от мира сего». Да, это нежное и очаровательное создание могло любить до самой смерти, могло страдать без жалоб, но нечистые и бурные земные страсти не имели над ней власти.

Тяжело вздохнув, Ричард положил оба портрета на стол и развернул письмо. По мере того, как он читал, лицо его все более хмурилось.

«Милый мой! – писала Теа. – Когда ты получишь мое письмо, я уже сожгу свои корабли и покину отцовский дом. Мне представился единственный случай соединиться с тобой, и я ухватилась за него. Мисс Лауфорд, моя компаньонка, получила наследство и едет к своему брату в страну пирамид. Я еду с ней, так как мне удалось привлечь её на свою сторону. Как только мы прибудем в Каир, я пошлю к тебе нарочного, чтобы ты как можно скорее приехал ко мне.

Я совершеннолетняя и привезу с собой все необходимые бумаги, чтобы мы могли немедленно же обвенчаться. Ты сам понимаешь, насколько скомпрометирована моя репутация. Дома никто не знает, куда я убежала – и скандал выйдет громадный. Впрочем, все это мало беспокоит меня. Тебе я без страха вверяю мою честь и судьбу, а титул твоей жены защитит меня перед светом. Но если бы даже свет бесповоротно осудил меня, то и тогда я не поколебалась бы, так как сама смерть предпочтительнее ненавистного брака, на котором настаивает отец. Через несколько дней мой жених уезжает по делам; его-то отсутствием мы и решили воспользоваться. Мистер Лауфорд, брат моей подруги, служит в английском консульстве; от него ты можешь получить все желаемые сведения, если приедешь в Каир раньше нас. Он предупрежден».

Дальше следовали различные указания и планы на будущее и уверения в любви.

Ричард гневно швырнул письмо на стол. В эту минуту он чувствовал только досаду на Теа. Как могла она так рисковать и решиться на подобную выходку и притом ещё так некстати?

В эту ночь доктор не сомкнул глаз. В его сердце происходила жестокая борьба между любовью и долгом. Но Ричард был человеком прямым и честным. Поэтому, когда первые отблески зари вспыхнули на востоке, его решение было принято: долг восторжествовал.

Теа едет сюда, доверяя его чести. Из любви к нему она порвала все отношения со своей семьей; она едет, веря и имея право верить в его любовь. Не может же он за такое доверие отплатить низкой изменой! Приняв бесповоротное решение жениться на Теа, Ричард решил на следующее же утро уехать с тем же пароходом, который привез ему роковое письмо. Он хотел приготовить все к приезду графини, найти подходящее помещение и условиться обо всех подробностях, раз уж он знает тайну.

Ричард заснул очень поздно, на несколько часов, тяжелым и лихорадочным сном, и когда проснулся, то ученые уже уехали к месту раскопок. Доктор решил немедленно же ехать туда, чтобы предупредить начальника экспедиции о крайней необходимости отлучиться на две-три недели по семейному делу. В то же время он приказал слуге уложить в чемодан самые необходимые вещи и отнести их на пароход, куда он сам приедет прямо с раскопок. Ричард решил повидаться с Альмерис позже, когда все уже будет кончено. Тогда он приедет за остальным багажом и простится с молодой девушкой.

Глава II.

В это утро Альмерис проснулась поздно. Она чувствовала себя утомленной; голова её была тяжела.

– Не больна ли ты, дорогое дитя мое? – спросила за завтраком добрая Дора, встревоженная её бледностью и грустным, расстроенным видом. – Ты даже и молока не пила. Что с тобой?

– Ничего, Дора! Сегодня мне приснился зловещий сон, – ответила Альмерис, отодвигая полную чашку.

– Так расскажи же, что такое ты видела во сне? Может быть, ты совершенно напрасно беспокоишься? – спросила встревоженная Дора.

Она добродушно верила в сны Альмерис, особенно с тех пор, как некоторые из них действительно сбывались. Альмерис задумчиво облокотилась на стол и покачала головой.

– Нет, Дора, мои сны никогда не были лживы; в особенности этот! Выслушай и суди сама.

Я видела, что гуляю по берегу Нила с доктором или Рамери, – как хочешь, так и называй его. Он говорил мне про свою любовь, и я была бесконечно счастлива. Вдруг из воды вышло черное облако. Оно заколебалось и двинулось вперед. Коснувшись берега, облако приняло форму гигантского, темного цвета, лотоса. Затем чашечка цветка раскрылась и из неё поднялась белокурая голова женщины, которая назвала себя Эриксо. Темные глаза её горели огнем, а пряди золотистых волос развевались по ветру. На устах играла насмешливая улыбка, когда она наклонилась ко мне и крикнула: «Я –

судьба! Я всегда буду побеждать тебя!» Она вкатилась между Рамери и мной, причем так сильно толкнула меня, что я почувствовала страшную боль в груди и потеряла сознание.

Когда я очнулась – конечно, во сне – я увидела себя лежащей на скале в глубине темного и узкого ущелья. Рядом со мной, на коленях, стоял Рамери и плакал. Я чувствовала, как его слезы текли по моим рукам. Я сознавала, что умираю, но не чувствовала ни малейшего страха. Смерть казалась мне невыразимо приятной, и я была счастлива, так как лежала в объятиях Рамери. Голова моя покоилась на его груди, и он нашептывал мне слова любви.

Я стала, как бы расплываться в его объятиях, и Рамери, в отчаянии, страстно пытался удержать меня. И самой мне так хотелось остаться с ним! Но, несмотря на все его усилия и на мое горячее желание жить, я чувствовала, что тело мое растаяло и стало легким и прозрачным, как воздух. Вместо моего обычного платья меня окутывало какое-то блестящее покрывало; светлый обруч украшал мою голову, а в руках я держала пальмовую ветвь.

Я всплыла на воздух и стала быстро подниматься, не чувствуя больше ни ревности, ни сожаления, а одно лишь бесконечное блаженство. Вокруг меня все исчезло, и Нил, и ущелье; я видела вдали одного только Рамери, который продолжал плакать. И странная вещь: его слезы, как блестящий жемчуг, соединялись в цепь, которая связывала его сердце с моим, и несмотря на разделявшее нас пространство, я чувствовала каждое биение его пульса. Затем все потемнело – и я проснулась.

– Ты понимаешь, Дора, что подобный сон должен иметь пророческое значение. Я убеждена, что что-нибудь нас разлучит.

Дора пыталась разубедить ее, но сама была слишком суеверна, чтобы ею тоже не овладело дурное предчувствие.

Печальная Альмерис сошла в сад и нарвала большой букет роз, который намеревалась отнести в комнату Леербаха. Было поздно, солнце стояло высоко, и молодой доктор давно уже должен был быть на раскопках. Когда привратник подтвердил, что доктор уже уехал, Альмерис прямо направилась в комнату Ричарда.

Там царил необычный беспорядок. Ящики комода были выдвинуты и различные вещи валялись на полу, так как лакей, уложив чемодан, поспешил отнести его на пароход, решив все убрать по отъезде барона.

Удивленная Альмерис подошла к бюро, чтобы переменить букет, стоявший в вазе, как вдруг взор её упал на письмо Теа и на её портрет, которые Ричард второпях забыл спрятать. Едва взглянула она на фотографию, как глухо вскрикнула и, побледнев как смерть, прижала руку к болезненно забившемуся сердцу.

Это улыбающееся на портрете лицо было хорошо знакомо ей, и она не раз видела его в своих снах и видениях. Это было лицо именно той златокудрой женщины, которая ещё нынешней ночью явилась ей в черном облаке и крикнула: «Я – судьба! Я всегда буду побеждать тебя».

И угроза эта была не напрасна, так как она находит здесь, на бюро доктора, её портрет и, очевидно, её письмо!

У Альмерис закружилась голова, и все существо её трепетало от какого-то неведомого ей чувства, заставляя позабыть, что, в сущности, она не имеет никаких прав на Леербаха.

Она схватила письмо и, по мере того, как лихорадочно пробежала строки, написанные её соперницей, смертельная бледность разливалась по её нежному личику, дыхание её прерывалось, и нервная дрожь потрясала все её существо.

Письмо выпало из её похолодевших рук и с минуту она стояла неподвижно, машинально бормоча:

– Вот судьба, которая победила меня! О! Если бы я могла умереть!

Затем она быстро повернулась и бросилась бежать через дом, двор и сад и остановилась только у развалин храма, которые особенно любила.

С трудом переводя дыхание и обливаясь потом, Альмерис забилась в темное углубление и прижалась головой к стене. Сердце её билось со страшной силой, и острая боль пронизывала грудь. Ей хотелось плакать, но слез не было.

Сколько времени провела в развалинах, она и сама не могла бы сказать. Одна мысль всецело поглотила ее: все было кончено! Ричард навсегда для неё потерян! Беспорядок, который она видела в его комнате, несомненно, указывал на приготовления к отъезду. Позабыв все, он летел к той, которую любил! Из наболевшей груди Альмерис сорвался тяжелый и раздирающий, как жалоба, стон.

Страшная боль, сопровождаемая ледяной дрожью во всем теле, вывела её из состояния оцепенения. Она поднялась и хотела поспешить домой, но не могла идти. Ноги дрожали и подкашивались, а боль в груди мешала ей дышать.

Еле-еле дотащилась она до дома, где уже давно искали ее. Желая остаться одна, Альмерис ушла в свою комнату, сославшись на головную боль, чтобы её никто не беспокоил.

Но, не дойдя до кровати, она вздрогнула и остановилась. Что-то горячее подступало к горлу. В ту же минуту кровь хлынула у неё изо рта и залила её белое платье. Альмерис протянула вперед руки и без чувств упала на ковер.

Дора, искавшая Альмерис всюду, нашла её в обмороке и своими криками взбудоражила весь дом. Прибежал Майдель с сестрой. Общими усилиями, наконец, привели её в чувство. Но общее горе и беспокойство были тем сильнее, что доктор куда-то уехал, а трактирщик узнал от одного из членов экспедиции, что отсутствие Леербаха может продолжиться около трех недель.

О причинах, вызвавших припадок, так никто ничего и не узнал, а Альмерис, разумеется, ничего не выдала.

Однако, хотя Альмерис и не хотела лежать в постели, тем не менее, она была все так же слаба и целые часы проводила на диване. Появился легкий, сухой кашель, а по её нежному лицу разлилась болезненная бледность. Все эти симптомы возбуждали всеобщую тревогу. Но если физическое состояние Альмерис внушало опасения, то душевный покой к ней мало-помалу вернулся. Она молилась и покорилась, мужественно подавив всякое личное и эгоистическое чувство. Если «он» был счастлив, то этого должно было быть достаточно для нее.

Дней через десять вернулся Леербах. Он был весел, доволен и имел счастливый вид. Вместо Теа он застал у Лауфорда письмо от старого графа, написанное несколько дней спустя после письма Теа, вызвавшего его в Каир. Граф сообщал, что жених его дочери погиб в катастрофе на железной дороге, и что он смотрит на эту неожиданную смерть, как на волю судьбы, решившей в пользу Ричарда. В силу чего он извещает барона, что готов отдать ему свою дочь, но желает, чтобы

это обстоятельство было сохранено в тайне впредь до возвращения Ричарда из Египта, которое должно последовать месяцев через восемь.

Время это Теа посвятит трауру, носить который её обязывает долг, ввиду трагической кончины родственника и жениха. Если, по истечении этого срока, барон и Теа сохраняют прежние чувства друг к другу, то ничто уже больше не будет препятствовать их счастью.

Ричард, со своей стороны, смотрел на этот случай тоже, как на волю судьбы, дававшей ему время испытать себя и не принимать необдуманного решения. В письме, приложенном к письму отца, Теа извещала жениха, что она согласилась с отцом и поэтому, до его возвращения, не будет больше ему писать.

Итак, Ричард вернулся в древние Фивы в самом радостном настроении; но это настроение быстро сменила тревога, когда слуга рассказал ему про болезнь Альмерис, причем добавил, что его ждут, как спасителя, и что у барышни очень болезненный вид.

Было уже около десяти часов вечера; но, несмотря на поздний час, Леербак решил немедленно же идти к Майделю. Тщетно ломал он себе голову над тем: что могло вызвать внезапную перемену в здоровье молодой девушки. Вдруг у него в голове мелькнуло одно подозрение.

– Альмерис заходила сюда в день моего отъезда? – спросил он.

– Да, барон. Барышня заходила сюда в то время, когда я отнес ваш чемодан на пароход. Привратник говорил мне, что она принесла великолепный букет и была очень весела. Минут через десять она вышла отсюда бледная и расстроенная

и, как безумная, побежала к развалинам. Затем, уже после полудня, госпожа Дора нашла её в спальне, лежащую без чувств и всю залитую кровью.

Ричард побледнел и беспомощно опустился на стул, отирая выступивший на лбу пот. Итак, он не ошибся! Альмерис нашла портрет Теа и её письмо, которое он тогда забыл на столе. И вот, ревность и волнение вызвали те роковые последствия, которых он так боялся.

Взволнованный Ричард отправился на квартиру к трактирщику. Сам Майдель был ещё занят, но Дору и Туснельду он нашел на террасе. Обе они очень обрадовались его приезду и рассказали ему подробности болезни Альмерис.

Когда доктор спросил: где она? – Туснельда ответила с легкой досадой, что, несмотря на все их уговоры, Альмерис упрямо каждую ночь ходит сидеть на лестнице, ведущей к Ни-лу, и проводит там по несколько часов.

Ричард объявил, что немедленно же приведет молодую девушку и осмотрит ее; затем он вышел и направился к реке. Стояла теплая, благоухающая, великолепная звездная ночь; воздух был дивно прозрачен, а луна ярко светила.

Лестница, древние ступеньки которой были случайно открыты при постройке «Отдыха Рамсеса», была в тени группы пальм. Ричард издали увидел Альмерис. Она сидела на первой ступеньке и до такой степени была погружена в свои мысли, что ничего не видела и не слышала.

По обыкновению, на ней было надето простое платье из белой кисеи. Обнаженными руками она обхватила свои колени. Узенькая желтая лента сдерживала её густые, полураспущенные черные волосы. При лунном свете лента производила впечатление золотого обруча и за неё был воткнут цветок

лотоса. Когда Альмерис сидела в такой позе в тени пальм, под самым Нилом, её можно было принять за воскресшую египтянку времен фараонов.

Ричард остановился очарованный. Какое-то смутное воспоминание зашевелилось в его душе, и в голове его пронеслось что-то, похожее на мимолетное видение – на таинственное веяние далекого. Ему казалось, что он уже видел подобный пейзаж, только вместо грустных развалин, там, на горизонте, высились колоссальные силуэты храмов и обелисков.

Все это как молния пронеслось перед ним и исчезло. Альмерис, видимо, побледнела и похудела; но выражение мечтательности и кротости необыкновенно шло к её нежным и гармоничным чертам.

Прилив любви и жалости наполнил сердце Леербаха. В эту минуту он ясно чувствовал, что Альмерис для него дороже всего, и что Теа, несмотря на свою красоту, на свой развитый ум и свое знатное происхождение, никогда не займет в его сердце такого же места, как этот нежный, наивный ребенок.

Он быстро подошел к молодой девушке и сказал:

– Добрый вечер, Альмерис! О чем это вы мечтаете здесь?

Альмерис вздрогнула и, быстро обернувшись, пробормотала:

– Рамери!

Затем, почти тотчас, словно спохватившись, прибавила, протягивая ему свою маленькую ручку:

– Добрый вечер, господин Леербах! Можно вас поздравить?

Ричард весело рассмеялся и, удерживая маленькую ручку, дрожавшую в его руке, сел рядом с ней и весело спросил:

– Поздравить? С чем? Вот что называется самой выдать свое любопытство...

Ричард умолк, так как охваченная стыдом Альмерис вырвала у него свою руку и пыталась бежать.

– Оставайтесь, ревнивица, и успокойтесь! – сказал он, насильно усаживая Альмерис. – Меня не с чем поздравлять. Я возвращаюсь свободным и никогда не женюсь на другой, так как люблю только одну вас, Альмерис. Хотите вы стать моей подругой жизни? Простите вы мне мое преступное ослепление, причинившее вам так много огорчений?

С минуту Альмерис сидела молча. На лице её вспыхнуло выражение невыразимого блаженства.

– Мне и не снилось ничего подобного! Это я любила вас! О! Как благодарить мне Господа за то громадное счастье, которое он даровал мне перед смертью?

– Что вы говорите о смерти, Альмерис! – сказал Леербак, на которого эти слова произвели тягостное впечатление. – Вы будете жить для меня! Я вылечу вас, и мы долго и счастливо будем жить в моем старом замке в Германии – если только вы захотите ехать со мной, так как вы, злюка, до сих пор ещё не ответили: желаете ли вы стать моей женой?

– Разве можно спрашивать: хочу ли я счастья? Если я останусь жива, я буду принадлежать вам на всю жизнь, – ответила Альмерис с радостной улыбкой. – А я хочу жить! Жизнь с вами была бы так прекрасна! Но, – она покачала головой, и грустная улыбка скользнула по её губам, – я знаю, что я осуждена! Судьба за Эриксо. Она, – эта женщина с портрета, – победит, будет жить и будет счастлива с тобой. Я же – я буду спать под песком древнего Египта!

Сердце Ричарда сжалось от страха и тоски. Он обнял девушку, прижал её к своей груди и пробормотал:

– Зачем, в этот счастливый час, когда мы соединились, ты говоришь про такие грустные вещи? Ты, кажется, прямо маленький Отелло! Но успокойся и отгони мрачные мысли. Женщину на портрете зовут Теа, а вовсе не Эриксо. Она ничего не победит, так как я люблю одну только тебя и только на тебе женюсь.

Ричард рассказал в кратких словах про свои отношения с Теа, которые теперь само собой навсегда разрываются. Затем, чтобы отвлечь её мысли на другой предмет, он прибавил:

– Теперь, когда тебе все известно, скажи мне, почему ты называешь меня Рамери и почему, не могу понять, ты отождествляешь какую-то Эриксо с графиней Кронбург?

Альмерис таинственно улыбнулась.

– Я даю тебе имя, которое ты уже некогда носил, так как мы не в первый раз живем вместе и любим друг друга; но уже и тогда роковая судьба устранила меня с дороги к счастью. Я узнала тебя и теперь, как и тогда, когда была римлянкой Валерией. Ты тоже узнавал меня сердцем, если не глазами. И всякий раз, когда мы встречались, ты любил меня! Белокурая Эриксо – красивей меня, но она никогда не обладала всем твоим сердцем.

– Но если ты помнишь, что меня звали Рамери, ты должна так же знать, кем мы были в той прошлой жизни? – шутя и недоверчиво спросил доктор.

– Я не помню всего точно, – ответила Альмерис, не замечая его иронии. – Я знаю только, что ты был великим скульпто-

ром и изваял двух сфинксов, которые были поставлены в пирамиду. Сфинксы эти были с секретом, которого я не знаю, но который был придуман желавшим нам счастья, мудрым магом Аменхотепом, так как я была невестой другого и покровительствовавший нам маг хотел помешать этому браку. Но влюбленная в тебя Эриксо все испортила. Случилось это, должно быть, очень давно, так как тогда все люди носили такие же одежды, как и фигуры на стенах храмов. Гораздо позже, когда я была уже римлянкой Валерией, я снова любила тебя, но злая Эриксо опять отняла у меня твое сердце.

– Но кем же я был, когда ты была Валерией? Тоже римлянином?

– Нет, ты оставался Рамери. И ты, и Эриксо. А я с горя, что потеряла твое сердце, сделалась христианкой и погибла. Каким образом, я не помню, но знаю, что моя смерть была ужасна.

И Альмерис вздрогнула.

– Не думай, что я сошла с ума: все, что я говорю – истина. Аменхотеп все ещё живет в большой пирамиде, так как он владеет тайной долгой жизни, – прибавила она, заметив, что доктор грустно смотрит на нее.

И действительно, последняя часть рассказа Альмерис произвела очень тяжелое впечатление на доктора, внушив ему подозрение, что молодая девушка психически расстроена.

– Однако, пора домой! Сырость, поднимающаяся с реки, может вредно подействовать на твое здоровье. Идем же!

Как перышко поднял её Ричард, и они оба, смеясь, вернулись домой.

Дома их ждали Туснельда, Дора и только что вернувшийся Майдель. Видя всю семью в сборе, Леербак, не выпуская руки Альмерис, подошел к старику-трактирщику и попросил у него согласия и благословения на брак с Альмерис.

В первую минуту все были поражены, но несколько слов относительно общественного и финансового положения Леербаха рассеяли все опасения. Майдель обнял жениха и невесту и поздравил их. А Дора и Туснельда себя не помнили от гордости и радости, при мысли, что их дорогая Альмерис сделается баронессой.

Все весело беседовали. Свадьба была назначена довольно скоро. Заметив лихорадочный румянец на щеках Альмерис и ненормальный блеск её глаз, Ричард объявил, что всем пора на отдых, боясь слишком сильного волнения для молодой девушки.

Ричард вернулся домой счастливый, но и озабоченный. Все случилось скорей, чем он предполагал. Увлеченный любовью, он уже принял решение, которое хотел раньше всесторонне обсудить. Теперь он считал своим долгом открыть Теа всю истину; а признание это было не из легких. Поэтому, чувствуя себя крайне утомленным, он решил отложить на несколько дней отсылку прощального письма своей бывшей невесте. Доктор спал около часа, когда его разбудил бледный от ужаса Майдель. У Альмерис снова пошла горлом кровь.

Ричард поспешно оделся и бросился к больной. Девушка лежала без чувств, бледная как полотно.

После целого часа усилий Альмерис открыла глаза, но была так слаба, что едва могла шевелиться. Увидя склонившегося над ней Ричарда, она улыбнулась ему счастливой улыбкой,

послушно выпила лекарство, которое он подал ей, и, держа его за руку, заснула спокойным, укрепляющим сном.

Леербак просидел у постели больной до самой зари. На сердце у него было тяжело. Как доктор, он понимал, что жизнь Альмерис висит на волоске. Но так как человек всегда охотно надеется на то, чего желает, то и он убедил себя, что его знание, при помощи любви и жизнелюбии молодого организма, победит болезнь.

Следующие дни Ричард провел в страшных муках. Врач в нем приходил в отчаяние, а влюбленный цеплялся за надежды, которые его же разум считал призрачными. Сама же Альмерис казалась счастливой и была вполне спокойна. Раз только спросила она Ричарда, не считает ли он нужным отложить свадьбу на несколько месяцев.

– Напротив, я хочу ускорить ее. Мне будет удобней ухаживать за тобой, а убеждение, что ты победила судьбу и на всю жизнь принадлежишь мне, будет способствовать твоему скорейшему выздоровлению, – с улыбкой ответил он.

Ричард уже несколько дней назад принял такое решение. Если уж Альмерис суждено умереть, то он хотел, по крайней мере, дать ей возможное счастье.

Выражение невыразимой грусти скользнуло по лицу Альмерис, но она ничего не возразила. Майдель же, по просьбе своего будущего зятя, ускорил приготовления к свадьбе. Альмерис временно перешла к Доре, пока отделялось её помещение и две соседних комнаты для новобрачных. Однако, несмотря на эти радостные приготовления и на любовь, какой окружали её Ричард и родные, состояние здоровья девушки ухудшалось с каждым днем. Узнав от Туснельды историю матери Альмерис, Леербак понял, что эта болезнь была

наследственная и что страдания и лишения Фатьмы отзываются на её ребенке.

Накануне дня, назначенного для свадьбы, Альмерис была, казалось, гораздо веселей и сильнее, чем все это время. Когда Ричард пришел навестить ее, она сидела перед небольшим резным шкафчиком, откуда извлекала различные древности, которые расставляла на столе.

– Как ты кстати пришел, Ричард, – весело сказала она, подставляя ему для поцелуя свои розовенькие губки. – Помоги мне вынуть ящик из нижнего отделения. В нем есть вещь, которую я хочу подарить тебе.

Ричард исполнил желание молодой девушки и вынул из шкафа большой, довольно тяжелый ящик. Поставив его на стол, он с любопытством стал его рассматривать. Вещь, очевидно, была очень древняя, но только не египетского происхождения. Стенки и крышка были украшены инкрустацией из слоновой кости, и рисунок изображал амуров, играющих с сатирами. Но это чудное произведение искусства какого-то греческого художника было сильно повреждено временем или варварскими руками. Местами не хватало слоновой кости и видно было дерево, а местами была отбита резьба или стерта роспись.

– Бог мой! Как могли до такой степени испортить такую чудную вещь? – вскричал Леербак.

– Этот ящик был уже таким найден. Но то, что в нем содержится, надеюсь, понравится тебе, – ответила, смеясь, Альмерис.

Откинув крышку, молодая девушка вынула несколько кусков ваты, а затем, не без усилия, вытащила какой-то завернутый в полотно предмет.

– Смотри! Мне кажется, что это пресс-папье, – продолжала она, разворачивая полотно. Ричард с любопытством наклонился и вскрикнул от восхищения.

На пьедестале из красного агата лежал сфинкс, высеченный, по-видимому, из черного базальта. Эмалированный полосатый клафт, синий с золотом, покрывал его голову. Чело украшал миниатюрный цветок лотоса, так артистически сделанный, что он казался живым.

– Великий Боже! Что за чудное произведение искусства! – с энтузиазмом вскричал Ричард.

Но вдруг он вздрогнул и, подняв древнюю вещь, прибавил:

– Посмотри, Альмерис! Этот сфинкс до такой степени похож на тебя, что просто глазам не веришь. Только черты лица сфинкса более зрелы и строги. Это просто чудо! Каким образом это сокровище попало в твои руки?

– Я его нашла. Случилось это вот как, – ответила Альмерис. – Около двух лет тому назад сюда приехал один англичанин и остановился у нас. Ежедневно он с двумя лакеями отправлялся в развалины, где англичанин якобы копировал иероглифические надписи, а в действительности производил раскопки древних гробниц и прятал найденные там вещи.

В этих поисках ему помогали два феллаха, конечно, за хорошие деньги и под условием сохранения тайны. Так как я всегда бродила по развалинам, то скоро открыла место их тайной раскопки. Но так как это меня занимало, то я и молчала. Когда они узнали, что мне все известно, они сначала очень испугались и рассердились, но, убедившись в моей скромности, успокоились и не мешали мне сопровождать их.

Однажды они нашли в старом некрополе гробницу, которая должна была принадлежать какому-нибудь богатому семейству, так как состояла из двух комнат, из которых одна была замурована. Вход тоже был заделан.

Англичанин был в восторге. Он вообразил, что напал на какой-нибудь тайник, полный сокровищ. Когда же гробницу вскрыли, в ней ничего не нашли, кроме скамейки и деревянного, изъеденного червями стола. В глубине лежал скелет. Англичанин был страшно взбешен и объяснил, что без сомнения, здесь жил и умер какой-нибудь бродяга, а его товарищи замуровали труп.

Мне же этот скелет, брошенный в угол, внушал невыразимую радость. Через несколько дней я снова вернулась в эту гробницу. И вот, на этот раз, в том самом углу, где лежали кости, я заметила фосфорический свет. Как я тогда не испугалась – это до сих пор и для меня самой тайна, так как теперь при одном только воспоминании об этом меня пробирает дрожь. Тогда же я чувствовала только страшное любопытство и такую решимость, что без малейшего колебания подошла ближе и убедилась, что свет пробивается сквозь щели между камнями. Один большой камень подался под давлением моей руки и, повернувшись на невидимых шарнирах, открыл глубокий тайник. Там, окруженный фосфорическим туманом, стоял этот ящик.

Тайно, чтобы никто не видел, я не без труда перенесла этот ящик сюда и нашла в нем сфинкса.

От него-то и исходит этот странный свет, и я знаю, что эта вещь заключает в себе какую-то тайну. Этот сфинкс говорит в ночной тиши. Он поведал мне удивительные вещи и показал страшные видения. В этих видениях я видела тебя, Раме-

ри! Но я устала так много говорить; в другой раз я расскажу тебе больше.

Видя бледность и утомление Альмерис, Ричард поспешил поцеловать её и поблагодарить за несравненный подарок. Тайнам и видениям он придавал очень мало значения, приписывая их галлюцинациям; но сама вещь была чудным произведением искусства.

На следующий день в большой комнате был устроен временный алтарь. Из Каира приехал старый пастор, друг Майделя. Он же крестил Альмерис и теперь с глубокой грустью смотрел на печальное состояние её здоровья.

Глотая слезы, Дора с Туснельдой облекли невесту в простое белое газовое платье и длинную фату, убрав её черные, как вороново крыло, волосы гирляндами померанцевых цветов, Альмерис была сказочно прекрасна, но бледна и прозрачна, как бесплотное видение.

Когда молодая девушка была готова, она обняла своих покровительниц и поблагодарила их за любовь, привязанность и заботы, которыми они окружали её со дня рождения. Затем, обвив руками шею Доры, она прибавила:

– Если я умру, надень на меня это самое платье, в котором я была так счастлива.

– Ах! Как можешь ты говорить подобные глупости в такой день? – с досадой возразила добрая женщина.

– В последнее время тебе гораздо лучше! Ты сделалась свежей и окрепла. Счастье довершит остальное, и через несколько месяцев ты совсем забудешь про эту гадкую болезнь, – прибавила Туснельда, сияясь улыбнуться.

Но Альмерис задумчиво покачала головой.

– Нет, мой сон возвестил мне, что я скоро вернусь в невидимый мир! Мои сны сбываются. Но это все равно! Умру счастливая, что принадлежу Ричарду, как ни тяжело будет уходить из этого мира, когда жизнь так прекрасна.

Брачная церемония была проста и совершилась быстро, чтобы не утомлять бледную невесту, взгляд которой хотя и светился счастьем, но которая, казалось, не принадлежала больше земле. Ричард тоже был бледен и сосредоточен. Он уже чувствовал, что смерть становится между ним и любимой женщиной. Кроме того, его мучило воспоминание о Теа. Он ничего не написал ей. Первое время после свадьбы Альмерис, казалось, возродилась, так что минутами, несмотря на науку, несмотря на очевидность, Ричард начинал надеяться, что природа своими неизведанными путями совершит чудо и вернет жизнь этому угасающему организму. Но мечта эта была непродолжительна. Через две недели после свадьбы в состоянии здоровья молодой женщины произошла быстрая и роковая реакция. У неё снова хлынула горлом кровь, и Ричард понял, что скоро настанет конец его дивному сновидению.

Перепуганный молодой доктор ни на минуту не оставлял жену, которая, несмотря на свою слабость, была весела и спокойна.

– Она не понимает своего положения, – думал Ричард.

Но Альмерис скоро вывела его из заблуждения.

Однажды утром Ричард вынес Альмерис на террасу и усадил в кресло. После продолжительного молчания она схватила руку мужа и, крепко пожав ее, сказала:

– Мой добрый Ричард! Я чувствую, что мой конец приближается, и хотела бы ещё раз перед нашей разлукой поговорить с тобой серьезно.

Леербах только покачал головой. У него сдавило горло; говорить он не мог.

– Не говори мне про разлуку: ты будешь жить для меня, – пробормотал он, наконец, с тоской прижимая к себе молодую жену.

Альмерис склонилась головой к нему на грудь. Счастливая, но грустная улыбка блуждала на её губах.

– Рамери! Возлюбленный мой! Не огорчайся так! – прошептала она. – Умирает ведь одно только тело, а разлука бывает только временная. Невидимая цепь, связующая нас из века в век, из жизни в жизнь, – неразрушима. Мы снова возродимся в новой форме, узнаем друг друга и снова полюбим. За мою настоящую жизнь я благодарю Господа от глубины души. Счастье, которое он даровал мне, было кратко, но зато было и полно. Я принадлежу тебе, ты любишь меня и предпочел меня Эриксо. Я умру в твоих объятиях, и твой поцелуй сомкнет мне уста. Никакая тень не смутила моего блаженства. Что же лучшее может дать мне продолжительная жизнь? Скажу больше, это большая милость Господа, что он призывает меня к себе в расцвете молодости и красоты. Ты, мой Рамери – ты состаришься. Года и заботы сгорбят твой стан, посеребрят твои черные кудри и проведут морщины на твоём челе.

Альмерис ласково провела своей маленькой и прозрачной ручкой по склоненной голове мужа.

– Я же буду жить в твоём воспоминании вечно молодой, такой, какой ты любил меня! Так как всякая человеческая

жизнь должна иметь свой конец, то не лучше ли умереть так, как умираю я?

– Ты забываешь одно: если твоя участь завидна, то ведь я-то остаюсь один, – нерешительным голосом заметил Ричард.

– Отчего один? – с живостью возразила Альмерис – Ты забыл, что, прежде чем ты узнал меня, ты любил другую, и эта другая тоже любит тебя! Именно об этом-то я и хотела поговорить с тобой и просить тебя, чтобы ты сделал все возможное, чтобы получить прощение Теа и женился бы... Не перебивай меня! Тебе предстоит только исполнить свой долг. Я не хочу, чтобы бедная Эриксо страдала всю свою жизнь, как я страдала в эти отвратительные дни, когда считала, что ты для меня потерян. Она поймет, что человек не виноват, когда им овладеет та таинственная и могучая сила, которую зовут любовью. Она простит, что ты украсил и облегчил последние дни умирающей. Я надеюсь, что вы соединитесь на долгую и счастливую жизнь, так как я буду уже одним только воспоминанием. Мертвая – не опасная соперница!

Не отвечая ни слова, Ричард прижал к себе жену. Горе и волнение сдавили ему горло. Наконец, ему удалось с большим трудом победить себя, и он попытался шуткой рассеять впечатление этого разговора.

Прошло несколько дней, без всякой заметной перемены в состоянии больной.

Но однажды утром она проснулась в каком-то чересчур возбужденном состоянии. Она не страдала, но не могла найти себе места и ни на минуту не отпускала от себя мужа.

Ричард со смертельной тоской наблюдал за ней. Он понимал, что приближается час разлуки.

Вечером у Альмерис сделалось удушье и сердцебиение.

– Воздуху!.. Воздуху!.. Я задыхаюсь! – кричала она, откидываясь на подушки.

Ричард взял её на руки и вынес на террасу.

Свежий ночной воздух, казалось, принес ей облегчение, и она через несколько минут открыла глаза. Встретив полный отчаяния взгляд мужа, Альмерис внезапно обвила его шею руками и пробормотала прерывающимся от слез голосом:

– О! Как тяжело умирать, когда жизнь так хороша!

Но тотчас же овладев собой, она прибавила:

– Нет, то, что я сказала, – последняя слабость. Не плачь, мой возлюбленный Рамери! Позволь мне назвать тебя этим именем, столь дорогим для меня, дай мне также поблагодарить тебя за всю твою любовь ко мне.

Она умолкла, и дыхание её сделалось тяжелым, а глаза затуманились.

– Альмерис! Не умирай! – вскричал Ричард, в безумной тоске прижимая к себе жену. При этом призыве Альмерис быстро выпрямилась, глаза её сверкнули, а щеки окрасились розовым румянцем. Никогда еще, может быть, Альмерис не была так прекрасна, как в эту минуту! С совершенно неожиданной силой привлекла она к себе голову мужа и поцеловала его в губы. В этом усилии оборвались последние узы, связывающие душу с телом. Руки её разжались, глаза закрылись, а тело бессильно опустилось. Альмерис была мертва.

Машинально, как в чад, Ричард перенес её на диван, поправил подушки и скрестил на груди похолодевшие и неподвижные руки.

Тут только, как бы внезапно поняв, что все кончено, он упал на колени и с глухим стоном зарылся лицом в складки её платья. Сколько времени он пробыл так, наедине с усопшей? он сам не мог бы сказать. Когда он, наконец, встал, все было тихо вокруг. Луна, которую так любила Альмерис, взошла, словно приветствуя и в последний раз заливая её своим кротким светом.

Ричард чувствовал себя совершенно разбитым. Он машинально вынул носовой платок и провел им по своим распухшим глазам, влажному лбу и растрепанным волосам. Но тут вдруг взгляд его неожиданно упал на умершую, и он испуганно отступил назад, не доверяя своим собственным чувствам.

Из глубины террасы исходила широкая полоса фосфорического света, который окутывал тело Альмерис голубоватой дымкой. Над головой покойной витал золотой, точно осыпанный бриллиантами обруч. У изголовья кровати, склонившись над усопшей, стояли какие-то существа в белом одеянии, со спокойными лицами. И в руках их были пальмовые ветви.

Вдруг легкое прикосновение заставило его вздрогнуть и обернуться. Перед ним стояла Альмерис, прекрасная, радостная и улыбающаяся. Венок из белых цветов украшал её голову. В руках она тоже держала победную пальмовую ветвь.

– Умерло одно лишь тело, – сказала она нежным и слегка глухим голосом. – Дух же мой живет, чувствует и любит ещё больше, чем когда он был отягчен плотью.

Альмерис сделала приветственный знак рукой и улыбнулась, а затем начала медленно подниматься на воздух. С минуты её серебристая туника ещё сверкала в лучах луны, а затем видение стало блекнуть, и, наконец, окончательно растаяло в воздухе.

Ричард стоял неподвижно, точно окаменел. Голова у него кружилась, земля колебалась под ногами, кругом все словно ходуном ходило. Затем он потерял сознание.

Когда он открыл глаза, был уже день. Он лежал на диване в маленькой гостиной, смежной с террасой. Вокруг него стояли Майдель, его сестра и Дора. Все были бледны и расстроены; у всех были красные от слез глаза.

– Альмерис умерла! – вскричал Ричард, вскакивая с дивана.

Майдель выронил из рук намоченное холодной водой полотенце, которым обтирал лицо Леербаху, и, опустившись в кресло, разразился рыданиями.

– Да, мы уже знаем об этом несчастье, – в один голос сказали Дора и Туснельда, заливаясь слезами.

Немного спустя, все перешли в спальню, куда уже отнесли покойную. Альмерис казалась спящей, но огненного круга над её головой уже не было.

Глава III.

После погребения Альмерис глубокая тоска овладела Леербахом. Он не мог ни читать, ни работать и апатично проводил время; единственным развлечением ему служило украшение могилы жены. Мрачная, зловещая тишина воцарилась и во всем доме, душа которого отлетела.

И вот Майдель однажды сообщил Ричарду, что он продает свое заведение.

– Мне больше не для кого работать. Для нас, стариков, с избытком хватит и того, что есть, – с грустью сказал он. – А

вам, Ричард, следовало бы уехать и поразвлечься, а то как бы не захворали! – прибавил он, дружески пожимая доктору руку.

Этот разговор вывел Леербаха из его оцепенения. Майдель был прав: он должен стряхнуть с себя апатию. После некоторого размышления, он решил провести несколько недель в Александрии и уже там решить, что ему делать дальше. Он быстро уложился, желая воспользоваться пароходом, который на следующий день отходил из Фив с туристами.

Накануне своего отъезда, под вечер, он отправился на могилу Альмерис, в последний раз украсил её венком из лотосов, который сам сплел, и долго молился. Потом, с тяжелым сердцем, он прислонился к оgrade, не будучи в состоянии покинуть место, дорогое ему по воспоминаниям. Как живое вставало в его воображении очаровательное создание, которое покоилось теперь здесь, под этим камнем, и он невольно задумался над страшным видением в ночь её смерти.

– Не грусти, мой возлюбленный! Я последую за тобой всюду, где бы ты ни был, – отчетливо, словно на ухо, прошептал ему голос Альмерис.

Ричард вздрогнул и обернулся, но кругом было пусто.

– Да! Мне действительно пора уезжать! А то в этой болезненно-нервной атмосфере я начинаю галлюцинировать, – пробормотал он, направляясь домой.

Путешествие и устройство дел в Александрии несколько рассеяли Леербаха и вернули ему обычную гибкость ума. Только иногда, когда он смотрел на портрет Альмерис, тоска снова овладевала им. Недель через шесть он настолько успокоился, что уже мог подумать о будущем и о Теа, отношения с которой ему предстояло выяснить.

– Через два месяца кончается восьмимесячный срок, назначенный старым графом для моего возвращения. Итак, я поеду, признаюсь Теа во всем, что здесь произошло – и пусть она сама решает, желает ли она ещё видеть меня своим мужем или нет?

Таково было решение барона.

Траур, который Ричард носил в своем сердце, не позволил ему пользоваться шумными городскими удовольствиями, но зато он с новым жаром отдался изучению древностей всех эпох, которыми полна Александрия.

И вот, во время осмотра одного из мест, полных воспоминаний о прошлом, Ричард познакомился с одним страстным археологом, доктором Эммануилом Бэром, бывшим профессором этнологии в одном из германских университетов. Человек богатый и независимый, Бэр вышел в отставку и уже несколько лет жил в Египте, занимаясь для собственного удовольствия различными раскопками.

Несмотря на свои шестьдесят лет, профессор был ещё бодр и крепок. Веселый и жизнерадостный характер делал его хорошим товарищем, так что, несмотря на разницу лет, он и Ричард скоро сделались добрыми друзьями.

Однажды Леербак сидел дома, рассчитывая заняться деловыми письмами. Чтобы освободить свой рабочий стол, он стал прибирать в шкафу различные редкости, купленные утром, как вдруг ему попался на глаза ящик, в котором хранился сфинкс, подаренный ему Альмерис.

Как мог он забыть про эту чудную и драгоценную вещь? Как не показал он её своему другу профессору? Ричард осторожно достал ящик, поставил его на стол и стал тщательно рассматривать.

Только теперь он убедился, что сфинкс был сделан не из базальта, а из какого-то другого неизвестного ему вещества. Со все возрастающим восхищением рассматривал он совершенство работы и удивительную тонкость орнаментов. Его интерес возрос ещё больше, когда он открыл, что вокруг агатового цоколя, в три четверти метра длины и почти в полметра ширины, шла иероглифическая надпись.

– Надо, чтобы Бэр прочел эту надпись. Какая досада, что он вернется из своей экскурсии только послезавтра! – пробормотал Ричард, любуясь чудной головой сфинкса.

Машинально, сам не зная как, он дотронулся до цветка над головой и пальцем нажал, вероятно, золотой пестик. В ту же минуту послышался легкий треск, и на него пахнуло сыростью и таким сильным ароматом, что Ричард почувствовал головокружение и откинулся на спинку кресла. Впрочем, эта слабость скоро исчезла. Ричард выпрямился и с удивлением увидел, что сфинкс сдвинулся со своего пьедестала, открыв продолговатое отверстие, в глубине которого лежал флакон и какой-то предмет, завернутый в пожелтевшее от времени полотно.

Ричард с любопытством осторожно достал сперва хрустальный флакон с какой-то красной жидкостью внутри и заткнутый серебряной пробкой с эмалевым красным крестом.

Удивленный Ричард вынул вторую вещь. Развернув полотно, он вздрогнул и тотчас же положил все обратно на стол. То была женская рука, так сохранившаяся, что казалась живой. Нежные и гибкие пальцы с розовыми ноготками были украшены простым и массивным золотым кольцом. Ричарду показалось, что именно эта рука и издает приятный, но раздражающий аромат, наполнивший комнату и затруднявший дыхание.

Тоненький золотой обруч стягивал кисть руки, а к этому браслету, на цепочке, была подвешена металлическая пластинка с надписью, которую Ричард разобрал с трудом, так как она была сделана на латинском языке. Надпись эта гласила следующее: «Валерия, патрицианка, умершая во Христе». Далее следовали день и год смерти.

Дрожь суеверного ужаса охватила Ричарда, когда он, облокотясь на стол, стал рассматривать лежащую перед ним руку. Как женщина, обладавшая такой идеальной рукой, должна была быть прекрасна! И эта женщина была мученицей, одной из тех удивительных героинь, которых современное, развращенное и скептическое поколение так же мало понимает, как не понимало их и римское общество. Красная жидкость во флаконе была кровь этой Валерии – это было ясно. Но каким чудом эта кровь, сохранившаяся в течение почти двух тысяч лет, осталась свежа и жидка, будто она только что вышла из жил этой нежной и атласной ручки?

Тайна! Такая же тайна, как и то, каким образом эта рука христианки очутилась в египетском сфинксе, очевидно, очень древнем!

Как ему хотелось бы разгадать эту тайну далекого прошлого! В какой жизненной драме играла роль эта чудная ручка? Чьи уста покрывали поцелуями эти тонкие пальцы? На чье пожатие отвечали они? Вдруг он вздрогнул и схватился обеими руками за голову. И вспомнились ему слова, когда-то сказанные Альмерис: «Я была римлянкой Валерией. Мы любили друг друга, но злая Эриксо снова похитила у меня твое сердце. С горя я сделалась христианкой и погибла».

Леербаху казалось, что эти слова словно звучат ещё в его ушах; здесь же перед ним лежит рука мученицы по имени Ва-

лерия, и рука эта была спрятана в сфинксе, носившем черты лица Альмерис.

– О! Какие мы слепцы и невежды! – пробормотал он, отирая холодный пот, выступивший у него на лбу. – Может быть, в эту минуту я стою перед открытой страницей моего неизвестного прошлого и не могу прочесть ее! Не говорила ли мне моя бедная, дивная Альмерис, что мы уже жили в других телах, знали и любили друг друга? Ввиду подобных фактов, имею ли я право отрицать? Конечно, сердце, бьющееся в моей груди, есть новый орган. Но что доказывает, что дух, оживляющий это сердце, и разум, функционирующий в моем мозгу, не думали и не работали уже раньше? Чем доказать, что моя любовь к Альмерис не была откликом прошлого?

Погруженный в свои думы, Ричард не замечал, как его члены словно свинцом налились, и ледяная дрожь пробежала по его телу. Вдруг у него закружилась голова, а вокруг все запрыгало и завертелось. Аромат, наполнявший комнату, показался ему удушливым и невыносимым, и он без сил откинулся в своем кресле. А между тем он ни на минуту не терял сознания, и даже более, зрение и слух его, казалось, приобрели почти болезненную чуткость.

Ричард видел, что все предметы издают фосфорический свет, светящийся туман наполнил комнату, а над флаконом с кровью вспыхнуло пламя. Пламя это сначала расширилось, а затем стало белеть, спустилось и мало-помалу приняло форму женщины необыкновенной красоты. Женщина эта походила на Альмерис, но это была не она. Незнакомка была выше ростом, величественнее и горделивее.

Видение с улыбкой приблизилось к Ричарду, поцеловало его в лоб и глухим голосом пробормотало ему на ухо:

– Эту страницу прошлого, которую твоя душа, подавленная новой телесной оболочкой, тщетно старается вызвать в памяти – я напишу для тебя, и жизнь, погребенная под прахом веков, снова оживет перед тобой.

Женщина возложила одну руку на голову Ричарда, а другую протянула к столу. Тут только доктор заметил, что у видения не хватает кисти правой руки. Но лишь только она коснулась отрезанным местом до лежавшей на столе руки, как кисть соединилась и рука оказалась целой. Как будто все это было в порядке вещей, незнакомка взяла тетрадь, бумагу и карандаш, склонилась над бюро и начала писать с поразительной быстротой.

Фосфоресцирующая лента, как змея, обвила и руку, и карандаш.

Вдруг из руки, лежавшей на лбу Ричарда, брызнул сноп искр и ослепил его.

Доктору показалось, что его словно палкой по лбу ударило и отбросило в пространство; но это потрясение скоро сменилось чувством довольства и неги. Дыхание стало свободнее, и он уже не сидит, а витает около своего кресла; тем не менее, он продолжал ясно видеть женщину в белой одежде, которая, склонившись над его столом, продолжала писать. Зато все изменилось вокруг. Стены кабинета раздвинулись и словно исчезли в отдаленном сумраке. Могучий порыв ветра, казалось, расчистил пространство, которое озарилось ярким светом, и на этом ослепительном фоне, как живые картины, проходили пейзажи и сцены домашней жизни людей знакомых и в то же время незнакомых. Эта удивительная панорама сопровождалась ураганом звуков, мелодий и голосов; картины быстро сменялись одна другою и, что всего странней, ка-

залось, уходили в него, то обвевая ледянящим холодом, то обдавая полуденным зноем.

Ричард напрягал всю свою волю, силясь уловить или разглядеть подробности хоть одной из проходивших перед ним картин, но это ему не давалось. Едва успевал обрисоваться какой-нибудь дом или храм древнеегипетского города, ночной вид Нила, римский трибунал, улица, полная народа, любовная сцена или кровавое поле битвы, как все быстро, как в калейдоскопе, исчезало, давая место новой картине. Мало-помалу им овладело какое-то изнеможение. Весь этот вихрь звуков и образов подавлял и душил его. Вдруг сильный, рядом раздавшийся треск вывел его из этого странного состояния.

Дрожа как в лихорадке, Ричард выпрямился и увидел, что дверь сломана, а на пороге стояли: его камердинер Фридрих, полицейский комиссар, слесарь и прислуга отеля.

– Что это значит? По какому поводу вы, господин комиссар, врываетесь ко мне таким необычным способом? – с гневом спросил Леербах, поднимаясь с кресла.

– По просьбе хозяина отеля и вашего камердинера, который заявил, что вот уже двое суток, как вы заперлись и не подаете признаков жизни. Так как дверь была заперта изнутри на задвижку, а на наши многократные оклики вы не давали ответа, я приказал сломать дверь, – ответил комиссар.

Затем, поклонившись, он вежливо прибавил:

– Так как вы живы и здоровы, барон, то мне остается только удалиться и попросить у вас извинения.

– Ты, кажется, с ума спятил, Фридрих! Без всякого повода взбудоражил весь дом и поднял такой скандал! – в бешенстве вскричал Ричард.

– Поневоле взбудоражишь, когда вот уже третий день вы сидите здесь запершись и не подаете признаков жизни...

– Войди и запри дверь! А вы ступайте вон, – перебил его Ричард.

– Ты смеешь ещё лгать, что трое суток ты не мог попасть сюда, когда не далее, как вчера вечером, ты подавал мне холодный ужин, и я запретил тебе беспокоить меня, так как мне нужно было написать важные письма!

– Господи, Боже мой! Да ведь то было в четверг вечером, господин барон, а сегодня у нас воскресенье. Если вы мне не верите, то посмотрите на газеты и сами убедитесь в этом. Боже мой! Какого страха набрался я! Сначала я подумал, что вы занимаетесь спиритизмом, как леди из № 5, у которой бывают бесконечные сеансы и которая дала вам книги с наставлениями, как нужно вызывать духов. Ввиду смерти баронессы и вашего горя, я предположил, что вы хотите вызвать её душу. Меня уверили, что в этом нет ничего опасного; но когда вы не появлялись несколько дней, я счел вас умершим и пригласил комиссара.

Ричард почти не слушал его. Он раздумывал, не будучи в состоянии понять, как это время, показавшееся ему минутой, могло длиться около трех дней? Вдруг на глаза ему попала толстая пачка бумаг, лежавшая на столе. Ричард убедился, что это были тщательно пронумерованные листы, мелко исписанные незнакомой ему рукой. Сфинкс стоял на своем месте, но находившиеся в нем вещи исчезли, хотя он не помнил, чтобы прятал их.

– Хорошо, Фридрих! – перебил он болтовню лакея. – Принеси мне завтрак, а потом оставь одного. Не бойся, я не запрусь на задвижку. Кроме того, прикажи здесь все исправить, пока я пойду к профессору Бэру.

Несмотря на страшный голод, Леербах торопливо позавтракал, желая поскорее остаться один, чтобы убедиться, спал он или действительно в цоколе сфинкса находились вещи, которые он видел.

Едва ушел Фридрих, как Ричард сел за стол, придвинул к себе сфинкса и нажал золотой пестик голубого лотоса. Тотчас же послышался треск, и открылось отверстие, в котором лежали флакон и пакет с рукой мученицы.

Значит, он не спал! Ричарду захотелось ещё раз взглянуть на руку, так чудесно сохраненную каким-то неизвестным способом. Разворачивая пожелтевший холст, он с удивлением увидел, что на внутренней стороне его находился, по-видимому, сделанный синим рисунок, изображавший сфинкса и пирамиду. Над рисунком был нарисован сложный план, а под ним иератическая надпись.

– Надо попросить Бэра прочесть все это! История становится все загадочней и интересней, – пробормотал Ричард, укладывая руку обратно в тайник.

Затем он придвинул к себе пачку бумаг и убедился, что это был вполне законченный рассказ, написанный таким правильным и изящным латинским языком, который сделал бы честь самому Цицерону; в рассказе этом речь шла о какой-то Валерии.

Ричард замкнул рукопись в столе. В том взволнованном состоянии, в котором находился, он не в силах был прочесть эту странную летопись, написанную обитательницей иного

мира, так как он отчетливо помнил красивую фигуру женщины, которая поцеловала его в лоб и сказала: «Я напишу для тебя историю одной жизни, погребенной под прахом веков».

Несмотря на утомление, Ричард чувствовал потребность в чистом воздухе и движении, чтобы хоть немного привести в порядок свои чувства. Поэтому он тотчас же отправился к профессору Бэру, который должен был уже вернуться из своей экскурсии. Тщательно заперев драгоценного сфинкса, он ушел.

Профессор был дома и занимался копированием и приведением в порядок целой серии надписей, которые привез с собой. Он радостно встретил Леербаха, но, удивленный его болезненным видом, стал расспрашивать о здоровье.

На его расспросы Ричард отвечал уклончиво и тотчас же перешел к рассказу о том, как Альмерис нашла сфинкса. В заключение он просил профессора прочесть иероглифическую надпись, выгравированную на цоколе.

Бэр воодушевился и тотчас же пожелал видеть такую интересную вещь. Захватив словарь, толстую переплетенную тетрадь и лупу, они двинулись в путь.

Вид ящика и сфинкса вызвал у Бэра крик удивления.

– Да это верх совершенства! Этим вещам нет цены! – на все лады повторял он, восторгаясь совершенством работы.

Наконец, он приступил к разбору иероглифической надписи на цоколе. После двухчасовой молчаливой работы, он выпрямился и вытер смоченный потом лоб.

– Ну, что там написано? Нашли вы указание насчет происхождения этой любопытной вещи? – спросил Леербах, с нерв-

ным нетерпением наблюдавший за продолжительной работой профессора.

– Да. Сфинкс, оказывается, менее древен, чем я предполагал сначала. По-видимому, он относится ко времени Амасиса, т. е. незадолго до вторжения персов. Лицо сфинкса изображает принцессу Нуиту. Этот сфинкс – работа скульптора Рамери, но...

– Рамери! Скульптора звали Рамери? – перебил его Ричард, соскакивая с кресла.

– Да что вы так волнуетесь? Право, можно подумать, что вы знали этого Рамери. Ха, ха, ха!

И профессор расхохотался своим сочным и веселым смехом. Затем он продолжал:

– Впрочем, надпись очень загадочна, и в ней идет речь о нескольких лицах.

– Может быть, о некоем Аменхотепе и Эриксо?

Теперь настала очередь Бэра разинуть от удивления рот.

– Как? Вы уже прочли и только хотели проконтролировать меня? – сказал он после минутного молчания.

Ричард нетерпеливо пожал плечами.

– Что за глупости! Я ничего не прочел, так как ничего не понимаю в иероглифах и не умею разбирать их. Но я оказался в некотором роде замешанным в такую необыкновенную историю, что, право, можно сойти с ума! Теперь передайте мне слово в слово надпись, высеченную на цоколе.

– Повторяю вам: надпись очень загадочна, очевидно, содержит недомолвки и по-видимому исходит от двух лиц. Сначала идет нечто вроде указания, где упоминаются имена

скульптора, современника Амасиса, и принцессы Нуиты, чье лицо изображает сфинкс. Затем, – совершенно непонятно – этот же самый скульптор дарит сфинкса какой-то римской даме, по имени Валерия, называя его копией своей первой работы. За этой галиматьей следует вторая надпись, обращенная к Рамери неким Аменхотепом, титулующим себя великим магом. В ней сообщается, что Аменхотеп и Эриксо находятся в безопасном месте и что все подробности и указания Рамери найдет в известном ему тайнике. Вот почти слово в слово смысл надписи. Если вы понимаете в ней больше меня, Леербак, то бесконечно обяжете меня, дав мне объяснение.

Ричард сжал голову руками и прошелся по комнате. Затем, остановившись перед профессором, сказал:

– Хорошо! Я скажу вам все, так как сам я теряюсь в этой путанице.

В кратких словах Ричард передал все, что слышал от Альмерис и что он считал галлюцинацией. Сделанная же им находка и разобранный ученым надпись только подтверждают факты, о которых упоминала покойная, как бы то ни казалось невероятным.

Бэр только недоверчиво крякал в продолжение рассказа Ричарда и чесал у себя за ухом.

– Ввиду такого необыкновенного совпадения фактов, не смею отрицать; но уверены ли вы, что не во сне видели все это – я хочу сказать отрезанную руку и писание рукописи дамой иного мира?

Ричард молча вынул из ящика стола пачку исписанных листов, а затем открыл сфинкса и достал из него флакон, руку, завернутую в холст с рисунком пирамиды и надписью.

Как бы не доверяя своим глазам, профессор тщательно осмотрел каждую вещь, а затем покачал головой.

– Чтобы черт меня побрал, если я что-нибудь понимаю! Кровь, если только эта жидкость действительно кровь, и рука, при виде которой дрожь пробегает по телу, до такой степени она мало похожа на руку доброго христианина, а главное, эта рукопись, написанная призраком – все это до такой степени противоестественно, что подобную пилюлю сразу не проглотить. Надо прежде всего обдумать и исследовать, что я и сделаю, прочтя для начала надпись над рисунком. Без всякого сомнения, вы открыли тайник, на который указывает надпись на цоколе, и мы познакомимся с инструкциями, данными Рамери. Так как это займет, по меньшей мере, часа два, то я предлагаю вам, мой друг, прилечь и немного заснуть. Вы сами похожи на призрак. Все ваши сверхъестественные приключения истощили вас и вконец расстроили вам нервы. Один Бог знает, каким открытием я угощу вас при вашем пробуждении.

Ричард признавал справедливость совета. Он просто падал от усталости и чувствовал головокружение. Он не помнил, чтобы когда-нибудь испытывал подобное истощение. Поэтому, приняв капли и выпив стакан вина, он лег на диван и почти тотчас же крепко заснул тяжелым сном.

Когда Ричард проснулся, была уже ночь и на бюро горели свечи. Профессор все ещё сидел над развернутым перед ним рисунком. Лицо его выражало такое воодушевление и такой лихорадочный интерес, что Леербах подивился.

– Ну что, профессор? По вашему виду я понимаю, что вы узнали интересные вещи, – сказал Ричард, вставая с дивана.

Бэр вскочил с кресла и, положив обе руки на плечи Ричарда, радостно вскричал:

– Знаете ли, Леербак, что я нашел? План тайных подземелий большой пирамиды и галереи, которая соединяет её с Большим сфинксом в Гизе. Я хочу далее предложить вам отправиться вместе со мной к пирамидам и произвести исследование на месте. В настоящую минуту я располагаю свободным временем. Я так заинтересован, что еду, во всяком случае, что бы там ни было; ну, а вы как хотите.

– О! Я ничего лучшего и не желаю, как ехать с вами. Но вы серьезно считаете возможным проникнуть в подземелья пирамиды? – радостно спросил Леербак. – Я читал, что оккультисты считают большую пирамиду храмом посвящения в древние мистерии и убежищем, в котором скрываются маги высших степеней. Даже если все это и справедливо, я все-таки опасаюсь, что галереи осыпались и разрушены временем.

– Это-то мы и исследуем! Указания свитка должны основываться на истине, так как они предназначались не для нас, а для того Рамери, о котором упоминается в надписи. Вероятно, сфинкс не попал в руки того, кому предназначался, или тот не мог воспользоваться извещением, так как Аменхотеп, великий маг, указывал ему явиться в большую пирамиду, где находился он сам с Эриксо. Кстати, о ней! Должен вам сказать, что я слегка перелистал рукопись. Там тоже упоминается об этой особе, которая, казалось, играла роковую роль в жизни всех этих людей. Насколько я мог судить, Эриксо была влюблена в Рамери, а ее, в свою очередь, любил маг Аменхотеп. Там говорится также о сонном зелье, от которого засыпаешь на целые века, чем и объясняется то обстоятельство,

что Рамери времен Амасиса мог ухаживать за римлянкой Валерией...

И профессор расхохотался от всего сердца. Ричард сперва ему вторил, а затем серьезно заметил:

– Все это кажется смешным и невозможным для нашего скептического ума, но после всего, что я испытал и видел в последнее время, все становится возможным. Я не смею больше ничего отрицать и спрашиваю себя, не есть ли мой скептицизм простое невежество?

– Черт возьми! Можно ли оставаться скептиком, когда является мученица, которая целует вас и рассказывает вам факты, случившиеся две тысячи лет тому назад? – иронически заметил Бэр. – Но вернемся к исследованию пирамиды. Я полагаю, что ваш долг предпринять это исследование. Альме-рис, как вы говорили, называла вас Рамери, а так как неопровержимые факты подтверждают, что скульптор, носивший такое имя, действительно существовал, то ничто не мешает нам верить, как верили египтяне, что вы – перевоплощенный Рамери, и что на вас лежит обязанность почтить останки Аменхотепа.

– Значит, решено и мы едем. Во всяком случае, я заинтересован не меньше вас. Рамери я или нет – это не важно; а важно то, что мы напали на след какой-то странной драмы. Счастливая случайность, что сфинкс снова откопан, благоприятствует нашим исследованиям. Согласны вы, профессор, хранить в тайне нашу поездку?

– Без сомнения! Над нами стали бы только смеяться. Никому ни слова! Время говорить придет, когда мы раскроем тайны сфинкса и пирамиды.

Глава IV.

Неделю спустя, Леербах и профессор были уже на месте развалин Мемфиса и вечером расположились бивуаком у подножия большой пирамиды. Они приехали как будто для археологических занятий. С ними была палатка, араб, служивший проводником, и двое слуг.

И вот, после ужина они ушли в свою палатку, а арабы разлеглись у костра и заснули.

В это время Бэр и Ричард делали свои последние приготовления. Каждый из них захватил по связке крепких веревок, несколько факелов, и вооружился киркой и молотком. Взяли они с собой и копию с плана подземных галерей, которые, если план верен, должны были иметь весьма значительное протяжение, ввиду чего не была забыта и провизия.

В таком боевом вооружении они отправились в путь. Ночь стояла теплая, но когда они подошли к подножию сфинкса, вошла луна, и при её свете гигантский силуэт символического чудовища как гора вырисовывался на темной лазури неба.

Между лапами сфинкса, в то время совершенно очищенными от песка, видна была высокая каменная плита, принесенная фараоном Тутанхамом IV в дар великому божеству Копри, которое явилось ему во сне, когда тот был ещё принцем, и просило его расчистить песок, засыпавший его изображение.

Ричард и профессор тщательно осмотрели плиту. По плану здесь должен был находиться вход. Но как они ни разглядывали и ни ощупывали камень, сколько ни стучали молотками, пытаясь найти пустоту – все их старания были напрасны:

плита была так плотно вогнана в камень, что, казалось, составляла одно целое с остальной массой.

После целого часа бесплодных поисков профессор бросил свой молоток и сел на песок.

– Слушайте-ка, барон! Вся эта история с подземельями одна только шутка, а мы с вами жертвы древней мистификации, – сказал он с досадой, вытирая свой вспотевший лоб.

Подождите! – ответил Рамери, который стоял, прислонившись к плите и, казалось, что-то глубокомысленно обдумывал. – Может быть, мы не так беремся за дело, как нужно. В указании, приложенном к плану, сказано, что надо последовательно стукнуть в различные буквы надписи, чтобы дать знать внутрь...

– О прибытии Рамери! – перебил его, смеясь, профессор и прибавил, вытирая глаза: – Вы забыли, мой дорогой друг, что этому указанию две тысячи лет и что маловероятно, чтобы там ждали ещё прихода Рамери, хотя бы и ставшего бароном Леербахом.

– Я не настолько тщеславен, чтобы надеяться на это, но может быть, последовательные удары в известном порядке приведут в действие скрытую пружину. Во всяком случае, раз мы уже здесь, нужно все испробовать. Дайте-ка мне молоток и прочтите ещё раз заметку.

– Попробуем! – ответил Бэр.

Он снова прочел заметку и помог Ричарду найти указанные знаки.

И в ночной тишине мерно зазвучали глухие удары молотка.

– Господи Иисусе! Мне показалось, что я слышал что-то похожее на звон колокола! – вскричал внезапно профессор, подпрыгивая от удивления.

Ричард ничего не ответил. Он тоже слышал отдаленный звон и его сердце усиленно забилося. А минуту спустя он вздрогнул и отскочил: плита сдвинулась с места и образовала узкий проход такой величины, что в него мог войти только один человек. С понятным любопытством вошли в него Бэр и Ричард и очутились в темном коридоре, по стенам которого не было ни живописи, ни надписей.

– Начало сделано; но как будем мы продолжать наш путь? Относительно второй двери в указании не говорится ни слова. Согласно плану галерея должна идти по прямой линии, а потом уклониться влево, – задумчиво заметил профессор, опуская фонарь на землю.

В эту минуту послышался легкий скрип. В глубине коридора открылась дверь, а на пороге её появилась высокая мужская фигура в белом и с клафтом на голове. Незнакомый поднял факел, дрожащее пламя которого смутно осветило его бронзовое лицо.

– Кто вы, чужеземцы? Кого вы ищете здесь? – спросил он на языке, который профессор признал за древнеегипетский.

Но в своем волнении Бэр не нашел ни слова в ответ и только машинально бормотал:

– Аменхотеп... Рамери...

Однако, несмотря на лаконизм такого ответа, страж входа, казалось, удовлетворился им и сделал знак рукой следовать за собой. Затем он нажал скрытую пружину – и входное от-

верстие, через которое проникал снаружи бледный лунный свет, бесшумно закрылось, не оставив ни малейшего следа.

Леербах и профессор тревожно переглянулись. Они очутились в плену. Но как бы ни было рискованно их предприятие – отступить было уже поздно, и они молча последовали за своим проводником. Вторая дверь закрылась так же, как и первая.

Теперь они шли по длинной галерее, такой же обнаженной и узкой, как и первая.

– Не находится ли здесь какое-нибудь тайное общество, масонская ложа или что-нибудь в этом роде, – подумал профессор. – Конечно, очень странно, что имена «Рамери и Аменхотеп» сохранили ещё настолько свое значение, что благодаря им нас приняли, но ведь бывают такие странные случаи!

Если бы только можно было объяснить с этим субъектом на каком-нибудь языке; говорить по-древнеегипетски вовсе не интересно, особенно же, когда так взволнован.

Тем не менее, профессор осведомился, куда их ведут? Но тщетно повторял он свой вопрос на английском, немецком и даже арабском языках: таинственный проводник упорно хранил молчание.

– Очевидно, ему приказано не отвечать и притворяться ничего не понимающим, – проворчал Бэр.

Ричард до такой степени был поражен, что машинально шел за проводником и не был в состоянии даже размышлять.

Коридор круто повернул, и они очутились в небольшой круглой комнате, довольно низкой, с толстой колонной посреди-не. Повсюду виднелись рисунки, сделанные яркими красками;

но света было слишком мало, а волнение исследователей слишком сильно, чтобы они могли все внимательно осмотреть. Несколькими отрывистыми словами и выразительным жестом проводник приказал им сложить на землю все вещи, которые были с ними. Скрепя сердце, Бэр и Леербах должны были расстаться со своими веревками, молотками, факелами и прочим снаряжением; мешок с провизией остался снаружи у входа.

Когда все было сложено у стены, проводник зашел за колонну, но Ричард и Бэр даже не заметили, как он открыл дверь. Затем они стали спускаться по узкой лестнице.

Спустившись, по счету Бэра более чем на тридцать ступеней, они остановились перед золоченой решеткой. Когда проводник открыл ее, Бэр и его спутник увидели перед собой подземный канал, покрытый сводом. У подножия лестницы стояла выкрашенная в белое лодка. Высоко поднятая корма её изображала сфинкса. На ней горел огонь, распространявший яркий свет подобно электрическому, далеко освещавший стены, покрытые живописью, и гладкую поверхность канала.

Все трое вошли в лодку. Проводник взялся за короткие весла, и они поплыли. Туннель был длинен, и сколько они ни подвигались вперед, он по-прежнему уходил все дальше и дальше, теряясь из виду. Вдруг лодка остановилась у лестницы, выходившей словно из стены. Незнакомец причалил к ней, ловко взбежал наверх и нажал пружину, скрытую в рисунках стены. Открылся проход, в который видна была довольно большая, ярко освещенная комната. В комнате стояли ложе, покрытое шкурой пантеры, большой, раскрашенный, деревянный сундук, полки, заставленные различными ящиками и свитками, несколько стульев очень древней формы и

два каменных стола. На одном из них стояли две амфоры и два кубка; другой – стоявший посредине комнаты, был загроможден манускриптами и какими-то причудливой формы инструментами. За одним из столов, склонясь над развернутым свитком, сидел мужчина в белой одежде. На голове у него был надет такой же клафт, как и у их проводника.

Трудно было определить его лета. Бронзовое лицо его было величаво спокойно. Когда проводник стал что-то говорить ему, он пытливо взглянул на Ричарда и его спутника, которые все ещё сидели в лодке. Барон был бледен, как смерть. Его волнение было так сильно, что минутами у него темнело в глазах и захватывало дыхание. Бэр тоже был очень взволнован, но любопытство ученого заставляло его почти забывать все опасности этого странного приключения.

В эту минуту профессор напряженно прислушивался к разговору двух незнакомцев. Несомненно, они говорили по-древнеегипетски, а профессор считал себя знатоком этого языка, и ни на минуту не сомневался, что мог бы сказать приветственную речь самому Рамсесу II. Теперь же, к глубокому своему унижению, он должен был сознаться, что он почти ничего не понимает. Из всего разговора он уловил только имена Аменхотеп и Рамери и понял, что именно имя мага и дало им доступ сюда.

– Послушайте, Леербрах! – сказал профессор, наклоняясь к своему спутнику. – Я думаю – да простит мне Господь! – что вас здесь ждут, т. е. не вас, а Рамери. Очевидно, у них здесь нет ни часов, ни календаря, и они забыли, что со времени гонения на христиан прошло достаточно много времени.

Ричард не успел ему ответить, как человек, сидевший за столом, встал и сделал им знак приблизиться. Наши исследователи нерешительно поднялись по лестнице и вошли в ком-

нату; в это время их проводник спустился в лодку, и дверь закрылась. Незнакомец окинул их внимательным, недружелюбным взглядом. Затем, отворив скрытую в стене дверь, он сделал им знак следовать за собой.

Все трое очутились в длинной и слабо освещенной галерее. По обеим сторонам её тянулись ниши, в глубине которых смутно виднелись высокие, темные статуи.

Ричарду вспомнилось, что он читал в одной книге об оккультизме описание испытаний, какие древние гиерофанты заставляли выдерживать жаждущих посвящения. Но возможно ли, чтобы это потайное место могло сохраниться до наших дней?

Суеверный страх прокрался в сердце глубоко взволнованного Ричарда, который старался рассмотреть все окружающее его, но волнение ежеминутно заставляло его терять нить мысли. В таком-то нравственном состоянии он почти не замечал, как переступил порог бронзовой двери и очутился в сводчатой комнате, вдвое больше той, в которой они застали их теперешнего проводника. Яркий, но мягкий свет наполнял эту комнату, и нельзя было определить его источник.

Обстановка была почти такая же, как и в первой комнате. Как и там, посередине комнаты стоял каменный стол, за которым сидел мужчина в белой одежде.

– Аменхотеп! – сказал проводник.

Затем, указывая на обоих посетителей, он прибавил несколько слов, из которых Бэр догадался, что он говорил о Рамери и их неожиданном прибытии.

Ричард окаменел от удивления. Даже он понял что назвали Аменхотепа, имя которого до сих пор служило им пропуском и

защитой. И сколько он на него ни смотрел, его ум отказывался признать в нем египетского мудреца, который, по словам рукописи и Альмерис, был его другом и покровителем со времен Амасиса и черты лица которого казались ему как-то странно знакомыми.

Человек, названный Аменхотепом, быстро встал и с загадочной улыбкой на устах удивленно взглянул на стоявших перед ним Ричарда и Бэра. На вид это был мужчина лет сорока с небольшим, с правильными чертами лица и острым, пронизывающим взглядом.

– Рамери! Это и ты, и не ты. Что это за чудак сопровождает тебя в таком же смешном, как ты, костюме? – спросил после минутного молчания египтянин, протягивая обе руки молодому человеку.

От волнения Ричард не мог говорить, да и понял он лишь дружеский жест, а не слова Аменхотепа. Но Бэр понял кое-что, и, выступив вперед, начал объяснять на ужасном языке, который считал за чистейший египетский, историю их прибытия сюда.

Аменхотеп, не сводивший глаз с Ричарда, рассеянно слушал галиматью Бэра. Вдруг он вздрогнул и, схватив руку Ричарда, вскричал на этот раз на латинском языке:

– Рамери! Ты успел перевоплотиться и явился ко мне, согласно нашему условию! Как я забыл время, работая здесь!

– Слава Богу! Наконец-то я слышу человеческий язык! Теперь нам можно будет объясниться, – перебил Бэр, радостно потирая руки. – Позвольте мне прибавить, уважаемый Аменхотеп, что прошло около двух тысяч лет с тех пор, как вы адресовали покойному Рамери любезное приглашение навес-
тить вас здесь.

– Да, – прибавил Ричард. – По странной случайности в наши руки попал план, спрятанный в цоколе сфинкса. Мы явились сюда – я и мой друг – исследовать развалины и находим здесь живых людей, для которых, по-видимому, и времени не существует. Я забыл мое прошлое и знаю из него только беспорядочные отрывки. Но скажи мне, возможно ли, чтобы ты был Аменхотеп? Если да, то каким же чудом ты все ещё живешь, молодой и полный сил? Каким образом века шли, а ты и не заметил их? Почему время не уничтожает или, по крайней мере, не старит тебя?

Загадочная улыбка скользнула по губам Аменхотепа.

– Кто считает время – тот считает остающиеся часы своей жизни! Это лентяй, который вечно ждет от будущего чего-то лучшего, чем то, что у него уже есть, а потому не ценит настоящего и вечно недоволен прошлым. Непостоянство человеческой мысли, несбыточные надежды, неудовлетворенные желания и создаваемые самим человеком напрасные мучения – вот те вампиры, которые гложут и пожирают его телесную оболочку. Тот же, кто устранил из своей жизни эти стимулы разрушения и взамен будет черпать из пространства вещества, способные поддерживать и возобновлять материю, из которой образовано его тело, может надолго сохранить плотский покров своей души. У нас ещё хватит времени поговорить об этих важных материях! А теперь, добро пожаловать в мое убежище! Моя дружба, Рамери, принадлежит тебе, какое бы имя ни носила человеческая форма, в которую ты облечен. Я люблю твое «я», которое вечно! Оно глядит на меня твоими глазами, и я всюду узнаю его. Что же касается друга, которого ты привел с собой, то надеюсь, он сделается и моим.

Аменхотеп обнял Ричарда, пожал руку Бэру и предложил им сесть. Незнакомец, приведший неожиданных посетителей, скромно удалился.

Аменхотеп стал расспрашивать, каким образом в их руки попала тайна входа в пирамиду, но его гости, видимо, были рассеяны и озабочены.

И действительно, Ричард был, как бы подавлен всем случившимся, и голова его отказывалась работать, а Бэр умирал от голода. К нему, благодаря его жизнерадостной и беззаботной натуре, вернулся весь его апломб, и он даже на свое необыкновенное приключение смотрел с хорошей стороны; со спокойствием вернулся и аппетит.

Аменхотеп точно прочел мысль археолога, встал и сказал:

– Не желаете ли вы подкрепиться, мой уважаемый друг? Оба вы, по-видимому, сильно истощены!

И он любезно проводил своих гостей в другую комнату, соединенную с его помещением длинным и узким коридором.

В этой комнате, освещенной тем же странным светом, был стол, а на нем две корзины с пирожными и фруктами, блюдо вареных овощей, мед и две амфоры: одна – с молоком, другая, с длинным горлышком, закупоренная золотой пробкой. Тут же стояло несколько кубков.

Бэр сел за стол и разочарованно взглянул на эти яства.

– Все это, благородный Аменхотеп, прекрасно, но малосущественно для такого проголодавшегося человека, как я. Кусок хорошего жареного мяса был бы более кстати, – заметил он, почесывая за ухом.

Аменхотеп улыбнулся.

– Такие грубые блюда не подходят к царящей здесь атмосфере. Тем не менее, в будущем я постараюсь лучше удовлетворять ваши вкусы. Теперь же удовлетворитесь тем, что здесь есть, – весело ответил он.

Бэр со вздохом принялся за еду и в четверть часа уничтожил все, что стояло на столе, так как Ричард ни до чего не дотронулся, выпив только молока и кубок вина.

– Теперь ложитесь спать! Здесь в вашем распоряжении две постели. Об остальном мы поговорим после, – сказал Аменхотеп, уходя.

Не заставляя себя просить, Ричард и Бэр улеглись на пурпурных подушках. Они буквально падали от усталости и почти тотчас же заснули.

Проснулись оба свежими и сильными.

Вот так сон! Если бы три дня тому назад кто-нибудь сказал мне, что я буду так прекрасно спать в недрах великой пирамиды, на ложе, может быть современном Хеопсу, я плюнул бы тому в глаза, – заметил профессор, блаженно потягиваясь.

– Да, смело можно сказать, что наше приключение исключительное! Мы единственные люди, которые могут похвалиться, что говорили с человеком, прожившим около трех тысяч лет, – со смехом ответил Ричард.

Но вдруг он заволновался.

– Замечаете вы, профессор, что наше платье унесено, а вместо него положены полотняные туники?

– Черт возьми! А ведь это правда! И если мы не хотим щеголять в таком же костюме, в каком Адам прогуливался в раю, то нам придется вернуться к моде времен Амасиса, – весело ответил профессор, соскакивая с кровати.

С комичной важностью он надел плетеные сандалии и длинную полотняную тунику с короткими рукавами.

– Немного воздушно, но зато удобно и легко. Так как здесь нет дам, то я не нахожу неприличным этот костюм, – заметил Бэр, с самодовольным видом осматривая себя.

Одевавшийся с сосредоточенным видом Ричард поднял голову – и упал от смеха на стул. Действительно, толстая фигура профессора в этом необычном и примитивном костюме была донельзя комична.

Бэр сам весело смеялся. Затем, взглянув на своего друга, он вскричал:

– Какой у вас прекрасный вид, Леербах! Туника необыкновенно идет вам. Никогда ещё не замечал я, как теперь, насколько ваше лицо подходит к египетскому типу. Вас прямо можно принять за фигуру, сошедшую с барельефа!

Наконец они были готовы и стояли в нерешительности, не зная, что делать. Уйти из комнаты они не смели. Кроме того, они не имели ни малейшего понятия о времени, так как лежавшие на столе часы остановились, и они не могли найти ключа, чтобы завести их. Потеряли ли они его или его унесли у них – это так и осталось тайной.

Приход Аменхотепа вывел их из затруднения. Они побеседовали, а затем два карлика подали завтрак, уже более существенный, чем накануне, так как в него входила великолепно приготовленная рыба.

Бэр был на седьмом небе и один уничтожил все блюдо, так как Ричард, хотя и совсем оправился, тем не менее не чувствовал голода и удовольствовался хлебом и молоком.

После завтрака деятельный и веселый профессор попросил Аменхотепа дать ему что-нибудь поучительное, чем он мог бы впоследствии воспользоваться для своей книги о жизни древних египтян и что осветило бы места, оставшиеся темными для археологов. В то же время, он в кратких словах изложил состояние современных знаний и цель, к которой он стремится.

– Мне кажется, что самое полезное, что я могу вам предложить, это изучение египетского языка, так как ваша вчерашняя речь была так ужасна, что я ничего не понял, – с тонкой улыбкой заметил Аменхотеп. – Поверьте мне и начните с этого. Я уже просил моего друга Менефта показать вам все, что осталось от наших древних святилищ посвящения и, в то же время, побеседовать с вами. Пользуйтесь же этим случаем! А теперь идем! Я отведу вас к нему. Подожди здесь, Рамери! Мне нужно поговорить с тобой.

Он скоро вернулся и увел своего гостя в комнату, где накануне работал. Посадив Леербаха за стол, он положил ему на голову руку и сказал:

– Смотри на меня! Прежде чем приступить к серьезному разговору, тебе необходимо вернуть воспоминание о прошлом и восстановить связь между астральным разумом и материальным мозгом твоего нового тела.

Ричарду показалось, что яркая молния блеснула из темных глаз мага и огненной струей пронизала его голову, причинив ему такую невыносимую боль, что он вскрикнул и упал без чувств.

Долго ли он находился в таком состоянии, он сам не мог сказать. Когда же к нему вернулось сознание, он чувствовал, что что-то странное происходит в его голове, смутно напо-

миная ему то впечатление, какое он уже испытал, когда призрак Валерии писал рассказ об их прошлом. Как и тогда, разные образы восставали в его памяти, но без того хаотического шума, как прежде. Как молнии вспыхивали воспоминания, группируясь в нечто гармоничное целое. Когда Ричард выпрямился, жизнь Рамери восстала перед ним во всей своей реальности, и подробности её были так же ясны и хорошо ему знакомы, как и подробности его настоящего существования.

– Ну что, Рамери? Вспомнил ли ты свое прошлое? Вспомнил ли ты свой древний родной язык? – с улыбкой спросил Аменхотеп.

– Да, учитель! Ты совершил это чудо, – ответил Ричард, хватаясь за голову обеими руками и помимо своей воли говоря на языке древнего Египта.

– Тем лучше! Давай побеседуем! Для начала расскажи мне свою настоящую жизнь и обстоятельства, которые привели тебя сюда.

Ричард на минуту задумался, так как, с возвращением воспоминаний о прошлом, настоящее, казалось, побледнело. Затем он рассказал историю своей жизни, свою встречу с Альмерис и странные события, приведшие его в пирамиду.

– Альмерис – это та же Нуита и Валерия, – заметил внимательно слушавший Аменхотеп.

– Да, а Теа есть перевоплотившаяся Эриксо, – ответил Ричард.

Аменхотеп отрицательно покачал головой.

– Эриксо – здесь, близ меня. Это строптивая и непокорная душа. Роковая любовь к тебе увлекла ее, и я наказал её по

заслугам. Я люблю Эриксо, и это единственная моя слабость, победить которую у меня не хватает мужества. Так как Эриксо волновала меня и мешала мне работать, я усыпил ее, и она спит в нескольких шагах отсюда.

– Прости меня, учитель! Я не смею сомневаться в твоих словах, но позволь мне указать тебе на некоторые обстоятельства, – смущенно и нерешительно сказал Ричард. – Альмерис, так хорошо все знавшая, сказала мне, что Теа – никто иная, как Эриксо. Теперь же, когда ко мне вернулась память, я могу подтвердить тебе, что Теа – живой её портрет.

Темный румянец вспыхнул на бронзовом лице мага, и брови грозно нахмурились.

– Пойдем и сейчас же убедимся! – сказал он отрывистым тоном.

По узкому коридору, которого Ричард ещё не видал, они вошли в подземную залу, посредине которой он с изумлением увидел сфинкса, которого сам некогда изваял и который носил черты лица Рамери.

Аменхотеп прикрепил к стене факел и, поднявшись на цоколь, привел в действие пружину, скрытую в цветке лотоса.

Когда открылось отверстие тайника, оба они жадно наклонились над ним. Перед ними, покрытое серебристым газом, лежало тело женщины.

Аменхотеп сорвал покрывало – гневный крик вырвался у него. Эриксо казалась трупом, а между тем, несмотря на эту мертвенную бледность и на черные круги вокруг глаз, она была прекрасна. Нежная и прозрачная, как плащом окутанная длинными золотистыми волосами, она лежала, как воплощение мечты великого художника.

Глаза Аменхотепа пылали гневом. Он ощупал тело и сказал:

– Альмерис была права! Воспользовавшись ослаблением связи между астральным телом и материей, строптивая душа её осмелилась настолько удалиться, что могла воплотиться в новое тело и тем самым порвать большую часть уз, приковывающих её здесь. Ещё немного усилий, и она окончательно освободилась бы. Но я не дам ей на это времени! Я заставлю эту предательницу вернуться в свою телесную оболочку, которая, к счастью, ещё невредима, и научу её слушаться своего господина!

Ричард молчал и не сводил глаз с Эриксо. Он признавал одно, что даже в этой мертвенной неподвижности она в тысячу раз прекраснее и Теа, и Альмерис, и что опьянение чувств, которое эта женщина всегда вызывала в нем, снова начинает просыпаться.

– Учитель! – со страхом вскричал он. – Остановись! Дозволь мне уйти, прежде чем проснется Эриксо. Я человек слабый, а искушение тем сильнее, что она любит меня. Она может заставить меня забыть, что она твоя, и тем изменить благодарности, которой я обязан тебе за твое гостеприимство.

– Успокойся! – ответил Аменхотеп, кладя руку ему на плечо. – Эриксо опасна для тебя только тогда, когда близ тебя нет той, с кем тебя связывает чистая и неразрушимая любовь. Ее, эту другую, которую зовут Нуита, Валерия или Альмерис, я вызову из пространства, где блуждают тени, и дам ей жизненность. Ты будешь счастлив в её объятиях, и образ Эриксо не будет иметь над тобой никакой власти. Итак, успокойся и доверься мне. Но прежде я хочу вернуть в это тело душу изменницы, которая думает, что может ускользнуть от меня.

Опустив голову, Ричард последовал за магом, который отпустил его, приказав ожидать у себя в комнате.

Ричард тотчас же заснул. Его разбудил голос Аменхотепа, который приказал ему следовать за собой, и оба направились в подземелье, где стоял сфинкс.

– Возьми тело и следуй за мной, – сказал Аменхотеп. – Сам я не могу нести его, так как оно уже окружено флюидом разложения.

Осторожно подняв стройное тело Эриксо, Ричард понес его за магом. Руки его дрожали, хотя ноша была очень легка, и если бы не ледяной холод членов, оставшихся гибкими, и не смертельная бледность, Эриксо можно было бы принять за спящую.

Они шли новой, незнакомой Ричарду дорогой, где галереи и коридоры перекрещивались, как в лабиринте, и вышли, наконец, в круглую комнату, освещенную пятью большими и высокими шандалами, в бронзовых чашах которых горел зеленый, как изумруд, огонь.

Посредине комнаты, на возвышении в несколько ступеней, стояло ложе, задрапированное черным. На материи, покрывавшей ступеньки, подушки и ложе, были вышиты какие-то неизвестные знаки и иероглифы. А вокруг стояло семь треножников, на которых приготовлены были уголья, сухие травы и куски смолистого дерева, осыпанные белым порошком.

– Положи её на ложе и сними с неё одежды! – отрывисто приказал Аменхотеп.

Ричард молча повиновался. Казалось, он не имел уже больше своей воли. Одна тоскливая мысль: «Что он с ней будет делать?» – шевелилась в его наболевшем мозгу. Все сущест-

во его трепетало, когда он срывал последние покровы с тела молодой девушки.

В это время Аменхотеп снял с себя свою длинную, полотняную тунику, оставив один только полотняный пояс, опоясывавший его бедра.

– Стань там! – сказал маг, указывая Ричарду на один из масляных шандалов, к которому последний и прислонился.

Аменхотеп открыл большую шкатулку, стоявшую на ступеньках, и вынул оттуда жезл с семью углами, который за-
ткнул за пояс, небольшой мешочек с красным порошком, который высыпал на все семь треножников, и, наконец, кубок и флакон.

Он наполнил кубок жидкостью из флакона; поднялся густой пар, и слышалось клокотанье.

Осушив кубок, Аменхотеп вынул из-за пояса кусок мела и очертил им круг, заключив в него ложе, семь треножников и самого себя.

Ричард не сводил с него глаз и с ужасом следил за странной переменой, происходившей в наружности мага. Все тело его приняло красноватый оттенок, а под кожей его, казалось, текла уже не кровь, а огонь. Все в нем фосфоресцировало; пальцы источали лучи света; дыхание его стало похоже на огненные клубы. Тело его дрожало и трепетало, как в лихорадке, а каждое движение вызывало ряд пурпурных волн, исходивших из суставов и конечностей. Наконец, на всем, до чего он дотрагивался, оставались фосфоресцирующие пятна.

Схватив жезл о семи узлах, Аменхотеп потер его между ладонями. На конце жезла появилось пламя и в тот же момент

вспыхнули все треножники, – каждый пламенем другого цвета. Все вместе они составляли семь цветов радуги.

Огненные языки, поднявшись, образовали род свода над неподвижным телом Эриксо, освещая его разноцветными лучами, ибо хотя они и соединялись, но не сливались воедино.

Тогда Аменхотеп мерно запел какую-то странную песню, которая то звучала могуче, то, замирая, переходила в легкий ропот. Жезл он вращал над головой, а другой рукой, казалось, указывал куда-то вдаль.

В эту минуту он был великолепен со своим фосфоресцирующим телом, с ослепительным пламенем, горевшим над его головой, и с выражением непоколебимой воли, светившимся в его взгляде.

Вдруг из-под ног Аменхотепа появился легкий дым. Земля дрожала, сильные порывы ветра со свистом потрясали стены комнаты. Охваченный внезапной слабостью, Ричард ухватился за бронзовый шандал. Свинцовая тяжесть разлилась по всему его телу. Он был точно парализован; но ясность ума ни на минуту не затуманилась, и он все видел и слышал с какой-то болезненной чуткостью.

Вдруг раздался сильный удар, и Ричарду показалось, что комната словно сорвалась со своего места, как дерево вырывается из земли, и завертелась с поразительной быстротой.

Комната, казалось, поднялась в воздух и со свистом пересекла пространство. Стены и потолок исчезли в сероватом сумраке, изборожденном молнией. Но тем отчетливее видны были тело Эриксо, лежащее на ложе под огненным сводом, и Аменхотеп, который похож был на статую из раскаленного железа. Не будучи в силах выносить ослепительного света, исходившего из этой картины, Ричард закрыл глаза.

Головокружительный полет через пространство все продолжался, но через некоторое время движение замедлилось, а затем совсем прекратилось. Тогда Ричард открыл глаза.

И тут он с удивлением взглянул на непонятное, представлявшееся ему зрелище. Одна из стен подземной комнаты исчезла и, как бы составляя её продолжение, к ней присоединилась другая комната, роскошно меблированная в стиле Ватто. С потолка спускалась лампа под розовым абажуром, нежным светом озаряя мебель, обтянутую белой шелковой, затканной розанами материей, туалет, драпированный кружевами, с зеркалом в серебряной раме, с графской короной наверху, и кровать с вышитыми подушками, на которой лежала молодая девушка, видимо погруженная в тяжелый и беспокойный сон.

Сердце Ричарда перестало биться. Он тотчас же узнал эту комнату: то была спальня Теа, а там, за полуоткрытой дверью, находился её рабочий кабинет. Сама Теа извивалась и стонала на своем шелковом ложе; а в нескольких шагах от неё стоял мрачный черный подиум, на котором лежало неподвижное тело Эриксо.

Ричард инстинктивно сознавал, что должно совершиться что-то ужасное, что Теа грозит смертельная опасность. Страх, жалость и любовь волновали его душу. Ему хотелось вскрикнуть, броситься к ней и спасти ее, но все усилия его были напрасны. Он не мог сделать ни одного движения; ни один звук не выходил из его сдавленного горла.

Состояние его не поддавалось бы никакому описанию. Он думал, что задохнется в своей бессилии. Ричард видел, как Аменхотеп проник в комнату Теа, откинул одеяло, поднял молодую девушку и принес её к ложу. Поддерживая Теа одной рукой, другой он сорвал с неё батистовую рубашку. Затем,

вытащив из-за пояса нож, – лезвие которого словно сделано было из пламени, которое извивалось и метало искры, – он вонзил его в грудь Теа по самую рукоятку. Вытащив дымившийся нож, он погрузил его в неподвижное тело Эриксо.

Теа неподвижно лежала на руках мага. Из разверстой раны на груди ручьем текла какая-то странная, дымящаяся, похожая на кровь, красная жидкость. Аменхотеп поднял свою жертву так, чтобы этот живительный поток падал на тело Эриксо, которое скоро приняло нежный розовый оттенок, тогда как тело Теа стало походить на труп. Когда это истечение окончательно прекратилось, Аменхотеп приложил свой нож плашмя к ране, и кожа вновь стала совершенно целой. Уничтожив следы раны и на теле Эриксо, маг бросил на кровать тело Теа. В ту же минуту черное, но прозрачное покрывало разделило обе комнаты, как бы стена из темного стекла.

Тогда Аменхотеп поднял жезл и снова запел, а комната пришла в движение. Как сквозь туман, Ричард видел башни и сады замка Кронбург, а затем все исчезло. Они со свистом неслись в пространстве, пока не произошел новый толчок. Головокружительное движение сразу прекратилось, и все приняло свой прежний вид.

В ту же минуту Эриксо испустила нечеловеческий крик. Затем она приподнялась на ложе и прижала обе руки к сердцу.

С минуту она сидела неподвижно, словно задыхаясь, с широко раскрытыми глазами. Вдруг она увидела Аменхотепа, узнала его – и с хриплым стоном откинулась назад.

Аменхотеп стоял и презрительно смотрел на нее. В глазах его светилось гордое сознание своего могущества. Он владел силами природы и управлял ими по своему желанию. Кто же мог осмелиться противиться его воле?

Затем, не спеша, он надел свою длинную тунику, убрал и запер в шкатулку вещи, и, подойдя к Эриксо, которая все ещё сидела, закрыв лицо руками, сказал спокойно, с оттенком легкой иронии:

– Изменница! Ты вообразила, что можешь пренебречь мной. Вместо того, чтобы ждать здесь, пока я окончу важную работу, ты овладела новым телом, думая ускользнуть от меня и, таким образом, достигнуть цели, к которой настойчиво стремишься, а именно: овладеть человеком, которого ты любишь, но который не любит тебя. Ты забыла только одно, что ты – «моя вещь», до которой никто не дотронется без моего разрешения. Как видишь, твоя душа должна была покинуть похищенное тело и вернуться в это. Теперь я привяжу тебя к себе ещё более могущественными узами. А пока живи в этой пирамиде, принадлежащей мне. Для тебя я создам здесь дворец и все земные наслаждения. Но берегись ещё раз обмануть меня! Это дорого обойдется тебе.

Эриксо подняла голову и слушала, устремив на него взгляд, полный смертельной ненависти. Все тело её содрогалось.

– Проклятый! – прерывающимся от волнения голосом вскричала она, стремительно вскакивая. – Ученый разбойник! Ты овладел человеческим существом, чтобы мучить его, сделать своей вещью, отняв у него все законные права. Я ненавижу и презираю тебя! Какие бы узы ты ни придумывал, чтобы связать меня, я ненавижу тебя, убегу и сделаю все на свете, чтобы ускользнуть от твоей тирании! Если существует небесное правосудие, оно скоро положит конец твоим преступлениям.

В эту минуту она увидела Ричарда, который все ещё стоял, как пьяный, прислонившись к бронзовому шандалу, и с криком удивления и радости бросилась к нему на шею.

– Ричард! Спаси меня!.. Спаси меня от него! – вне себя кричала она.

Аменхотеп насмешливо улыбнулся.

– Ты напрасно надеешься, что он спасет тебя. Он всегда предпочитал тебе Нуиту. Теперь же он нашел ее, полюбил, и, пока ты ждала его, как своего жениха, женился на твоей сопернице.

Эриксо побледнела и попятилась.

– Правду ли говорит это чудовище? – спросила она. Ричард опустил голову. В эту минуту Эриксо казалась ему прекраснее и желаннее всего на свете. Даже воспоминание об Альмерис изглаживалось и бледнело перед очарованием, какое производила на него молодая девушка.

Аменхотеп наклонился к Эриксо и пробормотал ей на ухо несколько слов, которых Ричард не мог уловить. Та побледнела и, дрожа всем телом, с ужасом взглянула на него. Затем, быстро повернувшись, она выбежала из комнаты.

– Помни, Рамери, что Эриксо принадлежит твоему наставнику и благодетелю! – продолжал маг, тяжело опуская руку ему на плечо. – Для того же, чтобы поддерживать в тебе твердость, – я сдержу свое слово и возвращу тебе ту, с которой ты связан магическими узами брака. Альмерис оживет для тебя. Теперь ты крайне нуждаешься в отдыхе, так как то, что ты видел, слишком сильно потрясло твои нервы.

– Да, правда! – ответил Ричард, отирая выступивший на лбу пот. – Теперь уж я положительно не знаю, что со мной: с ума ли я сошел, сплю ли я, или все, что я видел – неслыханные чудеса!..

Аменхотеп улыбнулся.

– Ты не сошел с ума, не спишь, и то, что ты видел, вовсе не чудеса, а проявление сил природы, иначе, искуснее направленных, чем это знают и умеют делать в невежественном материальном мире, из которого ты пришел.

Глава V.

Ричард окончательно потерял всякое представление о времени. После необыкновенных событий, свидетелем которых стал, он крепко заснул, но сколько времени спал, он сам не мог сказать. Часы его стояли, а в этом странном и вечно однообразном свете, заливавшем комнату и все вокруг, не существовало ни дней, ни ночей. Профессора он больше не видел; оставить отведенную ему комнату он не смел. Поэтому он проводил время в какой-то апатии. Карлик, служивший ему, подавал обед, неизменно состоявший из фруктов, пирожного, молока и меда.

Но Ричард не чувствовал голода. Тоска и беспокойство грызли его. Образы Теа, Эриксо и Альмерис толпились в его голове. Первая, – если только он не во сне видел это, – умерла, и он сам был очевидцем её кончины. Что же будет со второй? Какие новые узы изобретает маг, чтобы приковать к себе свою жертву? Наконец, воскресит ли он Альмерис, как обещал? Последнее казалось положительно невозможным, но разве существуют пределы могуществу Аменхотепа?

Поглощенный своими мыслями, Ричард закрыл лицо руками и не заметил, как вошел Аменхотеп. Маг посмотрел на него своим задумчивым взглядом, а затем, положив ему на плечо руку, с улыбкой сказал:

– Да, моему могуществу есть границы! Оно останавливается там, где кончается мое знание законов, управляющих силами природы и веществами, из которых образована вселенная. Знание, кажущееся тебе безграничным, в действительности – очень ограничено, и я такой же раб законов, действие которых мне известно только отчасти, как и ты, совершенно их не знающий. А теперь – пойдём! Я сдержу данное тебе слово и верну тебе любимую женщину.

Ричард с удивлением заметил, что они снова идут по незнакомой ему части подземелий. Он видел громадную залу, полную драгоценных предметов, некогда служивших культу. Были здесь и золотые наосы, дивной чеканки, вазы всевозможных форм, мистические символы, шкатулки никогда не виданной формы, свертки ковров и материй и, наконец, свитки папируса, симметричными рядами разложенные на полках.

– Да у вас здесь целый музей! – заметил Ричард.

– Да, вашим современным ученым было бы интересно осмотреть эту коллекцию. В этом недоступном тайнике древние жерофанты сложили драгоценнейшие сокровища Египта. Впрочем, вряд ли любопытным удастся скоро проникнуть сюда, – ответил Аменхотеп, увлекая своего спутника, в котором проснулся археолог и который в нерешительности остановился.

Наконец они вошли в круглую и совершенно темную залу. Только когда Аменхотеп зажег факел, Ричард увидел, что посредине, на высоком цоколе, стояла большая статуя, закрытая покрывалом.

Аменхотеп нажал пружину и тотчас же в цоколе открылась узкая дверь и стали видны ступеньки узкой лестницы, спускавшейся вниз. Наконец маг остановился перед бронзовой

дверью и погасил факел. С минуту они оставались в совершенной темноте. Затем дверь бесшумно отворилась – и пораженный Ричард увидел перед собой род грота со светящимися стенами. Такой же неопределенный свет, какой он раньше видел везде вокруг себя, царил и здесь, только он был сильнее и более голубого оттенка. Какой-то пар носился в воздухе и не позволял ясно видеть отдаленные предметы и судить о размерах грота.

Аменхотеп вытащил из-за пояса жезл с семью узлами и быстрым и энергичным движением сделал им в воздухе знак креста.

Молния прорезала воздух, и из земли повалил густой дым, который заволок все. Когда он отчасти рассеялся, Ричард увидел, что стоит как бы у большого круглого окна, из которого видно было утопавшее в лунных лучах кладбище, где была погребена Альмерис. Он видел белый мраморный крест, у подножия которого, прижавшись головой к погребальной урне, стоял на коленях гений и плакал, видел цветы, росшие у подножия монумента. Ночной ветер тихо шелестел листвой деревьев, а под ними была скамейка, на которой он проводил столько часов, мечтая о покойной.

И все это было так близко и так живо, что стоило только, казалось, выпрыгнуть из этого странного окна, чтобы очутиться внутри запертой решетки. Вдруг Ричард вздрогнул. На маленькой, усыпанной песком площадке перед памятником появилась фигура Аменхотепа. Белая одежда его была покрыта фосфорическими пятнами, широкий луч света окружал его голову и отчетливо слышны были магические формулы, которые он произносил на каком-то незнакомом языке.

Он продолжал потрясать своим жезлом и, казалось, рисовал им в воздухе каббалистические знаки, которые в огненном

виде появлялись над могилой, кровавым светом отражаясь на белом мраморе.

Вдруг яркая молния огненным зигзагом прорезала темное небо. Надгробный памятник осветился точно заревом пожара, а затем раскололся с треском, похожим на взрыв. Из образовавшегося отверстия поднялось белое, круглое как шар облако, которое завертелось и устремилось к окну. Могила же и все, что её окружало, исчезло.

Минуту спустя, грот принял свой прежний вид. Около же Аменхотепа вращалось белое облако, из которого вырисовалась фигура Альмерис. Одета она была во что-то светлое, волосы были распущены. Она сердито взглянула на мага, который, подняв руку, с надувшимися от напряжения на лбу жилами, казалось, пронизывал видение своим взглядом.

– Подойди, Нуита, Валерия, Альмерис, и займи свое место рядом с человеком, которого ты любишь, и который любит тебя. Я возвращу тебе жизненную теплоту, плотность тела и способность чувствовать всеми фибрами твоего существа. Наслаждайся радостью жизни и любви!

По мере того, как говорил Аменхотеп, Альмерис, казалось, становилась все компактней. Щеки и губы её окрасились, а глазам её вернулся их прежний блеск. Раздался её нежный и глухой голос, дрожавший в эту минуту от негодования:

– Как смеешь ты вызывать меня и с такой силой, что производишь беспорядок в моем астральном существе? То, что ты хочешь мне дать, составляет предмет желания только тех, которые жаждут ещё жизни. Я же – я победила смерть! Я прошла мрачные двери неизвестного, которое пугало меня, когда я всей душой жаждала жить с моим мужем. Теперь поздно! Смерть порвала плотские узы, связывавшие нас. Я

испытала радость освобождения, сбросила материальную оболочку и постигла величие законов, которые, страданиями и смертью толкают нас на пути совершенствования. Я не хочу, чтобы ты отнял у меня то, что я уже приобрела!

– Альмерис! Альмерис! – взывал Ричард, протягивая ей руки. – Разве ты перестала меня любить, если отказываешься от божественного дара – жизни?

– Нет, нет, я люблю тебя больше, чем когда-либо! Но именно потому, что мои глаза прозрели, я и отказываюсь от чудовищного дара этого вероломного служителя науки, который пользуется силами света для торжества тьмы и насилия над духом. Не приходи в отчаяние! Я все объясню тебе.

Продолжая говорить, Альмерис приблизилась, словно её неудержимо привлекал умоляющий взгляд любимого человека.

Вдруг Аменхотеп, с быстротой молнии, очертил жезлом вокруг неё огненный круг. Из земли полыхнуло пламя. Волна красноватого пара окружила светлую фигуру Альмерис и точно залила её кровью. Альмерис зашаталась и опустилась на землю. Пурпурный пар точно всасывался в складки её серебристой одежды, а тело быстро принимало розовый, жизненный оттенок. Глаза её были закрыты.

– Что ты с ней сделал? – вскричал Ричард, почти забывая, что Альмерис умерла и что перед ним только её призрак.

– Она поглощает жизненные токи, которые оплотнят её астральное тело. Она будет духом и женщиной, и ей не страшны будут ни смерть, ни старость, – с улыбкой ответил Аменхотеп.

Очерченный вокруг Альмерис круг стал гаснуть; тогда маг подошел к ней, поднял и положил на ложе.

Только в эту минуту Ричард заметил в гроте ложе и несколько стульев. Кроме того, около стены стояло семь шкафов из какого-то прозрачного, как хрусталь, вещества. В каждом стояли амфоры различного цвета: зеленые, как изумруд, красные, как рубин, синие, как сапфир, золоченые, и от всех них исходил фосфорический разноцветный свет. На полках стояли широкие кубки и блюда.

Аменхотеп взял один из кубков и наполнил его каким-то веществом, которое тотчас же вспыхнуло и с минуту горело ослепительным пламенем, потом погасло, распространяя легкий дым приятного и живительного запаха.

Поставив кубок на стол, рядом с ложем, маг отступил назад. В эту минуту Альмерис открыла глаза и выпрямилась. Теперь она имела вид вполне живой женщины.

– Негодяй! – сказала она, и голос её дрожал от негодования. – Ты злоупотребляешь своим знанием для преступных опытов! Ты хочешь унижить меня, как тебя самого унижает твоя нечистая страсть к Эриксо. Но я не выпью твоего зелья.

Резким жестом Альмерис опрокинула дымящийся кубок, содержимое которого вылилось на пол, а затем испарилось.

– Я сильна! Всеми силами я буду противиться обольщениям крови, которой ты наполнил мои жилы, не паду и не запятнаю своего лилейного венка.

При виде упавшего кубка, гневное выражение пробежало по бронзовому лицу мага.

Альмерис же обернулась к Ричарду, на лице которого отражалось переживаемое им волнение, и сказала:

– Не печалься, мой возлюбленный! Пойми, что я не могу быть для тебя ничем другим, как дорогим воспоминанием!

Пока она это говорила, Аменхотеп достал из углубления треножник с угольями. Один повелительный жест – и уголья вспыхнули. Взяв одну из амфор, он вылил часть её содержимого на треножник, где вспыхнуло синее пламя, а другую часть выплеснул на Альмерис. Та испустила раздирающий крик, стала быстро бледнеть, таять и, наконец, расплылась в яркий золотистый огонек.

– Упрямая! Витай здесь, как блуждающий огонек, пока одевающее тебя пламя не будет поглощено пламенем любви и пока ты не окунешься в кубок, который я поставил здесь и не станешь той женщиной-духом, какой я тебя сделал!

Ему ответил слабый, чуть слышный, голос:

– Я стану молиться, и, несмотря на свое невежество, буду непобедимее, чем ты во всеоружии твоего знания, так как божественный огонь, который во мне, – повинуетя высшим и более могущественным законам.

Ричард с немим ужасом смотрел на мага, но тот, казалось, не замечал этого.

– Идем! – сказал он. – Тебе пора вернуться к себе, а мне нужно работать. Помни: только те должны бояться меня, кто изменяет моему доверию. Я наказываю и награждаю всякого по его заслугам.

Ричард ничего не ответил. На сердце у него было тяжело, горло было сдавлено. Они молча вышли из подземелья. Несколько минут спустя, Ричард вернулся в свою комнату и к глубокому своему удивлению застал там профессора.

– Наконец-то вы явились, Бэр! Где вы пропадали все это время? – спросил барон, пожимая руку своему приятелю.

– Где же я мог быть, кроме этой проклятой мышеловки? Что же касается времени, то один только черт знает, сколько его прошло с тех пор, как мы находимся здесь! – ответил профессор, видимо, бывший не в духе.

– Я тоже признаюсь, что гораздо благоразумней было бы оставаться в Александрии, чем пускаться на такое невероятное приключение, – вздохнул Ричард. – Но дело сделано, и его уж не поправишь. Расскажите-ка лучше, где вы были и что узнали? Я сегодня проходил через музей, который заставил бы археологов подпрыгнуть, если бы они только его увидели.

– О! Я тоже видел много интересных вещей, не будучи в состоянии насладиться ими, так как здесь царит следующий принцип разумной экономии: показать прекрасное жаркое, дать вам его понюхать, но не позволить его есть.

– Кто же заставил вас терпеть такие танталовы муки? – со смехом спросил Леербах.

– Ваш милый Аменхотеп и его друг, с которым он познакомил меня, чтобы тот научил меня древнеегипетскому языку. Но я не мог сойтись с этим господином. В его глазах светилась такая дерзкая насмешка, что... что... у меня чесались руки, и я просил Аменхотепа, чтобы он дал мне прочесть что-нибудь, что могло бы быть полезным для моей будущей книги. Он согласился. В то же время он спросил, достаточно ли я знаком с иероглифическими знаками, чтобы разбирать такие древние документы? Я ответил, что более тридцати лет изучаю иероглифы и считаю себя способным разобрать какую угодно надпись. – «В таком случае возьмите! Вы найдете здесь историю Египта с самого его основания, а также историю революции в Индии, вызвавшей эмиграцию». Я поблагодарил его и принялся за работу. Вы поймете, Леербах, мое любопытство узнать новые данные относительно первых лет

человечества, но поймите же мое разочарование и мой гнев, когда я увидел, что не в состоянии разобрать ни одного слова! – закончил профессор, яростно бросаясь на кровать.

Ричард глубоко вздохнул. Он понимал досаду приятеля. Лербах сам чувствовал себя сбитым с толку в этом странном и аномальном мире.

Снова прошло некоторое время, продолжительность которого Ричард не мог определить, но которое он счел за несколько дней. Профессор исчез; Эриксо он не видел так же, как и Альмерис. Мрачная тоска овладела бароном. Поэтому он был очень доволен, когда серебристый и дрожащий звон уведомил его, что его ждет Аменхотеп. Маг был важен, сосредоточен и одет наряднее обыкновенного. На груди у него был нагрудник, украшенный драгоценными камнями, а на лбу, посредине золотого треугольника, сверкал бриллиантовый глаз.

– Я позвал тебя, чтобы ты был свидетелем моего брака с Эриксо, – сказал Аменхотеп.

Заметив, что Ричард вздрогнул и с удивлением, недоверчиво, смотрит на него, он прибавил:

– Я хочу отдохнуть от моего векового труда и желаю иметь сына, который был бы достойным меня учеником и наследником моего знания.

Не дожидаясь ответа, Аменхотеп вышел. Ричард последовал за ним, опустив голову. Он боялся мага и в глубине души в нем пробуждалось острое неприязненное к нему чувство.

Комната, в которую они пришли, была совершенно пуста, за исключением стоявшего посредине треножника. На стенах были нарисованы каббалистические знаки.

Почти в ту же минуту из противоположных дверей вошла Эриксо в сопровождении карлицы. На ней была надета длинная туника и покрывало из серебристой материи. Драгоценности невероятной цены украшали шею, пояс и руки молодой девушки. На золотистых волосах покоился венок из каких-то белых, с фосфоресцирующими пестиками, цветов.

Никогда ещё красота Эриксо не блистала так ярко; но на классических чертах лица ее, казалось, застыло выражение отчаяния. Глаза её были упорно опущены к земле.

Сердце Ричарда забилося. Очарование, какое производила на него Теа, снова овладело им, заставляя забыть Альмерис, и в сердце вспыхнула дикая ревность к Аменхотепу.

Даже не взглянув на него, Аменхотеп взял Эриксо за руку и подвел к треножнику. Затем он соединил её руку со своей над треножником, на котором тотчас же вспыхнуло пламя.

Эриксо вскрикнула и откинулась назад. На её пальце появилось кольцо, украшенное пурпурным камнем необыкновенного блеска.

– Я соединил тебя с собой огнем пространства! Берегись же нарушить закон, управляющий этой ужасной стихией, иначе ты будешь жестоко наказана! Что же касается тебя, – Аменхотеп повернулся и смерил Ричарда взглядом, – то, чтобы победить нечистое желание, какое внушало тебе добро твоего учителя, ступай к Альмерис, с которой ты связан магическим союзом брака. Если тебе удастся убедить её вернуться к тебе – вы выйдете отсюда богатыми и независимыми, чтобы долгие годы наслаждаться совершенной любовью. Ступай же, употреби свою власть и не смей показываться мне на глаза, пока твоя попытка не увенчается успехом.

Под повелительным взглядом мага Ричард вздрогнул и как автомат направился в ту комнату, где стояла закрытая статуя. Там он с минуту колебался, а затем также машинально нажал пружинку, открывшую в цоколе дверь, и спустился по лестнице.

Подземелье было освещено, но Ричард, казалось, не замечал этого. Как автомат подошел он к ложу, бессильно опустился на него и тотчас же впал в сон, похожий на смерть.

Проснувшись, он с ужасом увидел, где находится. Как попал он сюда – он не помнил, но что-то такое болезненное творилось в его мозгу. С тяжелым вздохом Ричард снова упал на ложе и сжал голову обеими руками, пытаясь привести в порядок свои мысли. Он не сошел с ума и не спал, а между тем все кругом него было похоже на странный кошмар. Да, это был именно тот грот, где маг вызвал Альмерис, а потом превратил её в пламя. Вон стоят шкафы с разноцветными амфорами, наполненными неизвестными жидкостями. Там стоит треножник с кубком, в который Альмерис должна была погрузиться, чтобы сделаться видимой и осязаемой. Ричард встал, подошел к треножнику и осмотрел удивительную жидкость. Затем сел снова на ложе. Ричард был грустен; он умирал от жажды и боялся до чего-либо дотронуться. Он был поглощен своими мыслями, как вдруг увидел на столе рядом с собой кубок вина и решил сделать несколько глотков: вино было прекрасное, какое он уже пивал у Аменхотепа. Он с наслаждением осушил половину кубка. Вдруг он вздрогнул: в глубине грота появился голубоватый, с золотистым отливом, огонек, который приближался к ложу и, наконец, остановился на краю кубка.

Ричард с любопытством смотрел на него и скоро разглядел посредине две темные точки, странно походившие на человеческие глаза.

– Альмерис, это ты? – тоскливо пробормотал Ричард.

Огонек задрожал, и затем, легкий, как веяние ветра, голос пробормотал:

– Да, это я! Я страшно страдаю!

– Зачем добровольно страдать? Ты можешь сделаться женщиной и быть счастливой.

– Я не могу сделаться женщиной, так как я только дух, который любит тебя, но только истинной, нематериальной любовью. То же, что «он» хочет нам дать – это не счастье, но падение и грех.

Неописуемое чувство овладело Ричардом.

Любовь, какую внушала ему Альмерис, казалось, с новой силой воскресла в нем, но в то же время к ней примешивалась неудержимая жажда свободы. Он не мог забыть слов мага, что если Альмерис сделается женщиной, то оба они покинут пирамиду.

Вскочив с ложа, Ричард протянул руки по направлению к огоньку.

– Что говоришь ты о грехе и о смерти, когда их больше не существует! – умолял он. – Аменхотеп вернул тебе жизнь и обещал нам счастье, любовь, независимость и свободу. Чего можешь ты ещё желать? Перед своей смертью ты сказала мне: «О! как тяжело умирать, когда жизнь так прекрасна!» Теперь же, когда между мной и тобой стоит только этот треножник – ты бежишь от меня и платишь за мою лю-

бовь холодными словами и общими рассуждениями. Наконец, я имею права на тебя!

И увлекаемый своим чувством, Ричард бросился вперед и попытался схватить руками огонек, который колебался и отступил назад.

Резким движением Леербах опрокинул треножник с кубком, причем жидкость разлилась, далеко раскинув огненные брызги, попавшие и на блуждающий огонек, который теперь был неподвижен, а затем, – стал бледнеть, расширяться и принял образ Альмерис, во всей её чистой и нежной красоте. Когда Ричард с радостным криком бросился к ней, она отступила назад, подняла руку, как бы желая остановить его, и грустным тоном сказала:

– Остановись и довольствуйся, повторяю, моей бессмертной любовью – чистым и святым огнем, который переживает смерть и не зависит от материи! Не давай ослеплять себя могущесвенным чарам недостойного, который, зная свет, пользуется тьмой для своих деяний. Наконец, наложи узду на свой эгоизм, которым ты можешь погубить весь мой труд очищения.

Ричард побледнел и опустил голову.

– Что будет с нами? – заметил он после минутного молчания. – Теперь ты живая женщина во плоти, надо же нам принять какое-нибудь решение.

Легкий шум заставил Ричарда обернуться, и он с удивлением увидел Аменхотепа. Лицо мага выражало глубокое удовольствие.

– Честь и слава твоей ловкости, Рамери! – с двусмысленной улыбкой сказал он. – Раз вы пришли к соглашению – я тоже сдержу свое обещание.

Громкий крик радости вырвался из груди Ричарда. Наконец-то он покинет эту ужасную пирамиду, в которой можно с ума сойти, будет снова дышать чистым воздухом полей, увидит людей и свою родину и снова погрузится в обыденную жизнь с её шумом и заботами, но также и с её свободой и оживлением. Ричард стремился как можно скорее выйти из этой призрачной жизни среди этих людей, не имеющих возраста, вечно окруженных удушливыми ароматами и погруженных в этот противный, однообразный свет, не напоминавший ни живительных лучей солнца, ни нежного света луны.

– О! Благодарю, Аменхотеп! – вскричал он, весь сияя. – Позволь нам скорее уйти; позволь мне отвезти жену к себе на родину, в жилище моих предков! Я глубоко благодарен тебе за твое гостеприимство, за чудеса, которые ты показал мне, и за драгоценный дар свободы, который ты мне делаешь.

Аменхотеп покачал головой.

– Ты просишь невозможного, Рамери! Ни один смертный, вошедший сюда живым, не выходил ещё из этих стен. Вернуться в свет с воспоминанием о том, что ты видел здесь, запрещено нашими законами. Но так как ты до такой степени жаждешь свежего воздуха и солнечного света, я дам их тебе и, согласно с моим обещанием, окружу тебя всевозможной роскошью и дам тебе все блага земные. Идем!

Аменхотеп схватил Ричарда за руку и повлек его. Тот вздрогнул от прикосновения тонкой, крепкой, как сталь и горячей, как огонь, руки и, опустив голову, последовал вместе с Альмерис за магом.

Они вошли в длинный, узкий и темный коридор, в конце которого, казалось, мерцал слабый свет.

Одежда мага флуоресцировала, и свет её указывал путь Ричарду, так как в этой подземной галерее можно было идти только по одному. Последней шла Альмерис и молча молилась.

Вдруг из одной темной ниши появилась тень. Она схватила руку Альмерис, и голос прошептал:

– Возьми этот сверток. То, что в нем, поставь на алтарь и зажги перед ним восковую свечу. Затем, вонзи себе в грудь священный нож – и ты сделаешься свободным духом и освободишься от тяготеющей над тобой плоти. Дымящееся твоей кровью лезвие воткни в землю.

Тень исчезла. Не помня себя от радости, Альмерис ускорила шаг и спрятала под покрывалом полученный ею длинный пакет.

Наконец, галерея, казавшаяся бесконечной, сделала поворот и через сотню шагов закончилась стеной. Аменхотеп открыл дверь – и струя чистого и свежего воздуха ударила Ричарду в лицо. Перед ним расстилалась освещенная луной пустыня.

Сделав несколько шагов, Ричард увидел, что они находятся у подножия большой пирамиды. Вдали высился гигантский силуэт Большого сфинкса. Нет, это был не сон! Он был свободен.

– О! Благодарю тебя, Аменхотеп, – сказал Ричард, простирая к нему руки. – Ты хотел только испугать меня. Благодарю, что ты вернул мне жизнь!

– Тише! Молчи! – повелительно сказал маг, идя большими шагами вперед.

Ричард, как очарованный, следовал за ним вместе с Альмерис.

Маг остановился и, подняв жезл, очертил в воздухе круг. Тотчас же из жезла появилась огненная змея и, obeжав воображаемый круг, вернулась к своей исходной точке. Тогда Аменхотеп поклонился на четыре стороны, произнося слова на неизвестном языке и ударяя в землю ногой.

Послышались раскаты глухого грома. Густой туман заволок все; из земли показались желтые огни, атмосферу наполнил удушливый аромат.

У Ричарда кружилась голова, и он опустился на землю. Вокруг него все дрожало и волновалось, а земля, казалось, распадалась на части. Ему слышалось журчание воды. Потом ему показалось, что он качается на волнах – и он потерял сознание.

Когда Ричард открыл глаза, он лежал на свежей и мягкой траве, у подножия большой смоковницы. В нескольких шагах от него, прислонясь к стволу пальмы, стояла Альмерис. Она была спокойна и с любовью и грустью смотрела на него.

Ричард вскочил на ноги, огляделся кругом, и онемел от удивления: он находился в обширном тенистом саду. По всем направлениям расходились аллеи, обрамленные кустами роз и жасмина и куртинами прекрасных цветов. Вдали виднелся мраморный бассейн, в котором била серебристая струя воды, а в конце широкой аллеи красовался дворец в арабском стиле, резной, как эмалированное кружево, и позолоченный, как игрушка.

На открытой галерее с тонкими колоннами стоял уже накрытый стол. Слуги в полосатых туниках уставляли его кушаньями и амфорами и украшали корзинами с цветами.

Ричард бегом направился к террасе, и Альмерис тихо последовала за ним. Он вбежал на террасу и, протирая глаза, стал осматривать окружающую его волшебную роскошь, любовался чудной сервировкой стола и ощупывал тяжелые пурпурные портьеры, расшитые золотом. Он помнил пустыню, бесплодный песок равнины, где стоял Мемфис, и луну, освещавшую сфинкса и пирамиду. Каким же чудом появились здесь этот очарованный сад и этот волшебный, с царской роскошью отделанный дворец? И все эти сокровища ему дает Аменхотеп!

Ричард весело обернулся к молодой женщине, привлек её в свои объятия и крепко поцеловал.

– Альмерис! Возлюбленная моя! Откажись от своих напрасных терзаний! Раз тебе вернули жизнь, будем жить и любить друг друга. Счастье слишком редкий гость, чтобы гнать его, когда оно является под наш кров.

Альмерис не сопротивлялась и поцеловала его. Легкая улыбка блуждала по её губам.

– Пусть будет так! – сказала она. – Я люблю тебя, и твое счастье дороже всего для меня. Только прежде, чем принадлежать тебе и начать новую жизнь, позволь мне помолиться в уединении! И ещё обещай мне...

– Все, что угодно! – ответил сияющий Ричард.

– Итак, обещай мне не дотрагиваться без меня до этих блюд, которые кажутся тебе такими прекрасными. Все это есть дело магии, пустой мираж, который можно уничтожить

дуновением. Очарованное жилище и эти сокровища искусства – все это отражение прошлого, оживленное могучей волей мага; слуги – это низшие духи, покорные голосу своего господина. Но вера и молитва сильнее всякой магии. Они будут руководить нами и укажут нам путь, по которому мы должны следовать. Моя же любовь защитит тебя от всякой опасности.

– Успокойся! Молись с миром, но только не очень долго, так как я умираю от голода и буду ждать тебя, – весело ответил Ричард.

Альмерис исчезла в комнате, смежной с террасой. Быстро сориентировавшись, она нашла уединенный кабинет. Войдя туда, она замкнула за собой дверь и, вынув пакет, развернула белое и тонкое, как батист, полотно. В пакете было металлическое распятие очень древней работы, небольшая лампада, пузырек с маслом, восковая свеча и кинжал с рукояткой слоновой кости, блестящее синее лезвие которого было покрыто магическими знаками.

Альмерис поставила распятие на стол, затеплила лампаду и свечу и преклонила колена.

– Господи Иисусе Христе, милосердный Спаситель! Уничтожь чары, созданные твоим недостойным служителем! – с благоговением прошептала она. – Он хочет загрязнить мою душу, низвести меня до земных страстей и лишить меня достоинства печати смерти, которую я получила.

По мере того, как она молилась, из распятия исходил ослепительный свет, точно серебристой и благоухающей волной окутавший молящуюся. Альмерис казалось, что страшная тяжесть, давившая ее, уменьшается с каждой минутой.

Полная признательности и радости, молодая женщина воздела сложенные руки.

– Отец мой Небесный! Если моя молитва достигла Твоего Престола, освободи мою душу, которую уже не соблазняют земные радости, и пусть кровь, которую я пролью, разрушит все чары магии и заставит вернуться во мрак низших духов, населяющих этот очарованный дворец.

Альмерис схватила нож и, устремив взгляд на распятие, из середины которого, казалось, исходил теперь ослепительный сноп лучей, вонзила его себе в сердце.

Из раны брызнул красноватый дым, и почти тотчас же грохот, похожий на удар грома, потряс землю до самого основания. Темные тучи, изборожденные молнией, быстро закружились и рассеялись по всем направлениям. Альмерис же поднялась на воздух и исчезла в лучах света.

Глава VI.

Ощущение холода и сырости привело Ричарда в себя, и он с удивлением увидел Эриксо, которая, стоя перед ним на коленях, вытирала ему лицо мокрым полотенцем.

– Скорей! Вставайте скорей! Нам надо бежать, а у нас в распоряжении всего только два часа времени, чтобы покинуть пирамиду, – отрывистым голосом говорила молодая девушка. Она была бледна, как смерть, глаза её пылали, а руки дрожали. За поясом у неё был заткнут таинственный нож, разрушивший чары.

Ричард инстинктивно чувствовал, что ему грозит какая-то опасность. Он встал, но голова его была так тяжела, а ноги

так слабы, что он прислонился к стене, пытаясь собраться с мыслями. Он помнил, что ходил по террасе арабского дворца, как вдруг раздался удар грома – и все кругом него исчезло.

Эриксо не дала ему времени долго раздумывать.

– Идите же! Или вы хотите навсегда остаться здесь пленником? – вскричала она, сильно трясая молодого человека за руку.

Слово «пленник» сразу вернуло Ричарду присутствие духа и энергию. Он быстро выпрямился и последовал за Эриксо. Через несколько минут он очутился в пустыне, недалеко от пирамиды, к которой его поспешно влекла его проводница.

– Что вы делаете? Нам нужно бежать в противоположную сторону! – вскричал Ричард.

– В эту сторону мы не можем бежать. Магический круг, в который заключил вас Аменхотеп, не разрушен. Нам нужно выйти тем путем, каким вы вошли сюда. И сделать это нужно раньше, чем настанет день, – ответила Эриксо, ускоряя шаги.

Когда они подошли к полуразрушенному входу в пирамиду, Эриксо вместе с Ричардом проскользнули туда. В одном из коридоров молодая девушка нажала пружину и открыла дверь, скрытую в стене. Освещая себе путь факелом, они спустились по бесконечной лестнице и через вторую дверь проникли в длинную, слабо освещенную галерею, с нишами по бокам. Ричард узнал эту галерею. Несколько минут спустя, они очутились в круглой зале, где он и его спутник сложили вещи, привезенные ими из Александрии для раскопок. Там ещё лежали в куче кирки, веревки и фонари, а рядом с ними, прислонясь к стене, стоял расстроенный Бэр.

– Что такое делается? Куда мы идем? Кто такая эта барышня, которая привела меня сюда и уверила, что мы выйдем из этой мышеловки? – вскричал профессор, подбегая к Ричарду.

Ричард хотел ответить, но нетерпеливая Эриксо на первом же слове лихорадочно перебила его.

– Вы поговорите после! Теперь же минуты дороги! – вскричала она, беря в углу шкатулку и пряча туда магический нож.

Затем она завернулась в темный плащ – и все двинулись в путь.

Лодка стояла на своем месте, и беглецы спустились в ней по каналу. Затем они прошли коридор и в небольшой зале увидели таинственного привратника, который сидел за столом и работал. Бэр и Ричард вздрогнули. Они думали, что все погибло, но Эриксо смело подошла к нему, прошептала несколько слов и показала кольцо, украшенное ослепительно блестящим камнем.

Страж молча встал. Они прошли сначала коридор, затем узкое отверстие открылось – и все трое очутились снаружи, близ памятника, стоявшего между лап сфинкса.

Перед ними расстилалась пустыня. Хотя была ещё ночь, но свежий ветер предвещал приближение утра.

– Наконец-то мы свободны! Но что мы будем теперь делать? – вскричал Ричард, полной грудью вдыхая свежий ночной воздух.

– Прежде всего, нам необходимо уйти отсюда и как можно скорей добраться до Александрии, – ответила Эриксо.

– Ты боишься, что Аменхотеп станет нас преследовать?

– Не сейчас! На него пал возвратный удар разрушенных чар и лишил его сознания. Но это бессилие быстро пройдет, и тогда я предпочла бы быть подальше от его рук!

Снова двинулись в путь. Но когда настал день, все трое почувствовали такое утомление, что должны были остановиться, чтобы хоть немного отдохнуть.

Сначала они молча лежали на земле, погруженные в свои мысли, но благодаря живости натуры, профессор скоро вернулся к практической деятельности.

– Послушайте, Леербах, и вы, любезная барышня – наша освободительница! Нам необходимо обсудить, как добраться до Александрии или хоть до Каира! – вскричал он, выпрямляясь. – Предприятие это нелегкое, во-первых, по причине наших костюмов, очень элегантных, конечно, для времен Амасиса, но слишком... воздушных для нашего времени. Кроме того, у меня нет ни гроша, и я полагаю, у вас не больше моего.

Тут в первый раз взглянул Ричард на свои плетеные сандалии, на свою примитивную тунику с короткими рукавами и несмотря на тяжелое положение, расхохотался. Одна Эриксо, с ног до головы закутанная в темный плащ, не выдавала своего костюма.

– Действительно, в таком костюме нас примут за сумасшедших и заберут. Относительно же денег я нахожусь в таком же положении, как и вы, и, право, не знаю, что нам делать! – полусмеясь, полузабоченно сказал Ричард.

– В денежном отношении я надеюсь вывести вас из затруднения, – с улыбкой заметила Эриксо. – Денег, правда, у меня нет, но есть несколько драгоценностей, которые я нарочно

захватила и которые должны представлять из себя довольно солидный капитал.

Эриксо откинула плащ. Из под него брызнул целый каскад разноцветных огней, окружавший её сверкающим ореолом и исходявший от обруча, украшавшего её лоб, от ожерелья в пять рядов, от пояса и браслетов. Ричард и профессор, как очарованные, смотрели на эти древние драгоценности, чудной работы, украшенные баснословной цены камнями.

– Но на вас надето, если не царское, то княжеское состояние! – вскричал профессор. – Что за жемчуг! А эти изумрудные подвески, в виде груши, украшающие диадему и ожерелье, – ведь им нет цены!

– Это мало утешает меня! Признаюсь, я рассчитывала продать эти драгоценности, чтобы мы могли одеться и уехать из Египта.

– Для этого вполне достаточно кольца или одного подвеска. В настоящую же минуту я советую убрать это сокровище в шкатулку подальше от нескромных глаз, – заметил Бэр.

– Пожалуй, вы правы! – ответила Эриксо.

Сняв с себя драгоценности, она уложила их в шкатулку. Кольцо с великолепным сапфиром она подала профессору.

– Этого будет достаточно?

– Без сомнения! Если вы доверите мне кольцо, а также одолжите ваш плащ, я берусь сходить в Каир: кольцо продам, а нам куплю платье, считая в том числе и меня, если только вы позволите мне быть временно вашим должником.

– Вы меня обижаете подобным вопросом. Мы будем обязаны вам за громадную услугу, которую вы нам окажете. Только где

же нам дожидаться вашего возвращения? Здесь, во рву, не особенно-то удобно.

– Досадно, что наши проводники исчезли с палаткой и со всеми припасами! – заметил Ричард, с глубоким вздохом.

– Они не могли нас дождаться! Я полагаю, что мы провели не менее двух недель в этой проклятой пирамиде. Но вот что я вам предложу: в прошлом году я принимал участие в производившихся здесь раскопках, и по этому случаю часто заходил в лачугу одного старика-феллаха, которая недалеко отсюда. По моей просьбе, старый Селим приютит вас до моего возвращения, и никто не увидит ни вас, ни драгоценной шкапулки.

Предложение было единодушно принято, и несколько часов спустя Ричард и Эриксо устроились в убогой хижине старика. Селим же отправился вместе с профессором в Каир, чтобы помочь нести оттуда покупки.

Когда профессор и феллах ушли, Ричард хотел было обсудить с Эриксо их будущую судьбу, но она была так утомлена и расстроена, что он счел необходимым дать ей немного отдохнуть и посоветовал уснуть, чтобы быть в состоянии продолжать путь, когда вернется Бэр.

– Нам ведь надо торопиться, так как, может быть, Аменхотеп уже пришел в себя, – прибавил он.

– Ну, нет! Обрушившийся на него удар так силен, что ему понадобится ещё много времени, чтобы совсем оправиться. Впрочем, дело не в том. Меня пугает его близость, и я хочу как можно скорее уехать, – ответила Эриксо, ложась на охапку лежавшей на полу травы и закрывая глаза.

Леербах скоро заснул, но Эриксо была слишком взволнована, чтобы спать. Ураган мыслей бушевал в её голове. Что ждет её впереди? Что будет с ней, – одинокой на белом свете, без имени, без законного положения? Ричард, по-видимому, её любит, то есть, вернее, он любил Теа; но Теа умерла. Да и могла ли она верить любви человека, которому достаточно было нескольких месяцев, чтобы забыть её и жениться на другой. А эта, другая, была Нуита, которую он всегда предпочитал ей! Нуита же, ставши Альмерис, не пожелала его и предпочла небесное блаженство скоропреходящим радостям земным.

Даже если она выйдет замуж за Ричарда, счастье её отравлено. Как черная и грозная туча стоял на её жизненном пути ужасный Аменхотеп. Она слишком хорошо знала его, его страсть и ревность, и понимала, что он явится снова и постарается овладеть ею. О! Как она ненавидела этого колдуна, сделавшего из неё свою рабу и своим знанием тайных сил природы бесконечно продолжавшего их жизнь!

В эту минуту она страстно жаждала смерти, как освобождения. А он – этот ненавистный ей человек – хотел ещё сделать её своей женой, чтобы иметь от неё наследника своего преступного и тиранического знания! Эта мысль вселяла в неё ужас и отвращение.

Нет, этого никогда не будет. Она всегда боролась со своим господином; и она, слабая и невежественная пылинка, по сравнению с ним, победила. Теперь она снова ускользнула от него почти в ту самую минуту, когда он хотел сделать её своей женой. Она видела приготовленный ей кубок, содержимое которого должно было навсегда связать ее, внушив ей страсть к Аменхотепу.

Но недаром же она была ученицей мага. Недаром она изучала, шпионила и высмотрела не одну из его тайн. Часть магического ритуала была ей известна; она знала, какие средства употреблял он для воспроизведения или уничтожения своих эфемерных созданий и для вызывания из пространства существ, которыми он населял свои творения. Ей удалось даже пробраться в самое тайное святилище Аменхотепа и захватить с жертвенника священный нож и кольцо мага. Эриксо знала, что никто, кроме Аменхотепа, не прикасался к этим вещам, и что пока она владеет ими, она достаточно вооружена против своего повелителя. Но, несмотря на такое убеждение, её давило чувство ужасного одиночества и сознание своей беспомощности. Закрыв лицо руками, Эриксо горько зарыдала. Истощение, однако, взяло свое; поплакав вдоволь, она забылась и крепко заснула.

К вечеру следующего дня прибыл Бэр. Он был изящно одет и находился в самом лучшем расположении духа. С собой он привез пакет с полными костюмами для Ричарда и Эриксо, которые проснулись незадолго до возвращения профессора. Прибытие Бэра развлекло, а его юмористический рассказ о путешествии окончательно развеселил их.

Час спустя все уже превратились в европейцев. Простое черное платье и маленькая соломенная шляпка великолепно шли Эриксо. Но, несмотря на безукоризненно изящный костюм, вся фигура Эриксо дышала чем-то странным и экзотическим, что привлекало к ней внимание путешественников как в Каире, так и в поезде, который увозил их в Александрию.

Леербак и профессор тревожились относительно своих дел, и были крайне поражены, когда ещё в Каире узнали, что их отсутствие продолжалось шесть месяцев, а не две недели,

как они предполагали. Действительно, в фантастических подземельях пирамиды времени, казалось, не существовало, но в реальном мире их, без сомнения, могли счесть погибшими, а такое убеждение влекло за собой весьма нежелательные последствия для их личных дел.

Однако все обошлось гораздо лучше, чем они ожидали. Флегматичная вдова, заведывавшая хозяйством профессора, слишком привыкла к эксцентричным выходкам Бэра, чтобы тревожиться его отсутствием, и спокойно ожидала его возвращения; верный же Фридрих решил в течение года хранить неприкосновенной комнату, которую занимал его господин. С этой целью он воспользовался значительной суммой, полученной из Германии, которую барон разрешил ему расходовать в свое отсутствие.

Итак, Ричард нашел все в том же виде, в каком оставил. Увидев на столе таинственное пресс-папье, Эриксо вздрогнула и, указывая на него, заметила тихим голосом:

– Вот копия того сфинкса, который ты некогда изваял! Здесь, в цоколе, должна лежать рука Валерии, сохранившаяся, как живая, так как, отрезав ее, Аменхотеп пропитал её веществом, сохраняющим всякому телу жизненный вид.

Эриксо приблизилась и хотела привести в действие пружину, но Ричард остановил ее.

– Оставим в покое прошлое, Эриксо! Теперь нам надо подумать о будущем и принять какое-нибудь решение, что я и рассчитываю обсудить, как только мы немного оправимся и нравственно, и физически.

Вечером пришел Бэр, и все трое пили чай в комнате Эриксо. Профессор чувствовал себя прекрасно, ел и пил за двоих, шутил и посмеивался над их экспедицией.

– В этой пирамиде мы были похожи на калифа и его визиря, которых волшебник превратил в аистов, – со смехом повторял он. – Одно, что мне хотелось бы знать, это – почему Эриксо, сумевшая вывести нас, сама оставалась там?

Горькая усмешка скользнула по лицу молодой девушки.

– Куда же могла бы я деться – одна, без законного общественного положения? – ответила она. – Впрочем, вся моя жизнь так необыкновенна, и вы ведь сочли бы меня за сумасшедшую, если бы я сказала вам, что жила ещё во времена Амасиса, что я спала целые века и проснулась в Александрии во времена римского владычества и что в настоящее время я нахожусь все в том же нетленном теле?

Бэр, слушавший с видимым волнением, нервно поправил очки.

– Шесть месяцев тому назад я, безусловно, считал бы необходимым посадить вас в дом сумасшедших. Теперь же, после моего пребывания в пирамиде, я не смею ничего ни отрицать, ни утверждать.

Дня два спустя, в послеобеденный час, Ричард и Эриксо были одни; барон ходил по комнате, в нервном волнении, и останавливался, наконец, перед молодой девушкой, задумчиво сидевшей на диване.

Как она была похожа на Теа и вместе с тем это была совсем другая женщина, гораздо красивее и очаровательнее.

На девственном челе Эриксо лежала печать пережитых веков. Но кто бы ни была она, Теа или Эриксо, её вид производил на него удивительно чарующее впечатление.

Сев рядом с ней, Ричард крепко пожал ей руку и сказал:

– Эриксо! Нам необходимо объясниться и принять какое-нибудь решение. Молодая и красивая, – ты не можешь жить одна; я же не могу быть твоим законным покровителем, если ты не будешь моей женой. Ты знаешь, что я люблю тебя, как любил Теа, и что мое самое горячее желание – жениться на тебе, если...

Она резко вырвала у него свою руку.

– К кому же относится твоя непостоянная любовь: к графине Теа, которую ты так скоро забыл для дочери трактирщика, или к Эриксо, которую ты дважды принес к жертву – Нуите и Валерии? – с горькой усмешкой прибавила она.

Странное чувство двойственности пробудилось в сердце Эриксо. Ревность и глубокая обида, нанесенная Теа, боролись в ней с дикой и упорной любовью, какую греческая рабыня питала к молодому скульптору, внушившему ей к себе соба-чью привязанность, заставляя вымаливать свою любовь и переносить дурное обращение.

Ричард побледнел. Воцарилось молчание.

– Твой упрек заслужен, хотя и несправедлив, – сказал он, хмурия брови. – Ты забываешь, что Рамери любил Нуиту ещё тогда, когда и не подозревал о существовании Эриксо, которая, однако, самовольно вмешалась в мою жизнь, изменила течение моей судьбы и необдуманно затронула великие оккультные силы, которые поражают нас и до сего времени. Поэтому вполне естественно, что моя любовь снова проснулась, когда я встретил, хоть и под иной оболочкой, ту, которая первая овладела моим сердцем. Ты же, Эриксо, всегда производила на меня глубокое впечатление своей красотой и своим умом. Я ценил твою любовь ко мне и, со своей стороны, искренно люблю тебя, как любил Теа. Теперь я скажу тебе то,

что предполагал сказать Теа. Да, я любил Альмерис и женился на ней, чтобы осветить последней радостью умирающий цветок. Смерть порвала узы, связывавшие нас, и она сама предпочла свободу пространства жизни со мной. Итак, я вправе предложить тебе мою любовь и мое имя, если только ты пожелаешь принять их.

– О! Если бы я могла изгнать вас, адские воспоминания! – прошептала Эриксо, сжимая голову обеими руками.

Ему стало глубоко жаль ее. Ричард с любовью привлек её к себе и поцеловал.

– Бедная моя! Забудь же прошлое и старайся найти счастье в настоящем.

Эриксо безмолвно прижалась головой к его груди. С минуту оба молчали. Затем Эриксо выпрямилась. Слезы блестели у неё на глазах, но на лице играла счастливая улыбка.

– Ты прав, Рамери! К чему отравлять настоящее воспоминаниями о прошлом? Допустим теперь, что я соглашусь быть твоей женой, кого же поведешь ты к алтарю? Ведь у Эриксо нет имени; она вышла из пирамиды, постарев на тысячи лет. У неё нет ни семьи, ни родных, ни законных бумаг. Как помочь всему этому?

– О! Это сделать очень легко. Я уже говорил об этом с Бэром, и мы решили, что он удочерит тебя. Этого вполне достаточно, чтобы создать тебе законное положение. Другой вопрос беспокоит меня.

Ричард на минуту задумался.

– Ведь ты жена Аменхотепа?

Эриксо отрицательно покачала головой.

– Он связал меня с собой огнем пространства, но я никогда не принадлежала ему. Он дожидался благоприятного созвездия, чтобы вступить со мной в брак, но я вовремя бежала.

– В таком случае, нам остается только возблагодарить Господа и быть счастливыми! – радостно сказал Ричард. – Но успокойся же ты, маленькая ревнивица: Альмерис не опасная соперница.

Эриксо вздохнула и покачала головой.

– Я не ревную, Рамери, но так же, как и ты, боюсь Аменхотепа. Тот факт, что я не принадлежала ему, не достаточен, чтобы успокоить меня. Вспомни, как он нашел мой дух в новой телесной оболочке, вырвал его из молодого, полного жизни организма, и заставил вернуться в это тело, которое считает свои лета сотнями и которому только его знание и не дает обратиться в прах. Рано или поздно Аменхотеп найдет меня и разрушит наше счастье, так как он связал меня с собой страшной стихией. На моем пальце магическое кольцо и я не могу снять его: оно точно приросло к моей руке.

– Проклятый колдун! Он слишком долго ускользал от властей. Но я выдам эту разбойничью шайку, и как бы хорошо ни было скрыто их убежище, его найдут! – вне себя вскричал Ричард.

– Ради Бога, оставь и не бросай вызова людям, живущим в пирамиде! – с дрожью в голосе пробормотала Эриксо. – Аменхотеп ведь не один. В подземелье я видела собрание двенадцати магов. Кроме того, у них есть ученики, число которых мне неизвестно. Не навлекай же на себя их мщение. Пока я обладаю магическим ножом – сам Аменхотеп бессилен против меня. Я же постараюсь сохранить это сокровище!

Ричард опустил голову. Эриксо была права. На что мог он рассчитывать со своими обыкновенными человеческими средствами против мага, обладающего почти неограниченным могуществом и для которого не существует ни времени, ни пространства? Каково будет его мщение тому, кто осмелится похитить у него любимую женщину? Ричарда охватил ужас. Но эта слабость была непродолжительна, и он снова решительно поднял голову.

– Господь поможет нам! – энергично сказал он. – Как бы ни был велик и могуществен Аменхотеп – Господь всемогущ.

– Да будет по-твоему, и да благословит Господь нашу любовь и наш союз, – с волнением ответила Эриксо.

Затем, они обсудили подробности их отъезда и будущей свадьбы. Решено было, что они уедут из Александрии в Бриндизи через три дня и что свадьба должна будет состояться в Европе.

Бэр, очень серьезно отнесшийся к своей роли приемного отца, ехал вместе с ними. Накануне их отъезда, Ричард, ездивший за покупками, встретился с Майделем. Трактирщик очень изменился и постарел. Он очень обрадовался барону и рассказал, что выгодно продал свое заведение и теперь переехал в Александрию, где окончательно и устроился, добавив, что Фивы опротивели ему после непонятного происшествия на могиле Альмерис.

– А что же случилось?

– Пять месяцев тому назад раскололся надгробный памятник.

– Пожалуйста, расскажите мне все подробности, – сказал, бледнея, Ричард.

Тут ему вспомнилась сцена; когда Аменхотеп вызывал дух Альмерис, и молния расколола надгробный камень.

– Пойдемте ко мне, и вы узнаете все подробности от очевидца, – ответил Майдель. – Вы помните, конечно, старого Себастьяна, кладбищенского сторожа. Он присутствовал при этом событии, и это до такой степени поразило его, что он передал свое место племяннику, а сам переезжает со мной сюда.

Взволнованный Леербах пожелал тотчас же идти к своему тестю, который жил в предместье. Туснельда и Дора встретили его с распростертыми объятиями. Обе они сильно постарели. Видно было, что смерть обожаемой Альмерис окончательно убила их.

Старик Себастьян работал в саду и тотчас же явился на зов Майделя; но видно было, что ему неприятно вспоминать это загадочное происшествие.

Наконец, видя волнение Ричарда, он рассказал, что видел.

– Я понимаю, насколько вас это интересует, господин барон; но клянусь, что при одном воспоминании об этой истории у меня дрожь пробегает по телу и что я хотел бы забыть про нее, – сказал он. – Итак, вот что мне довелось видеть месяцев пять тому назад:

У меня днем было много работы, а так как к следующему утру нужно было привести в порядок могилу англичанина, которая неподалеку от могилы вашей супруги, то я и отправился туда вечером. Луна светила ярко, и работать можно было почти как днем. Я несколько запоздал, а работу непременно надо было окончить, так как вдова англичанина, хотя и известила, что приедет дня через два, но могла приехать и раньше.

Кончил я и посыпал песком дорожку, как вдруг услышал за собой свист ветра и треск, словно бы дерево горело.

Я обернулся и замер. Над могилой баронессы реяла большая, черная, как чернила, туча, испещренная точно искрами. Из этой тучи поднимался клуб желтоватого дыма. Не успел я сообразить, что бы это такое могло быть, как вдруг разразился страшный удар грома, и огненная молния ударила в могилу. Голова у меня закружилась, а сильный порыв ветра меня повалил. Когда я встал, в ушах у меня шумело, я ничего уже не видел, и в ужасе убежал, думая, что разыграется страшная гроза. Однако ничего не случилось: небо было чисто, воздух спокоен и тепел, так что положительно ничего нельзя было понять.

Племянник мой, Грегуар, тоже слышал раскат грома, но объяснил его выстрелом из пистолета какого-нибудь туриста. Я же могу поклясться, что это гром был настоящий. Когда мы утром пришли на кладбище, то увидели, что мраморная плита на могиле вашей супруги расколота и даже повреждена рука статуи ангела, а все остальные могилы целы.

Подивились мы все, а вдова англичанина так даже предположила, что мраморная плита раскололась вследствие газов, образовавшихся от разложения тела, но я считаю это вздором. Разумеется, без дьявола тут не обошлось, только как он посмел коснуться могилы нашей святой госпожи Альмерис – непонятно!

И старик перекрестился.

Рассказ этот страшно взволновал Ричарда. Простившись с семьей Майделя, он, чтобы не огорчать их известием о своей женитьбе, объявил, что уезжает в тот же день, но обещал писать и навестить в будущем году могилу Альмерис.

Когда Ричард вернулся в гостиницу, Бэр сидел у Эриксо. Он рассказал им все, что слышал, но Эриксо, казалось, нисколько не была удивлена, зато профессор забегал по комнате, как лев в клетке, трепля, то свою длинную бороду, то ероша седые волосы. Наконец, остановился, и полусмеясь, полусердито сказал:

– Я потерял всякое право удивляться и сомневаться в чем бы то ни было. Все возможно! Возможно даже и то, что луна спустится к нам на стол и будет нам служить пресс-папье. Баста!

На следующий день, на заре, пароход выходил из Александрийской гавани. Стоя на палубе, Эриксо задумчиво смотрела на исчезающую вдали древнюю землю пирамид. Будет ли преследовать её та же роковая судьба и на берегах Рейна, какая преследовала на берегах Нила?

Глава VII.

Недели три спустя, наши путешественники прибыли в Кельн и временно остановились в отеле. А на следующий день Ричард уже отправился на поиски подходящей дачи, которая, по желанию Эриксо, должна была быть поблизости от замка Кронбург.

Со времени прибытия в Европу в Эриксо произошла странная перемена. Все её прошлое точно отошло назад и побледнело, ею все более и настойчивее овладевали воспоминания и впечатления, относившиеся к её жизни как Теа. Естественным последствием этого нового состояния души Эриксо была проснувшаяся любовь к отцу и страстное желание снова увидеть те места, где она была так счастлива.

У Ричарда и профессора было много дел по выполнению различных формальностей, а барон, кроме того, хотел сделать к свадьбе некоторые переделки в замке, и потому решено было, что Эриксо проведет это время где-нибудь вблизи замка графа.

Случай благоприятствовал их желанию: почти на самой границе Кронбургского парка сдавалась скромная, но комфортабельно обставленная дачка, и барон поспешил её снять. На следующий день вечером, в закрытой карете, прибыла и Эриксо.

Когда две недели спустя, барон и Бэр вернулись на виллу, они нашли Эриксо расстроенной. На их расспросы она рассказала, что боялась выйти из дома и всячески избегала встреч со слугами, чтобы не привлечь на себя внимание сходством с Теа. Раз два она видела проходившего мимо графа. Он сильно изменился, постарел и казался мрачен.

Раз она чуть было не сбежала с балкона и не бросилась ему на шею. Однако, рассудок вовремя остановил ее. Сердце её обливалось кровью, а желание побывать в замке, снова повидать отца и все дорогие знакомые места мучило её и терзало почти столько же, сколько и вечная боязнь Аменхотепа.

– Бедная моя! – сказал Ричард, нежно целуя влажную от слез щечку Эриксо. – Чтобы избавить тебя, по крайней мере, от этого горя и вернуть в объятия отца, я рискну на отчаянную попытку: я пойду к графу и открою ему всю правду.

– А он сочтет тебя за сумасшедшего, а меня за бесстыдную искательницу приключений, – заметила Эриксо, улыбаясь сквозь слезы.

– Возможно, и даже очень вероятно! Но все равно, рискнем! В сущности, у нас есть хотя и странные, но убедительные до-

казательства в воспоминаниях, какие могла иметь только одна Теа. Кроме того, ты настолько богата, что всякая мысль о шантаже и о денежном интересе исчезает сама собой. Затем, профессор Бэр такой достойный доверия свидетель, что им нельзя пренебрегать.

Эриксо провела бессонную ночь. Недоверие к исходу смелой попытки Леербаха усугублялось неопределенным, неизменным страхом, какой внушал ей её преследователь. Слух её был болезненно настроен, и она вздрагивала при малейшем шуме, ожидая каждую минуту, что вот-вот появится Аменхотеп, – для которого здесь не существовало ни стен, ни расстояния, – и уничтожит её или обратно вернет к себе. Одна мысль о возвращении в пирамиду приводила её в ужас. После того, как в течение нескольких недель она дышала чистым воздухом, чувствовала живительную теплоту и свет солнца и видела вокруг себя жизнь и движение, ей казалось уже невозможным снова выносить теплую, вечно однообразную атмосферу и голубоватый, монотонный свет, не похожий ни на день, ни на ночь. Нет, смерть в тысячу раз лучше такого существования.

Решив осуществить попытку, Леербах на следующий же день отправился в замок Кронбург и послал графу свою карточку. Лакей тотчас вернулся и попросил барона следовать за собой. Ричард вошел в кабинет.

Граф сидел за письменным столом, на котором лежала открытая книга. При входе Леербаха он быстро встал и протянул ему обе руки.

– Добро пожаловать, мой дорогой, хотя та, за которой вы явились, и умерла, пока я торговался о её счастье!

Граф умолк, смахнул рукой набежавшую слезу. Указывая затем Ричарду на стул, он прибавил:

– Я телеграфировал вам в Александрию о смерти Теа, но мне ответили, что вы уехали несколько недель тому назад и что никто не знает, где вы и что с вами. Давно ли вы вернулись? Там или только здесь вы узнали о нашем несчастье?

– Я знал все ещё раньше, чем ваша телеграмма пришла в Александрию. Теа умерла не от болезни, а пала жертвой оккультного убийства, свидетелем которого я был сам, – с глубоким вздохом сказал Ричард.

Граф удивленно и недоумевающе взглянул на него.

– Я явился сюда, – продолжал Ричард, – чтобы передать вам самые необычайные вещи, и прошу вас внимательно меня выслушать. Может быть, вы примете меня за сумасшедшего. Между тем это правда.

– Говорите! Обещаю вам, что буду слушать вас с напряженным вниманием, – сказал граф, ещё с большим удивлением и любопытством.

Ричард начал свой рассказ, и когда дошел до своего брака с Альмерис, граф вспыхнул и, вскочив с кресла, с гневом вскричал:

– Как, в ту самую минуту, когда я отдавал вам руку моей дочери, вы избрали себе в жены дочь трактирщика? Теа вероятно узнала о вашей измене, и огорчение причинило ей разрыв сердца.

– Успокойтесь, граф! Вы ошибаетесь, – Теа ничего не знала. Из дальнейшего рассказа вы поймете, что моя любовь к Альмерис, так же как любовь графини ко мне, имела свое основание в отдаленном прошлом. Что же касается моей женить-

бы на Альмерис, то это была последняя радость, которой я хотел озарить угасавшую молодую жизнь, так как мне, как врачу, было известно, что часы её были сочтены. После смерти Альмерис я хотел приехать признаться во всем Теа и предоставить ей самой решить: может она меня простить или нет? Теперь я снова перехожу к моему рассказу.

Граф сделал знак согласия и молча опустил в свое кресло. Но когда Ричард дошел до истории находки в цоколе сфинкса, до писавшего призрака и, наконец, экспедиции, предпринятой бароном и Бэром, лицо старика приняло выражение жалости и участия, а глаза его ясно говорили, что он сомневается в здравом уме Леербаха.

Закончил он свой рассказ следующими словами: «Душа Теа обитает теперь в теле Эриксо, но её любовь к вам осталась такой же. Она страшно страдает. Чтобы попытаться вернуть ей отца, а вам утраченную дочь, я и явился к вам».

Граф покачал головой, и улыбка сожаления скользнула по его губам.

– Бедный друг мой! Вы больны. Горе и африканское солнце вызвали у вас галлюцинации и расстроили вашу нервную систему. Вы, по-видимому, даже и не понимаете всей несообразности фактов, которые вы мне передавали. Меня удивляет только, что профессор Бэр, о котором я так много слышал как о серьезном ученом, и которого вы называете своим другом, подтверждает подобные глупости вместо того, чтобы стараться разубедить вас. Правда, в вашем рассказе есть несколько правдивых подробностей о смерти Теа. Она умерла ночью, рубашка её была разорвана, но никто не видал у неё на сердце магического знака, который, как вы уверяете, вы видели сами. Что же касается пресловутой Эриксо, в которой якобы обитает душа моей дочери, то я предполагаю, что эта

ловкая особа злоупотребляет вашей доверчивостью, чтобы попытаться шантажировать меня. К счастью, я нахожусь в здравом рассудке и меня-то трудно будет убедить в тождестве Эриксо с Теа.

Ричард улыбнулся.

– Все, что вы говорите, справедливо с обыкновенной точки зрения, за исключением того, что Эриксо имеет в виду шантаж: она слишком богата. Если бы вы пошли со мной и сами взглянули на это дивное создание – убеждения ваши сильно бы поколебались.

– Нет, нет! Эта особа, конечно, очень похожа на Теа, и её вид только растравил бы мои раны, – сказал граф. Но быстро сдержав себя, он встал с кресла.

– Хорошо! Я пойду с вами и возьму с собой Немврода, любимую собаку покойной дочери. Немврод был привязан к Теа, и я посмотрю, почует ли он в Эриксо свою хозяйку.

– Вы требуете уж слишком многого от собаки, которая может чувствовать только эманацию тела. Но все равно! Сделаем попытку и посмотрим, не восторжествует ли ещё раз инстинкт над рассудком?

И Ричард погладил голову собаки, которая смотрела на него своими умными и грустными глазами.

Молча прошли они через парк и направились по аллее, которая вела к даче. Едва вошли они в калитку сада, как Немврод, шедший до этого времени рядом с хозяином, опустив голову, стал вдруг выказывать признаки нетерпения, а затем, как стрела, с радостным визгом помчался к террасе и стал прыгать вокруг и лизать руки и даже щеки сидевшей там женщины, которая встала при приближении графа.

– Видите? Собака разрешила возложенную вами на неё задачу, – серьезным тоном заметил Ричард. – её инстинкт указал ей в этом теле, которого она никогда не видела, знакомый и дорогой ей дух. Ну, а вы все ещё сомневаетесь?

Граф ничего не ответил. Он стоял бледный, как смерть, у подножия террасы: поразительное сходство Эриксо с Теа ошеломило его.

Те же классические черты, те же роскошные золотистые волосы и тот же ослепительный цвет лица, но рост был меньше, а вся фигура тоньше и нежнее. Лицу недоставало свежего румянца, а маленькому рту счастливого и беззаботного выражения. В её больших, печальных и строгих глазах читалась тайна её жизни. Одним словом, это была и Теа, и не она.

Взволнованная Эриксо тоже боязливо смотрела на графа. А вдруг он не захочет признать ее? Как волна пронеслось в её уме сознание, что она, Эриксо – рабыня мага, что это самое тело видело Мемфис во времена его величия и что те же самые глаза, смотрящие теперь на Кронбурга, видели Амасиса. Она чувствовала, что слабеет. Протянув руки к графу, она пробормотала едва слышно:

– Отец! Это я!

Граф отступил шаг назад и сделал жест, как бы отстраняя ее.

– Докажи!.. Докажи... что ты моя дочь! – отрывисто крикнул он.

Эриксо побледнела и бессильно опустила руки. Дикая гордость пробудилась в ней. Доказать свое тождество? Но как и зачем? Она не претендовала на наследство, не требовала никаких прав.

– К чему доказательства там, где сердце и голос крови молчат, – с презрением ответила она и выбежала из комнаты в сопровождении не покидавшего её Немврода.

Граф зашатался, схватил голову обеими руками и упал бы на землю, если бы Бэр и барон не поддержали его.

– О! Я схожу с ума! Это её голос, но более глубокий и звучный! – говорил он, пока его усаживали в кресло.

Ричард побежал за вином. Когда граф успокоился и немного пришел в себя от волнения, Леербрах представил ему профессора. Жизнерадостный Бэр, в свою очередь, рассказал про невероятное приключение, в которое бросился очертя голову, думая предпринять простое научное исследование, обоснованное на таком любопытном документе, как план подземелий пирамиды.

– Клянусь вам, граф, что до той поры всю свою жизнь я был позитивистом и ярым служителем науки. И пока не попал в этот невероятный мир и не познакомился с этим демоном Аменхотепом, я не верил ни в Бога, ни в черта, – весело закончил он.

– И вы серьезно убеждены, профессор, что человеческое существо может жить несколько тысячелетий и что один и тот же дух может воодушевлять два тела? – спросил граф гораздо менее скептически, чем прежде.

– Я не могу утверждать того, что Эриксо жила во времена Амасиса, так как сам не жила при нем. Она таинственно явилась ко мне только в пирамиде – откуда? – я не знаю. По уверению Леербаха, это живой образ вашей дочери. Что он мне рассказывал ещё в пирамиде все подробности убийства графини – в этом я могу вам поклясться. Из пирамиды нас вывела та же Эриксо. Драгоценности, которые она унесла, пред-

ставляют по своей стоимости колоссальное состояние. Пойдемте! Я покажу их вам. Стоит вам только взглянуть на них – и вы тотчас убедитесь, что они относятся к глубокой древности.

Граф, как во сне, последовал за профессором, который провел его в запертую на ключ дверь. В комнате стоял большой несгораемый шкаф. Бэр открыл его и показал сначала тунику из неизвестной серебристой ткани, украшенную волшебной вышивкой; затем открыл шкатулку и разложил перед графом чудные драгоценности, древность которых не подлежала сомнению.

Расстроенный граф сел, нервно сжав голову руками, и задумался. Затем, выпрямившись, сказал спокойно и решительно:

– Простите, господа, мои сомнения и недоверие, но ведь я сам присутствовал при погребении моей единственной дочери! Доктора уверили меня, что она умерла от разрыва сердца. И вдруг, неизвестно откуда, является какая-то женщина с чертами Теа – и мне говорят вот твоя дочь! Есть от чего сойти с ума! Тем не менее, все, что случилось, слишком близко касается меня, а ваша порядочность и авторитетность придают вашему рассказу достаточно много веса, чтобы я не употребил всех усилий открыть истину. И горе Аменхотепу, если я приду к убеждению, что он совершил это преступление! Не только из подземелий пирамиды, но из самых недр земли достану я его и отомщу за мои страдания и за то, что он избрал моего ребенка жертвой своего дьявольского колдовства.

Граф встал, грозно потрясая сжатым кулаком. Успокоившись, он продолжал:

– Теперь мне нужны только две вещи. Во-первых, чтобы эта молодая женщина, которую вы называете Эриксо, написала и запечатала в конверт последние слова и имя, произнесенные моей умирающей женой: мы с Теа одни были при этом. Только один Господь и мы знаем эти слова, касающиеся одной, тщательно хранимой, семейной тайны. Во-вторых, я прошу вас обоих придти сегодня вечером ко мне в замок. Вы будете сопровождать меня в склеп и поможете осмотреть тело моей дочери. Я хочу убедиться, существует ли на месте сердца знак, о котором говорит Леербах, и который должен служить печатью этого оккультного преступления.

Получив их согласие, граф удалился, объявив, что в настоящую минуту ему необходимы тишина и одиночество.

По уходе графа Ричард прошел к Эриксо. Она была страшно взволнована; глаза её были красны. Когда он передал ей требование отца, она сначала отказалась наотрез.

– Пусть он оставит меня в покое! Ничего не хочу я ему доказывать, – сказала она.

Леербах стал убеждать ее, выставляя на вид, насколько естественна и извинительна недоверчивость графа.

Наконец, Эриксо успокоилась, взяла лист почтовой бумаги, написала на нем несколько слов и запечатала в конверт. Передав письмо жениху, она попросила его оставить её одну.

Вечером Леербах и профессор отправились в замок. Граф ждал их; все было готово к ночной экскурсии. На столе виднелись зажженный фонарь, свеча и два ключа.

Говорили мало. Бледный и сосредоточенный граф взял ключи и фонарь, дал Ричарду свечу и пригласил всех следовать

за собой. Они спустились в сад и направились к фамильному склепу, находившемуся на противоположном конце парка.

Граф и его спутники вошли в парк через боковую дверь и спустились по лестнице в обширный сводчатый склеп, в глубине которого виднелся алтарь, задрапированный черным бархатом. На нем стояли распятие и серебряные шандалы.

Всюду стояли гробы всевозможных размеров и видов. Одни уже почернели и были источены временем, другие более свежи. Среди последних один тяжелый, металлический гроб привлекал к себе особенное внимание изобилием цветов, украшавших его, – видна была любящая рука отца.

Граф остановился в нерешительности; но затем подошел и отомкнул гроб. Ричард помог ему поднять тяжелую металлическую крышку. Сначала ничего не было видно, кроме груды газа и засохших цветов. Ледяной холод пробежал по телу Ричарда, когда в его памяти с болезненной ясностью восстал сцена убийства, совершенного Аменхотепом.

Граф дрожащей рукой снял газовое покрывало. Тогда, при дрожащем свете фонаря, открылось красивое, но пожелтевшее и потемневшее лицо покойной. Чудные золотистые волосы её двумя тяжелыми косами лежали на белом шелковом платье. В сложенных руках усопшей виднелось распятие.

Граф вынул из кармана ножницы, развел руки покойницы и хотел разрезать платье на месте сердца, но силы вдруг его оставили и он отступил назад, ища рукой опоры.

– Дайте мне! Для вас это слишком тяжело, – сказал профессор, пока Ричард поддерживал несчастного отца.

Бэр быстро разрезал шелковую материю и батистовую рубашку и обнажил часть груди. На пожелтевшей коже был ви-

ден, точно нарисованный тушью, треугольник с опрокинутым вниз крестом.

У Ричарда закружилась голова, и он молча смотрел на таинственный знак. Хриплый крик вырвался у графа.

– Печать дьявола, задушившего моего ребенка!.. Клянусь вам, ничего не было, когда доктора осматривали тело! – вне себя вскричал он.

Видя его возбуждение, Бэр поспешно закрыл гроб и почти силой увел графа в замок. Чтобы как-нибудь его успокоить, Ричард передал ему письмо с ответом Эриксо, но едва Кронбург его прочел, как лишился чувств. Только после долгих усилий Ричарду и профессору удалось привести его в себя.

Когда, наконец, Леербак и профессор прощались с графом, тот крепко пожал Ричарду руку и пробормотал:

– Я хочу её видеть! Приведите ко мне завтра дух моей дочери.

Граф провел адскую ночь. Несмотря на очевидность, несмотря на странное стечение обстоятельств, подтверждавшее неслыханный факт, рассудок его отказывался допустить его.

Был уже день, когда он заснул. Проснулся он около четырех часов пополудни, все ещё разбитый физически, но уже более спокойный духом.

После обеда граф ушел в свой кабинет, смежный с библиотекой. Это была любимая его комната и состояла она, собственно говоря, из двух, соединенных аркой, закрытой портьерой лилового бархата. Обстановка была в средневековом стиле.

С задумчивым и озабоченным видом граф ходил по комнате, и взгляд его рассеянно блуждал по полкам, заставленным книгами и манускриптами. Вдруг он остановился перед небольшим бюро, отделанным серебром и слоновой костью и содержащим бесчисленное количество отделений, ящиков и тайников. Теа особенно любила его и знала все его секреты. Если Эриксо сумеет открыть его и разобраться в нем, это будет решительным доказательством её тождества с покойной.

Граф схватил лист бумаги и лихорадочно набросал несколько строк, в которых просил Ричарда и Эриксо прийти к нему. Два часа спустя Эриксо, закутанная в широкую мантилью, с закрытым густой вуалью лицом, входила в сопровождении Ричарда в кабинет графа.

Когда Эриксо откинула вуаль, сбросила плащ и остановилась в нерешительности, граф схватил её за обе руки и стал жадно всматриваться в нее.

– Теа, Теа! Ты это или не ты? Это твои глаза, но выражение их изменилось; это твоя улыбка, и, в то же время, в ней есть что-то совсем другое, – с тоской пробормотал он.

Затем, во внезапном порыве, вскричал:

– Дитя мое! Прости мне мои сомнения, но моя старая голова отказывается признать неслыханное чудо твоего воплощения. Скажи мне – и это будет последним испытанием, в каком ящике этого бюро находится портрет твоего покойного брата? Если ты сможешь это сделать, то я не буду больше сомневаться.

С этими словами он подал молодой девушке связку ключей.

Эриксо с грустной улыбкой подошла к бюро и нажала скрытую пружину. Тотчас же откинулась передняя доска и откры-

ла целую массу дверец и ящиков. Выбрав ключ, молодая девушка открыла одно отделение и вынула оттуда футляр.

– Вот портрет Эрвина! – сказала она. – А в том ящике лежит смоченный кровью и пробитый пулей бумажник дяди Адальберта; здесь, налево, лежат драгоценности мамы и письма, которые она писала тебе невестой, а в том мои первые башмачки и...

Граф не дал ей продолжать. С хриплым стоном он привлек Эриксо в свои объятия и заливаясь слезами, стал покрывать её поцелуями. Затем он упал в кресло. Эриксо опустилась на колени, обняла и прижалась головой к груди графа.

– Отец! Дорогой отец! Ты признаешь меня своей дочерью!

Невыразимое чувство, незнакомое Теа, как не знавшей прошлого, охватило ее. В памяти её ясно проходили все фазы её двух существований, и Эриксо, сирота, рабыня и вечная жертва Аменхотепа, была счастлива и страстно ценила эту отцовскую любовь, которую не видела никогда.

Когда, наконец, отец и дочь немного успокоились, граф прижал к себе белокурую головку Эриксо и радостно сказал:

– Теперь, дорогая моя, нам необходимо подумать, как создать тебе при мне законное положение. Сказать правду мы не можем, и я могу лишь удочерить тебя. По этому поводу у меня явилась даже прекрасная идея. Был у меня двоюродный брат, тоже Кронбург, как и я, но негодяй и авантюрист, от которого отказалась вся наша семья. Он эмигрировал в Турцию и недавно там умер. Перед своей смертью он писал мне. Итак, я поеду в Константинополь, куда попрошу тебя отправиться раньше, и привезу тебя оттуда, как его дочь.

План был одобрен, и решено было, что Эриксо и профессор на следующий день уедут в Константинополь, где к ним присоединится граф. Леербак же должен был ехать в свое имение и уже потом появиться в качестве жениха.

Эта программа была в точности выполнена, и шесть недель спустя граф вернулся в замок вместе с Эриксо, которую представил соседям, как дочь своего кузена Освальда, которой её эксцентричный отец дал совершенно необычное имя Эриксо.

Все нашли вполне естественным необыкновенное сходство молодой девушки с Теа. В обществе её приняли с распростертыми объятиями. Некоторые же странности, прорывавшиеся в манерах и взглядах Эриксо, приписаны были её странному воспитанию.

Затем приехал Леербак, и, некоторое время спустя, был объявлен женихом Эриксо. Свадьба была назначена через три недели.

Несмотря на все окружавшее её счастье, несмотря на любовь отца и Ричарда и на безоблачное будущее, которое, казалось, сулила ей судьба. Эриксо по-прежнему была беспокойна и нервна.

Ричард понимал, что причиной этого был страх, как бы снова не появился её преследователь; по временам и его сердце тоскливо сжималось при воспоминании об Аменхотепе. Тем не менее, он и граф всячески старались убедить Эриксо, что её страх напрасен и что если бы египтянин мог овладеть ею, он давно бы попытался это сделать.

Эриксо всегда отмалчивалась на эти убеждения, но однажды они вывели её из терпения.

– Сразу видно, отец, что ты не знаешь Аменхотепа, но Ричард должен был бы иметь более ясное представление о его могуществе. Он может прокрасться ко мне и под видом ящерицы обрушиться на меня, как ураган, окутать и увлечь в пространство. Молния повинуетя ему, и его воля может камни ниспровергать. Моя единственная надежда состоит в том, что он не захочет убивать меня, а от всех других нападений меня защитит священный нож, который я унесла от него и с которым никогда не расстаюсь. Сделать же новый – отнимет у него слишком много времени.

Приближалось время, назначенное для свадьбы. Жизнь в замке мирно текла своим чередом.

Бэр тоже, по настоянию графа, поселился в замке. Оба старика очень подружились, но будучи страстными любителями шахматной игры, сражались каждый вечер. Профессор был холост и не имел семьи.

Вечером накануне свадьбы все были в сборе. Граф и Бэр, по обыкновению, играли в шахматы, а жених с невестой сидели рядом в салоне и разговаривали. Эриксо казалась озабоченной и беспокойной более чем когда-нибудь. Положив головку на плечо жениха, она рассеянно слушала его уверения, что маг, очевидно, погиб от возвратного удара вызванных им же сил.

– Дай Бог, чтобы то или другое твое предположение оправдалось! – со вздохом заметила молодая девушка.

В эту минуту где-то далеко-далеко ясно прозвучал серебристый звон колокольчика.

Эриксо побледнела, как смерть, и вскочила с дивана.

– Он! Слышишь! Этот звон возвещает его приближение, – пробормотала она.

Взгляд её растерянно блуждал по комнате.

Ричард, также слышавший звон, тоже встал и прислонился к столу. Вдруг на стене против него появился силуэт большой кошки, зеленоватые глаза которой начали фосфоресцировать.

Но прежде чем он успел собраться с мыслями, Эриксо как тень скользнула к видению. Нож Аменхотепа сверкнул в её руке, и она с силой ударила им в стену. В ту же минуту послышался сильный треск, из лезвия ножа брызнул сноп искр, и перед изумленным и испуганным взором барона появилось на стене, точно нарисованное, изображение громадной кошки.

Вздых облегчения и торжества вырвался из груди Эриксо. Ещё раз она победила мага его же собственным оружием и парализовала направленные против неё когти.

Придя в себя, Ричард побежал за Бэром и графом и рассказал им все, что случилось.

Молча, с сосредоточенным видом, осмотрели они оставшийся на стене рисунок. На том месте, куда ударил нож, виднелся таинственный треугольник с опрокинутым крестом.

– Гм! – сказал, наконец, профессор. – Очевидно, господин Аменхотеп не желает оставить нас в покое и ещё покажет себя!

Несмотря на свою победу, Эриксо была очень взволнована.

День свадьбы выдался ясный и солнечный; зато далеко не ясно было на душе людей, посвященных в тайну Эриксо.

Как только Ричард был совсем готов, он прошел к графу, который, страшась какого-нибудь нового покушения во время самой церемонии, стал тревожно обсуждать с ним возможные козни со стороны мага.

– Я слишком невежда в этих делах, чтобы определить все, что может случиться; судя же по тому, чему я был свидетелем, должен признаться, что мы должны всего ожидать. Тем более, что, к довершению несчастья, этот необыкновенный человек заключил уже нечто вроде брачного союза с Эриксо. Разумеется, это магический обряд, будучи совершен против её воли, имеет значение только в глазах Аменхотепа; тем не менее, он, вероятно, воображает, что приобрел на неё права, а поэтому всеми силами будет отстаивать свое достояние.

– Дорого я бы дал, чтобы брачный обряд был уже совершен! – со вздохом заметил граф. – Но я надеюсь на помощь Господа.

Эриксо была нервна и задумчиво одевалась к венцу. Она была очаровательна в своем белом платье, с длинной фатой и венком на своей чудной златокудрой головке. Поглощенная своими думами, она едва взглянула на себя в зеркало и только тогда свободно вздохнула, когда засунула за пояс священный нож мага, прикрыв его букетом и большим бантом.

Бракосочетание должно было совершиться в приходской церкви, отстоявшей на версту от замка. Погода была чудная. Эриксо с отцом сели в карету, за которой длинной вереницей следовали экипажи с подругами и другими приглашенными.

Свадебный поезд был уже на полпути, как вдруг солнце скрылось за темными тучами, заволакивавшими небо.

– Посмотри, отец: гроза собирается, – сказала Эриксо, тревожно указывая на небо.

– Последнее время стояла такая тропическая жара, что это вполне естественно, дорогое дитя мое. К тому же, считается хорошим предзнаменованием, если дождь окропит венок невесты, – ответил граф.

– Да, если бы гроза была естественная, – вздохнула Эриксо.

– У страха глаза велики, дорогая моя! Благодаря твоим возбужденным нервам, тебе всюду мерещатся призраки. Наконец, разве у тебя нет оружия, которое раз уже так отлично тебе пригодилось?

– Может быть ты, по неосторожности, забыла его дома? – с испугом прибавил он.

– Нет! Вот оно, здесь, отец, у меня под руками. К несчастью, мне неизвестны все его свойства и способы владеть им; удача моя до сих пор была чистой случайностью.

В эту минуту карета остановилась перед порталом и разговор смолк. В какие-нибудь десять минут гроза окончательно надвинулась. Небо почернело, воздух сделался тяжел и удушлив, а дневной свет сменился бледным сумраком. В тот момент, когда Эриксо, под руку с отцом, входила в церковь, грозный раскат грома потряс землю и заглушил звуки органа; огненный зигзаг прорезал темное небо.

Волнение пробежало по рядам нарядной, наполнявшей церковь, толпы. Смертельная бледность невесты и беспокойный, смущенный вид жениха привлекли, было сперва, всеобщее внимание, но страх перед рассвирепевшим ураганом скоро заслонил собою все. Молнии и раскаты грома без перерыва следовали друг за другом; ветер свистел, выл и стонал, сгибая и ломая деревья. Его бурные порывы достигали даже внутренности церкви, грозя погасить свечи, хотя двери и были закрыты.

Бледная Эриксо, вся поглощенная лишь грозившей опасностью, преклонила колени перед алтарем. Хотя мужество ни на минуту в ней не ослабевало, но на обряд она едва обращала внимание; слова священника, орган и пение звучали в её ушах как смутный, отдаленный гул.

В ту минуту, когда брачующиеся обменивались кольцами, крупный град загремел по крыше церкви и грохотом своим заглушил все. Несколько окон было разбито. Тут сквозь рев ветра и оглушительный шум ливня донесся издалика приближавшийся звон серебряных колокольчиков.

Священник умолк, а приглашенные, объятые ужасом и спасаясь от дождя, перебегали, толкая друг друга на противоположную сторону церкви, где град не перебил ещё оконных стекол. Вдруг новый страшный раскат грома потряс здание до самого основания. В окно ворвалась шарообразная молния и направилась прямо на Ричарда.

В тот же момент Эриксо бросилась вперед и, выхватив из-за пояса магический кинжал, направила острие его против огненного шара, который лопнул и рассыпался снопом искр. Послышалось дикое рычание, сопровождаемое предсмертным хрипом человека, которого душат. Как будто последние усилия истощили бурю, и она стала ослабевать. Дождь и ветер стихли, небо прояснилось, а минут через десять появилось солнце. Теперь все снова было спокойно вокруг, и только лужи, мокрая листва да вывороченные с корнем деревья и перебитые стекла в церкви свидетельствовали о промчавшейся буре.

В общей панике, вызванной шарообразной молнией, никто не заметил внезапного вмешательства невесты, и никто не видел в её руке сверкающего таинственного оружия. Однако все это происшествие произвело очень неблагоприятное

впечатление на присутствующих; у всякого невольно шевелилась мысль, что буря, прервавшая бракосочетание, служит дурным предзнаменованием молодой чете. Тем не менее, вместе с солнцем и ясным небом вернулись веселость и оживление. Молодых осыпали поздравлениями и пожеланиями; теперь, когда всякая опасность миновала, смеялись и шутили над испытанным всеми ужасом. Ричард на руках снес молодую жену в экипаж, который все-таки пострадал, хотя и слегка, несмотря на все старания кучера и лакеев держать взбесившихся лошадей; а за молодыми высыпали и гости; дамы, разумеется, тщательно подобрав свои шлейфы, весело шагали по лужам. Когда супруги очутились одни в карете, напускная веселость Ричарда исчезла. Он не мог не сознавать, что избег смертельной опасности, и обняв Эриксо за талию, прижал её к себе и нежно, с признательностью, пробормотал:

– Благодарю тебя, моя дорогая, мой герой – спаситель! Я теперь, наверно, был бы уже мертв.

– Увы, это лишь минутная победа, отсрочка только, но не освобождение, – взволнованно ответила Эриксо. – Я горячо упрекаю себя, что навлекла на тебя мщение Аменхотепа и обрекла на вечную опасность. Он не перестанет преследовать нас и не даст нам насладиться счастьем.

– Господь защитит нас, как Он уже сделал это так явно! Он внушит нам, как победить и уничтожить мага его же собственным оружием, – с убеждением ответил Ричард.

В остальном праздник обошелся без всяких приключений. После обеда, который был великолепен, танцевали и гуляли по парку. Ночь давно уже наступала, когда разъехались последние гости.

Эриксо тотчас же ушла к себе в кабинет, чтобы поговорить и обсудить подробности странного и ужасного случая, смутившего брачную церемонию.

Освободившись от своего тяжелого подвенечного платья, Эриксо надела вышитый батистовый пеньюар, перехваченный у талии шелковым шнурком, с широкими рукавами, открывавшими её чудные руки, точно выточенные из слоновой кости. Она очень любила такого рода легкое одеяние, напоминавшее её прежние туники. Распустив свои длинные, чудные волосы, Эриксо вышла из спальни и прошла в будуар, прихотливо убранный цветами и произведениями искусства. Она остановилась на минуту и машинально окинула роскошную комнату мрачным и рассеянным взглядом; затем распахнула широкую дверь и вышла на большую террасу, с которой лестница в несколько ступеней вела в сад.

Ночь стояла тихая и прекрасная; воздух был тепел и ароматен. Из цветника доносилось опьяняющее благоухание роз и лилий. Легкий всплеск фонтана слышался в ночной тиши.

Облокотясь на балюстраду, Эриксо задумчиво оглянулась кругом. Прямо перед нею лежала лужайка, обрамленная вдаль густой, темной зеленью парка. Взошла луна и окутала все вокруг своим мягким, голубым, дремотным светом.

Глубокий вздох вырвался из груди Эриксо. Как могла бы она быть счастлива здесь, вырвавшись, наконец, на свободу из своей темницы – пирамиды и соединившись с любимым человеком, если бы на её дороге, подобно грозному призраку, не стоял Аменхотеп! При воспоминании о маге, ледяная дрожь пробежала по её телу, и она беспокойно схватилась за пояс. Нащупав рукоятку своего оружия, Эриксо успокоилась и снова погрузилась в задумчивость.

Когда же настанет конец этой жизни, тянущейся целые века? – в волнении спрашивала она себя. – Будет ли она вечно молода и прекрасна, или же и её настигнет со временем обычная участь всех смертных?

Случайно взглянула она на свою руку, лежавшую на балюстраде, и на её устах мелькнула горькая усмешка. Кто поверит, что эта же самая рука с атласной кожей и с розовыми ногтями плела некогда гирлянды на праздник быка Аписа и приносила жертвы богу в том храме, развалины которого погребены теперь под песком пустыни?

Порыв холодного ветра вывел её из задумчивости, и до слуха Эриксо донесся далекий серебристый звон колокольчика; смертельно побледнела она, шатаясь, сделала несколько шагов назад. Выхватив из-за пояса кинжал, она быстро очертила им круг около себя; из лезвия словно брызнула фосфорическая нить и огненной змейкой обежала вокруг. Эриксо стояла неподвижно, тяжело переводя дыхание, прижав кинжал к груди. Она чувствовала приближение рокового для неё человека.

Что-то необычайное творилось в природе: воздух кругом точно звенел и дрожал; удушливым ароматом пахло на нее. На горизонте вспыхнула красная звездочка, которая стала быстро расти, приближаясь с невероятной быстротой.

Скоро кроваво-красный диск звезды заслонил собою небо, и окрестные предметы словно озарились заревом пожара. Как сквозь туман видела теперь Эриксо пальмы, среди которых вращалось беловатое, фосфоресцирующее облако. Сам воздух – и тот, казалось, стал иным, и на неё повеяло зноем пустыни.

Странный мираж скользил к ней, будто подгоняемый ветром, и вдруг, столкнувшись с очерченным Эриксо кружком, остановился. Туманное покрывало разверзлось, и глазам её представился хорошо знакомый ей сад мага близ его дома в Мемфисе.

У самого подножия террасы начиналась широкая аллея, усыпанная красным песком и обрамленная с одной стороны смоковницами и акациями; с другой стороны раскинулась усеянная группами пальм лужайка. В тени деревьев стоял гранитный сфинкс, у подножия которого журчал источник.

Беловатое облако приняло теперь определенную форму, и Эриксо узнала Аменхотепа, стоящего в нескольких шагах от неё и смотревшего на неё своим огненным взглядом. Вокруг правой руки его обвилась изумрудно-зеленая змея, а в левой он держал светильник, ослепительный свет которого точно сиянием окутывал всю фигуру мага. Разноцветный огонек над головой то вспыхивал ярко, то тускнел и потухал, свидетельствуя о его усталости.

Нервная дрожь пробежала по телу Эриксо. Ей, – орудию и ученице мага, – посвященной в его науку, было ясно, что астральный свет, исходящий из лампы, должен был ослепить и оцепенить ее, как это бывало со всяким, кого он освещал своим таинственным светом. Тогда змея переползет начертанный ею круг, похитит у неё магическое оружие, а ее, беззащитную, отдаст в руки её палача.

Страшным усилием Эриксо собрала всю свою волю и выпрямилась:

– Чего ты хочешь от меня, Аменхотеп? – глухим голосом спросила она. – Берегись! Не доводи меня до отчаяния! Я скорее вонжу себе в сердце этот нож и положу конец моей

проклятой, несчастной жизни, чем стану рабой и пленницей в твоей отвратительной пирамиде. Живой ты меня не возьмешь! Я ненавижу тебя, и укусы змеи предпочитаю твоему поцелую. Не теперь же, когда я соединилась, наконец, с любимым человеком, позволю я вырвать себя живой из его объятий!

Мрачный огонь вспыхнул в глазах Аменхотепа.

– Тварь неблагодарная! – гневно прозвучал его голос. – Змея, которую я отогрел на груди своей и которую, к несчастью, полюбил! Лишь эта слабость – единственная, которую я не победил – не позволяет мне уничтожить тебя. «Его» же, которого ты смеешь предпочитать мне, я раздавлю как червяка! Мне принадлежишь ты, Эриксо, и я сумею отстоять свои права всеми силами, какими располагаю.

Видя, что Эриксо вздрогнула и конвульсивно прижала к груди кинжал, он смягчил тон.

– Зачем ты хочешь войны? Отдай мне оружие, следуй добровольно за мной – и я прощу вам обоим. Забвение я дам тебе. Я изглажу из твоего сердца любовь, которая тебя ослепляет и губит. К твоим ногам я сложу все могущество приобретенного мною знания! Из моих рук ты выпьешь кубок вечной жизни и красоты! Никогда золотистые волосы твои не побелеют, атласная кожа твоя не покроется морщинами и никогда не поблекнет блеск твоих глаз. В моей любви ты вкусишь высшее счастье, огненную страсть и наслаждение без утомления. Меня ты всегда будешь видеть таким, как сейчас: на мою красоту время не имеет никакого влияния. Разве не соблазняет тебя быть возлюбленной мага и разделить с ним его могущество? Открой глаза, слепая, и посмотри на меня! Разве я хуже этого ничтожного человека, обреченного на болезни и разрушение, который через каких-нибудь несколько

лет станет отвратительным дряхлым стариком; ужели хуже его, вечно нерешительного и вероломного, который и любил-то тебя всегда только наполовину, пока другая не появлялась на его пути? Нуите, Валерии, Альмерис – вот кому принадлежали лучшие порывы души Рамери; а ты, ты опьяняла его страстью! И такому-то гнусному, унижительному чувству ты хочешь все принести в жертву!

По мере того, как говорил Аменхотеп, странная перемена произошла в его наружности. Лихорадочный румянец покрыл его всегда бледные щеки, тонкие ноздри его дрожали, а его обычное, строгое и суровое выражение сменилось серьезным и задумчивым.

Эриксо точно приросла к земле и не сводила с него глаз. Ей казалось, что перед ней какой-то новый и незнакомый ей человек. Впервые видела она в нем не господина, а мужчину, и с любопытством всматривалась в его высокую, стройную фигуру. На нем не было клафта, без которого она не привыкла его видеть, и он казался моложавее. Густые, черные, как вороново крыло, волосы обрамляли его лоб непослушными и шелковистыми кудрями, что придавало его лицу совершенно другой характер.

Сердце Эриксо забилося от восхищения. Да, Аменхотеп был прекрасен, и не только внешностью, но и веявшей от него красотой знания и горевшей в глазах его непоколебимой энергией и волей, которая должна была всякого склонять к его ногам; прекрасен, наконец, тем горделивым спокойствием, которым дышало все существо его, несмотря на юношески-стройную его фигуру, отчетливо выделявшуюся на темно-красном фоне миража. В голове Эриксо мелькнуло привлекательное лицо Ричарда, и тут, в первый раз, красивая голова мужа показалась ей ничтожной, бледной и бессильной

тенью по сравнению с тем гигантом жизни, воли и могущества, который стоял перед ней. Она задумчиво провела рукой по лбу. В эту минуту она сознавала, что никогда ещё не подвергалась такой ужасной опасности, никогда ещё не была так близка к гибели. То, чего Аменхотеп не мог добиться всем своим знанием, ему завоевывала его чарующая личность, которую он в первый раз дал оценить. Два предвечных начала, активное и пассивное, сила и слабость, неудержимо взаимно притягивались в силу незыблемого закона творения.

Он не сводил взгляда с взволнованного лица Эриксо, читая, казалось, каждую её мысль, и на лице мага мелькнула улыбка, как луч солнца озарившая строгое чело неотразимым обаянием. Сердце Эриксо забилось новым, никогда ещё не испытанным чувством. Восхищение им и сознание собственного ничтожества, какие-то смутные, но страстные порывы волновали ее. Холодный пот выступил на лбу, а Аменхотеп, не сводя с неё своего огненного взгляда, с торжествующей, иронической улыбкой на полуоткрытых устах, медленно приближался к магическому кругу. Ещё несколько шагов – и он переступил бы его раньше, чем разбитая и парализованная Эриксо была бы в состоянии сделать какое-нибудь движение, чтобы оттолкнуть его. Вдруг в воздухе пронесся дрожащий звук, и старинные часы замка медленно пробили полночь.

Аменхотеп вздрогнул, побледнел и отшатнулся, словно его оттолкнула какая-то могучая сила. Видение стало отодвигаться назад и подниматься на воздух. Некоторое время Эриксо видела еще, как сквозь туман, высокую фигуру мага, прислонившегося к цоколю сфинкса. Глаза его были закрыты, опрокинутая лампа погасла в его руке, а у ног, подобно изумрудной ленте, лежала, свернувшись змея. Затем все поблед-

нело, стало расплываться, и наконец, совсем потонуло в ярком свете луны.

Силы Эриксо истощились, голова закружилась, и она без чувств опустилась на каменные плиты террасы. В таком положении нашли её Ричард и граф. Смертельно испуганные, они перенесли её в будуар, и после долгих усилий привели ее, наконец, в чувство.

– Не было ли на тебя нового нападения? Не ранил ли он тебя? – засыпали они Эриксо вопросами, лишь только та открыла глаза.

– Нет, нет! Пережитые за день волнения были единственной причиной моего обморока, – ответила она, покачав головой.

Эриксо ясно помнила видение, но какое-то непонятное чувство смыкало ей уста. Никому, ни за что на свете, она не сказала бы того, что с ней случилось.

Успокоившись относительно здоровья дочери, граф удалился, а счастливый Ричард усадил жену на диван. Положив голову на плечо мужа, Эриксо молчала и рассеянно его слушала; мысль её была далека. С каким-то острым любопытством она сравнивала Леербаха с Аменхотепом и вторично образ барона побледнел. Взгляд его показался ей бесцветным, речь банальной, а нежная улыбка нисколько не была похожа на ту чарующую улыбку, которая волновала и подчиняла ее.

Да, Аменхотеп был её господином, но не тот, которого она прежде знала и ненавидела – мрачный и суровый маг, вечно сидевший за своими манускриптами, и холодный, как его длинная, белая одежда, придававшая ему вид статуи; нет, новый господин, поглощавший все её мысли, был человек обаятельный и ужасный, повелевавший стихиями! И этот-то

человек, вымаливает теперь её любовь, суля взамен вечную юность и неизведанное счастье.

Мысли Эриксо мчались все дальше и дальше. А что бы было, если бы вместо мрачных подземелий пирамиды, где царили вечная тишина и искусственный свет, Аменхотеп жил в великолепном дворце, полном воздуха и залитом солнечным светом, и носил бы современный изящный костюм, ведь он был бы очень опасным человеком. О! Отчего он никогда не показывал себя таким, как сегодня? Тогда она, без сомнения, полюбила бы его – и сколько огорчений было бы избегнуто!

Она вздрогнула и выпрямилась, ясно почувствовав, как к её лбу прикоснулась чья-то рука с длинными и тонкими пальцами. Когда она взглянула на мужа, то с ужасом увидела, что он смертельно побледнел, и глаза его сделались точно стеклянными. И вдруг в потускневших зрачках Ричарда вспыхнул огненный взгляд мага, а неподвижные руки мужа поднялись, чтобы в страстном объятии привлечь её к себе. Но все это было непродолжительно. Сильная дрожь потрясла тело Ричарда и он, нежно, с улыбкой склонился к Эриксо и горячо поцеловал ее.

Трепещущая молодая женщина обвила руками шею мужа и прижалась к нему. Она не хотела больше думать. Она жаждала лишь любви и мирного счастья, которое с таким трудом было завоевано.

Глава VIII.

Прошло около восьми месяцев со дня свадьбы Эриксо. Ничто не нарушало счастья молодых, и ничто не указывало на то, что Аменхотеп продолжает свои преследования. Маг ис-

чез бесследно! Но его не забыли. Эриксо часто думала о последнем видении. Иногда, сидя одна в будуаре, она напряженно ждала, не появится ли в тени, на стене, стройный силуэт египтянина, или не возвестит ли обычный звон его приближение – но всюду царила тишина. Решительно, она забыта или отвергнута. Если, в общем, Эриксо радовалась этому, то все-таки иногда ею овладевало что-то вроде досады и на неё порою нападали мрачные мысли. Тогда она искала уединения. Конечно, она была счастлива, даже очень счастлива; но все-таки не так, как мечтала. Горячая и страстная натура, она не находила в Ричарде отклика своим собственным чувствам, а спокойная и сдержанная любовь мужа оскорбляла и раздражала ее.

В её душе пробудилась острая ревность к Альмерис. Это она, покойница, вечно живая, отнимает у неё лучшую часть сердца мужа! Она же, Эриксо, всегда занимала только второе место. Ричард даже не скрывал этого и хранил на своем бюро портрет Альмерис, который отказался убрать, несмотря на просьбы и ласки своей жены.

Подобные сцены вызывали между супругами охлаждение, правда, недолгое, но, тем не менее, оставлявшее невидимые рубцы.

Зимой, а в особенности в начале весны, старый граф страдал сильными ревматическими болями ног и, по совету врачей, должен был выдержать курс лечения на водах на одном из курортов на юге Австрии.

Скучившая Эриксо решила сопровождать отца, на это не трудно ей было уговорить и мужа. Что же касается Бэра, то он так хорошо акклиматизировался в доме, что не было сомнения в его согласии сопровождать их.

Устроились все очень комфортабельно. Пока граф принимал ванны и души и пил воды, а профессор предпринимал археологические экскурсии в окрестностях, молодая чета забавлялась по-своему, так как сезон ещё едва начинался, и приезжих было относительно немного. Будучи страстным любителем лошадей и хорошим наездником, Ричард давал жене уроки верховой езды. Эриксо скоро тоже приистрастилась к этому спорту и сопровождала мужа в его прогулках.

Однажды оба они предприняли дальнюю поездку, вдруг в одной тенистой аллее, выходящей на шоссе, увидели конюха, водившего на поводу лошадь необыкновенной красоты.

– Взгляни, какое чудное животное! – вскричал восхищенный Ричард.

Затем, подъехав поближе, он спросил, кому принадлежит лошадь.

– Моему господину, набобу Адуманте Одеару, – ответил конюх.

Барон даже соскочил на землю, чтобы лучше осмотреть коня, который действительно был великолепен: черная, как вороново крыло, шерсть отливала синевой, тонкая грива и хвост, шелковистые и волнистые, как волосы женщины, были также черные, и только на лбу выделялось белоснежное пятно. Стройность и крепость форм указывали на арабское происхождение коня, который ржал, вздымался на дыбы и нетерпеливо рыл землю своим копытом.

Видя восхищенный взгляд барона, конюх заметил:

– Лошадь продается, сударь. Она почему-то не подошла моему господину. Два англичанина уже покупали Саламандру, но торг не состоялся.

– Какое счастье! – вскричал наэлектризованный Ричард.

Затем, опустив монету в руку конюха, он прибавил:

– Скажи, мой друг, где живет твой господин, и могу ли я сейчас же его видеть?

– Он живет там, в этой большой вилле, окруженной садом, – сказал конюх, указывая на конец боковой аллеи. – Только в эту минуту господина нет дома, а пожалуйста завтра в полдень.

Вернувшись домой, Ричард с женой с таким жаром описывали чудную лошадь, что граф тоже увлекся. Единодушно решено было приобрести Саламандру.

На следующий день, ровно в полдень, экипаж барона остановился у входа в виллу. Это было большое здание в итальянском стиле, окруженное обширным садом.

В вестибюле его встретили лакеи – негры и индусы. Затем в небольшой смежной гостиной барона принял старый индус, весь в белом, и важно осведомился, что ему угодно.

Когда барон объяснил, что привело его сюда, индус исчез, но через десять минут вернулся и торжественно объявил, что его господин готов принять барона.

Леербрах последовал за ним. Они прошли длинный ряд больших комнат, роскошно убранных в восточном вкусе; но шторы всюду были спущены, и эта полутьма, а особенно глубокая тишина, царившая в громадном доме, почему-то странно напомнили барону подземелья пирамиды.

Наконец, его проводник поднял тяжелую голубую портьеру, и они вышли на террасу, в изобилии уставленную редкими растениями и закрытую со всех сторон опущенными шторами из голубой шелковой материи. Одна только портьера была

полуприподнята и открывала лестницу, спускавшуюся в сад. В глубине террасы с одной стороны висел полосатый шелковый гамак; на другой стоял широкий и низкий диван. На столе перед диваном на большом серебряном подносе стояли две корзинки: одна с фруктами, другая с пирожками, и золотая амфора, чеканенная и эмалированная. Тут же виднелась маленькая чашка, полунаполненная черным кофе.

На подушках дивана полулежал мужчина и читал какой-то английский журнал. При входе барона он отбросил книгу, встал и, вежливо приветствовав гостя, предложил ему сесть.

Ричард осмотрел незнакомца и подивился слегка, в глубине души, что человек, обладающий, по-видимому, колоссальным богатством, продает такую чудную и редкую лошадь.

Набоб Адуманта Одеар был мужчина лет тридцати пяти, высокий и стройный, с бронзовым цветом лица. Черные, густые, слегка вьющиеся волосы обрамляли его лоб; довольно длинная борода и усы закрывали рот. Длинные и густые ресницы почти совсем скрывали его взгляд. Одет он был в светлый шелковый костюм; красивый шелковый шарф опоясывал его талию, а на табурете лежала большая широкополая соломенная шляпа.

Ричард изложил свое желание и спросил о цене лошади.

– Это правда! Одно время я было хотел продать Саламандру, но теперь раздумал, – равнодушно ответил набоб.

Видя, что барон огорчился, он прибавил с улыбкой:

– Разве вы уже так стоите за эту покупку?

– Признаюсь вам, я обожаю лошадей, а лучше вашей не приходилось видеть; к тому же и жена моя горит желанием приобрести такого чудного коня!

– О! Если это желание дамы, то мы ещё поговорим об этом; хотя я и не советовал бы баронессе садиться на Саламандру, – любезно заметил Адуманта.

Обрадованный Ричард поспешил поблагодарить его, и между ними завязался оживленный разговор. Индус рассказал, что хотя и живет здесь всего несколько недель, но умирает от скуки. А ему так хотелось отдохнуть от долгого и утомительного путешествия, совершенного им по Египту, Нубии и Тибету.

Эта тема увлекла и Ричарда; а когда, час спустя, барон стал прощаться, молодой индус стал ему глубоко симпатичен и он пригласил его к себе. Тот поблагодарил и принял приглашение. Расставаясь, Ричард рискнул ещё раз намекнуть на цену лошади, но Адуманта покачал головой и ответил улыбаясь:

– Пока мы это оставим. О продаже Саламандры я переговорю с баронессой.

Рассказ о посещении набоба живо заинтересовал всю семью. Все с любопытством стали ожидать визита набоба. Дня два спустя, едва успели кончить завтрак, как у подъезда остановилась коляска, запряженная парой чудных коней, которыми правил негр, одетый в простую темную ливрею. На визитной карточке, поданной лакеем, стояло: Адуманта-Одеар-Аллан.

Эриксо ещё задумчиво смотрела на карточку, удивляясь странному сочетанию имен индусского и английского, когда в гостиную вошел набоб. Представленный Ричардом всей семье, он подошел к хозяйке дома и поцеловал ей руку. Все уселись, и завязался общий разговор; но Эриксо принимала в нем мало участия. При первом же взгляде на индуса она почувствовала какое-то стеснение в груди. Хотя она никогда не

видала его прежде, но высокая фигура Адуманты показалась ей знакомой, и она молча следила за каждым движением на- боба. Рука, с которой он снял перчатку, была нежна и выхо- лена, как рука женщины, и украшена кольцом с чудным сап- фиром.

Однако, грудной, звучный тембр его голоса заставил её вздрогнуть, напомнив ей хорошо знакомый и страшный голос. Она тщетно старалась увидеть его глаза: густые и длинные ресницы скрывали их цвет и взгляд. Сердце Эриксо тоскливо забилося. Сама не зная почему, искала она в этом незнакомце Аменхотепа; но нет, это был не он, – решила она под конец. Право, она уж стала грезить среди бела дня! Кроме того, Аменхотеп никогда не покидает своей дорогой пирамиды и фолиантов, над которыми корпит. Страхнув свои докучные мысли, она примкнула к общему разговору.

При удобном случае Эриксо с улыбкой спросила, почему к своему имени он прибавляет ещё английское?

– Моя мать была англичанка, дочь полковника Аллана, – просто ответил Адуманта. – Видите ли, отец мой страстно влюбился в златокудрую красавицу, какой была она, и та от- ветила ему взаимностью; но семейство матери формально воспротивилось этому браку с язычником, казавшемуся всем чудовищным. Тогда мисс Аллан бежала и, несмотря на все препятствия, стала супругой раджи. Я истинное отражение этого брака, а именно: я – полуевропеец, полуиндус. Моей ма- тери, бывшей моей первой наставницей, я обязан знанием европейских языков, знакомством с обычаями вашего мира и умеренной ненавистью к англичанам; она же наделила меня страстью к путешествиям. Получив от отца весьма значи- тельное состояние, и будучи младшим сыном, я живу совер- шенно независимо и не знаю других законов, кроме моей

фантазии, которая гонит меня за новыми и новыми впечатлениями! – с улыбкой закончил Адуманта.

Проведя у них около часа, набоб простился и уехал.

Заметив, что Эриксо безучастна к хвалебным гимнам, расточаемым индусу, граф со смехом заметил:

– Смотри-ка, Ричард! Жена твоя стала что-то мечтательно задумчива! Уж не покорила ли её сердце красавец-индус?

– Мне кажется, что между ним и Аменхотепом существует странное сходство. Я вечно боюсь, что он снова явится в каком-нибудь новом виде, – грустно заметила Эриксо.

Гомерический смех присутствующих был ответом на её слова.

– Нет, баронесса! Я никогда не подумал бы, что вы такая трусиха!.. Конечно, у вас есть веские причины бояться господина Аменхотепа, но отождествлять его с этим очаровательным Адумантой, у которого только и есть восточного одного имени, как хотите, уж слишком комично! Подумайте сами: Аменхотеп – одетый по последней моде, Аменхотеп – рассуждающий о театре, скачках и о достоинствах лошадей! Ха, ха! Я не могу без смеха и подумать об этом!

– Да, профессор прав! Старый колдун не двинется из своей пирамиды и будет стараться иначе достать тебя, – вмешался граф. – Право, даже смешно отыскивать старого разбойника в любезном Адуманте! К тому же, вот уже около года, как египтянин не подает и признака жизни. Итак, забудь эту страницу прошлого, очевидно, окончательно закрытую. Во всяком случае, у тебя есть магическое оружие, против которого Аменхотеп бессилен.

– О! Я никогда не расстаюсь с этим оружием. Но вы правы: набоб не может быть Аменхотепом, – со вздохом облегчения ответила Эриксо.

С этого дня Адуманта сделался частым гостем в семействе графа и приобрел всеобщее расположение своей предупредительностью, рыцарским вниманием к Эриксо и гибким, развитым умом; молодой индус обладал эрудицией и знанием, удивительным для его лет, что, однако, не мешало ему по временам принимать участие в светских развлечениях и появляться на прогулках или празднествах в казино, где Эриксо стала царицей красоты. Где бы она ни появилась, всюду вокруг неё толпились поклонники, и никто не удивлялся, видя среди них высокую фигуру молодого индуса. Эриксо тоже подмечала не раз восхищение, вспыхивавшее в темных глазах Адуманты, но теперь она так свыклась с окружающим её поклонением, что не придавала этому особого значения.

Набоб как-то пригласил графа с семейством к себе обедать. Отказывать не представлялось поводов, и вот, в назначенный день все отправились на виллу. Молодой хозяин принял гостей с обычным радушием и очаровал всех любезностью.

Предложив руку Эриксо, он повел её через длинную анфиладу комнат, убранных с восточной роскошью, в маленькую гостиную, оригинальное устройство которой вызвало всеобщий восторг. Пурпурные, вышитые золотом, восточные ткани, полушелк, полугаз, художественно перемешанные, драпировали стены. Редкие цветы и тропические растения, расставленные в изобилии, переносили посетителя в Индию.

– Вы живете в настоящем очарованном замке! Недостает только одной вещи: молодой и красивой супруги, которая оживила бы своим присутствием всю эту роскошь, – с улыбкой заметила Эриксо.

– Увы, баронесса! Недостаток, который вы указываете, происходит не по моей вине. Я женат, но жена моя предательски бросила меня, и с тех пор я невольно веду жизнь холостяка.

Сердце Эриксо болезненно сжалось при виде того гнева, который сверкнул из-под полуопущенных ресниц индуса.

– Ваша супруга покинула вас? Как это странно! Мне кажется, вы обладаете всеми качествами, способными покорить сердце женщины, – с удивлением и недоверчиво заметила она в ответ.

На губах Адуманты мелькнула саркастическая, загадочная улыбка.

– Может быть, я слишком нескромна?

– Нисколько, баронесса! Ваши слова лестны для меня, а что касается моего брака, то это не секрет. Я приютил и воспитал сироту, которую, в конце концов, полюбил и хотел жениться на ней, но не принял в расчет того, что женщина, прежде всего, ищет забавы и веселья, а где же мне, труженику мысли, вечно занятому, разыгрывать любезного кавалера? Одним словом, я не сумел завоевать сердце молодой девушки.

– Зачем же тогда она согласилась стать вашей женой? – спросила Эриксо, охваченная снова каким-то глубоким болезненным чувством.

– Ей было неловко отказать мне открыто, но она дала мне истинный ответ, бежав с другим.

Присутствующие обменялись удивленными взглядами.

– Черт возьми! – вскричал Леербак. – Каков же должен быть этот обольститель, который предпочтен был вам?

– О! Самый простой смертный, ничем не выделяющийся из окружающей толпы. Словно вы не знаете, что сердце женщины загадка? Женщина существо непостоянное и капризное. Случай подчиняет её мужчине, случай делает её и изменницей.

Гневный взгляд, сопровождавший эти слова и брошенный им Ричарду, страшно поразил Эриксо.

– Красива она была? – почти бессознательно спросила она.

– А вы подозреваете у меня дурной вкус? Она была прекрасна, как небесное видение. Ко мне только тогда и вернется счастье, когда она снова займет свое место близ меня.

– Вы принудите её вернуться к вам? – пробормотала Эриксо, бледнея и тяжело переводя дыхание.

– О, нет! Я постараюсь завоевать её сердце и дать ей понять её неблагодарность, тогда она добровольно вернется под мою кровлю. Но вот обед и готов. Позвольте мне, баронесса, отвести вас к столу.

Эриксо села за стол пасмурная. Все её смутные подозрения снова пробудились в ней. С враждебным и лихорадочным жаром следила она за каждым движением индуса, сравнивая его с Аменхотепом.

Адуманта, казалось, ничего не замечал и весело болтал, любезно угощая гостей настоящим Лукулловым обедом. Сам же довольствовался несколькими овощами и кубком вина.

– Я вижу, что ваш европеизм не достиг того, чтобы разделить с нами этого чудного фазана, – весело и лукаво заметил профессор.

Индус улыбнулся.

– Вы правы; мой европеизм весьма поверхностен. Старый брамин, воспитывавший меня, внушил мне отвращение ко всякой животной пище. К тому же оккультные науки требуют от своих адептов, чтобы они придерживались пищи исключительно растительной.

– А зачем вас заставляли изучать эти науки? – с живостью спросила Эриксо.

– Я сам пожелал этого. Старый Арджуно был другом моего отца. Он жил в небольшой пагоде в конце сада, окружавшего дворец. Этот человек так умел рассказывать о чудесных тайнах и силах природы, что я пожелал сделаться его учеником. В сравнении с Арджуно я, понятно, не более, как простой невежда.

Разговор перешел на Индию, её прошлое и сосредоточился на таинственных науках и чудесах, совершаемых факирами.

– Все факиры отчасти претидижитаторы, производимые ими феномены, как бы необыкновенны они вам ни казались, вовсе не чудеса, так как чудес в природе не существует, – заметил Адуманта. – Неосновательно называть чудом умение владеть окружающими нас силами природы. От истинного мудреца ничто не ускользает, и настоящая магия состоит в том, чтобы развивать силы, вложенные в человека, и сделать его способным видеть, слышать и воспринимать то, чего другие не видят и не слышат, а если иногда и чувствуют, то все-таки не понимают; наконец, в развитии в себе шестого чувства, а именно: способности проникать в мир невидимый, которым вы совершенно пренебрегаете. С этой целью наши мудрецы сосредоточивают в своем организме такое количество астральной силы или света, что это не только обостряет их чувства, но и заменяет им ваши лучшие оптические инстру-

менты и дает возможность видеть то, о существовании чего вы даже и не подозреваете.

– И вы обладаете этой силой? – с любопытством спросил профессор.

– Отчасти – да. Так, например, я вижу в этом графине воды зародыш одной водоросли, которой не хватает только необходимых ингредиентов, чтобы начать развиваться. Вы мне не верите? – с улыбкой прибавил он. – Ну, хорошо! Я постараюсь сделать доступным вашим глазам то, что вижу сам.

Индус вынул из кармана красивый фуляр, издававший сильный аромат, всегда окружавший Адуманту, и накрыл им свою руку и графин.

Эриксо беспокойным взглядом оглядывала его, стараясь вспомнить форму руки Аменхотепа и в то же время упрекая себя за свои смешные подозрения.

– Что это вы так смотрите на меня, баронесса! Уж не боитесь ли вы, что я вытащу вам из горлышка крокодила? – с улыбкой спросил набоб.

– О! Если вы сделаете это, то, значит, вы сильнее Аменхотепа, – неосторожно вскричал профессор.

Ричард и граф от души расхохотались.

– Сильней кого? – спросил индус так спокойно и равнодушно, что Эриксо, не спуская с него глаз, вздохнула с облегчением, убедившись, что он в первый раз слышит это имя.

Профессор смущенно ответил:

– Я говорю об одном человеке, тоже занимающемся магией и очень в ней искусном, но он живет не здесь.

– А где же? Я всегда ищу знакомства с людьми, занимающимися магией, – спокойно продолжал Адуманта.

Сконфуженный и смущенный профессор пробормотал в ответ:

– Право, я не знаю, где он находится в данную минуту. Я уже давно не имею о нем никаких известий.

Едва заметная усмешка скользнула по губам индуса; трудно было сказать, вызвал ли её ответ Бэра или чувство самодовольства, что он поразит своих гостей удивлением, так как в эту минуту он снял фуляр – и крик изумления вырвался у всех.

Из глубины чистой как кристалл жидкости тянулся теперь тоненький, гибкий стебелек, поднимая над водой синий, как сапфир, цветок с розовым венчиком и с широкими и круглыми, бледно-зелеными листьями, покрытыми серебристым пухом. Дно же графина представляло из себя массу растений всевозможных форм, и все они имели однообразную сероватую листву, с пурпурными жилками. Среди этой зелени плавали крохотные золотые и серебристые рыбки и дельфины с широкой пастью; а в самой глубине этого неожиданного аквариума, на мшистом ковре покоились два миниатюрных крокодила, величиной с мизинец.

Пока присутствующие с восхищением рассматривали народившийся перед их глазами маленький мирок, Адуманта весело заметил:

– Как видите, баронесса, пугаться не было причины! То, что вы видите, очень просто. Не я создал эти существа, которые движутся там – они уже раньше существовали в этой воде, но только были невидимы для вас. При помощи тепла я увеличил их и сделал доступными вашему глазу.

Эриксо ничего не ответила. Сердце её тоскливо билось, и она нервно провела носовым платком по своему разгоряченному лицу. Жест, каким индус вытащил из кармана фуляр, показался ей как-то странно знакомым. А эта глубокая складка между бровями и надувшаяся на лбу жила – она не раз видела их на лбу другого. Но нет! Это невозможно! Больные нервы всюду пугают её одним и тем же призраком. Разве не знала она, что занятия магией требуют страшного сосредоточения воли? Разумеется, и у других магов на лбу может появляться такая же складка.

– Решительно, вы испугались, баронесса! Я глубоко сожалею об этом, – сказал набоб, с участием смотря на взволнованное лицо Эриксо.

– Нет! – быстро возразила она. – Я не испугалась; только я боюсь магии и...

– И магов, – перебил Адуманта.

Молодая женщина сконфуженно умолкла.

– Отчего вы их боитесь, баронесса? Разве вы испытали что-нибудь дурное? Это совершенно невероятно, так как мне кажется, что все чары на вашей стороне. Вы располагаете достаточно сильным оружием, чтобы покорить всех магов, не боясь их могущества.

Эриксо вспыхнула, а Адуманта лукаво прибавил:

– Вы возбуждаете мое любопытство, баронесса! Положительно, у меня является желание посоветоваться с моим магическим зеркалом. Стоит мне только взглянуть в него – и для меня нет тайн!

– Ах! Покажите нам это зеркало! – в один голос вскричали Бэр и граф так поспешно и с выражением такого жадного лю-

бопытства, что набоб откинулся на спинку кресла и от души расхохотался. Смех его был заразителен, и все присутствующие, не исключая и спрашивавших, невольно стали ему вторить.

– Надо уж простить нам наше любопытство, Адуманта, – весело сказал граф. – Но вы затронули вопрос, который в высшей степени интересуется нас. После того, что вы показали нам в этом графине, каких чудес можем мы ожидать от вашего зеркала!

Эриксо вздохнула полной грудью. Теперь она была уверена, что таинственный незнакомец – не Аменхотеп. Никогда «тот» не стал бы смеяться так! В её памяти пронеслась вся её жизнь в Мемфисе, в Александрии и в пирамиде. Ни разу ещё не слыхала она, чтобы из суровых и строгих уст, умевших только повелевать да произносить заклинания, вырвался такой смех. Точно камень свалился у неё с души и она, уже раскрасневшись, радостно, кокетливо улыбнулась Адуманте.

– Это правда! У меня зуб против магов. Может быть это потому, что я видела их дурные качества. Такой же любезный волшебник, как вы, заставит меня изменить мнение, показав мне науку с интересной стороны.

Насмешливый взгляд сверкнул из-под опущенных ресниц индуса. Любезно поклонившись, он сказал с улыбкой:

– Ваши желания, баронесса – закон для меня! Мое знание, как и я сам, всегда к вашим услугам. После обеда я проведу вас в свой рабочий кабинет, где и покажу вам обрывки моих познаний, весьма, впрочем, ограниченных.

Хозяина поблагодарили, и обед весело закончился. После кофе Адуманта провел все общество в большую круглую залу

с глубокой и темной нишей, задерживавшейся фиолетовой занавесью, которая теперь была поднята.

– Не угодно ли, баронесса, и вам, господа, – сказал набоб, открывая дверь, скрытую ковром, – пройти в соседнюю комнату и убедиться, что ниша с комнатой не имеют сообщения, и что там нет никаких подозрительных аппаратов.

Смежная комната была невелика и оказалась пустой; совершенно обнаженные стены были только оштукатурены.

– Теперь осмотрите также и нишу. Я хотел бы вам показать двор моего дворца близ Дели, а также и моего любимого слона.

Со свойственным ему скептицизмом, профессор поднялся, взял свечу в руки и пошел в нишу, ощупал стены, постучал в них и вышел обратно. Стены были толстые, капитальные, а смежная комната слишком мала, чтобы в ней мог уместиться слон.

Смеясь от души над его сосредоточенным видом, Адуманта Одеар поставил перед нишей кресла. Затем он нажал пружину. Тотчас же внутренние ставни закрыли широкие окна, на которые он опустил ещё толстый занавес. Только чуть брезживший свет свечи, поставленной в углу, смутно освещал комнату.

После этого индус сел в кресло, стоявшее посредине, откинулся на спинку и закрыл глаза. Через несколько минут, показавшихся присутствующим целой вечностью, Адуманта выпрямился, вынул из кармана флакон и вылил его содержимое в нишу. Почувствовался острый и очень сильный аромат. Затем поднялся густой дым; образовавшиеся облака в плотную заволокли нишу, где слышался легкий треск, словно там что-то горело.

Эриксо снова почувствовала давление какой-то тяжести. Ей казалось, что она снова находится в магическом и таинственном кругу, так долго державшем её пленницей. Лицо индуса, погруженного в тень, она не могла видеть, но его поднятые руки ясно вырисовывались в полумраке. Они словно фосфоресцировали, а длинные и тонкие пальцы источали свет и сыпали искрами. Мало-помалу, облачная завеса стала таять, и сквозь неё видны были разноцветные лучи вперемешку с молнией! Затем все погрузилось в блестящий, но мягкий и ровный свет. Воздушная завеса, наконец, расплылась совсем и удивленным глазам присутствующих предстал обширный, вымощенный мрамором двор, в глубине которого виден был дворец индийской архитектуры. Несколько ступеней вело на большую террасу, колонки которой поддерживали крышу, украшенную, словно кружевами, разноцветной, вызолоченной и покрытой эмалью резьбой. Посредине двора, в мраморном бассейне, бил фонтан и переливался мириадами разноцветных огней; вокруг виднелись высокие пальмы и смоковницы. Вся эта чудная, дышавшая покоем и негой картина тонула в розовом полусвете заходящего солнца. Под пальмой, у подножия террасы, громадный белый слон шумно чавкал, пожирая корм из большой тростниковой корзины.

Присутствующие замерли и онемели от изумления. Адуманта первый, встав с кресла, нарушил общее молчание.

– Не желаете ли вы, господа, посетить мой дом? – сказал он, предлагая Эриксо руку.

Та машинально, как во сне, последовала с ним через двор и вошла на террасу; за ними следом шли остальные. Не веря собственным глазам, они внимательно озирались вокруг. Профессор, чтобы убедиться, что не спит, даже ущипнул себя за ухо и так энергично наступил себе на мозоль, что не мог

удержаться и вскрикнул от боли. Нет, сомнения не было – он бодрствует!

Граф и Ричард, по его примеру, тоже испытывали себя: один, подставив руку под струю фонтана, почувствовал свежесть воды; другой погладил слона, полной грудью вдыхая влажный и ароматический воздух, так непохожий на европейский. Поднявшись на террасу, профессор вытащил из большой вазы цветок голубого лотоса и вдел его в петлицу.

Эриксо остановилась на террасе и, опираясь на руку набоба, глаз не могла отвести от полосатой портьеры, закрывавшей вход во дворец. Странная работа шла в её голове. Все, что она видела сейчас, казалось ей знакомым и уже виденным раньше. За этой дверью должна находиться большая зала с зелеными колоннами, обставленная низенькими диванами; дальше шла полукруглая комната, полная цветов, с причудливым убранством из сандалового дерева. Комната эта вела на другую террасу, меньших размеров, у подножия которой расстился сад.

Увлекая своего спутника, Эриксо быстро направилась к входной двери. Она жаждала проверить свои воскресшие воспоминания. Нет, она не ошиблась! Завеса действительно скрывала большую залу с диванами, а дальше шла гостиная с террасой. Даже красный шелковый стул оказался на своем месте, рядом со столом, на котором стояли корзинка, амфора и кубок. Тут припомнилось ей, что на этой самой площадке, при лунном свете, часто танцевала она в белой, воздушной тунике, с распущенными волосами, украшенная тяжелыми ожерельями и запястьями. Только на террасе, прислонясь к колонне, стоял не этот индус в черном фраке, а Аменхотеп в полотняной тунике, суровый, бесстрастный и холодный, как всегда.

Эриксо бессильно опустилась на ближайший стул и прижала руку к своему трепещущему сердцу.

– Вы, кажется, устали, баронесса? Не угодно ли вам освежиться пальмовым вином? – произнес в эту минуту звучный голос Адуманты, который подал ей золотой кубок, переполненный сильно ароматным вином. Эриксо приняла кубок.

Случайно, или с намерением, но кубок выскользнул из её дрожащей руки, и вино разлилось по зале.

Адуманта в это время отвернулся, и Эриксо не видела ярости, вспыхнувшей в его глазах.

– Однако, время уходить. Пойдемте, господа! – спокойно обратился он к гостям.

Они поспешно прошли через залу и двор. Едва профессор, шедший последним, прошел через сводчатую арку, образовавшую словно длинный и темный коридор, как все вдруг оказались сидящими в своих креслах в круглой зале, освещенной свечей. Перед нишей клубились ещё густые облака, но и они, впрочем, почти тотчас же рассеялись.

– Великий Боже! Какой сон! – вскричал, задыхаясь, граф.

– Но вы не сон видели! Вы просто совершали экскурсию в мой дворец в Гималаях, – ответил Адуманта, смеясь и вытирая свое разгоряченное лицо.

– Конечно, мы не спали! Посмотрите: этот голубой лотос в моей петлице доказывает, что мы действительно сделали прогулку в Индию, без малейшей потери времени! – вскричал сияющий Бэр.

– Это правда. У меня вся манжета смочена струей фонтана, – прибавил граф, ощупывая рукав.

Ричард же молча показал живого колибри, которого держал в руке.

– Он сидел на балюстраде и без всякого сопротивления дал себя поймать, – прибавил барон, выпуская на свободу птичку.

– Нет! Это превосходит всякие границы самого фантастического воображения, самой необыкновенной магии. Вы, Адуманта – второй Аменхотеп! – вскричал профессор, не владея собой и в беспокойстве бегая по зале.

– Что это за особа, которую вы называете уже второй раз и которую считаете великим магом? – спросил индус, внимательно смотря на Бэра.

Но Эриксо пришла тому на помощь и избавила от необходимости отвечать на такой щекотливый вопрос. Быстро подойдя к набобу, она протянула ему свою маленькую ручку и дрожащим от волнения голосом сказала:

– Ваше знание ужасающе, господин Аллан! Но я хотела бы подвергнуть его последнему испытанию и попросить вас сказать, сколько мне лет и откуда я родом, конечно, если мой вопрос вы не сочтете назойливым!

– Нимало, баронесса! Я сочту за особое удовольствие ответить вам.

Адуманта наклонился над атласной ладонью молодой женщины, насмешливо улыбаясь и показывая из-под черных усов свои прекрасные, ослепительной белизны зубы.

– Если бы кто-либо услышал число ваших лет, не выдав вашего очаровательного личика, то отшатнулся бы в ужасе, и все ваши обожатели, вздыхающие у ваших ног, баронесса, в ужасе бежали бы от вас. Но потрудитесь сесть! И вы, господа! Чтобы исполнить желание баронессы, я вызову прошедшее,

как вызвал сейчас настоящее. То, что вы увидите, дополнит мой ответ.

Гости в волнении заняли места. Один Адуманта был по-прежнему спокоен и сосредоточен. Вынув из кармана горсть песка, он бросил его в темную нишу.

Снова за клубилось густое облако, и когда оно рассеялось, Ричард и Эриксо не могли сдержать крик изумления при виде развернувшейся перед их глазами странной картины, живой и реальной, как сама действительность.

Там, в двух шагах от себя, они увидели внутренность пирамиды, некогда построенной царевичем Пуармой в саду его дворца в Мемфисе. При свете двух масляных ламп можно было различить две надгробных статуи, жертвенник, на котором курились ароматы, и двух сфинксов, таинственных и странных в их строгой красоте, которые словно смотрели на зрителей своими блестящими глазами.

Как и тогда, в ту ужасную ночь, когда Эриксо заснула на долгие века, дверь пирамиды была полуоткрыта. Сквозь неё видны были залитые лунным светом деревья и кусты сада. Издалека доносились голоса, пение, шум и говор пира, который справлялся по случаю бракосочетания Нуиты с царевичем Пуармой.

Позабыв, что перед ней видение, а не действительность, Эриксо готова была кинуться в пирамиду, до такой степени жизненна была эта вызванная картина прошлого; но ледяной порыв ветра отбросил её обратно в кресло.

Ричард тоже встал, смертельно побледнев, и, вытянув вперед руки, молча смотрел на сфинксов – свое создание, затем он как сноп повалился на пол, успев лишь вскрикнуть:

– Мои сфинксы!.. Мои сфинксы!

Видение мгновенно исчезло.

Эриксо, рыдая, бросилась к мужу, которого набоб как ребенка поднял и усадил в кресло.

– Успокойтесь, баронесса! Ваш супруг через минуту очнется, – сказал Адуманта, поднося какой-то флакон к носу барона. – Вы совершенно напрасно расстроились. Я просто вызвал к жизни луч прошлого.

В эту минуту Ричард открыл глаза. Он сам трунил над слабостью своих нервов, но жаловался на сильную головную боль и выразил желание вернуться домой.

Набоб не стал удерживать, и гости, горячо поблагодарив Адуманту за любезный прием и показанные чудные опыты его знания, уехали.

– Я боюсь, как бы этот человек не принес нам несчастья. Мне кажется, что мы уже подпали под влияние его оккультной силы, – тоскливо пробормотала Эриксо, сидя вдвоем с мужем в карете.

Глава IX.

Тяжелое впечатление, вызванное посещением Адуманты и странным видением, рассеялось на другой день, а визит индуса, явившегося справиться о здоровье своих гостей, окончательно их успокоил.

Адуманта так весело шутил над своим престижитаторским искусством, так мило трунил над ни на чем не основанным страхом, вызванным призрачным видением, что рассме-

шил всех. Скептицизм Бэра и старого графа окреп, Ричард как-то пассивно соглашался со всеми доводами индуса, и одна Эриксо в глубине души таила смутное предчувствие, объяснения которому не могла найти.

Время проходило очень весело, как вдруг однажды набоб, с которым все свыклись, объявил, что по неотложным делам уезжает в Лондон, но что вернется на осень в свой замок близ Гмундена и приглашает друзей на сезон охоты, к какому времени соберутся у него и другие знакомые.

Приглашение это было так просто и радушно, а молодой индус пользовался такой всеобщей симпатией, что граф, не колеблясь, принял его; особенно рад был Ричард, страстный охотник. И вот, месяц спустя, семья графа прибыла в Гмунден и радушно была встречена набобом. Замок, хотя и древней постройки, был вместителен и прекрасно обставлен. Громадный парк, скорее лес, окружал его и был полон дичи. Апартаменты, отведенные для графа с семейством, были роскошны; особенным изяществом отличался будуар Эриксо.

Комната была вся убрана белым газом и кружевами и обставлена белой шелковой мебелью и массой редких цветов.

Больше всего ей понравилась терраса, с которой открывался чудный вид на парк и окрестности. Там она мечтала иногда по целым часам, пока мужчины играли на бильярде, в шахматы или спорили о политике.

Через неделю после их приезда прибыли и остальные приглашенные: две английских семьи и несколько австрийских офицеров. Замок сразу ожил и зашумел. Погода стояла дивная и проектировалась дальняя поездка верхом, сопровождаемая охотой на лисиц.

Эриксо, страдавшая нервной головной болью, отказалась принять в ней участие и осталась в замке, в обществе одной старой леди и её дочери. Дамы вышли на террасу провожать отъезжающих и, к великому своему удивлению, Эриксо увидела, что Ричарду подвели того самого черного скакуна, который некогда очаровал их, и что барон переговорил о чем-то с Адумантой и с сияющим видом стал его благодарить.

Какое-то тоскливое чувство сжало её сердце. Подойдя к мужу, гладившему шелковистую гриву коня, она шепнула ему на ухо:

– Если ты меня любишь, Ричард, не садись на эту лошадь! Я боюсь ее, и она внушает мне зловещие предчувствия.

– Дорогая моя! Право, твои нервы чересчур уж расшатаны, – нетерпеливо ответил Ричард. – Адуманта только что подарил мне Саламандру, а я на этот царский дар отвечу невежливостью и унижительной трусостью?

Не обращая внимания на жену, Ричард повернулся и вскочил в седло. Все окружили их, а офицеры с ревнивой завистью оглядывали лошадь и всадника.

Обиженная Эриксо отвернулась, взяла молодую мисс под руку и ушла в замок. Предчувствия ее, однако, не оправдались.

С прогулки Ричард вернулся, здоров и невредим и в лучшем расположении духа. Он был обвешан убитыми им зайцами и, целуя жену, шепнул ей добродушно:

– Ты видишь, дорогая, какую цену имеют твои предчувствия! Никогда ещё я не пользовался такой удачей; Саламандра – лучшая лошадь, на какой я когда-либо ездил.

Дальнейшее время шло необыкновенно весело; не было ничего такого, что смутило бы или испугало Эриксо. Тем не менее, она не была спокойна, так как убедилась, что Адуманта Одеар питал к ней не простое восхищение, а более глубокое и опасное чувство.

Утомленная и словно разбитая ложилась Эриксо спать. Ею овладевали апатия и равнодушие ко всему, начиная с Ричарда, к которому она в такие минуты не чувствовала ничего похожего на страстную любовь, внушаемую ей мужем.

По временам Эриксо стряхивала с себя это странное состояние души. В такие минуты она жаждала уехать из замка, а индус внушал ей страх и почти отвращение. Но такие минуты возмущения быстро исчезали, и образ Адуманты все чаще и чаще начинал преследовать ее. Она с интересом думала о нем и отдавалась обаянию его оригинальной, чарующей личности.

Однажды была устроена большая охота. Погоня за дивным оленем затянулась дольше обыкновенного. Эриксо, с жаром принимавшая участие в охоте, сама не зная как, отделилась от остальных охотников и, наконец, заблудилась.

Пустив лошадь шагом, она пыталась сориентироваться. Вечер был чудный. С наслаждением вдыхая живительный степной воздух, по маленькой тропинке Эриксо выехала на большую поляну, в конце которой среди вековых дубов сверкала гладкая поверхность озера. Глубоким покоем дышал этот чудный уголок, залитый розовыми лучами заходящего солнца.

Она остановила лошадь и задумалась, глядя на озеро, близ которого виднелись какие-то развалины. Окружавшая её тишина благотворно действовала на её усталую душу. Вдруг до

её слуха издалека донесся звон бубенчиков, а затем совсем уж близко от неё заржала лошадь. Эриксо быстро обернулась и увидела подъезжавшего к ней Адуманту Одеара.

Индус снял шляпу, и его прекрасное, бледное лицо было оживлено.

– Я не ошибся! Вы заблудились, баронесса, и мой инстинкт безошибочно привел меня к вам.

– Скорей ваше знание, чем инстинкт, – улыбаясь, заметила Эриксо. – Но как здесь чудно хорошо! Я положительно не жалею, что заблудилась. Счастливее! Во всех частях света вы владеете уголком рая, и при этом ещё сами великий маг!

– Будто? – спросил индус, полунасмешливо улыбаясь. – Вы это говорите, да и я желал бы им быть, чтобы склонить ваше сердце, так как я вас люблю, Эриксо, и не в силах далее молчать, – прибавил он, наклоняясь к ней и всматриваясь ей в глаза своим страстным и властным взглядом.

Эриксо ничего не ответила. Сердце её так сильно билось, точно готово было разорваться. Она чувствовала себя под могучим обаянием этого взгляда. Никогда ещё Адуманта не казался ей таким красивым; как сквозь туман видела она протягивающуюся к ней руку индуса. Блеск сапфира ослепил ее, а затем рука Адуманты обняла её за талию.

Эриксо не сопротивлялась: чувство тоски и страсти, опьянения и ужаса сковало ее. Один только раз, а именно во время свадьбы, когда ей явился Аменхотеп, почувствовала она нечто, схожее с настоящим. Голова её бессильно опустилась, когда он склонился к ней. Слово огнем обожгло Эриксо. Когда он страстно поцеловал её в губы, у неё захватило дыхание и она почувствовала, как пылающий ток пробежал по её жилам.

Минуту спустя индус выпрямился. Счастливая, торжествующая улыбка осветила его гордые черты лица. Сконфуженная и подавленная стыдом, Эриксо опустила голову.

– Вернемся! Я буду указывать вам дорогу, – весело и беззаботно сказал Адуманта, как ни в чем не бывало.

Видя, что она пришпорила лошадь, индус галопом обошел ее.

По возвращении в замок, Эриксо отказалась от ужина и, сославшись на усталость, ушла к себе и легла в постель. Она была очень взволнована и беспокойна. Образ Адуманты преследовал ее. Его восточная, оригинальная красота, могучая сила, которой дышало все его существо, и странный и таинственный ореол, его окружавший, – все очаровывало и покоряло ее. В своих мечтах она до такой степени забыла Ричарда, что почувствовала даже досаду, когда он пришел, и притворилась спящей, чтобы избежать разговоров. В эту минуту она не только не любила мужа, но он даже был ей почти ненавистен.

Когда Эриксо проснулась на следующий день, она была гораздо спокойнее. Под страстным чувством, какое почти внушил ей Адуманта, начало пробиваться враждебное недоверие. Что значит её равнодушие к мужу, которого, однако, она так искренне любила? К чему, кроме стыда и позора, могла привести тайная связь с этим таинственным человеком, который нравился ей и которого она в то же время боялась? Нет, надо как можно скорей уезжать! Они и так уже слишком долго пользуются его гостеприимством.

Порешив на этом, Эриксо в тот же день сообщила отцу и мужу о своем желании ехать домой. Но граф и Леербак и слышать не хотели. Их отъезд был назначен через неделю, и та-

кое, ничем не мотивированное бегство казалось им смешным и оскорбительным для любезного и предупредительного хозяина дома. Эриксо должна была уступить, – но решила всячески избегать оставаться наедине со своим опасным Амфитрионом.

Прошло несколько дней со времени описанного нами случая. Эриксо твердо держалась раз принятого решения и избегала набоба. Но ею овладели такая нервность и такое болезненное состояние, а по временам такое желание видеть Адуманту и снова испытать его лобзания, что она положительно не знала, что делать. Особенно раздражала её болезненная двойственность её чувств, которые беспрестанно менялись, наполняя её сердце то страстью, то недоверием к индусу. Она даже снова принялась было искать в нем Аменхотепа.

Замок начал пустеть. Англичане и австрийские офицеры уехали. На следующий день граф и его спутники тоже должны были покинуть гостеприимный кров набоба.

После полудня Эриксо была одна у себя, сославшись на мигрень, чтобы не выходить к обеду.

Граф был занят деловыми письмами, профессор страдал подагрой. Индус, как говорили, уехал в Гмунден, а Ричард поехал кататься верхом.

Лежа на диване в своем любимом будуаре, Эриксо мечтала. Взор её блуждал по цветам, произведениям искусства и всей волшебной обстановке, которой окружила её любовь набоба. Каждая вещь здесь говорила ей об Адаманте и временами погружала её в какое-то нервное оцепенение, во время которого она страстно желала видеть индуса, но тут же её внезапно, ещё с большей силой, чем прежде, мучили подозрение и тоска. В минуту такой нравственной пытки у неё вдруг яви-

лось непобедимое желание пробраться теперь, покуда индус был в отсутствии, в его комнату и посмотреть, не найдет ли она чего-нибудь, что подтвердило бы или окончательно рассеяло её сомнения и недоверие.

Комнаты набоба были расположены на противоположном конце замка. Хотя она никогда не бывала там, тем не менее, знала дорогу. Под влиянием своего болезненного любопытства Эриксо почти бегом направилась туда. Одного только боялась она: как бы не встретить кого-нибудь из слуг, но и эта боязнь оказалась напрасной.

Она беспрепятственно прошла несколько больших зал, погруженных в полумрак, благодаря спущенным толстым шторам, и вошла в большую, тоже полутемную, комнату. Судя по большому столу, заваленному пергаменами и заставленным какими-то странными, незнакомыми инструментами, комната эта должна была быть рабочим кабинетом Адуманты.

С любопытством обошла она комнату, как вдруг увидела нечто вроде большого шкафа, стоявшего в глубокой нише. Кабалистические знаки и иероглифы сплошь покрывали его; а большая дверца была немного приотворена.

Эриксо осторожно приоткрыла дверцу и заглянула внутрь, но в ужасе попятилась, хотя то, что она увидела, вовсе не было страшно.

Задней стенки, казалось, у шкафа не было; он походил скорее на открытое окно, из которого видна была далекая панорама. В голубоватой, прозрачной дали расстилалась пустыня, на песке которой высились большая пирамида и Сфинкс. Как в действительности, только в миниатюре, видны были эти два великие таинственные памятника древнего мира. Вдруг она с трепетом заметила, что потайная дверь между лапами

сфинкса была открыта, а у входа в пирамиду, в полумраке, двигалась маленькая человеческая фигурка, одетая в белые одежды, с клафтом на голове.

Безумная мысль мелькнула в возбужденном мозгу Эриксо. Рука её стала торопливо искать в складках шелкового пеньюара священный нож Аменхотепа и вытащила его. Сильный жар, исходящий из рукоятки, указывал, что магическое оружие коснулось каких-то неведомых могучих чар. Но она осталась глуха к этому предупреждению. Вытянув руку, она толкнула острием кинжала маленькую дверь, ведущую вовнутрь пирамиды, и захлопнула ее.

Сноп искр покрыл лезвие магического ножа, и в тот же момент перепуганная Эриксо почувствовала, как земля заколебалась у неё под ногами. Ураган подхватил её и закружил в пространстве. У ног её раскинулась пустыня, а Сфинкс и пирамида приняли свои настоящие гигантские размеры. Все двигалось, дрожало, звенело вокруг и мало-помалу потонуло в густом сумраке. Она чувствовала, как её влекла какая-то сила со страшной быстротой и погрузила, словно в море огня. От адской боли во всем теле она потеряла сознание.

Когда она очнулась, то увидела, что лежит в комнате, смежной с рабочим кабинетом Адуманты. Малейшее движение причиняло ей невыносимые страдания. Она попыталась осмотреть себя и увидела, что рука ее, конвульсивно сжимавшая магическое оружие, была покрыта ожогами. С ещё большим ужасом она убедилась, что почти обнажена и что только несколько полуистлевших клочьев шелка и батиста висели на её плечах и у пояса. Теперь лишь вполне поняла она, что неосторожно коснулась ужасных и неизвестных законов – и вторично лишилась чувств.

Смутный гул голосов и страшная боль заставили молодую женщину открыть глаза. Отец, Бэр и две камеристки суетились и хлопотали около нее. На неё уже накинули пеньюар, укутали в одеяло и осторожно перенесли в спальню, где уложили в постель. В ожидании доктора, за которым было послано в Гмунден, ей старались оказать неотложную помощь.

Граф и Бэр были в страшном волнении. Удар грома, потрясший до основания весь дом и в первую минуту приписанный пороховому взрыву, взбудоражил всех обитателей замка. Во время паники никто не мог сообразить, в какой именно части замка случилось несчастье. Один из слуг, бледный как полотно, дрожащим голосом первый объяснил, что взрыв произошел в кабинете его господина. Он относил в смежную с кабинетом комнату какую-то книгу и журнал, когда страшный удар оглушил его; тут он с ужасом увидел, как распахнулась дверь и в нее, подобно бомбе, влетел и упал на пол какой-то белый предмет, весь испещренный искрами. Из кабинета ясно доносился треск пожара, и ему показалось, что он весь объят пламенем.

Когда граф и Бэр с прислугой прибежали на место катастрофы, они нашли Эриксо замертво лежащей и покрытой ожогами. В кабинете уже не было огня, но все: мебель, портьеры, книги, – словом, положительно все было уничтожено пламенем. Обнаженные стены, однако, не носили следов дыма, но в нише, где стоял таинственный шкаф, стена дала трещину во всю свою толщину.

Когда первый испуг немного улегся, граф осведомился о набобе, желая предупредить его о случившемся. Он думал, что индус ещё в Гмундене. Каков же был его ужас, когда он узнал, что за час до несчастья Адуманта вернулся домой и за-

перся в своем кабинете, куда никто не смел входить без особого на то приказания.

Тщетно всюду искали молодого хозяина дома, его нигде не было. Оставалось предположить, что он погиб, не оставив следа. Пораженные, граф и Бэр в молчании стояли в кабинете, понутив головы, как вдруг пришло известие о новом несчастье.

Конюх, сопровождавший Ричарда, вернулся домой, держа поперек седла неподвижное тело барона. И он рассказал, что они были на обратном пути домой, когда он услышал что-то вроде пушечного выстрела и увидел, как лошадь барона взвилась на дыбы. Ему даже почудилось, что из земли будто брызнул огонь. Его конь тоже закусил удила, и ему стоило большого труда его успокоить. Справившись с лошадью, он вернулся на прежнее место, и нашел Леербаха лежащим на земле без движения, а Саламандра без следа исчезла. Прибывший доктор объявил, что барон умер, а положение Эриксо очень опасно. У молодой женщины открылась горячка. В бреду она звала то мужа, то набоба, которого все ещё не могли нигде найти.

Когда вечером граф и профессор остались одни у постели, на которой со стоном металась Эриксо, первый заметил:

– Нет никакого сомнения, что она неосторожно коснулась какого-нибудь магического аппарата, чем и вызвала это несчастье и смерть бедного Ричарда.

– Если бы, по крайней мере, можно было расспросить её и узнать, что она такое сделала и каким образом попала в лабораторию мага? – ответил расстроенный до глубины души и со слезами на глазах Бэр, искренно полюбивший Леербаха за время их долгих совместных скитаний.

Прошло несколько дней. Адуманта не появлялся, а Эриксо находилась все в том же отчаянном положении. Следствие, предпринятое властями, не выяснило ничего. На общем совете было решено, что профессор отвезет гроб Ричарда в замок Кронбург, а граф останется при дочери, пока она не оправится настолько, что можно будет безбоязненно перевезти и ее.

К великому изумлению всех, тело барона, несмотря на то, что прошло уже пять дней, не подавало ни малейших признаков разложения. Члены его по-прежнему были гибки, он имел вид глубоко спавшего человека. У профессора явилась мысль, что Ричард был только в летаргии, и он решил наблюдать за ним и не хоронить, пока не обнаружатся явные признаки разложения.

Тело Ричарда было положено в ящик с большим отверстием, чтобы он не задохнулся, если проснется. Итак, профессор уехал, а граф остался.

Состояние Эриксо все ухудшалось; лекарства докторов, казалось, приносили ей больше вреда, чем пользы. Граф был в отчаянии. Он чувствовал себя очень нехорошо в этом чужом доме, и без хозяина. Между взволнованной прислугой стали носиться какие-то странные слухи.

Конюх, ездивший с бароном и ходивший за Саламандрой, рассказывал, что лошадь возвращалась каждую ночь в стойло. Он слышал её ржание и даже ощупывал ее, но, несмотря на это, животное оставалось невидимым. Пораженный всем этим и предполагая, что имеет дело с дьяволом, он стал просить расчета.

Граф позвал его к себе и пытался убедить, что он просто бредил и лучше сделает, если подождет, пока, так или иначе,

объяснится исчезновение хозяина дома или явятся его наследники.

– Ничего не объяснится, господин граф, – ответил конюх, – так как наш господин был колдун! Я сам не верил этому и смеялся в лицо Клименту, когда он уверял меня, что наш господин появляется иногда Бог весть откуда, например, из угла комнаты, где нет двери. Кроме того, он всегда знает, что делается в людских, и слышит вещи, которые не может слышать ни один добрый христианин. Раз послал он Климента за чем-то в охотничий павильон и приказал ему торопиться, а тот стал перебраниваться с лесником и оттого запоздал. Вот, когда он вернулся, господин и говорит ему: «Как ты смел попусту время терять и затевать скандал с лесником, когда я жду тебя!» Нет, ваше сиятельство, что ни говорите, а господин Адуманта продал-таки душу дьяволу, и это сам сатана в адском пламени явился за ним. А что до лошади, так клянусь вам, что я сказал только истинную правду! В первый раз, как я услышал ночью её ржание и топот копыт, никакое подозрение мне и на ум не приходило, а просто, думаю себе, что Саламандра нашла дорогу в конюшню. Обрадовался я, бросился к ней, а пока искал спички, потрепал по крупу, по шее, и лошадь, по обыкновению, потерлась головой о мою руку. И захотелось мне посмотреть, не поранила ли она себя, зажег я фонарь... и представьте себе мой ужас, когда я увидал, что стойло пусто! С тех пор! С тех пор чертова тварь каждую ночь приходит, ржет, сопит, копытами топает, а саму её не видно. Нет! Как прикажете, а я уйду! Свою душу губить не сотласен!

– Но, друг мой, это все галлюцинации!

– Нет-с, ваше сиятельство, не один я заметил дьявольщину, и скажу более, Саламандра никогда не была обыкновенной

лошадью. Иногда она, бывало, смотрит так странно, а ржание её точь-в-точь походило на человеческий смех. Это был демон, а не лошадь.

Не помогли никакие убеждения, и конюх в тот же день ушел. Часть прислуги последовала его примеру. Так как в числе беглецов находилась также одна из камеристок Эриксо, то графу пришлось пригласить сестру милосердия для ухода за больной.

На другой день после этого разговора в замок прибыл человек, объявивший, что набоб поручил ему управлять имением, и представивший документ, уполномочивавший его на это.

Он был высок и худощав, восточного типа, с бронзовым цветом лица. Он отлично говорил по-английски; но по-немецки изъяснялся весьма плохо.

В частном разговоре с графом он сообщил, что Адуманта Одеар жив и здоров и что он, благодаря счастливой случайности, оставил замок за четверть часа до взрыва, вызванного неосторожностью баронессы, которая, из чисто детского любопытства, коснулась электрического аппарата громадной силы и разрядила его. Он прибавил, что известие о смерти старшего брата принудило Адуманту спешно уехать в Индию, но что он умоляет графа пользоваться его гостеприимством, пока баронесса вполне не поправится, и отдает весь замок в его полное распоряжение.

С этого дня в замке все пришло в порядок. Новый управляющий поселился в комнатах, которые раньше занимал его господин – и все вошло в свою колею. Тем не менее, графа все-таки влекло поскорее домой. Бэр писал ему, что тело Ричарда находится в прежнем положении, и на нем нет ни малейших следов разложения. Оно было положено в фамильный

склеп, но он, профессор, принял все меры, чтобы тотчас же оказать помощь Леербаху, если тот проснется.

Эриксо продолжала чувствовать себя очень дурно. Теперь к физической боли присоединились ещё нравственные страдания. Из разговора камеристки с сестрой милосердия она узнала о смерти Ричарда и об исчезновении набоба. Угрызения совести овладели ею, и она горько упрекала себя за неосторожность, вызвавшую столько несчастья.

В состоянии Эриксо произошла легкая перемена к лучшему. Лихорадка уменьшилась, но раны и ожоги продолжали невыносимо болеть, так что, несмотря на все свое самообладание, она не могла сдержать стонов.

Как-то ночью Эриксо не могла заснуть: тело горело, губы были сухи, и страшная жажда мучила ее. Сестра же милосердия так крепко спала в соседней комнате, что больная не могла никого дозваться. Тяжелые думы угнетали ее. Она думала о смерти Ричарда и с тоской убеждалась, что, несмотря на все её сожаления, горе её было далеко не так глубоко, как должно бы было быть, что между ней и гробом барона восстает образ Адуманты, дышавший тем странным очарованием, которое покоряло её чувства и заставляло усиленно биться сердце при воспоминании о нем.

Тщетно гнала она от себя эти думы, которые считала преступными, пыталась сосредоточить мысли на Ричарде и старалась проникнуться глубиной своей непоправимой потери. Все было напрасно! В памяти её постоянно восставал индус, со своей загадочной улыбкой и всепокоряющим взглядом больших, темных глаз – и она забывала все, даже терзавшую её боль, и думала только о нем.

Шум открывшейся двери заставил её вздрогнуть, и Эриксо с удивлением увидела, что портьера раздвинулась, хотя никто и не входил в комнату. Эриксо вздрогнула, и холодный пот выступил у неё на лбу, когда слышались твердые, хорошо знакомые шаги.

Затем кто-то остановился у её кровати, и чья-то мягкая рука с длинными и тонкими пальцами легла ей на лоб.

Она хотела вскрикнуть, но голоса не было, и она, точно парализованная, лежала неподвижно.

– Безумная! Что ты наделала! – словно издалека донесся до неё голос Адуманты. – Мне следовало бы дать тебе погибнуть или предоставить тебя долгим и заслуженным страданиям. Но я сжалился над тобой, так как люблю тебя! Думая, что ты уже достаточно наказана, я явился облегчить твои страдания.

Эриксо чувствовала, как к её наболевшему телу был приложен холодный и влажный компресс, распространявший приятную свежесть. Затем те же невидимые руки вытерли ей лицо и поднесли к губам кубок с ароматным питьем. Она сразу почувствовала, как прибавилось у неё силы. Теперь тонкие пальцы Адуманты касались её лба. Чувство покоя, невыразимого благосостояния и бесконечного счастья наполнило все её существо. Приятная дремота скоро перешла в глубокий сон.

Когда Эриксо проснулась, то с удивлением узнала, что проспала более десяти часов. Во время этого сна в состоянии больной произошла поразительная перемена к лучшему. Раны закрылись, ожоги побледнели, а боль потеряла свою остроту. Доктора крайне удивлялись такому неожиданному выздоровлению.

С этого дня здоровье её стало быстро улучшаться. Граф, только и ждавший того момента, когда можно будет поскорей уехать, пытался убедить ее, что путешествие не представляет для неё теперь больше опасности, но Эриксо упрямо объявила, что ещё слишком слаба, а потому следует ещё немного обождать.

Истинная же причина, приковывавшая её к замку, заключалась в поглощавшем её все более и более страстном чувстве, внушенном ей Адумантой, хотя последний по-прежнему оставался для неё невидимым. Эриксо уже больше не оплакивала Ричарда. По временам она даже забывала, что он когда-либо существовал. Теперь она жила только ожиданием прихода индуса, который являлся к ней каждый вечер, как только она оставалась одна.

Эриксо издали слышала его приближавшиеся шаги, чувствовала на своих губах его поцелуй и ощущала, как он нежно гладил рукой её волосы. Он отвечал на её вопросы, но сам оставался невидимым. Тщетно Эриксо умоляла его показаться и пыталась схватить его – её руки хватали только воздух, и на все её мольбы индус неизменно отвечал мягким и грустным тоном:

– Я не могу сделать этого! Ты сама во всем виновата: ты создала мне такое тяжелое положение!

Однажды Адуманта не пришел и не появлялся после этого целую неделю. Эриксо была в страшном волнении. Его отсутствие было для неё настоящей пыткой. Вместе со здоровьем к ней вернулись её энергия и самовольный характер.

Наконец, однажды, вечером, когда она, кипя нетерпением, обрывала великолепный букет, присланный ей утром управ-

ляющим от имени его господина, пожатие хорошо знакомой руки заставило её вздрогнуть.

– Адуманта! – радостно вскричала она.

Затем, овладев собой, быстро встала и вскричала повелительным и нетерпеливым тоном:

– Любишь ты меня? Да или нет?

– Я люблю тебя, моя прекрасная Эриксо, и понимаю значение твоего вопроса: ты хочешь, чтобы я снова сделался видимым для твоих глаз! Я сам не желаю ничего лучшего, как исполнить твое желание, но ты сама, своим неблагоразумным поступком, осудила меня на такое положение.

– Я не допускаю подобного обвинения, – сказала Эриксо, дрожа от волнения. – Я признаюсь, что была неправа, и прошу у тебя прощения. Но ты слишком учен и могуществен, чтобы не мог исправить сделанное мною зло, если только, конечно, пожелаешь этого.

– Ты права! Мое знание указывает мне средство разрушить чары, но только пожелаешь ли ты воспользоваться этим средством?.. Любишь ли ты меня настолько, Эриксо, чтобы следовать за мной, разбить узы, связывающие тебя с миром, и войти в качестве супруги в мой дворец в Дели? Как мудрец и маг, я не могу долго оставаться в этом пустом и пошлом мире, который к тому же мне противен. Впрочем, какое может быть тебе дело до мира, если мы будем принадлежать друг другу, если я дам тебе все радости любви, все наслаждения богатства и все могущество, созданное моим знанием?

Дрожащий и страстный голос Адуманты, как нежная ласка, звучал в ушах Эриксо; его горячее дыхание касалось её щеки, а невидимая рука его играла её золотистыми локонами, об-

рамлявшими лоб. Какая-то слабость и томление овладели ею. С минуту ещё чувство любви боролось в ней с недоверием, но и эта борьба скоро исчезла.

– Что мне надо сделать, чтобы ты снова сделался видимым для моих глаз? Говори! Я последую за тобой, так как борьба утомила меня. Минутами я не понимаю, какое чувство ты внушаешь мне, но я не могу избавиться от твоего влияния.

– Это влияние – любовь, – пробормотал индус, и Эриксо почувствовала горячий поцелуй на своих губах. – А теперь, возлюбленная моя, выслушай меня внимательно! Ты должна вернуться в замок твоего отца. Там, в вашем фамильном склепе, лежит тело барона Леербаха. Он, как и предполагает совершенно справедливо профессор, не умер, а находится в летаргическом состоянии вследствие сильного электрического разряда. Ты должна взять магический нож, похищенный тобой у Аменхотепа, спуститься в склеп между одиннадцатью и двенадцатью часами ночи и вонзить кинжал в грудь Ричарда. В ту минуту, как его кровь обagrит твои руки, я сделаюсь видимым для тебя и возьму тебя к себе. А теперь я должен расстаться с тобой! Если ты хочешь меня видеть, ты поступишь, как я сказал, а до тех пор – прощай!

После этих слов все стихло. Смущенная Эриксо в волнении закрыла руками лицо и расплакалась.

На следующее утро она объявила отцу, что желает вернуться домой. Обрадованный граф, давно ждавший возвращения, постарался немедленно все устроить. Через сутки состоялся отъезд.

Бледная, задумчивая и расстроенная, вступила Эриксо в отцовский замок. Как грешная душа блуждала она по комнатам, терзаясь самыми разноречивыми чувствами. Её мучило жела-

ние видеть Адуманду и, в то же время, мысль поразить кинжалом тело мужа приводила её в ужас. Каждое утро она твердо решала выполнить дело освобождения, а вечером дрожала при одной мысли спуститься в склеп. Иногда же перспектива навсегда похоронить себя во дворце индуса наполняла тоской её сердце.

Наконец, пожиравшее её беспокойство достигло своего апогея. С самого утра Эриксо не знала, что ей делать. Чья-то воля, сильнее её собственной, побуждала её действовать. Когда часы пробили одиннадцать, она вышла из кабинета, где отец играл в шахматы с профессором, и неуверенным шагом направилась в библиотеку. Там в маленьком шкафу хранились ключи от капеллы и склепа.

Взяв оба ключа, Эриксо тихо прошла по коридору и скрытно спустилась в сад.

Холодный и сырой осенний ветер раздувал её легкий белый пеньюар. Она дрожала от холода и, тем не менее, почти бегом продолжала свой путь по обнаженным аллеям. Наконец, во мраке перед ней обрисовался готический силуэт склепа. После нескольких бесплодных попыток отворить дверь, Эриксо очутилась, наконец, в темной комнате над склепом. Дрожа как в лихорадке, она решительно прошла в угол, где, как ей было известно, всегда стояли свеча и спички.

Эриксо зажгла свечу, опустилась по лестнице и вошла в склеп. В нескольких шагах от двери стоял гроб Ричарда, покрытый одним сукном. Рядом с ним на столе, горел ночник, освещая закрытый крышкой кубок с вином и электрический аппарат, провода которого были соединены с комнатой профессора и который громким звонком должен был известить, если усопший, которого Бэр упорно продолжал считать

впавшим в летаргию, пошевелится. Тщетно утверждали все доктора, что барон умер – упрямый профессор им не верил.

Поставив свечу на стол, Эриксо откинула сукно и обнажила лицо Ричарда, слабо освещенное дрожащим светом ночника. Если не считать восковой бледности, покрывавшей лицо Ричарда, его можно было счесть за спящего. Эриксо не видела его с того рокового утра, когда он в последний раз обнял ее, отправляясь на прогулку, с которой ему не суждено было вернуться живым.

Горячие слезы брызнули из глаз молодой женщины. Склонившись к телу, она жадно всматривалась в неподвижные черты того, кого так горячо любила. Все чувства, волновавшие её за последнее время, исчезли, оставив по себе только одну глубокую привязанность к Ричарду. Теперь её душу наполняло лишь одно желание: вернуть его к жизни, разрушить ужасные чары, приковывавшие к этому склепу его – живого покойника. Что будет после, что будет с нею – об этом она даже и не думала. С решительным видом она подняла магическое оружие и вонзила его в грудь Ричарда.

– Оживи! Очнись, мой возлюбленный, и никогда больше не разлучайся со мной! – пробормотала она со сверкающим взором.

Что-то красное, дымящееся – кровь и не кровь – брызнуло из груди покойника и оросило руки молодой женщины. В ту же минуту Ричард поднялся, открыл глаза – и крик освобождения сорвался с его губ.

Эриксо почувствовала, что у неё кружится голова и зашаталась. Порыв удушливого аромата ударил ей в лицо и стеснил дыхание. Смертельная слабость овладела всем её сущест-

вом. Точно сквозь туман видела она, как Ричард протянул к ней руки, и слышала, как он вскричал:

– Эриксо! Дорогая моя!

С последним проблеском сознания она хотела броситься к нему, но чья-то железная рука обхватила её за талию. Ей казалось, что она низвергается в темную бездну – и она лишилась сознания.

Страшная боль и ощущение прикосновения раскаленного железа пробудило барона от летаргического сна. Он выпрямился, и его первый взгляд упал на Эриксо. Крик счастья, любви и признательности сорвался с его губ. Но в ту же минуту Ричард отшатнулся и глаза его с ужасом остановились на высокой фигуре Аменхотепа, который появился позади Эриксо и привлек её к себе. Вид врага тотчас же вернул Ричарду присутствие духа. пылая гневом и ревностью, он выскочил из гроба и хотел броситься на египтянина, но тот поднял руку – и Леербах замер, не будучи в состоянии шевельнуться.

– Неблагодарный! Ты отплатил за все мои благодеяния, похитив у меня единственную женщину, которую я любил, – с презрением сказал маг. – Я мог бы уничтожить тебя, но не хочу. Живи и наслаждайся своим презренным существованием, пока позволит тебе природа. Её ты уже никогда больше не увидишь!

С этими словами Аменхотеп поднял, как перышко, Эриксо, быстро повернулся и исчез во мраке склепа.

Ричард стоял недвижимо. Ему казалось, что он слышит скрип двери, а потом стук копыт лошади по аллее. Была ли это действительность или галлюцинации его возбужденных чувств – определить он не мог. Сделав нечеловеческое уси-

лие, он стряхнул свое оцепенение и, схватив зажженную свечу, принесенную Эриксо, бросился вон из склепа. Но все было пусто, и кругом царила мертвая тишина. Только порыв холодного ветра пронизал его и загасил свечу. Быстро, как только позволяла снова овладевшая им слабость, барон направился в замок. Едва он вошел в переднюю, как два лакея, собиравшиеся уже тушить лампы, пронзительно вскрикнули и сломя голову убежали, побросав, что держали в руках, а третий, которого Ричард встретил в коридоре, немедленно последовал их примеру.

Эти крики привлекли внимание графа и Бэра, игравших в шахматы. Удивленный шумом, граф встал узнать, что случилось, но в эту минуту открылась дверь, и расстроенный Ричард, бледный, как настоящий призрак, появился на пороге комнаты.

– Не бойтесь, это я! Я очнулся от летаргического сна, – слабо прошептал он.

Бэр и граф радостно поочередно сжимали его в своих объятиях, а затем стали расспрашивать о подробностях его неожиданного воскресения.

– Меня разбудила Эриксо. Каким образом – я не знаю. Но, друзья мои, я боюсь, что она навсегда потеряна для нас, – ответил Ричард прерывающимся от слез голосом, и рассказал происшедшее в склепе.

– Как! Этот преступный колдун вторично осмелился отнять у меня моего ребенка? – вне себя вскричал граф.

Затем, потрясая кулаками, он с яростью прибавил:

– Но я сумею силой заставить его возвратить мне дочь!

Бэр опустил голову. Отерев набежавшую слезу, он с грустью сказал:

– Как вы хотите отнять у Аменхотепа любимую им женщину? Как станете вы бороться с этим гигантом, который повелевает силами природы, в сравнении с которыми мы ничтожнее пигмеев? Мое сердце говорит, что мы никогда больше не увидим бедную Эриксо. Постараемся же, по крайней мере, сохранить то, что оставила нам судьба, – он указал на Ричарда, бессильно опустившегося в кресло. – В данную минуту ему нужны все наши заботы.

Ричарда отвели в комнату профессора, где Бэр занялся им. Профессор напоил барона теплым вином и осмотрел его, так как тот жаловался на сильную боль в груди. С ужасом увидел Бэр на груди барона знак треугольника с крестом вверх. Только таинственный символ был красный, а не черный, как на груди Теа.

Глава X.

Эриксо очнулась от своего забытья вся разбитая и с тяжелой головой. Наконец, она открыла глаза и с удивлением оглянулась кругом. Она лежала на кровати, обложенная подушками. Вместо ночной батиствой рубашки, отделанной кружевами, на ней была надета короткая, расшитая серебром туника; маленькие ножки ее, обутые в золоченые сандалии, были открыты, а на руках звенели тяжелые браслеты.

Что это значит? Где она?

Страхнув с себя оцепенение, она выпрямилась и боязливо стала осматриваться. Она находилась в большой комнате с

эмалированными колоннами. Комната эта была уставлена низкими диванами, обитыми пурпурной материей. Посредине был бассейн из лазурита, в котором бил фонтан. Благоухающие редкие цветы в эмалированных горшках причудливыми группами были расставлены по комнате. Громадная дверь, задрапированная дорогой тканью, выходила в широкую галерею с аркадой, откуда несколько белых мраморных ступеней вели в сад, густая и темная зелень которого виднелась сквозь аркаду. Полная луна заливала своим ярким и в то же время нежным, ласкающим светом волшебную картину, освещая кусты роз, орнаменты колонн и резные, точно кружевами украшенные арки.

Точно во сне Эриксо встала и пробормотала:

– О, как здесь прекрасно!

Она с наслаждением вдыхала аромат роз и лилий, и благоуханный, освежающий ветерок ласкал её смуглую щеку. Но вдруг она громко вскрикнула, схватилась обеими руками за голову и, дрожа всем телом, бессильно опустилась на мраморную скамейку; память вернулась, и она ясно осознала предстоящее ей отныне несчастное существование. Эриксо даже не бросила взгляда на волшебное великолепие окружавшее ее. Что ей за дело до этих кустов роз, скрывающих стену, и до царской роскоши этого пустынного дворца, где она погребена навсегда! Она жаждала свободы, жаждала деятельной жизни, к которой привыкла, жизни с любимым человеком, среди живого реального мира, а предстоявшая ей однообразная и бесконечная жизнь показалась такой ужасной казнью, что с уст её сорвался крик безумного отчаяния. Прижавшись пылающей головой к холодному мрамору, она закрыла глаза.

Буря, бушевавшая в душе, до такой степени поглотила ее, что она не видела, как в конце галереи появилась высокая и

стройная фигура Аменхотепа, и не слышала, как он подошел к ней. Только когда он опустился на колени у мраморной скамьи и страстно обнял ее, она вздрогнула, открыла глаза и с умилением и ужасом смотрела на него. Эриксо дрожала, видя у ног своих того, кого она знала как повелителя; ей было страшно слышать, как эти суровые уста, привыкшие повелевать стихиями, вымаливают у неё теперь хоть каплю любви.

Лихорадочный румянец, пылавший на всегда бледном лице мага, его отрывистое дыхание, страстный взор, новые и чуждые речи, произносимые дрожащими губами – все доказывало, что душа, так долго сдерживаемая в своих порывах работой и знанием, проснулась, наконец, от своего векового сна и с отчаянием взывала: *Homo sum!* (1) Я тоже подвержен всем человеческим слабостям!

Какой ужасный и непостижимый закон разбил этого мудреца, казалось, победившего все? Что низвело этого гиганта власти и могущества до роли просителя? Что пробудило в этой строптивой душе жажду пользоваться своими человеческими правами, которые он всегда отвергал?

– Полюби меня, Эриксо! Дай мне частицу того счастья, каким наслаждается каждое создание, и за этот час любви, блаженства и забвения я дам тебе все, что ты ни спросишь у меня.

– Все? – пробормотала Эриксо, и в ней шевельнулось было чувство жалости и участия к этому необыкновенному человеку, так странно побежденному судьбой, но эти чувства быстро сменились ненавистью и горечью, наполнявшими её душу.

– Все? – повторила она, и белый огонек вспыхнул в её глазах. – Ты мне дашь все, чего бы я ни попросила у тебя?

¹ *Homo sum* – я человек (лат.).

Видя, что Аменхотеп побледнел и смешался, она прибавила:

– Не бойся! Я не стану просить, чтобы ты вернул меня к нему.

– В таком случае, возлюбленная моя, я дам тебе все, что только в пределах моей власти. Располагай мною! Мое знание, как и моя любовь, у ног твоих.

– Дай мне в этом клятву мага, и я забуду прошлое и будущее! Я буду думать только о добре, которое ты мне сделал, буду любить тебя и дам тебе часы счастья, которые ты просишь у меня.

Аменхотеп выпрямился. Глаза его сверкнули, а голос твердо звучал, когда он поднял руку и произнес:

– Клянусь моей звездой мага исполнить всё, что ты ни попросишь у меня! – и над челом его брызнуло ослепительное пламя – свидетель его клятвы.

Эриксо с криком радости бросилась в его объятия, обвила его шею руками и горячо поцеловала в губы.

Опьяненный и ослепленный страстью, он не заметил жесткой улыбки, скользнувшей на её устах.

Счастливый, словно переродившийся Аменхотеп сел на скамейку рядом с Эриксо и стал говорить ей о своей любви, о вынесенных им муках ревности и о будущем их, полном счастья, о котором он мечтал.

И она с удивлением рассматривала его. Он, казалось, помолодел и похорошел; суровая строгость черт сменилась радостным беззаботным и нежным выражением. Он стряхнул со своих плеч бремя векового труда, изысканий и побед над природой и собой, чтобы снова сделаться человеком, каким был, пока не переступил рокового порога пирамиды.

– Идем! Отпразднуем наш союз! – радостно вскричал Аменхотеп, увлекая Эриксо в соседнюю большую комнату.

Там был уже приготовлен роскошно накрытый стол на два прибора. Она не могла прийти в себя от изумления, когда увидела, что не пивший ничего аскет, живший только горстью риса, овощами и стаканом молока, осушал кубок за кубком вино, огненным потоком разливавшееся по его жилам, где до сего дня текла лишь такая же подчиненная воле влага, как и он сам. Ужели это тот самый неугомонный труженик, ежедневный отдых которого состоял исключительно из двух освежающих ванн, убивает теперь свое драгоценное время за пиром и любовным увлечением.

Снова чувство участия и жалости шевельнулось в сердце Эриксо, но снова горечь и жажда мщения взяли верх. С ума она что ли сошла, когда жалеет его – никогда не жалевшего ее, отнявшего её юную жизнь и никогда прежде не удостаивавшего её любви, и теперь, когда она любит другого и принадлежит ему, навязывающего себя ей?

Что за жизнь в стенах этой темницы? Не для Аменхотепа же хотела она жить и быть красивой!

Нет! Она заставит его жестоко расплатиться за эти часы любви, которые он вырвал у нее. И чем скорей пробьет час её мщения, тем лучше!

Когда Аменхотеп встал из-за стола, Эриксо тоже с улыбкой поднялась и дала увлечь себя в брачную комнату. Тяжелая портьера опустилась за ними...

Восходящее солнце заливало пурпуром горизонт, превращая в миллионы бриллиантов капли росы, дрожавшие на цветах и зелени, когда на террасу вышли Аменхотеп и Эриксо. Она бы-

ла бела, как её туника; он – сиял счастьем. С минуту они молчали; затем маг спросил с веселой и беззаботной улыбкой:

– Что же, возлюбленная моя, ты не спрашиваешь платы за блаженство, которым ты одарила меня? Что должен я сделать? Что придумало твое маленькое сердечко? Что желаешь ты, чтобы я дал тебе?

Эриксо вздрогнула и обернулась, смерив его мрачным взглядом.

– Что хочу я, чтобы ты мне дал?.. Смерть! – ответила она, отчеканивая каждое слово.

Пораженный Аменхотеп зашатался и отступил назад. Дыхание захватило, и холодный пот выступил у него на лбу.

– Смерть? – повторил он. – Что ты требуешь, безумная? Знаешь ли ты, что такое смерть?

– Да, знаю, – ответила Эриксо, и лихорадочный румянец залил её лицо. – Смерть – разрушение этой материи, которую я влачу целые века, не видя радости и не живя настоящей человеческой жизнью. Смерть – это возвращение в вечное пространство, где ты, тиран жестокий, не подчинишь меня себе больше, так как власть твоя кончается на краю могилы. Торопись же возвратить мне свободу! Или ты осмелишься изменить своему слову мага, презренный?

Аменхотеп молчал и закрыл лицо руками. Тяжелое, хриплое и отрывистое дыхание, высоко вздымавшаяся грудь доказывали, какая буря бушевала в его душе. Прошло несколько минут, показавшихся Эриксо целой вечностью. Затем он выпрямился. Аменхотеп был смертельно бледен, и затуманенный взор его как бы угас.

– Только женщина могла придумать такое мщение и принести в жертву ненависти драгоценнейшее благо человека, – сказал он глухим голосом. – Но если жизнь со мной для тебя хуже смерти, я возвращаю тебе свободу. Ступай, вернись к супругу, который тебе так дорог и... будь счастлива! Тюремщик не станет вмешиваться больше в твою жизнь, а издали будет благословлять тебя за ту минуту счастья, которой ты его одарила.

Эриксо вздрогнула и онемела от удивления. Она взглянула на расстроенное и как бы постаревшее лицо Аменхотепа. Она мгновенно взвесила и оценила неожиданно предложенный ей дар – и вдруг жизнь показалась ей невыразимо пустой и бесцельной, а будущее, с его неизбежной утратой всего, что ей было дорого, – какой-то мрачной бездной, полной слез и страданий. Пред ней восстала старость, с её морщинистым лицом, седыми волосами и согбенной спиной – и она, которая всегда была молода и красива, пришла от этого в ужас.

Нет! Умереть она хотела во всем обаянии своей красоты; хотела быть оплаканной этим самым Аменхотепом и вечно, как радостное видение, жить в воспоминании Ричарда.

– Нет, – сказала она, задумчиво качая головой, – дай мне смерть! Я устала, жажду покоя и хочу взмахнуть, наконец, своими духовными крыльями, чтобы улететь в пространство. Ужели ты, Аменхотеп, проникший в неведомый мир, станешь отговаривать меня вернуться туда?

Хриплый вздох вырвался из груди мага. Не отвечая ни слова, он повернулся и тихо направился в лабораторию, где бес- сильно опустился в кресло у стола.

С минуту он размышлял, опершись головой на руку. Сердце его было разбито полученным ударом, но могучий, дисципли-

нированный дух, мало-помалу приобретал обычную над собой власть.

– В чем грешен – тем и наказан! Сказание об Ахиллесовой пяте вечно справедливо, – пробормотал он. – Я позволил беспорядочной страсти овладеть моим разумом и, ослепнув, не заметил, как в уме этой женщины зародилась дьявольская мысль. Но теперь уже поздно: я должен сдержать данное мною слово.

Он пододвинул к себе кубок, налил его до половины вином и прибавил несколько капель какой-то бесцветной жидкости. Затем медленно вернулся на террасу. Когда он проходил через комнату, где вчера ещё был так счастлив, кубок казался ему тяжелым, как скала.

Эриксо ждала его, прислонившись к колонне. Она задумчиво смотрела на восход солнца, закат которого ей не суждено уже было увидеть. Услышав шаги Аменхотепа, она обернулась. Маг принял свой обычный суровый и гордый вид. Глубокая складка прорезала его бледный лоб, а взгляд стал по-прежнему блестящ и непроницаем. Рука его дрожала, когда он подавал Эриксо кубок и глухо сказал:

– Возьми! Это даст тебе смерть, которую ты требуешь, как плату за твою любовь. Тебе заплачено!

Она с удивлением посмотрела на него. Затем медленно протянула руку и взяла кубок. С минуту взгляд её задумчиво блуждал по окружавшей её волшебной картине и остановился на Аменхотепе, который, прислонясь к колонне, мрачно смотрел на нее. Она быстро поднесла кубок к губам и залпом осушила его.

Ледяная дрожь пробежала по всему телу, и она выпрямилась во весь рост, глаза широко раскрылись и по щекам раз-

лился лихорадочный румянец. Лучи солнца играли на её распущенных золотистых волосах и на серебряной вышивке туники, заливая всю её золотистым светом. Никогда ещё она не была так чудно прекрасна, как в эту минуту. Вдруг она поблекла, лицо приняло сероватый оттенок, и она опустилась на каменные плиты. Минуту спустя Эриксо представляла собой словно бесцветную статую.

Аменхотеп наклонился к ней и дунул: поднялся столб серой пыли, и утренний ветер разнес его.

– Душа, обитавшая в этой тленной оболочке, где ты? – проормотал маг, взяв горсть праха, который представляло тело Эриксо.

Убитый горем, он застонал и опустился на каменные плиты.

Сколько времени пробыл он в таком оцепенении, полном отчаяния, он и сам не мог бы сказать. Очнуться заставило его прикосновение руки и чей-то голос, удивленно спрашивавший:

– Кто ты, старик? Как осмелился ты проникнуть сюда?

Аменхотеп выпрямился и узнал одного из своих учеников, Виасхагану. Но отчего тот не узнал его? Аменхотеп машинально встал и дал отвести себя к воротам сада. Но едва ученик исчез в тени деревьев, как Аменхотеп стряхнул с себя оцепенение, сковывавшее уста его, быстрыми шагами вернулся во дворец и заперся в своей лаборатории.

Он остановился в задумчивости и сжал голову руками. Затем, решительным жестом откинул завесу и взглянул на себя в большое зеркало.

Кто ты? – мог он тоже повторить слова Виасхаганы, увидав сгорбленного, морщинистого и седого старца – отталкивающий образ изношенного и разрушенного временем организма.

– Что я наделал? – вскричал он, бессильно падая в кресло и дрожащими руками закрывая лицо.

Аменхотеп – мудрец, аскет, душа которого жила только в чистых сферах труда и знания – противился влиянию времени, но когда душой этой овладели плотские влечения, достаточно было нескольких часов счастья и любви, разочарования и горя, словом, сильных ощущений человеческой жизни, чтобы разрушить вековой оплот – и непреклонный космический закон отомстил за себя.

Аменхотеп отдался страсти, коснулся женщины, принадлежавшей мирскому человеку – и грубые и материальные токи, которыми последний пропитал Эриксо, как яд отравили чистый, девственно нетронутый и гармоничный организм мага, и в одну ночь превратили его в старика.

Конечно, он мог жить, мог знанием ещё поддерживать в своем изношенном теле огонь жизни, но не мог он уже снова сделаться молодым, как не мог стереть с лица морщины и членам своим придать гибкость и силу молодости, словом, он не мог уничтожить следил своего соприкосновения с обыденной жизнью. Усталым шагом побрел Аменхотеп к широко-открытому окну, сел в кресло и, облокотясь на подоконник, погрузился в мрачные думы.

Что он сделал? К чему послужило ему изучение законов существования? Чтобы попасть в западню, какая простительна только невежде?

Какой-нибудь прожигатель жизни сам становится своим палачом с той минуты, когда, вкусив наслаждения, он жаждет

наслаждаться вечно; не будучи в состоянии положить узду на свои желания.

А он, Аменхотеп, мудрец и маг, в течение веков сохранял эту женщину, обладания которой жаждал, как скупой и стерегущий свое золото, сберегая её для минуты наслаждения, которую сам себе назначил, но судьба жестоко насмеялась над ним. Все случилось иначе и час наслаждения, приобретенный такой ценой, стоил ему чересчур дорого. Что он будет теперь делать? Приняться снова за работу, изучать бесконечные тайны природы и в течение новых веков избегать смерти? Страшное отвращение овладело им при этой мысли. Что, в самом деле, дала ему его долгая жизнь и все приобретенные им сокровища знания? Удовлетворен он, близок к цели? Нет! После длинного пройденного им жизненного пути перед ним все тянется вверх лестница, бесконечная, как и Высшее Существо, к которому стремится человек в своем медленном восхождении.

Аменхотеп поднял свой утомленный взгляд к небу. Настала ночь; темная лазурь, как бриллиантами, сверкала миллиардами звезд. Задумчивым и печальным взором смотрел он на эту царскую мантию Предвечного. Проникая в тайны, с вечно ненасытной жаждой знания, стремясь к далекой цели, всюду работали, боролись и страдали человеческие души. Когда же истощенные, спотыкаясь и обливаясь потом, они, по-видимому, готовы были уже схватить ярко пылающий факел абсолютного знания – последний словно отодвигался в непроглядный мрак и снова манил к себе.

– Где же ты, конец пути? – пробормотал Аменхотеп.

Голова его тяжело опустилась на грудь. Смертельная усталость и непобедимая жажда покоя и забвения овладели им.

– Я хочу умереть. Может быть, в невидимом мире я найду новые силы для работы, и ко мне снова вернутся мужество и энергия, которых мне недостает теперь, – сказал он, вставая. – Только умереть хочу я у своей пирамиды, в пустыне. Пусть никто не знает, что я пал; пусть никому не будет ведомо, куда я исчез! «Они», которые пока далеки от такого поражения, только бы плечами стали пожимать, – прибавил он – и пламя вспыхнуло в его глазах.

Аменхотеп завернулся в темный плащ, взял свой дорожный посох и, выйдя из дворца, исчез в ночной темноте. Путь не представлял таких опасностей, какие грозили простым смертным. Он повелевал бурями, а волны, по которым он ходил, как по твердой земле, носили на себе легкое тело мага, едва смачивая его сандалии и низ плаща.

Так, никем не замеченный, Аменхотеп достиг пирамиды, в которой провел целые века. В своей рабочей комнате он сел в кресло и долго осматривал любимые и хорошо знакомые предметы.

– Прощайте, немые свидетели моих трудов, и ты, мирное убежище, где я забывал время! Из твоих стен унесу я драгоценнейшее из моих могуществ: добровольно порвать узы, связывающие меня с телом. Маг может умереть, когда пожелает... – пробормотал он, и гордая улыбка сознания своей силы осветила его лицо.

Аменхотеп прошел в смежную комнату, принял там ванну и надел тонкую, белоснежную полотняную тунику. К груди он прикрепил золотой нагрудник, посередине которого ослепительным светом сияла пятиконечная звезда – символ всех отраслей приобретенного им знания. Затем он достал из шкатулки венки из чудных цветов, свежих, будто они только

что были сорваны, и возложил его себе на голову. Захватив ещё с собой магический жезл, он направился к выходу.

Была ещё ночь, когда Аменхотеп вышел из пирамиды. Вокруг расстилалась пустыня, погруженная во мрак и тишину. Ни малейшего шума, ни малейшего голоса не было слышно. Ничто не смущало глубокой и торжественной тишины, словно природа и животные понимали, что великий труженик удаляется на покой, и чтили эту тайну.

Аменхотеп прошел с сотню шагов, остановился и обернулся лицом к пирамиде. На минуту он сосредоточился и под напряжением его могучей воли, победившей и повелевавшей стихиями, – к нему, казалось, вернулись сила и вид молодости. Высокий стан выпрямился, морщины исчезли, а в глазах блеснул огонь. В последний раз плоть склонялась и повиновалась, как мягкий воск, своему могучему двигателю – воле.

Подняв обе руки вверх, Аменхотеп мерно запел песнь, творя заклинания на незнакомом языке. Через минуту блеснул зеленоватый свет.

Свет этот стал расти, принял пурпурный оттенок и широким ореолом окружил мага. Со всех сторон слышался треск и свист бури. Затем отовсюду, словно из земли и из воздуха, стали появляться странные существа. Одни были с крыльями, другие пресмыкались; невозможно описать разнообразие их форм, цвета и вида. Они явились как туча и толпой окружили мага, преклоняясь перед ним.

Тогда раздался звучный и вибрирующий голос Аменхотепа.

– Первичные духи, верные слуги мои, исполнители моей воли! Выходите из земли и воздуха, воды и огня! Я созываю вас, чтобы снять с вас клятву, мне данную. Рассейтесь свободны-

ми к северу, югу, востоку и западу, а не то – идите служить иному господину!

Пронзительные и раздирающие душу крики слышались в ответ. Воздушные массы дрогнули, заволновались и нерешительно двинулись к нему, словно хотели на него броситься, но Аменхотеп поднял руку, вооруженную магическим жезлом, и громко вскричал:

– Назад, первичные духи! Дайте дорогу магу!

Низшие существа отступили и исчезли во мраке.

Зеленый свет угас и его сменил луч нежного, золотистого света. Аменхотеп стал на одно колено и сломал об него свой магический жезл.

Легкому треску сломанного жезла вторил отдаленный раскат грома. Яркая молния прорезала черное небо, точно заревом пожара осветив пустыню и старую пирамиду. На пурпурном фоне внезапно вырисовалась гигантская, воздушная мужская фигура, закутанная в ослепительно сверкающий белый плащ. Семь блестящих духов окружали его. Аменхотеп пал на колени и на лице его отразилось неземное счастье. Протянув руки к сияющему видению, он пробормотал:

– Гермес! Учитель мой и покровитель! Ты соизволил явиться в этот великий час твоему недостойному ученику.

Улыбка бесконечного милосердия осветила лицо великого Просветителя Египта; он склонился к Аменхотепу и, коснувшись рукой чела его, сказал:

– Ты бодро работал, ученик мой. Вернись же в невидимый мир, чтобы сбросить с себя последние человеческие слабости.

Ослепительный свет брызнул из прозрачной руки Гермеса, испепелив плотское тело мага. Душа Аменхотепа вознеслась в пространство, следуя за своим великим просветителем. Вереница духов на минуту блеснула в эфире; затем все словно растаяло в сероватом сумраке, возвещавшем рассвет.

Прошло три дня с тех пор, как проснулся Ричард и исчезла Эриксо. Физически барон был здоров, но странная и ужасная драма, которую им пришлось пережить, свинцовой тучей легла на душу всех троих, и это состояние тяжело отзывалось на всех обитателях замка.

Настала ночь. Терзаемые горем и страхом, молча, собрались граф, барон и профессор в библиотеку. Лампа под темным абажуром слабо освещала бледные и убитые их лица. Все думали об Эриксо. Что мог сделать с ней её таинственный и ужасный похититель?

Вдруг несколько отрывистых сухих ударов в стену и потолок заставили их вздрогнуть. В ту же минуту порыв холодного ветра, ворвавшегося, будто в открытое окно, пронесся по комнате и загасил лампу.

Присутствующие сидели как парализованные. Они чувствовали близость чего-то таинственного, и ледяная дрожь пробежала по их телу.

– Смотрите на стол! – сдавленным голосом шепнул Ричард.

Глаза всех обратились к большому круглому столу, заваленному книгами и бумагами.

Над столом вращался белоснежный, с синеватым отливом, как бы сделанный из ваты шар. Вращение сопровождалось потоком искр, исходявших из шара с потрескиванием точно из Лейденской банки. Вдруг все угасло. Слышалось шурша-

ние бумаги, падение на стол какого-то предмета. Чуть дыша, все оставались на своих местах. Ричард первый пришел в себя, бросился к столу и увидел лежавшую на нем пачку бумаг.

Он бегом вернулся к лампе и наклонился к рукописи, почерк которой был ему знаком.

– Это сообщение Альмерис! – радостно вскричал он.

Нежный, как жалоба эоловой арфы, звук нарушил молчание, воцарившееся после слов Ричарда. Среди комнаты появилась прозрачная тень, имевшая вид живой женщины, одетой в белые одежды и окруженной, как плащом, длинными золотистыми волосами.

– Я свободна! До свидания в нашем общем отечестве! – прозвучал слабый и глухой голос.

Видение улыбнулось и сделало рукой прощальный знак. Затем, тихо колеблясь, поднялось и, казалось, расплылось в воздухе.

Несколько часов спустя, когда все немного успокоились, Ричард взял связку бумаг и прерывавшимся голосом прочел подробный рассказ о смерти Эриксо и о последней сцене между ней и Аменхотепом, которые мы уже поведали читателю.

Прошло полтора года со времени описанных нами событий. Мы находим Ричарда и профессора в замке Леербрах, куда барон удалился после смерти тестя, последовавшей от апоплексического удара. Оба они сидели перед большим бюро, на котором стоял сфинкс, а по бокам его портреты Альмерис и Эриксо.

Барон сильно постарел. Серебряные нити пестрили его черные волосы, а на лице лежал отпечаток глубокой и мрачной грусти. Очевидно, необыкновенное приключение, героем ко-

того он был, оставило глубокие следы, как в его душе, так и на его теле.

В эту минуту он задумчиво перелистывал большой том в роскошном переплете, на котором золотыми буквами было напечатано: «Тайны пирамиды в Гизе».

– А все-таки, Ричард, я думаю, что мы глупо поступили, напечатав наши приключения: никто нам не поверит, – заметил профессор.

– Все равно! Ведь уже в стольких вещах сомневались, которые впоследствии оказывались истинами! – с улыбкой ответил барон. – Ведь и Галилею не верили. Я следую его примеру и говорю – «Epur si muove!» (2).

oo o oo

² Epur si muove! – «а всё-таки она вертится!», слова, приписываемые Галилею, после его отречения перед инквизицией от учения Коперника о движении Земли вокруг Солнца.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Вера Ивановна Крыжановская.....	1
ДВА СФИНКСА.....	1
Часть I. ЛЮБОВЬ ПРИНЦЕССЫ.....	2
Глава I.....	2
Глава II.....	20
Часть II. ТАЙНА ЕГИПТА.....	48
Глава I.....	48
Глава II.....	64
Глава III.....	95
Глава IV.....	113
Глава V.....	132
Глава VI.....	152
Глава VII.....	182
Часть III. КЛЯТВА МАГА.....	218
Глава I.....	218
Глава II.....	236
Глава III.....	258
Глава IV.....	274
Глава V.....	297
Глава VI.....	315
Глава VII.....	331
Глава VIII.....	359
Глава IX.....	381
ОГЛАВЛЕНИЕ:.....	421

о о о